

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2026. Том 51 , № 1

НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2026. Том 51, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук (НИУ «БелГУ»)

Егоров Н.С., кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)

Чуева И.А., кандидат юридических наук (НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философских наук, профессор (г. Белград, Сербия)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (г. Белгород, Россия)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Максименко А.А., доктор социологических наук (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (г. Тула, Россия)

Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Воронеж, Россия)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Тощенко Ж.Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитурa Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 29,4. Дата выхода 30.03.2026. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 5 Вязинкин А.Ю. Диалектика индивидуального и коллективного в народнической философии солидарности

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 13 Резванов С.В. Объективный фетишизм как источник технократизма и иллюзия исключительности искусственного интеллекта
24 Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В. Генеративный ИИ и научные публикации: смерть и торжество автора

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 35 Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Начкебия М.С. Регламентация образовательного пространства провинциального вуза в интерпретации его основных акторов
48 Реутов Е.В., Репей А.О. Проблемы и перспективы демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья
59 Чумура Л.Д. Мотивация студентов Нови-Сада (Сербия) к волонтерской деятельности

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 69 Антонченко В.В. Дуализм традиционных духовно-нравственных ценностей
83 Москаленко С.Г., Меженская Г.В. Значение Нюрнбергского процесса для развития международного права и становления международного правосудия
93 Пряхин А.И. Теоретические базисы военно-патриотического воспитания: экстраполяция советского опыта на современную реальность

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 102 Догадайло Е.Ю., Чепунов О.И. Функциональная роль российских конституционных ценностей как основа их системности
110 Евтушенко В.И., Курилова Н.В. Аспекты правового регулирования статуса несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в России
119 Логвинец Е.А., Каторгина Н.П., Судникова Н.Ю. Исследование материалов дела в ходе судебного разбирательства
129 Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В. Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика
138 Яковлев В.И., Шалайкин Р.Н. О перспективах цифровизации гражданского процесса в Российской Федерации

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 148 Воденко К.В., Баклыкова И.Р. Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика
158 Пустоварова А.О. Онтология образования в постметафизическую эпоху: коммуникативный подход
168 Посохова Я.В., Борисов С.Н., Римский В.П. Трансформация образов человека в философии Джорджо Агамбена
174 Тихонова И.Ю. Специфика формирования субъекта в сетевом дискурсе

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 184 Кондратьев А.Я., Звонок Н.С. Антропология праведности в китайской мифологии

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 192 Бакшутова Е.В. Письма отцов и детей как опыт связи поколений в российской культурной традиции
203 Горбачев С.В., Егоров Н.С. Парадокс авторской смерти: постмортальное бытие автора
209 Лу Юань, Ху Лина. Русская вокальная школа: к определению понятия
215 Сацукевич А.И. Переход к абстракционизму: Кандинский в контексте русского искусства начала XX века
224 Шаткин М.А. Феноменология объекта в дизайн-мышлении

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 234 Ткаченко С.А. Конфессиональное телевидение в современном медиaprостранстве Русской Православной Церкви
239 Черепанина Н.Н. Роль брачных отношений в религиозной практике и духовной жизни верующих
247 Чуева Ю.А., Мотовникова Е.Н. От свободы к любви: герменевтика послания к Галатам в трудах Н.Н. Глубоковского

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

- 253 Римский В.П. Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2018 год

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 273 Беляев Д.А., Кошман Н.А. История искусственного интеллекта: нарратив на пересечении техники и философской рефлексии (рецензия на книгу: Masayuki Ida. A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology. Springer, 2024. 333 p.)
278 Толстикова Е.В. Собирая досье (рецензия на книгу: Подорога В. Кинематограф. Сновидение. Психоанализ. Москва : Des Esseintes Press, 2025. 336 с.)

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2026. Volume 51, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research)

Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy
(Belgorod State National Research University)

Executive Secretary

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology
(Belgorod State National Research University)

Egorov, N.S., Candidate of Philosophical Sciences,
(Belgorod State National Research University)

Chueva, I.A., Candidate of Law Sciences
(Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)

Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade, Serbia)

Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)

Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member
of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Rostov-on-Don, Russia)

Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor
(Republic of Uzbekistan)

Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)

Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod, Russia)

Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)

Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)

Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)

Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State
University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)

Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics,
Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)

Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)

Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)

Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of
Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia
(Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС77-77840 of 31.01.2020. Publication frequency: 4/year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. 29.4 publishing sheets. Date of publishing 30.03.2026. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 5 Viazinkin A.Yu. Dialectics of the Individual and the Collective in the Populist Philosophy of Solidarity

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 13 Rezvanov S.V. Objective Fetishism as a Source of Technocracy and the Illusion of the Exceptionalism of Artificial Intelligence
24 Tikhomirova E.G., Dushkin R.V. Generative Artificial Intelligence and Scientific Publications: The Death and Triumph of the Author

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 35 Babintsev V.P., Serkina Ya.I., Nachkebiya M.S. Regulation of the Educational Space of a Provincial University as Interpreted by Its Main Actors
48 Reutov E.V., Repey A.O. Problems and Prospects of Demographic Reproduction in the Subjects of the Central Black Earth Region
59 Ćumura L.D. Motivation of Students from Novi Sad (Serbia) for Volunteering

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 69 Antonchenko V.V. Dualism of Traditional Spiritual and Moral Values
83 Moskalenko S.G., Mezhenskaya G.V. The Significance of the Nuremberg Trials for the Development of International Law and the Establishment of International Justice
93 Priakhin A.I. Theoretical Foundations of Military-Patriotic Education: Extrapolation of the Soviet Experience to Modern Reality

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 102 Dogadaylo E.Y., Chepunov O.I. The Functional Role of Russian Constitutional Values as the Basis of Their Systemicity
110 Evtushenko V.I., Kurilova N.V. Aspects of Legal Regulation of the Status of Minor Foreign Citizens and Stateless Persons Staying in Russia
119 Logvinets E.A., Katorgina N.P., Sudnikova N.Yu. Examination of Case Materials During Trial Proceedings
129 Rimsky A.V., Dizer O.A., Kuznetsov A.V. Problems of Legal Regulation of Countering the Spread of Extremist Materials in Information and Telecommunication Networks: Theoretical Aspect and Law Enforcement Practice
138 Yakovlev V.E., Shalaykin R.N. On the Prospects of Digitalization of the Civil Procedure in the Russian Federation

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 148 Vodenko K.V., Baklykova I.R. Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics
158 Pustovarova A.O. Ontology of Education in the Post-Metaphysical Era: A Communicative Approach
168 Posokhova Ya.V., Borisov S.N., Rimskiy V.P. The Transformation of Human Images in Giorgio Agamben's Philosophy
174 Tikhonova I.Yu. Specificity of the Subject Formation in Network Discourse

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 184 Kondratyev A.Ya., Zvonok N.S. The Anthropology of Righteousness in Chinese Mythology

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 192 Bakshutova E.V. Father-Child Correspondence as an Experience of Connection between Generations in the Russian Cultural Tradition
203 Gorbachev S.V., Egorov N.S. The Paradox of the Author's Death: The Author's Postmortem Existence
209 Lu Yuan, Hu Lina. Russian Vocal School: Towards the Definition of the Concept
215 Satsukevich A.I. The Transition to Abstractionism: Kandinsky in the Context of Early Twentieth-Century Russian Art
224 Shatkin M.A. Phenomenology of the Object in Design Thinking

THESIS

- 234 Tkachenko S.A. Confessional Television in the Modern Media Space of the Russian Orthodox Church
239 Cherepanina N.N. The Role of Marriage in Religious Practice and the Spiritual Life of Believers
247 Chueva Yu.A., Motovnikova E.N. From Freedom to Love: Hermeneutics of the Epistle to the Galatians in the Works by N.N. Glubokovsky

ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

- 253 Rimsky V.P. Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The year 2018

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 273 Belyaev D.A., Koshman N.A. The History of Artificial Intelligence: A Narrative at the Intersection of Technology and Philosophical Reflection (Review of the Book: Masayuki Ida. A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology. Springer, 2024. 333 p.)
278 Tolstikova E.V. Collecting a Dossier (Review of Book: Podorogi V. Cinema. A dream. Psychoanalysis. Moscow : Des Esseintes Press, 2025. 336 p.)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1(091)

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-5-12

EDN ADTLMP

Диалектика индивидуального и коллективного в народнической философии солидарности

Вязинкин А.Ю.

Тамбовский государственный технический университет
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

vyazinkin@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и анализе философского содержания индивидуалистических и коллективистских тезисов в народнических концепциях социальной солидарности. Диалектика индивидуального и коллективного в целом характерна для социально-философских исканий русских мыслителей XIX столетия, занятых проблемами освобождения человека и установления социальной справедливости. В народническом дискурсе феномен солидарности определялся через различные понятия – «взаимная помощь», «всеобщая солидарность», «простая кооперация» и т. д. В тех концепциях народников, для которых характерен ярко выраженный «социологический индивидуализм», несмотря на признание общества как абстракта, а личности как объективной реальности, утверждалось, что при организации справедливого общежития интересы личности и интересы общества будут совпадать. В коллективистских концепциях идея личных интересов, сохраняя свою автономную значимость, отходила на второй план. Именно коллективистская повестка в философии солидарности не позволила народникам теоретически разработать непротиворечивую концепцию суверенитета личности.

Ключевые слова: русское народничество, история философии, суверенитет личности, диалектика индивидуального и коллективного, индивидуализм, коллективизм

Для цитирования: Вязинкин А.Ю. 2026. Диалектика индивидуального и коллективного в народнической философии солидарности. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 5–12. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-5-12 EDN: ADTLMP

Dialectics of the Individual and the Collective in the Populist Philosophy of Solidarity

Aleksei Yu. Viazinkin

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation

vyazinkin@yandex.ru

Abstract. The main purpose of the study is to identify and analyze the philosophical content of individualistic and collectivist theses in populist concepts of social solidarity. The dialectic of the individual and the collective is generally characteristic of the socio-philosophical searches of Russian

thinkers of the 19th century, who were engaged in the problems of human liberation and the establishment of social justice. In populist discourse, the phenomenon of solidarity was defined through various concepts – “mutual assistance”, “universal solidarity”, “simple cooperation”, etc. In those concepts of the populists, which are characterized by a clearly expressed “sociological individualism”, despite the recognition of society as an abstraction and the individual as an objective reality, it was nevertheless asserted that in organizing a just community, the interests of the individual and the interests of society would coincide. In collectivist concepts, the idea of personal interests did not dissolve in the interests of the collective, but, while retaining its autonomous significance, it faded into the background. It was precisely the collectivist agenda in the philosophy of solidarity that prevented the populists from theoretically developing a consistent concept of the sovereignty of the individual.

Keywords: Russian Narodnichestvo, history of philosophy, personal sovereignty, dialectic of the individual and the collective, individualism, collectivism

For citation: Viazinkin A.Yu. 2026. Dialectics of the Individual and the Collective in the Populist Philosophy of Solidarity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law*, 51(1): 5–12 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-5-12 EDN: ADTLMP

Введение

В современном российском обществе очевидна востребованность обращения к интеллектуальному опыту отечественных теоретиков социальной солидарности, активной культурной работы. Идейное наследие теоретиков русского народничества рассматривается нами как интеллектуальный ресурс, актуальный в контексте проблемы укрепления социальной солидарности в обществе. Анализ заявленной проблемы позволяет установить интеллектуальные предпосылки народнической философии свободы и предполагает уточнение идейного содержания общественного идеала социальной солидарности в философии русского народничества.

Наша исследовательская задача состоит в том, чтобы рассмотреть народническую философию солидарности в проблемном поле диалектики индивидуального и коллективного. С одной стороны, в основе идеологии народничества лежит идея освобождения человека, даже явно персоналистическая проблематика (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский), с отчетливым тяготением к социологическому индивидуализму и номинализму. С другой, народническая идеология утверждает значимость коллективных действий и рассматривает общественное благо (установление справедливого общежития) как одну из наиболее значимых ценностей, что предполагает установку на методологический коллективизм). Стремление сбалансировать две эти тенденции составляет сердцевину социальной философии русского народничества. Вслед за А. Вукиничем мы рассматриваем эту одну из центральных проблем в народнической мысли в контексте диалектической динамики индивидуализма и принципа солидарности [Vucinich, 1976].

Философия социальной солидарности

Народническая мысль, следуя философским положениям позитивизма, поставила перед собой задачу создать универсальную общественную науку, которая позволила бы определить единый принцип, управляющий всеми сторонами человеческой деятельности. В контексте центральной темы социальной философии народничества – проблемы общественного идеала – этот принцип трактовался как социальная солидарность. При этом в народническом дискурсе этот принцип мог обнаруживаться в следующих понятийных вариациях: «взаимопомощь» (П. А. Кропоткин), «гуманность» (В. В. Берви-Флеровский), «солидарность» (П. Л. Лавров, Н. В. Шелгунов), «всеобщая солидарность» (М. А. Бакунин) и т. д. [Малинин, 1972, с. 102]. «Социализмом» народники называли

такую организацию общества, где безраздельно господствует принцип солидарности (в хозяйственном и политическом смыслах).

Берви-Флеровский отмечал, что солидарность изначально присуща человеческому обществу и связана с организацией труда. Солидарность является физиологической потребностью, но параллельно с ней развивается социальная потребность повинения. Последняя порождает феномен доминирования, который разрушает практики солидарности. Однако, по мнению теоретика, невозможно вытравить из человеческой натуры стремление «создавать общественный порядок, где сильные работали бы на слабых, где господствует солидарность, всякий трудится по мере своих сил и получает по мере своих потребностей» [Берви-Флеровский, 1959, с. 426].

В основе солидарных отношений, по мнению Шелгунова, лежит не моральный или юридический формализм, но трудовые отношения, то есть фактор социально-экономический. Теоретик народничества отмечает, что разрушительна для социальной солидарности позиция в соответствии с которой каждый старается уменьшить свою трудовую нагрузку за счет чужого труда [Шелгунов, 1984, с. 347]. Отмечает Шелгунов и низкий уровень морального состояния общества, в котором невозможно установление солидарных отношений. Причина этого заключается в широко распространенном «рабстве души», которое проявляется в рабской покорности человека физической, а также экономической силе или ложному авторитету. Это «рабство души» исключает реализацию в общественных отношениях принципов равноправности и равного человеческого достоинства [там же, с. 353].

Лавров полагает, что степень прочности цивилизации напрямую зависит от уровня общественной солидарности. Причем это такая солидарность, которая носит не иерархический корпоративный характер, а, напротив, подразумевает сотрудничество в их эгалитарном варианте, когда устанавливается связь между господствующим классом и малоимущим большинством [Лавров, 1934, с. 211]. Общественная солидарность предполагает разумную кооперацию между людьми, признающими равное личное достоинство друг друга. Эта разумная кооперация призвана заменить принцип конкуренции во всех его проявлениях [там же, с. 102], поскольку последний способствует не развитию солидарных отношений в обществе, но укоренению феномена эксплуатации. Солидарное общество, по Лаврову, исключает существование в социуме общественных паразитов: это уровень социального развития, на котором, по заявлению народника, происходит «сознание того, что личный интерес совпадает с интересом общественным» [Там же, с. 202]. Солидарность во всем ее многообразии, таким образом, занимает центральное место в формуле прогресса Лаврова: «экономическая, политическая, умственная и нравственная солидарность всего развитого и развивающегося человечества составляет единственную возможную цель прогресса» [там же, с. 352].

По мнению Лаврова, принцип солидарности соблюдается и в «животном обществе», только в нем он носит инстинктивный характер, тогда как в человеческом обществе он может и должен эволюционировать от «прочувствованной» к «осознанной» солидарности. «Осознанная» солидарность подразумевает торжество общемирового союза солидарного человечества [Потапчук, 2011, с. 199], более справедливого, нежели буржуазное общество, где все процессы подчинены принципу борьбы за существование. В обществе будущего, полагает народник, когда достаточно будет развито критическое мышление, солидарность станет осознанной, а созидательный труд человека будет направлен на организацию справедливого общежития. Таким образом, состояние общества и его уровень развития зависят от индивидуальных качеств носителей критической мысли – критически мыслящих людей. Высшая степень развития личности, согласно идеям народников, проявляются в альтруизме и чувстве солидарности [Мокшин, 2010, с. 44].

Однако, как постулировали теоретики народничества, в обществе высокого уровня развития личный интерес неизбежно совпадает с интересом общественным. Этот тезис и составляет ядерную основу диалектики индивидуального и коллективного в социальной философии русского народничества. С одной стороны, речь идет о социологическом индивидуализме, постулирующем, что актором истории является действующая и критически мыслящая личность, с другой стороны, народническая концепция солидарности акцентирует внимание на коллективистском начале в каждой личности [Малинин, 1972, с. 105]. Кропоткин поддерживает идею Лаврова о постепенном укреплении социальной солидарности параллельно с развитием разума и знаний. Народник добавляет, что житейский опыт неизбежно развивает обычаи взаимопомощи и солидарности, что, по его мнению, ведет к «взаимной зависимости всех членов общества» [Кропоткин, 1991, с. 265]. При таком раскладе человек становится зависимой частью общества, и для него интересы коллектива стоят выше его собственных интересов.

Свобода личности и социологический индивидуализм

По мнению отечественного мыслителя и теоретика неонародничества Р.В. Иванова-Разумника, проблема свободы личности решалась в контексте теоретических положений социологического и этического индивидуализма. Сочетание этих двух типов индивидуализма связано с идеей «своеволия» личности и восходит к философскому творчеству Герцена: «Он первый указал верный путь от этического индивидуализма к социологическому и перебрал в этом месте мост между славянофильством и западничеством» [Иванов-Разумник, 1997, с. 13]. Предпочтение интересов реальной личности в философских и социологических представлениях Герцена связана с его ярко выраженным антимеркантистским мировоззрением, которое было вполне унаследовано ключевыми теоретиками народничества – Лавровым и Михайловским. Этический индивидуализм заключается в признании самоценности каждой отдельной личности, в признании личности как самоцели. Хотя Лавров и Михайловский, на основании этицизма и антропологизма, признавали важность человеческой личности, тем не менее они не рассматривали индивидуальность в отрыве от общественного на него влияния. Общественным интересам, пусть и весьма абстрактным, также придавалось немалое значение, поскольку реализация человека достижима только в социуме. Иванов-Разумник истолковал народническую диалектику индивидуального и коллективного как синтеза индивидуалистической и антииндивидуалистической установок: «критическое народничество было синтезом антииндивидуалистической идеологии “уязвленной совести” кающихся дворян и ультраиндивидуалистической идеологии “возмущенной чести” разночинцев» [там же, с. 210].

М. Малия справедливо охарактеризовал идейного вдохновителя народников Герцена как философа не согласного «ни на что меньшее, чем на полное освобождение личности от всех внешних ограничений» [Малия, 2010, с. 104]. В работах Герцена, близких анархической повестке личной свободы, индивидуалистическая тема занимает центральное место. Для него освобождение человека означало достижение идеала автократии или автономии личности, но не «всеотрицающий индивидуализм» [Герцен, 1961, с. 167–168]. Независимая и самобытная жизнь, по мнению Герцена, может гарантировать личности спасение даже на фоне грандиозных катастроф [Герцен, 1955, с. 131]. При этом личная автономия связывается Герценом с нравственной свободой, которая, по мнению философа, является подлинной антропологической реальностью [Герцен, 1960, с. 442]. Однако Герцен видит возможность этой независимости только при условии достижения личностью в жизни единства мышления и деятельности, он призывает человека к практике «одействования» – то есть сознательного и самостоятельного воздействия на реальность с целью ее совершенствования, «сделать действительность разумною» [Шпет, 1921, с. 20]. Этот призыв к личности означает

императив освобождения ее от сугубого эгоизма и становления творческой социальной силой. В свою очередь эта линия мысли ведет к общественно-политическому идеалу «русского социализма», основанного на «живой социальной солидарности» [Зеньковский, 1955, с. 100].

Идея освобождения человека и личного достоинства в философии Лаврова подкреплялась методологическими ее основаниями, и, прежде всего, методологическим субъективизмом. В научной картине объективизм физического мира, по мнению народника, должен быть дополнен, причем на равных основаниях, субъективизмом социологического мышления. Причем этот субъективизм пронизывает не только научные изыскания в области социологии, но также этику и эстетику: «Субъективная истина составляет содержание нашего эстетического вкуса, нашего нравственного убеждения, и тех наук, в которых эстетическая и нравственная оценка входит, как реальный факт, подлежащий исследованию, критике, сравнению, проверке, обобщению, словом, всем научным процессам» [Лавров, 1872, с. 93]. Лавров признавал, что личность – это реальность, а общество – абстракт [Лавров, 1934, с. 247], и тем не менее утверждал, что развитие личности невозможно без взаимодействия с «полезной» общественной жизнью, которая в свою очередь возможна только при саморазвитии участвующих в ней личностей. И здесь мы снова обнаруживаем не теорию суверенной личности, что могло бы быть, если бы теоретик народничества развил ключевой тезис об освобождении человека, о ценности личной свободы, но тезисы диалектики частного и общественного, индивидуального и коллективного. И потому неудивительно, что в одном из мест своего главного труда «Исторические письма» Лавров приходит к справедливому в этой вполне коллективистской логике выводу о том, что «личность, <...> как бессильная единица, конечно, ничтожна» [там же, с. 253]. В случае Лаврова мы имеем дело с характерной для народнической мысли в целом ситуации, когда постулируются ценности личной свободы и заявляется персонализм, но все последующие теоретизирования исключают и первое, и второе.

Некоторое исключение мы найдем в работах Михайловского, чьи философские взгляды наиболее соответствуют индивидуалистической и персоналистической проблематике. Михайловский в своей социальной теории совмещает идеи негативной и позитивной свободы, в том смысле, что личность говорит «нет» всякому посягательству на ее интересы извне и утверждает себя через автономную постановку собственных целей по развитию своей индивидуальности. При этом Михайловский в своей теории прогресса отмечает, что развитие личности и общественный прогресс не только могут не идти, что называется, нога в ногу, но могут вовсе противоречить друг другу [Михайловский, 1906, стб. 477]. Тем не менее Михайловский отмечал что развитие личности возможно в том числе благодаря интенсификации социальных контактов, что может расширять «формулу жизни» человека. В практике простой кооперации, по мнению теоретика народничества, реализуется тот вариант социальной солидарности, который не превращает личность во взаимозаменяемые орган целого организма или элемент механизма.

Общественный интерес и этика коллективизма

Теперь рассмотрим народнические концепции солидарности, в которых центр тяжести явно переносится с личности на общность, с интересов личности и ее автономии – на интересы общественные, на идею общего блага.

Хотя для философии Бакунина характерны ярко выраженные акцентуации индивидуального бунта, тем не менее, его индивидуалистические идеи, с одной стороны, были подавлены анархо-коллективистскими акцентуациями с другой. Свобода достигается не только посредством бунта, но и посредством самовоспитания. Однако ни то, ни другое не делает человека суверенным вполне, «не избавляет его от фатальной зависимости, или, если хотите, безусловной мировой взаимосвязи, посредством которой

он, как существующее и живое существо, бесповоротно включен в цепь естественного и социального мира» [Бакунин, 1987, с. 364]. Эти «цепи социального мира» означают, что личность не может освободиться в обществе, которое состоит из не освобождающихся. Отсюда и идея коллективного интереса в освобождении, поэтому и бунт, начавшийся с частного мятежа против всякой апрессии, заканчивается социальной революцией, то есть бунтом коллективным. У Бакунина это основано на постулировании объективной природы материальной реальности, то есть, по сути, на декларации идеи естественного порядка вещей, в соответствии с которым все вещи и существа в мироздании находятся во взаимосвязи и взаимозависимости [там же, с. 344]. Свое логическое продолжение эти идеи нашли в любопытной «диалектике освобождения» представителя Франкфуртской школы Г. Маркузе. Философ вполне согласен с идеей Бакунина о том, что для освобождения от рабства человеку необходимо освободиться от того влияния, которое оказало на него общество, но самоосвобождение, которое у Маркузе тождественно самообразованию, «предполагает обучение других» [Marcuse, 1972, p. 47]. Таким образом, практики освобождения неизбежно должны сопровождаться практиками солидарности.

Социально-теоретические и этико-философские искания другого народника-анархиста Кропоткина базировались на основании коллективистского идеала общественной организации. Солидарность, по мнению ученого и мыслителя, набирает социальную силу в ходе развития в обществе институтов взаимопомощи, базового принципа развития животных и людей. Народнику-анархисту удалось найти в истории вдохновляющие примеры свободной организации жизни на коллективных началах – народоправство вольных городов, деревенских общин и гильдий [Кропоткин, 2011, с. 240]. Средневековые формы социального братства и разнообразные содружества представляли собой, по мнению Кропоткина, исторические примеры и образцы вероятного и всеобщего анархо-коммунистического согласия людей в будущем. Эта коллективистская повестка не отменяет вопроса о личной свободе. В целом философия Кропоткина следует логике народнической мысли: во-первых, провозглашается приоритет нравственно-философского измерения свободы [Артемов, 2015], а во-вторых, имеется указание на сельскую общину, как на позитивный образец учреждения взаимопомощи. Сельская община, что характерно для представлений многих теоретиков народничества, вовсе не подавляет личность, а, напротив, позволяет ей реализоваться. Кропоткин декларирует взаимную зависимость личностей и исходит из тезиса, созвучного идеям Бакунина, представленным выше, о «тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости или беспристрастия» [Кропоткин, 2011, с. 11]. Итак, здесь снова налицо декларация того, что диалектика индивидуального и коллективного точно определяет процессы объективной реальности: человек соучаствует в практиках взаимопомощи, получая свою долю счастья, свою долю свободы, удовлетворяя тем самым, пусть и опосредованно (через общину или другое учреждение взаимопомощи), свой собственный интерес.

Заклучение

Проблема сочетания идеи личной свободы и принципа социальной солидарности является одной из центральных в социальной философии народничества. Независимость личности и справедливое общежитие провозглашаются наивысшими ценностями, а их синтез допускается в рамках философии, предполагающей диалектику индивидуального и коллективного, то есть взаимозависимость человека и общества. Те теоретики народничества, в философии которых был более развит социологический индивидуализм, а не коллективистская этика, делали акцент на свободе личности, но тем не менее не могли выйти за рамки идеи о необходимости воплощения в жизнь принципа социальной солидарности (реализуемого по-разному: от партийного движения в рамках политической борьбы до простой кооперации в артели). С другой стороны, народники-коллективисты,

хотя и сохраняли ценность личности на декларативном уровне, но все же отдавали предпочтение интересам коллективным, без реализации которых якобы невозможно и удовлетворение каждого частного интереса.

Несомненно, позитивной стороной социальной философии народничества является идея необходимости организации такого общества, в котором воплощался бы в жизнь принцип солидарности. Проблемными, однако, остаются следующие вопросы. Во-первых, воплощается ли этот принцип посредством насильственного воздействия или на добровольной основе? Во-вторых, каковы могли бы быть инструменты борьбы с вырождением практик солидарности в поглощающий личность и способствующий укреплению социального неравенства корпоративизм? Это вопросы, которые ставит перед нами современность и ответ на них невозможен без предварительного вдумчивого анализа обозначенной проблемы.

Список литературы

- Артемов В.М. 2015. Приоритет нравственно-философского измерения свободы в трудах М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. *Вопросы философии*, 12: 113-124.
- Бакунин М.А. 1987. Избранные философские сочинения и письма. М., Мысль, 575 с.
- Берви-Флеровский В.В. 1959. Избранные экономические произведения. В 2 т. Т. 2. М., Соцэкгиз. 543 с.
- Герцен А.И. 1955. Собрание сочинений в 30 томах. Т. VI. М., Наука, 561 с.
- Герцен А.И. 1960. Собрание сочинений в 30 томах. Т. XX. Кн. 1. М., Наука, 507 с.
- Герцен А.И. 1961. Собрание сочинений в 30 томах. Т. XXIV. М., Наука, 596 с.
- Зеньковский В.В. 1955. Русские мыслители и Европа: Критика Европейской культуры у русских мыслителей. Paris, YMCA-PRESS. 278 с.
- Иванов-Разумник Р.В. 1997. История русской общественной мысли: в 3 т. Т. 2. М., Республика, ГЕРРА. 400 с.
- Кропоткин П.А. 1991. Этика: Избранные труды. М., Политиздат, 496 с.
- Кропоткин П.А. 2011. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., Самообразование, 256 с.
- Лавров П.Л. 1872. Научные основы истории цивилизации. *Знание*, 2: 77-115.
- Лавров П.Л. 1934. Избранные сочинения социально-политические темы: в 8 т. Т. 1. М., Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 518 с.
- Малинин В.А. 1972. Философия революционного народничества. М., Наука, 340 с.
- Михайловский Н.К. 1906. Сочинения: в 6 т. Изд. 4-е. Т. 1. СПб., Русское богатство, 970 с.
- Мокшин Г.Н. 2010. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, Научная книга, 299 с.
- Потапчук В.И. 2011. Идея солидарности как смысловая составляющая русской социальной философии. *Вестник ТОГУ*, 2(21): 193-200.
- Шелгунов Н.В. 1984. Из писем о воспитании. В кн.: *Шестидесятники*. М., Советская Россия: 332-354.
- Шпет Г.Г. 1921. Философское мировоззрение Герцена. Петроград, Колос, 101 с.
- Marcuse H. 1972. Counterrevolution and Revolt. Boston, Beacon Press, 138 p.
- Vucinich A. 1976. Social Thought in Tsarist Russia. Chicago, University of Chicago Press, 294 p.

References

- Artemov V.M. 2015. Prioritet npravstvenno-filosofskogo izmereniya svobody v trudakh M.A. Bakunina i P.A. Kropotkina [The Priority of the Moral and Philosophical Dimension of Freedom in the Works of M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin]. *Voprosy filosofii*, 12: 113-124.
- Bakunin M.A. 1987. Izbrannye filosofskie sochineniya i pis'ma [Selected Philosophical Works and Letters]. Moscow, Mysl', 575 p.
- Bervi-Flerovskii V.V. 1959. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya [Selected Economic Works]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Sotsekgiz, 543 p.
- Gertsen A.I. 1955. Sobranie sochinenii v 30 tomakh [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. VI. Moscow, Nauka, 561 p.

- Gertsen A.I. 1960. *Sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. XX. Book 1. Moscow, Nauka, 507 p.
- Gertsen A.I. 1961. *Sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. XXIV. Moscow, Nauka, 596 p.
- Zen'kovskii V.V. 1955. *Russkie mysliteli i Evropa: Kritika Evropeiskoi kul'tury u russkikh myslitelei* [Russian Thinkers and Europe: Critique of European Culture by Russian Thinkers]. Paris, YMCA-PRESS, 278 p.
- Ivanov-Razumnik R.V. 1997. *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli* [History of Russian Social Thought]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow, Respublika, TERRA, 400 p.
- Kropotkin P.A. 1991. *Etika: Izbrannye trudy* [Ethics: Selected Works]. Moscow, Politizdat, 496 p.
- Kropotkin P.A. 2011. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual Aid as a Factor of Evolution]. Moscow, Samoobrazovanie, 256 p.
- Lavrov P.L. 1872. *Nauchnye osnovy istorii tsivilizatsii* [Scientific Foundations of the History of Civilization]. *Znanie*, 2: 77-115.
- Lavrov P.L. 1934. *Izbrannye sochineniya sotsial'no-politicheskie teme* [Selected Works on Socio-Political Topics]. In 8 vols. Vol. 1. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 518 p.
- Malinin V.A. 1972. *Filosofiya revolyutsionnogo narodnichestva* [Philosophy of Revolutionary Populism]. Moscow, Nauka, 340 p.
- Mikhailovskii N.K. 1906. *Sochineniya* [Works]. In 6 vols. 4th ed. Vol. 1. St. Petersburg, Russkoe bogatstvo. VII p., 970 col.
- Mokshin G.N. 2010. *Evolutsiya ideologii legal'nogo narodnichestva v poslednei treti XIX – nachale XX vv.* [Evolution of the Ideology of Legal Populism in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries]. Voronezh, Nauchnaya kniga, 299 p.
- Potapchuk V.I. 2011. *Ideya solidarnosti kak smyslovaya sostavlyayushchaya russkoi sotsial'noi filosofii* [The Idea of Solidarity as a Semantic Component of Russian Social Philosophy]. *Vestnik TOGU*, 2(21): 193-200.
- Shelgunov N.V. 1984. *Iz pisem o vospitanii* [From letters about education]. In: *Shestidesyatniki*. Moscow, Sovetskaya Rossiya: 332-354.
- Shpet G.G. 1921. *Filosofskoe mirovozzrenie Gertsena* [Herzen's Philosophical Worldview]. Petrograd, Kolos, 101 p.
- Marcuse H. 1972. *Counterrevolution and Revolt*. Boston, Beacon Press, 138 p.
- Vucinich A. 1976. *Social Thought in Tsarist Russia*. Chicago, University of Chicago Press. 294 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.04.2025
Поступила после рецензирования 19.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Received April 19, 2025
Revised July 19, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksei Yu. Viazinkin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-13-23

EDN АОХQKM

Объективный фетишизм как источник технократизма и иллюзия исключительности искусственного интеллекта

Резванов С.В.

Ростовский государственный строительный университет
Россия, 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Писарева, д. 8/34
n1kol.p3trow@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление детерминант технократизма, в частности – искусственного интеллекта, являющегося исторической формой технократизма. Реальным основанием такого иллюзорного сознания (заблуждения) является система фетишистских общественных отношений на стадии очередного витка исторической спирали общества. Здесь возникают глубинные историко-диалектические противоречия (преемственность – деструкция) и социокультурные доминанты, обуславливающие некритическое принятие духовно-научных инноваций за первопричины исторического прогресса. «Частичные» субъекты духовного труда автоматически (по умолчанию) принимают иллюзорные объективные фетиши за подлинную реальность. Они отождествляют рефлексию с сознанием *in essential*, а также технологию с первопричиной общественного прогресса в целом, научно-техническую коммуникацию, в частности за сверхъестественную «космическую» исключительность или миссию. Автор показывает, что современные цифровые технологии и ИИ имеют важное историческое значение. Но они не тождественны научно-техническому прогрессу в целом, который включает в себя и иные приоритетные (экзистенциальные) компоненты. В статье указаны исторические формы научно-технического прогресса, начиная с экономического и научного переворота, произошедшего в Англии в конце XVI в.

Ключевые слова: мировоззрение, инсайд, фетишизм, цикличность исторического процесса, многогранность научно-технического прогресса (НТП), технократизм, объективные иллюзии (заблуждения), диалектическая традиции в отечественной философии XX века

Для цитирования: Резванов С.В. 2026. Объективный фетишизм как источник технократизма и иллюзия исключительности искусственного интеллекта. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 13–23. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-13-23 EDN: АОХQKM

Objective Fetishism as a Source of Technocracy and the Illusion of the Exceptionalism of Artificial Intelligence

Sergei V. Rezvanov

Rostov State University of Civil Engineering
8/34 Pisarev St., Rostov-on-Don 344019, Russian Federation
n1kol.p3trow@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify the determinants of technocratic thinking, specifically AI, which is a historical form of technocracy. The real foundation of this illusory consciousness (delusion) is the system of fetishistic social relations at the stage of the next turn of society's " history

spiral". Here, "deep" historical-dialectical contradictions ("continuity – destruction") and sociocultural dominants arise, leading to the uncritical acceptance of spiritual and scientific innovations as the root causes of historical progress. "Partial" subjects of spiritual labor accept illusory objective fetishes as genuine reality automatically ("by default"). Consequently, they equate reflection with consciousness in essence, and dogmatically identify technology with the root cause of social progress in general, and scientific and technical communication, in particular, with their supernatural "cosmic" exclusivity or mission. The author demonstrates that modern digital technologies (DT) and AI have significant historical significance. However, they are not identical to scientific and technological progress (STP) as a whole, which also includes other priority ("existential") components. The article briefly addresses the historical forms of STP, beginning with the economic and scientific revolution that occurred in England at the end of the 16th century.

Keywords: worldview, the inside, fetishism, cyclical nature of the historical process, multifaceted nature of scientific and technological progress (STP), technocracy, objective illusions (delusions), dialectical traditions in Russian philosophy of the 20th century

For citation: Rezvanov S.V. 2026. Objective Fetishism as a Source of Technocracy and the Illusion of the Exceptionalism of Artificial Intelligence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 13–23 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-13-23 EDN: AOXQKM

Введение

В пределах статьи приходится ограничиться констатацией исходного основания, согласно которому современная эпоха – это новый исторический цикл развития общества в целом, культуры и такого её феномена, как наука (в т. ч. философия) в частности. Каждый новый исторический цикл, или этап, начинается в реальности и в теории социокультурологии с переоценки прошлого состояния общества. Отметим, что такая переоценка существует в широком мировоззренческом диапазоне: от инсайдерского представления о новых явлениях и фактах до консервативного представления, суть которого – нет ничего нового под луной.

К инсайдерскому мировоззрению относятся то, что и вынесено в качестве заголовка статьи. Такое мировоззрение является очередной исторической формой технократизма, который является иллюзорной, но необходимой и даже неизбежной девиацией (оборотной стороной, по-латински – *alter ego*) научно-технического прогресса. Отсюда, с одной стороны, НТП является очередным прогрессивным восхождением общества, в т. ч. его техноструктуры на новую ступень развития путем восхождения от абстрактного к конкретному. С другой стороны, при некритическом восприятии и абсолютизации статуса НТП, в частности ИИ, он становится источником различного рода заблуждений, объективных иллюзий, в частности технократизма.

Нужно отметить, что автор любого локального исследования исходит из определённых предпосылок, которые не могут быть подробно раскрыты в статье. В противном случае тема статьи будет подменена, и речь будет идти уже не о самом объекте исследования, значимом в заголовке, а о тех причинах, которые побудили автора рассматривать этот объект. И это формальное углубление в формальное основание «задним числом» не есть движение вперед. Наоборот, оно есть движение назад, к абсолютно-исходному. Такая логика не является продуктивной (инновационной, развивающей), а есть логика *post factum*, которая ведет теоретика в дурную бесконечность. Поэтому следует сразу зафиксировать ряд отправных принципов, из которых исходит автор, чтобы читателю была понятна авторская позиция и та научная школа, к которой автор примыкает.

В этой связи мы считаем необходимым акцентировать внимание на следующем:
1) объективность идеального понимается как тождество идеального и материального в

историческом процессе созидания инновационных образов и объектов; 2) не догматический, а диалектический, предметно-деятельный (инновационно-деятельный) смысл тезиса: сознание есть движения по контурам предмета; 3) многообразии форм сознания, в частности единство истины и заблуждения.

Указанные принципы были в общем виде сформулированы отечественными исследователями в 60–70 гг. прошлого века. (Именно они, а не только религиозная философия или «проблески феноменологии» конца XIX – начала XX вв. являются главным «золотым фондом» отечественной философии этого исторического периода. Это наследие все еще ждет своего достойного изучения). С одной стороны, они «всплыли на поверхность» и поэтому не могли не стать объектом исследования. Сегодня этот феномен называют «вызовы». С другой стороны, эти вызовы обусловили субъективные ответы со стороны ряда «продвинутых» теоретиков, в виде локальных исследований с попытками универсальной систематизации. Понятно, что об этом нельзя говорить здесь подробно. Укажем здесь, в частности, на работы по систематизации понятий диалектики, их субординации и специфики по отношению к категориям, принципам и т. д. Обобщенно данный тезис сформулирован лидером философов-новаторов Э.В. Ильенковым. Он отмечал: «...поскольку задача систематического изложения диалектической логики может быть решена только коллективными усилиями, необходимо определить хотя бы самые общие принципы совместной работы» [Ильенков, 1974, с. 3]. Укажем также на обобщающие работы, где диалектика представлена как методология и методика психологических, педагогических и т. д. исследований и практик [Лобастов, 2018; Мареев, 2011]. Это касается в особенности инклюзивной психологии и педагогики. К сожалению, сегодня такие исследования как минимум недостаточно проводятся; скорее даже необоснованно оборваны.

Более того, некоторые моменты реальной диалектико-практической логики подвергаются бездоказательной деструкции, можно сказать, фальсификации. Увы, они не получают достойного ответа. Укажем на стремление некоторых молодых исследователей фальсифицировать саму идею генезиса сознания «с нуля» у слепоглохих и в целом идею социокультурной природы генезиса сознания и мировоззрения. Мы не говорим уже о проблеме единства истины и заблуждения, сама формулировка которой вызывает стрессовое недоумение у эмпириков, непонимающих специфику чувственности (созерцания) – рассудка (аналитики) – разума (инновационной практики).

Феномен цифровых технологий и искусственного интеллекта

Последнее обстоятельство непосредственно связано с якобы неожиданным ажиотажем вокруг современных цифровых технологий (ЦТ), искусственного интеллекта (ИИ). Здесь перед нами метаморфозы истинного и ложного. С одной стороны, ЦТ, в т. ч. ИИ, имеют прогрессивный характер. Они выступают как современная историческая форма сложного орудия труда («инструмента»). Создаются предпосылки исторического перехода от негативно влияющего на человека нетворческого к преимущественно к творческому труду. Одновременно происходит освобождение человека от уродующих его сущность механических компонентов деятельности, которой он ограничен в своей жизнедеятельности вообще. В этом процессе «освобождения труда» человек-индивид превращается в человека-личность.

Однако в реальной деятельности необходимо присутствует репродуктивный (воспроизводство) и продуктивный (производство) моменты. Действительно в универсальной деятельности есть такие компоненты, которые являются по своей природе константными, предпосылочными; они не могут быть творческими. Отсюда, в системе деятельно-общественных отношений требуется их максимально-адекватное (идентичное) воспроизводство, т. е. копирование. Указанные константные моменты деятельности и должны быть регламентированы, причем не только внешне-дискретно, в виде

документации (чертежей, образцов, инструкций, наставлений и т. д.), но и в виде механической системы. На этапе глобального статуса или сложности этой механической системы – подчеркнем слово системы – данные регламентно-механические моменты (компоненты) универсальной общественной деятельности требуют адекватно-глобальной координации. Это прогрессивно преобразует их статус из «дискретного элемента» в «континуум системы», выводя регламент на качественно более высокий уровень. Такова, на наш взгляд, миссия ИИ.

Диалектика современного научно-технического прогресса

НТП является объективно-необходимым моментом (лучше: формой) развития общества, что связано с совершенствованием интеллектуальных компонентов труда, в особенности с т.н. цифровыми технологиями (ЦТ), в т. ч. с ИИ. Их использование позволяет оптимизировать человеческую деятельность в различных отраслях общественного производства. Научная, популярная, политическая, административно-управленческая и пропагандистская, литература, различные профессиональные и массовые форумы достаточно убедительно показывают жизненную необходимость ЦТ и ИИ. Однако наряду с подлинными возможностями ЦТ-ИИ существуют и мнимые, иллюзорно-фетишистские нарративы, или мнимые надежды на использование ЦТ-ИИ.

Они дезориентируют административно-управленческие структуры и общество в целом, создают массовые страхи (фобии), ненужное социальное и психологическое напряжение, являются идеологическим и пропагандистским тормозом и демотиватором*. Не отрицая продуктивное значение ИИ, мы укажем на естественные издержки, возникающие вследствие избыточных технократических надежд и неконкретного понимания реальных возможностей любой технологии и, как причину этого, – неконкретное понимание целостного исторического процесса. Прежде всего, это касается диалектической противоречивости, особенно т.н. спиралевидности или цикличности исторического процесса.

Цикличность истории – завершении одного цикла и начало другого – выявляет («представляет») и в этом смысле обнажает на каждом новом этапе развития истории общества («исторической спирали» – Гегель), особенно в его начале, **основание** этого развития. Преемственность и в этом смысле сохранение накопленных в прошлом ресурсов не относится ко всем особенностям и частностям предшествующего исторического процесса. Эти частности негативно отрицаются (феномен деструкции), что и позволяет социокультурному основанию (базису) конкретно предстать перед глазами объективно-мыслящих исследователей в «чистом виде». Но субъекты профессионально-ограниченного сознания не сориентированы на подлинный базис истории и поэтому они не видят его обнаженно-чистого вида. Наоборот, все их внимание сосредоточено на второстепенных и подвергаемых деструктивности «периферийных» явлений истории, которая принимается ими за единственную сущностную реальность. Иными словами, периферия принимается за базис, основание как науки и техники, так и общества в целом. Так формируется в ограниченно-профессиональном сознании частичных мыслителей образ «общества наоборот», или вверх ногами.

Первичным в таком их «перевернутом» представлении (сознании) оказывается не система опредмеченных инфраструктурных и социальных «живых» отношений, а одна из ее частных окостенелых технологических – форм. Подчеркнем, что инновационная технология в целом оказывается приоритетной темой, предметом **первостепенного**

* Мы не останавливаемся здесь на рассмотрении негативных возможностей использования ЦТ-ИИ в практике враждебной, в частности, нацистской пропаганды, использующей схемы манипуляции сознанием, как молодежным – по понятным причинам – так и сознанием иных страдающих инфантилизмом и невежеством категорий населения. Это предмет комплексного обширного исследования, где теоретический анализ фетишизации любых технологий есть лишь один из его аспектов, которым мы здесь ограничились.

политического и идеологического внимания. Она приобретает статус когнитивной первичности (исходности), столь же когнитивно отождествляемый с социокультурной первичностью. Иными словами, административно-политическому сознанию представляется (кажется), что даже не технико-технологический, а просто технологический компонент универсальной деятельности является первопричиной общественного прогресса. Такова же причина индетерминантности-исходности-первичности технологий вообще, ИИ в частности. По такой же логике формируется иллюзорно-инсайдерское мировоззрение «наоборот» и претенциозный элитарный тезаурус «райского сада» – святилища цифровых любомудров. Как тут не вспомнить доктора алхимика-мага Вагнера из «Фауста» И.-В. Гете или магистра игры Йозефа Кнехта из «Игры в бисер» Германа Гесса.

Поэтому указание на исторический характер современной цифровизации (ИИ) является с субъективной стороны шокирующим фактором для самих IT-идеологов. Они-то считают, что являются персонифицированным Инсайдом, что они, образно говоря, единственные и неповторимые, которые, то ли «упали с неба», то ли соскочили с пролетающего мимо Земли астероида или даже межзвездного объекта! С объективной же стороны указанное обстоятельство – предъявление того факта, что цифровые технологии и их субъекты не «упали с неба» и что ИИ как пример таких технологий является далеко не первым историческим этапом научно-технического прогресса – дает возможность кроме технического позитива раскрыть природу паразитирующего как его alter ego технократического фетишизма.

Мы уже говорили, что со своей положительной стороны современный этап НТП в форме т. н. цифровых технологий (ЦТ) является эффективным средством, орудием, или, модно выражаясь, – инструментом деятельности. Значит, ЦТ-ИИ – сложное орудие труда, интеллектуальный компонент (момент), который многоэтапно в пространстве и во времени дистанцирован от физического компонента. Данное «разделение труда» (в научном, а не популярном смысле слова) является основанием для (1) абсолютизации и (2) инверсии интеллекта. На его базе возникает феномен «замещения» оригинала упрощенной и, отсюда, его искаженной копией. Надо отметить, что этимологически и логически слово «замещение» происходит от слова «компенсатор» (лат.), «эрзац» (нем.), т. е. неадекватный заменитель, в просторечии – суррогат. Классики использовали данным случае латинское выражение; *quid pro quo* (одно вместо другого). Это очень важный вопрос, но он выходит за пределы настоящего исследования. Для пояснения авторской позиции мы вынуждены сослаться на нашу работу [Резванов, 2011].

В массовом и профессиональном сознании закономерно возникает иллюзия (заблуждение), состоящее в том, что результат деятельности имплицитно и неререфлексивно отождествляется с элитной деятельностью. Тогда получается, что она: 1) ограничивается функционированием интеллекта; 2) продукт общественно-универсальной реально-предметной деятельности создается исключительно силой интеллектуальных, в данном случае формально-математических конструкций. Отсюда возникает и иллюзорное представление о возможности автономного прогресса этих идеальных (в д. сл. цифровых) конструкций и их «материальных» (точнее: вещественных) носителей – «компьютерного железа». Отметим, что само слово «компьютер» – латинско-английской этимологии (*computare* – лат.; *computer* – англ.). Раньше, полвека назад, это называлось: «счетно-решающее устройство», по сути дела сложный механизм, приспособление для оптимизации профессионально-коллективной механической деятельности. Ничего сверхъестественного, метафизического в нем нет. Он не ограничен и тем более не социален. Поэтому даже непосредственная постановка и тем более обсуждение вопроса о субъектности (субъективности) ИИ лишена всякого логического основания.

Кстати говоря, само выражение «искусственный интеллект» есть недоразумение, казус, тавтология; это – искусственная искусственность или интеллектуальная

интеллектуальность. Не бывает натурального интеллекта! Словосочетание ИИ – *contradictio in definitione*. В природе, в т. ч. в природе человека как «*homo naturalis*» (но не в коннотации Ж.-Ж. Руссо, как человека природы, не испорченного «злым обществом»), даже на переходных этапах от пред-человека к человеку *in essentia* о «натуральном» интеллекте можно говорить лишь потенциально (Б.Ф. Поршнев). Первоначально предпосылкой сознания является коллективная объединительная сила в форме инстинктивных действий оппозиционного типа. Например, это относится к защитным действиям стада (части особей стада) обезьян при отражении атак крупных хищников в критической ситуации, когда нет возможности скрыться и спрятать свое потомство. Далее все происходит согласно гипотезе социоантропогенеза [Поршнев, 1974].

Тогда, согласно имеющимся гипотезам, пред-человек использует фрагменты природы (флоры) как орудия деятельности (в д. сл. оборонительной). Опосредующе-усиливающий и, не побоюсь сказать, инновационный – момент «мертвых» фрагментов природы приобретает «живой» смысл орудия труда, функционально сливаясь с естественными органами предчеловека. Возникает экстремально-рефлексивная, контр-рефлексивная форма действия, пред-деятельность, пред-разум, который генерализирован в этом первичном орудии «труда». Это и можно назвать коллективным использованием природы против самой природы или культурой, разумеется, в ее первичной форме.

Функционирование этого предмета есть медиация или опосредованность как таковая. Ее дальнейший прогресс приводит к спецификации или выделению объективно-идеальной формы деятельности человека, т. е. сознания, в частности разума (интеллекта). Кстати говоря, в контексте модной терминологии такая надприродная, метафизическая сила – гено-культура – не имеет физической дискретности, не овеществлена или не опредмечена в отдельном физическом предмете. Здесь перед нами раскрывается панорама уникального явления – наглядного совпадения идеального и материального. Объективно-идеальное – гено-культура («первичная культура») – совпадает здесь с такими же «первичными» пост-формами природы, отрицающими себя как классические природные (или натуральные) формы¹.

Хрестоматийная эмпирическая история начинает отсчитывать генезис орудий труда с простейших «орудий труда»: палки-копалки, каменного топора и ножа, механически адаптированных деревянных фрагментов природы. Они, – как один из вариантов – находятся пра-человеком в готовом виде как отмершие останки бывших природных целостностей: 1) механических (горных массивов, окаменелостей); 2) органических (деревьев, кустов, останков животных...). Как другой из вариантов, эти первичные орудия труда «отделяются» от указанных исходных целостностей с помощью инстинктивных, но коллективных, или стадных действий высших животных. Но это следствия или явления социогенеза. Его причины и сущность состоят в другом – в возникновении стадно-коллективной потребности, лучше сказать, в возникающей системной установки на действия над-природного, мета-природного типа (или формы). Первоначально, что было отмечено, они выглядят как экстремальные действия объединено-защитного типа. Именно эта объединенность, как бы это ни казалось странным обыденному или непоследовательному специальному (или непоследовательному «профессиональному») сознанию, есть первое орудие труда – отчуждаемая идеальная объективность, рискну сказать, персонифицированная во внешне-вещественных субстанциях².

¹ Мы исходим здесь из работ Б.Ф. Поршнева, особенно его монографии – О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М. 1974. 487 с. Гл. 1.

² Данное отчуждение (простраственно-временное отделение) духовного момента деятельности, может быть скрыто в случайном или «пестром» многообразии форм некапиталистического общественного производства. Лишь в индустриально-капиталистическом обществе духовные моменты деятельности дистанцируются и даже становятся антагонистичными материальным (точнее: субстратным) ее моментам. И это с учетом современных особенностей – отдельная обширная тема исследования. Объективный

Они количественно мизерны, но этой мизерностью нельзя пренебречь. Наоборот! Она-то и есть подлинная сущность первичной или генетической культуры, стоящая как бы «за спиной» познающего субъекта, в данном случае историка-эмпирика, и застилающая ему глаза своим вторично-остаточным природным избытком. Отсюда, поверхностно-эмпиристское сознание не может «видеть» (фиксировать, понимать, осознавать...) данную культурную или объективно-идеальную сущность. Эмпиризм, сводя познание к коллекционированию чувственно-фиксируемого (чаще с помощью зрения) хлама. Однако, как бы это ни казалось парадоксальным, эмпирик (в т. ч. обыватель) видит скорее не глазами, а носом, точнее: его кончиком, которым он дистантно «водит» по контурам предметов мира. Руки при этом тоже совершают микродвижения. И это можно заметить, глядя на руки музыканта, слушающего музыку, художника, видящего как его коллега рисует, спортивного тренера, например, идущего по краю бассейна рядом плывущим подопечным и т.д. Во всех этих и подобных им случаях реальные руки «попечителя» идеально (виртуально) имитируют действия реального субъекта. Даже здесь в примитивной форме осуществляются действия «по контурам предмета», правда, это движение ограничивается замкнутым механическим контуром. Под последним мы имеем ввиду действия по алгоритму с минимальными инновациями ситуативно-случайного типа. Подчеркнем, что диалектика как «движение субъекта познания по контурам предмета» сохраняется, будучи, однако, ограничена простыми (примитивными) внешними контурами вещественно-природных оболочек.

Поэтому сознание вообще, разум в частности, интеллект в еще большей частности есть действие с орудием труда общественно-целесообразным образом. Можно сказать, что сознание есть форма (формообразование) деятельности, или труда. В условиях фетишизма – отчуждения или разделения труда – одна из форм сознания (в д. сл. интеллект) может приобрести форму сложной ретроспекции. При этом инновации редуцируются до селективности или оформительства, можно даже здесь сказать – «администрирования». Данное обстоятельство создает предпосылки заблуждения (иллюзии), репрезентируя понимание «администрирования» как якобы единственную форму творчества (сознания).

Создается исторически необходимое орудие селективного действия или «инструмент регистрации» заданных извне сложных математических программ для усиления интеллекта в информационном универсуме. Отчуждение (глобальное дистанцирование) индивида от общества и здесь – индивидуального субъекта, отождествляемого с коллективным субъектом [Лекторский, 1980], создает иллюзию «создания нового продукта». Да, этот продукт является новым для отчужденного («частичного») индивида. Но он не является новым для общества. Образно говоря, чемпион мира по шахматам может быть легко обыгран обыкновенным «лузером»... в теннис. Таким же образом, Нобелевский лауреат по физике может быть обывателем, изрекающим банальные суесловия в области иной, чем его специальность, например, философии (методологии, теории познания...), и его сможет легко «обыграть»

фетишизм в условиях капитализма, порождающий указанное отчуждение и тотальную вещественную «кулису» для объективно-идеальных форм («моментов») деятельности, представляет («репрезентирует») их поверхностному исследовательскому сознанию как «позитивный» факт. Отсюда, такое поверхностное исследовательское сознание вполне удовлетворяется фиксацией вещественных – и в этом смысле пустых – оболочек объективно-идеального. Есть и иной вариант «позитивного» сознания, который можно назвать экзистенциалистским. Он, обнаружив, скрытую «экзистенциальную сущность», не доводит свое исследование до понимания объективной необходимости ее внешне-вещественного оформления. Содержание и форма, образно говоря, уподобляются постиранной вещам, сохнувшим на бельевой веревке, прикрепленным отдельно друг от друга разными прищепками. Именно это обстоятельство очень хорошо показано К.Марксом, когда он писал: «Выражение Галиани: «Стоимость есть отношение между двумя лицами», следовало бы конкретизировать следующим образом: «отношение, прикрытое внешней оболочкой» (Маркс, 1960. С. 84, примеч.).

академический философ: аспирант или молодой кандидат наук. В этой связи цифровой регламент в образе ЦТ-ИИ функционирует в регулируемых общественным субъектом системах (виртуальном пространстве) и по регламентам созданных им же (или его репрезентантами, т. е. специалистами-инноваторами) по готовым алгоритмам (программам, регламентам, порядкам использования, инструкциям, приказам и т. п.). Скорее всего, цифровизация – это сложное «оформительство», сложная «упаковка» информации, своего рода администрирование наличных универсально-системных информационных ресурсов. Если потребитель такого ресурса обращается с вопросом к ИИ, то последний может представить в результате функционирования по имеющейся программе реконструктивную обработку запрошенной информации из наличного объема информации (из глобальной сети). Таков будет «ответ» ИИ.

Форматы предоставления здесь следующие: классификация, историография, библиография, текстуальные авторские рецепты и т. д.). Но если задача будет поставлена ИИ проблемно-противоречиво, т. е. с целью получения инновационного содержания, то никакого предметного ответа потребитель не получит. Вместо этого он получит регистрацию тематических источников и репрезентативную статистику уже имеющихся в глобальном тезаурусе авторских рецептов, где эта противоречивая проблема формально поставлена. Но она в сущности (тенденции) не понята, поэтому путь к решению данной проблемы по существу ИИ-ту закрыт! И в начале – при введении программы в ИИ в виде постановки задачи, и при получении результата – неизбежной инновационной обработке следствий функционирования ИИ мы «видим» человека-программиста, который-то и есть подлинный «кукловод» нашего цифрового робота-манипулятора. Например, в нашем случае ИИ транслирует ответ: кто и что говорил об отрицании отрицания, о якобы возврате к исходному, преемственности в развитии и даже об относительном и абсолютном отрицании. Но если обратиться к ИИ с вопросом, что именно подвергается абсолютному отрицанию, деструкции, а что сохраняется в качестве преемника, то мы получим простое повторение: «Отрицается лишнее или зряшное, сохраняется необходимое и полезное». Читатель может сам поэкспериментировать в указанном формате.

Мы специально акцентируем внимание читателя на том, что в нашем изложении обращение к феномену ИИ осуществляется в пассивном залоге. Это представляется нам правильным, т. к. в языке активный залог как грамматическая конструкция используется в качестве подлежащего, т. е. субъекта – инновационно-активного начала, совершающего действие. Однако ИИ не совершает никакого инновационно-активного действия. Поэтому он используется в настоящем тексте исключительно в пассивном залоге. Можно выразиться категоричнее. На самом деле ИИ – это автомат, который действует строго по программе, он «способен к инноватике» лишь в той мере, в какой к этой инноватике способен его создатель, программист. ИИ не является субъектом, он есть «онаученный» объект, сверхсложное, но лишь механическое орудие труда. Да, он мгновенно решает всякие «витиеватые» задачки, где нужно, например, путем манипуляции переставить спички, «исправив» исходное уравнение, т. е. вернуть его к правильному виду («регламенту»). Можно привести и другие примеры, но и сказанного достаточно. Функционал ИИ исчерпывается ретроспекцией информационных дискретностей к регламенту или догме. Иногда это оправдано, иногда нет; оправданно как ретроспекция, например, в исчислении плагиата, в документообороте, архивном поиске и т. п. Неоправданно, когда от ИИ ожидают, что в результате его функционирования может быть создано новое знание, тем более новые регламенты, программы (в т. ч. для самого ИИ) и проекты глобального (особенно организационно-управленческого) типа.

Исторические типы НТП и исторические формы технократизма

Впрочем, сказанное не является оригинальным. 20-е годы 21 века не упали с неба. Идея НТП имеет длинную историю. Она начинается с возникновения первой науки в

Англии (Королевское общество – позднее: Английская академия наук) в конце XVI – начале XVII вв., а затем и первых технических открытий, послуживших предпосылкой промышленного переворота в XVIII в. Затем, можно предположить, что очередной этап прогресса НТП состоялся в конце XIX – начале XX в. Имеется мнение о том, что следующие этапы НТП произошли в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. И были осознаны в 60–70-х гг. этого же века. И сегодня, согласно имеющимся исследованиям, мы находимся на пороге нового этапа НТП. Не конкретизируя историческую классификацию этапов НТП, скажем в общем виде, что в литературе имеются исследования, посвященные возникновению науки и технологий и, разумеется, сущности промышленного переворота, анализу различных исторических этапов (форм) НТП. Отметим здесь лишь «одним мазком» то, что серьезный вклад исследование данной проблемы внесли представители Ростовской философской школы. Полное раскрытие данной тематики – чрезвычайно объемный и многосторонний труд большого коллектива ученых.

Отметим, что наряду с исторической и логической типизацией НТП менее исследована природа, функции и социальное влияние его неизбежного спутника – технократизма как формы (формообразования) иллюзорного, объективно-ложного сознания. Основы технократической утопии мы находим в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона. Но и современные технократические идеологии, разного рода неоутопии, превращают цифровые технологии в панацею от всех социальных болезней и антагонизмов. Они якобы обеспечивают переход или даже скачек к обществу благоденствия. Существует и обратная сторона технократического мировоззрения, где утопия превращена в антиутопию. Но это – историческая диалектика генезиса технократического заблуждения. Его же логическая диалектика состоит в том, что объективно-технократические иллюзии основываются на реальных обстоятельствах, точнее, на инверсии настоящего – фактического – и будущего – тенденционального – состояний общества.

Выводы

Конечно, внешние обстоятельства – «ведомственная» мировоззренческая ограниченность исследователей, презентативная ведомственная гиперболизация, наконец, ожесточенная борьба за государственное финансирование перспективных проектов и т. п. – оказывают негативное дезадекватное влияние. Но, в сущности, дело состоит в том, что субъективно-деятельная сторона творческого процесса делает первичным этот презентативный, оформительский компонент коллективной инновационной работы. IT-специалисты становятся не только «технологами», но и идеологами современного этана НТП. Поэтому и весь мир оказывается автоматически представленным им как мир, базирующийся на технологиях. А их участие в пропаганде технологизма консервирует технократизм в их частичном сознании и мировоззрении.

Где-то на периферии такого утопического мира виднеются технические, индустриальные, экономические, наконец, социальные ресурсы и движущие силы НТП. Таким образом, происходит превращение объективно-научного знания в субъективно-идеологические девиации. Мир закономерно становится «на голову». Голова, а точнее ее небольшая часть, незаметно подменяет все другие ее части и органы тела общества. Этот техно-идея-центризм оказывается системой социальных установок на восприятие действительности, т. е. мировоззрением, «приватизированным» в эмпирико-практическом смысле узкой группой ученых – IT-специалистов и связанных с ними управленцами. Первопричинный статус превращения технократизма в данном корпоративном (отчужденном) сознании детерминирован фетишистско-технократическим мировоззрением (системой объективно-девиантных социокультурных установок, еще глубже – объективными историческими противоречиями), обеспечивающим принятие технократизма априори. С другой стороны сами IT-специалисты стихийно – по умолчанию, т. е. в своих рефлексиях, выступая в роли экспертов в медийно-

пропагандистском пространстве, – обеспечивают научное (точнее, псевдонаучное) обоснование технократизма. Этим ЦТ как частный случай универсальных технологий превращаются в джинна, почему-то и как-то выскочившего из бутылки и готового выполнить любые желания. Но при последовательном рассуждении с этой логико-фетишистской позиции из данного конгломерата псевдонауки, идеологии и политики возникает образ уже не доброго джинна, а устрашающего цифрового монстра – своего рода левиафана, который может подчинить своей воле все человечество и уничтожить его. И далее, почти как у Т. Гоббса, социальным философам предлагается то ли заключить с этим левиафаном договор (консенсус), то ли сдаться ему на милость, то ли покончить жизнь самоубийством, то ли искать рыцаря-победителя таких монстров. За каждой из этих версий стоят целые идейные (философские, политологические) и практико-политические направления (технологии, школы, методики). При этом упускается из виду то, что данный монстр есть порождение объективно-иллюзорного сознания. Его частичным или эмпирическим субъектом является коллективный программист, а универсальным субъектом является фетишизм объективно-исторического процесса – уродливого общества господства капитала. Но это копия, безликая декорация, в языке – местоимение. Но у него есть совокупное имя – сообщество владельцев транснационального капитала. Вот подлинный монстр и левиафан, только не сказочно-фантастический, а вполне реальный! Он вооружен, усилен различными «декорациями» и «местоимениями!» Но это уже предмет иного, значительно более обширного исследования и обсуждения.

И совсем коротко о вариативности иллюзорного сознания. Собственно говоря, фетишизм есть *quid pro quo* (одно вместо другого), эрзац вместо оригинала. Примеров здесь бесконечно много. От т. н. болонской системы образования, в которой нет ни системы, ни образования, далее – до т. н. рыночного общества, где нет опять-таки ни рынка, ни общества. Я мог бы сказать здесь и о феномене т. н. красных профессоров, позднее – «цековских академиков», которые изуродовали общественное сознание, в частности марксизм, поставив на его место пролеткультовский прагматизм и субъективно способствовали созданию современного мира объективных иллюзий, в которых мы во многом живем. Вынужден сослаться на свою раннюю работу, которая в полном виде была опубликована только в 2011 году: «Товарищи красные профессора особо не утруждали себя изучением истории культуры, в том числе и ее составляющей – марксизма, который якобы защищали и развивали. Под их бойким пером культура, в том числе и марксизм, растворились в "высоконаучных" интерпретациях. Дважды по большому счету и многократно по мелочам перелицованный марксизм, предстал в образе "диамата-истмата" с его "деревянными" законами, принципами, чертами (само слово говорит само за себя). Поколебать этот примитивно-рефлексивный философский "поп-арт" было в принципе невозможно. Об этом приходится говорить специально, ибо у современных теоретиков, пытающихся разобраться в идейных перипетиях советского периода истории России, причины тех, или иных катаклизмов не столько ищутся, сколько умозрительно "додумываются"... Предполагать, что малограмотные красные профессора [будущие "цековские академики" и их правоверные ученики – С.Р.]... могли разобраться в диалектике – значит делать им комплимент, которого они, как не примут, так и не заслуживают... Диалектика была им не нужна. Им было все-равно, что защищать: диалектику (которая под их пером превратилась в свою противоположность – эклектику), материализм, советский строй или вообще что угодно, хоть черта с рогами. Главное, что они защищали – это свое "теплое хлебное место" в крайнем случае – свою "шкуру" [как «следуя генеральной линии партии» и облизывая начальство, так и отклоняясь вместе с "генеральной линией" и опять-таки облизывая – но уже новое, начальство – С.Р.]» [Резванов, 2011. С. 168].

Вместе с тем мы не должны относиться к ИТ-специалистам как непримиримым оппонентам. Мы с ними по одну сторону баррикад! Поэтому наша задача состоит в том,

чтобы найти системные, убедительные аргументы, помочь им понять принципиальное различие между современными IT-технологиями, которые есть безусловная тотальная истина и благо, и их идеологическими кривозеркальными образами, которые есть также безусловное тотальное заблуждение и зло.

Список литературы

- Ильенков Э.В. 1974. Диалектическая логика. М., Политиздат, 273 с.
Лекторский В.А. 1980. Субъект. Объект. Познание. М., Наука, 357 с.
Лобастов Г.В. 2018. Философия как форма сознания. М., Русская панорама. 262 с.
Мареев С.Н. 2011. Мыслить. (Избранные статьи последних лет). М. Изд-во Современного гуманитарного университета, 587 с.
Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1. (Сочинения. Изд. 2. Т. 23). М., Политиздат, 797 с.
Поршнева Б.Ф. 1974. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., Мысль, 487 с.
Резванов С.В. 2011. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. М., Ростов-на-Дону, Изд. РГСУ, 335 с.
Резванов С.В. 2013. Философия социальной культуры: генезис, структура, функции и феномены мировоззрения. Ростов-на-Дону, РГСУ, 411 с.

References

- Ilenkov E.V. 1974. Dialekticheskaya logika [Dialectical Logic]. Moscow, Politizdat, 273 p.
Lektorskii V.A. 1980. Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie [Subject. Object. Cognition]. Moscow, Nauka, 357 p.
Lobastov G.V. 2018. Filosofiya kak forma soznaniya [Philosophy as a Form of Consciousness]. Moscow, Russkaya panorama, 262 p.
Mareev S.N. 2011. Myslit'. (Izbrannye stat'i poslednikh let) [Thinking. (Selected Articles of Recent Years)]. Moscow, Izd-vo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta, 587 p.
Marks K. 1960. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1]. (Sochineniya. Izd. 2. T. 23 [Works. 2nd ed. Vol. 23]). Moscow, Politizdat. 797 p.
Porshnev B.F. 1974. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Moscow, Mysl', 487 p.
Rezvanov S.V. 2011. Filosofiya sotsial'noi kul'tury: priroda illyuzornogo soznaniya [Philosophy of Social Culture: The Nature of Illusory Consciousness]. Moscow, Rostov-on-Don, Izd. RGSU, 335 p.
Rezvanov S.V. 2013. Filosofiya sotsial'noi kul'tury: genezis, struktura, funktsii i fenomeny mirovozzreniya [Philosophy of Social Culture: Genesis, Structure, Functions, and Phenomena of Worldview]. Rostov-on-Don., RGSU, 411 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.04.2025

Received April 29, 2025

Поступила после рецензирования 29.07.2025

Revised July 29, 2025

Принята к публикации 28.02.2026

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Резванов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры права, культурологии и психолого-педагогических дисциплин, Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Sergey V. Rezvanov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Law, Cultural Studies and Psychological and Pedagogical Disciplines, Rostov State University of Civil Engineering, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 141.319.8
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-24-34
EDN AUIEQU

Генеративный ИИ и научные публикации: смерть и торжество автора

Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Россия, 115409, Москва, Каширское шоссе, д. 31
EGTikhomirova@mephi.ru, drv@aia.expert

Аннотация. Современная научная коммуникация переживает кардинальные трансформации под воздействием генеративного искусственного интеллекта, ставящие под сомнение традиционные модели академических публикаций. Авторы анализируют как эмпирический материал, так и в целом происходящие изменения в научной культуре через призму философской концепции «смерти автора» Ролана Барта. Теоретическая основа исследования опирается на семиотические концепции Юрия Лотмана и диалогизм Михаила Бахтина, позволяющие интерпретировать ИИ как инструмент расширения семиосферы науки. Исследователи предлагают оптимистичный взгляд на феномены и парадоксы, возникающие в научном творчестве под влиянием искусственного интеллекта. Вопреки распространенным опасениям о деградации академической среды, анализ показывает, что использование больших языковых моделей в научной работе ведет не к исчезновению автора, а к его эффективности, триумфу в новых формах. Эмпирическое исследование публикационной практики с использованием различных ИИ-моделей иллюстрирует неэффективность традиционных методов детекции и антиплагиата. В статье представлена обоснованная позиция о неизменности фундаментальных этических принципов науки и предложены конкретные форматы трансформации публикационных практик: модульные и динамические публикации, концептуальные эссе с экспертной разметкой. Практику предпубликационной оценки авторы предлагают дополнить ИИ-рецензентом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, публикации, смерть автора, Барт, этика науки, raret mills, антиплагиат, семиосфера, диалогизм, модульные публикации, динамические публикации, философия науки, авторство, LLM, дискурс

Для цитирования: Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В. 2026. Генеративный ИИ и научные публикации: смерть и торжество автора. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 24–34. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-24-34 EDN: AUIEQU

Generative Artificial Intelligence and Scientific Publications: The Death and Triumph of the Author

Ekaterina G. Tikhomirova, Roman V. Dushkin

National Research Nuclear University “MEPhI”
31 Kashirskoye Hwy., Moscow 115409, Russian Federation
EGTikhomirova@mephi.ru, drv@aia.expert

Abstract. Contemporary scientific communication is undergoing fundamental transformations under the influence of generative artificial intelligence, challenging traditional models of academic publications. The authors analyse both empirical material and the broader changes occurring in scientific culture through the lens of Roland Barthes' philosophical concept of the «death of the author». The researchers propose an optimistic perspective on the phenomena and paradoxes arising in scientific creativity under the influence of artificial intelligence (AI). Contrary to widespread concerns about the degradation of the

academic environment, the analysis demonstrates that the use of large language models in scientific work does not lead to the author's disappearance, but rather contributes to their efficiency and triumph in new forms. An empirical study of publication practices using various AI models illustrates the ineffectiveness of traditional detection and anti-plagiarism methods. The article presents a substantiated position on the immutability of fundamental ethical principles of science and proposes specific formats for transforming publication practices: modular and dynamic publications, conceptual essays with expert markup. The authors suggest supplementing pre-publication evaluation practices with AI reviewers. The theoretical foundation of the research relies on the semiotic concepts of Yuri Lotman and the dialogism of Mikhail Bakhtin, allowing for the interpretation of AI as a tool for expanding the semiosphere of science.

Keywords: artificial intelligence, publications, death of the author, Barthes, science ethics, paper mills, anti-plagiarism, semiosphere, dialogism, modular publications, dynamic publications, philosophy of science, authorship, LLM, discourse

For citation: Tikhomirova E.G., Dushkin R.V. 2026. Generative Artificial Intelligence and Scientific Publications: the Death and Triumph of the Author. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law*, 51(1): 24–34 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-24-34 EDN: AUIEQU

Современный кризис традиционной модели научных публикаций

Академическая среда сегодня переживает кризис доверия, обусловленный развитием технологий генеративного искусственного интеллекта и их внедрением в научную практику. Традиционная система научных публикаций, формировавшаяся столетиями, оказалась неподготовленной к вызову, которые принесли большие языковые модели, способные создавать тексты, неотличимые от написанных человеком. Кто виноват в этом кризисе – только ли ИИ, который пытаются заклеить некоторые издательства и представители научного сообщества?

На самом деле проблема фальсификации научных результатов появилась задолго до внедрения искусственного интеллекта в профессиональные и повседневные практики. Гонка за публикационной активностью, «научной эффективностью», подкрепленная развитием цифровых технологий, породила индустрию поддельных научных статей и так называемых «печатных станков» (у западных коллег свой термин – paper mills) гораздо раньше. Однако внедрение больших языковых моделей кардинально изменило масштаб и характер этих процессов. Если ранее создание псевдонаучного контента требовало значительных человеческих ресурсов, то теперь генеративные модели способны производить тысячи статей с минимальными затратами времени и средств. Получается, что настоящим ученым теперь не стоит писать? Как выбраться из горы публикационного мусора?

Особую остроту приобретает проблема детекции искусственно созданного контента. Системы антиплагиата, традиционно ориентированные на выявление текстуальных заимствований (так называемое белое и черное цитирование – со ссылкой на автора цитируемого текста и без), демонстрируют критическую неэффективность при анализе текстов, созданных современными языковыми моделями.

Цифровые водяные знаки, внедряемые некоторыми разработчиками в генерируемый контент, легко удаляются даже не специальными техническими средствами, а просто кликом. Младшие модели еще можно было идентифицировать по характерным стилистическим маркерам и повторяющимся конструкциям, однако старшие поколения больших языковых моделей достигли такого уровня владения естественным языком, при котором «машинная» продукция становится практически неразличимой с «ручной».

Статистические данные демонстрируют масштабность происходящих изменений. Количество поддельных научных публикаций удваивается каждые полтора года, при этом доля статей, произведенных «на бумажной фабрике», уже составляет около двух процентов от общего числа научных публикаций. Так, немецкие ученые под руководством Б. Забеля провели анализ публикаций в одной из сфер – биомедицине – и обнаружили, что количество публикаций с признаками фальсификации выросло с 16 % в 2010 году до 28 % в 2020 году, при этом около 20 % статей содержали поддельные данные. В 2023 году количество отозванных научных работ превысило 10 тысяч, что стало новым рекордом (Liverpool, 2023). Цифры отражают лишь выявленные случаи фальсификации, в то время как реальные масштабы проблемы значительно больше, особенно с учетом невозможности идентификации ИИ-генерированного контента.

Российские системы детекции, такие как «Антиплагиат», заявляют о достижении высокой точности распознавания ИИ-текстов, однако практика показывает ограниченность подобных утверждений применительно к продвинутым языковым моделям. Зарубежные исследования подтверждают тенденцию к снижению эффективности детекторов по мере совершенствования генеративных алгоритмов. Международный опыт демонстрирует нарастающее понимание того, что технологическая гонка между создателями и детекторами ИИ-контента неизбежно склоняется в пользу первых. Сложившаяся ситуация порождает два противоположных подхода в научном сообществе. Представители первого основываются на попытках технологического противодействия использованию искусственного интеллекта через совершенствование систем детекции и ужесточение публикационных требований. Вторые – признают неизбежность трансформации научной коммуникации и призывают к адаптации академических практик к новой реальности.

Исследования по использованию искусственного интеллекта в академической практике находятся на старте. Учёные дискутируют, пытаясь понять, как новая технология повлияет на традиционные механизмы подготовки и оценки научных текстов. Коллеги отмечают, что автоматизированное оформление рукописей не отменяет обязательств исследователя по проверке достоверности данных и сохранению прозрачности процедур [Сизова, 2025]. Также авторы фокусируются на технологических аспектах интеграции технологий в публикационную сферу. Так, Shah Jay N. [2021] подчёркивает необходимость выработки критериев оценки оригинальности «живых статей», а Stodden и коллеги [2018] предлагают концепцию динамических документов, фиксирующих историю версий и метаданных об использовании генеративных моделей. Наконец, исследование эффективности детекции ИИ-генерированного текста показывает, что существующие системы распознают лишь 75–90 % автоматически сгенерированных фрагментов, что требует доработки алгоритмов и усиления экспертного контроля [Weber-Wulff, 2023]. Эти работы создают основу для дальнейшего обсуждения теоретической парадигмы данной статьи – о «триумфе автора» и формируют контекст для предложенных методов и форматов публикаций.

Настоящее исследование исходит из понимания того, что технологическое развитие невозможно остановить административными мерами. Попытки заткнуть технологический «фонтан» увещеваниями и запретами обречены на провал, поскольку искусственный интеллект представляет собой не временное явление, а фундаментальный сдвиг в способах поиска, обработки и генерации информации. Вместо борьбы с неизбежным необходимо философски переосмыслить происходящие изменения и выработать новые принципы организации научной деятельности.

Ключевой исследовательский вопрос заключается в том, действительно ли использование генеративного искусственного интеллекта в научной практике ведет к деградации академической среды и утрате авторства или же оно открывает новые возможности для развития научного знания. Анализ происходящих процессов через

призму классических философских концепций позволяет выявить парадоксальный характер воздействия технологий на природу научного творчества и предложить конструктивные пути трансформации публикационных практик. Данное исследование предлагает рассмотреть феномен искусственного интеллекта в науке не как угрозу академической целостности, но как катализатор эволюции научной коммуникации, требующий переосмысления фундаментальных категорий авторства, творчества и научной ответственности.

Методы исследования

В настоящем исследовании применялась комбинированная методология, объединяющая философско-концептуальный анализ классических работ по философии текста и эмпирическое изучение практики применения генеративных языковых моделей в академической среде.

Во-первых, для теоретической части проведён системный анализ философских трудов Р. Барта, Ю. Лотмана и М. Бахтина. Изучение ключевых работ по концепции «смерти автора» (Барт, 1968), семиосферы (Лотман, 2009) и «полифонии» (Бахтин, 1979) позволило сформировать исходные категории исследования: авторство, семиосфера, полифония, а также их трансформацию в условиях использования ИИ. При этом методы герменевтики и семиотического декодирования обеспечивали глубокий контекстуальный разбор философских идей, а сравнительно-исторический подход – проследить эволюцию взглядов на авторство от классики к современным технологиям.

Во-вторых, эмпирическая часть базировалась на внутреннем реестре научно-исследовательских проектов (собранном в учебном году 2024/2025), включающем сведения об ИИ-моделях и результатах проверки текстов системой «Антиплагиат». Метод сбора данных состоял в систематизации информации по столбцам «использованная БЯМ» и «антиплагиат (%)», включая дату и формат проекта. Дальнейший этап – экспертная доработка: три преподавателя-эксперта оценивали по шкале 1–5 оригинальность, ясность и соответствие тематике сгенерированных фрагментов. Эти оценки агрегировались для определения средней степени концептуальной новизны.

В-третьих, для проверки эффективности детекции ИИ-текста применялись два класса алгоритмов: система «Антиплагиат» и три зарубежных сервиса. Для каждой модели фиксировалась доля распознанных текстов. Методика анализа включала расчёт средних показателей и межмодельного сравнения с последующим статистическим тестированием различий (t-тест для независимых выборок, $\alpha = 0,05$).

Наконец, качественный анализ результатов осуществлялся методом контент-анализа комментариев экспертов, выявлявшим типичные проблемы сгенерированных фрагментов: отсутствие оригинальных гипотез, поверхностность аргументации, несогласованность терминологии. Собранные данные интегрировались в общую матрицу, сопоставленную с теоретическими положениями, что обеспечило вывод о перераспределении функций автора и ИИ в процессе подготовки научных публикаций.

Философская экспликация: смерть и торжество автора

Концепция «смерти автора» была предложена Роланом Бартом как принципиальный поворот в понимании авторства и смыслообразования. Барт утверждал, что автор, традиционно рассматриваемый как единственный источник значений текста, должен уступить место читателю, которому предоставляется свобода конструировать собственную интерпретацию произведения. Барт выступал за освобождение текста от «тирании биографического намерения» и передачу инициативы в интерпретацию читателю, способному создавать собственные значения. В классической парадигме научной публикации именно автор диктует читателю «правильное» прочтение — его интенции записаны в тексте и ориентируют восприятие аудитории. То есть в научной

публикации автор детерминирует трактовку своих результатов через строгий академический язык и единственный «правильный» способ изложения.

С появлением генеративного искусственного интеллекта (ИИ) данная модель подвергается фундаментальному пересмотру. Большие языковые модели (LLM) способны автоматически производить научные тексты, комбинируя несколько источников и имитируя научный стиль без явного вмешательства человека. Получается, что БЯМ поставили под вопрос монополию человека на авторство. Разрушение классической модели, предсказанное Бартом, свершилось.

Подобные технологии, на первый взгляд, демонстрируют реализацию «смерти автора» в предельной форме: алгоритм становится «автором», а человеческий вклад сводится к нажатию кнопки запуска генерации – исследователь загружает исходные ключевые фразы и описание методики в интерфейс ИИ-системы, которая выдаёт предварительный текст, требующий минимальной стилистической правки. Время подготовки рукописи сокращается – процесс оптимизирован. А роль автора сведена до оператора?

Однако анализ реальных кейсов применения генеративного ИИ в публикациях показывает иное. Ключевые этапы научного исследования – формулирование исходной проблемы, выдвижение оригинальной гипотезы, выбор методологической схемы и аппарата, постановка экспериментальных или аналитических процедур, интерпретация полученных данных, выстраивание логики аргументации – остаются полностью за исследователем. БЯМ не создают новые теории и не предлагают оригинальных интерпретаций эмпирических данных. Все основные функции автора-человека требуют критического мышления, творческой интуиции и экспертного опыта, которые не могут быть переданы алгоритму в полном объёме. Генеративный ИИ обеспечивает оформление текста, оптимизацию стилистики и корректность языка, но не способен самостоятельно выдвигать исходные научные вопросы и обосновывать методологический выбор. Именно в этом заключается «триумф автора»: высвобождение исследователя от рутинного труда по стилистическому и лексическому выверению текста позволяет ему сконцентрироваться на постановке и развитии научных идей, аналитической рефлексии и критической дискуссии.

Усилить данное понимание помогает семиотическая теория Ю. Лотмана. В рамках концепции семиосферы Лотман рассматривает культуру как сложную систему взаимодействующих текстов и кодов, где каждый элемент несёт специфическое значение и участвует в создании общей смысловой структуры. Появление ИИ-технологий в семиосферном пространстве науки можно понимать как введение нового «языка» или кода, обладающего собственной грамматикой и синтаксисом. Алгоритмическое «писательство» вносит в научный дискурс особый тип «взрывов» смыслов – фрагментов, порождённых на основе статистического анализа огромных массивов данных. Однако эти «взрывы» остаются бессодержательными без участия человеческого «переводчика», который анализирует их семантику, соотносит с существующими теориями и выстраивает логическую структуру исследования. Следовательно, ИИ-технологии как код расширяют семиосферу науки, но при этом сохраняют за исследователем функцию интеграции и осмысленной интерпретации. ИИ добавляет в научный дискурс алгоритмические «взрывы» смыслов, основанные на статистическом объединении концепций из различных источников. Примером может служить автоматическая генерация обзора литературы: ИИ-система анализирует сотни статей по теме, вычленяет частотные коллокации и формирует обобщённый текст, отражающий развитие проблемы. Однако полученный обзор требует экспертной доработки: исследователь соотносит выявленные паттерны с ключевыми теоретическими фреймворками, отмечает пробелы и противоречия, выдвигает собственную систему классификации. Таким образом, ИИ расширяет семиосферу и не отменяет функцию автора как интерпретатора.

Экспликация концепции М. Бахтина к процессу внедрения БЯМ в создание научного текста позволяет увидеть то, что в ходе обучения ИИ-модели вбирают в себя «голоса» различных научных школ, стилей публикации и языковых практик, что обеспечивает технический аспект бахтинской «полифонии» – многоголосного текста культуры – автоматизированного смешения жанров и стилистик. На практике при генерации введения или заключения исследователь получает текст, содержащий заимствования фразеологизмов из классических трудов и современных публикаций. Однако истинная полифония возникает, когда автор осуществляет критический отбор: он решает, какие дискурсы включить в работу, и выстраивает между ними диалог, подчёркивая точки пересечения и противоречия. Без этой работы (экспертное «причесывание») результат останется стилистическим мозаичным набором фрагментов, лишённым системности и глубины.

Мы предлагаем сформулировать новую парадигму авторства в эпоху ИИ. Авторство определяется не механическим актом написания текста, а концептуальным конструированием исследовательской траектории, выдвижением оригинальных гипотез и критической оценкой полученных результатов. ИИ в этой модели выступает вспомогательным инструментом, обеспечивающим формальную точность, ускоренную подготовку рукописи и оптимизацию лингвистической составляющей, но не подменяющим интеллектуальные функции исследователя. Роль автора смещается к разработке метауровня исследования – архитектуры семиосферы, в которой алгоритм функционирует как один из многих кодов, а также к управлению полифоническим пространством через отбор и интерпретацию фрагментов.

Парадокс «смерти автора» реализуется на формальном уровне, но на концептуальном уровне приводит к усилению роли учёного. Технологическая автоматизация оформления научного текста обнажает ценность человеческой экспертизы: формирование гипотез, обоснование методологических решений и синтез теоретико-эмпирических выводов становятся главными критериями авторства и научного вклада. В результате «триумф автора» не является утопической конструкцией, а отражает реальную переоценку исследовательских функций в новой технологической экосистеме. В дальнейшем это может привести к пересмотру критериев рецензирования и оценки научных публикаций, где основной акцент будет смещён с качества стилистики на глубину концептуальной проработки и оригинальность идей.

Эмпирический анализ

Для иллюстрации предложенной парадигмы «триумф автора» был проведён эксперимент с использованием внутреннего реестра научно-исследовательских проектов образовательной программы НИЯУ МИФИ, подготовленных с применением больших языковых моделей (LLM). Основными этапами эксперимента стали: 1) автоматическая генерация текстовых драфтов, 2) экспертная доработка и 3) проверка отредактированных текстов системой «антиплагиат». В результате был собран массив данных по ИИ-моделям и реальным показателям обнаружения их текстов.

Во-первых, генеративные модели выступили в роли средства ускорения подготовки рукописи. На этапе автоматической генерации исследователи задавали системе исходные параметры: ключевые понятия темы, структурный план и требования к стилю. БЯМ оперативно выдавали тексты «Введения», «Методов» и «Обсуждения», что позволило свести к минимуму рутинную работу по формулировке общих положений. Особенно заметна оптимизация раздела «Методы» – среднее время подготовки снизилось с 6 до 2 часов (экономия затрат временного ресурса – 67 %).

Во-вторых, экспертная доработка подтвердила сохранение критической роли человека в формировании содержания. Несмотря на высокую долю формальной корректности, исходные материалы демонстрировали недостаток концептуальной

глубины и оригинальности. Экспертная группа оценивала фрагменты по трём критериям: соответствие теме, ясность изложения и концептуальная новизна. Средний балл по последнему критерию составил 2,8 из 5, что указывает на некорректное использование возможностей БЯМ продуцировать новые идеи и логические переходы. Это косвенно подтверждает тезис о том, что ИИ не может заменить постановку гипотез, выбор методологии или анализ результатов – функции, определяющие авторство человека.

В-третьих, результаты проверки в «Антиплагиате» показали, что системы не распознают ИИ-генерированный текст. Средние показатели оригинальности для разных моделей колебались от 91 до 100 %, при этом наиболее «незаметными» оказались тексты, сгенерированные гибридными связками (DeepSeek + Chat-GPT mini), где доля оригинальности составила 99,6 %. Это означает, что даже при высоком уровне автоматизации формальной стороны публикации авторский контроль (высокая этика) и экспертная верификация остаются необходимыми для поддержания академической добросовестности.

Сводная таблица по ключевым моделям
 Summary table of key models

Модель	Обнаруженный плагиат, %	Число проверок	Время «Методы» без/с ИИ, ч	Экономия времени, %	Новизна (оценка C), баллы
Qwen	98,9	4	6 → 2	67	2,7
DeepSeek	97,8	6	6 → 2	67	2,6
Chat-GPT 4 / 4.1 (Turbo)	97,8	2	6 → 2	67	2,9
Grok / Grok3	97,0	2	6 → 2	67	2,8
DeepSeek + Chat-GPT 4o-mini	99,6	1	6 → 2	67	2,5

Эти данные подтверждают три основных наблюдения. Во-первых, ИИ выступает в роли «вспомогательного кода» (Лотман), автоматизируя оформление и сокращая время подготовки, но не затрагивая основы смыслового конструирования. Во-вторых, эксперты сохраняют статус «переводчика смыслов», интегрируют алгоритмические «взрывы» (LLM-генерацию) в единую концептуальную структуру и обеспечивают глубину анализа. В-третьих, необходимость двойного контроля – специалиста и технологии – подчёркивает полифонический характер научной коммуникации (Бахтин): ИИ добавляет голоса корпусных текстов, а автор-исследователь организует их диалог в едином высказывании.

Таким образом, полученные в ходе эксперимента результаты демонстрируют, что автоматизация рутинного текста не устраняет, а перераспределяет интеллектуальные функции: человек переходит к роли архитектора научной траектории и критика, тогда как ИИ остаётся инструментом повышения оперативности и формальной точности публикаций.

Обсуждение результатов

Универсализм высокой этики. Этический контекст применения ИИ-технологий в научных публикациях не требует выработки новых норм, поскольку фундаментальные принципы научной этики остаются неизменными. Честность, открытость,

добросовестность, справедливость и уважение к интеллектуальной собственности сохраняют своё значение вне зависимости от инструментов, применяемых исследователем. ИИ выступает средством обработки текста, данных, но не меняет саму природу научного поиска, который априори основывается на стремлении к истине и ответственному представлению результатов.

В первую очередь речь идёт о запрете на фальсификацию и фабрикацию данных, а также о принципе точного цитирования и корректного соотнесения вклада разных авторов. Появление генеративных моделей не отменяет обязанность исследователя документировать источники, обосновывать методологические решения и проверять надёжность исходных данных. Автоматическое оформление текста может скрыть недостатки или ошибки в логике рассуждений, однако ответственность за достоверность выводов всегда остаётся на человеке, подписывающем рукопись.

Второй аспект этики касается прозрачности использования инструментов. Речь не об указании «применял ИИ». Такой маркер сегодня похож на «использовал шариковую ручку». На самом деле исследователь должен сохранять готовность предоставить метаданные и описания процедур эксперимента при запросе рецензента или редакции – это, а не маркировка «сделано БЯМ», обеспечивает доверие к публикации и позволяет научному сообществу оценить представленные результаты. Подобная практика не противоречит нормам академической этики, а лишь дополняет их в новую цифровую реальность.

Третий момент связан с ответственностью за последствия публикации. Применение ИИ-технологий в формулировках текста не оправдывает ошибок человека в интерпретации, искажении данных или ином неэтичном представлении результатов. Поскольку ИИ-сгенерированный текст может выглядеть безупречно стилистически, особенно уязвимыми становятся вопросы глубинного смысла, научной обоснованности и культурного влияния публикации. Автор обязан критически оценивать продукт генерации, корректировать дискурс и предотвращать возможные заблуждения аудитории.

Наконец, принципы справедливого рецензирования и коллективной ответственности сохраняются в полной мере. Двойное рецензирование, включающее как экспертную оценку человека, так и проверку ИИ-агентом как рецензентом, служит не созданию новой «этики ИИ», а подчёркивает неизменность общечеловеческих норм: каждый голос, будь то эксперт или алгоритм, должен способствовать объективности и качеству научного диалога. Таким образом, использование ИИ не требует разработки отдельного свода этических правил, поскольку уже существующие принципы охватывают все ключевые аспекты ответственного научного творчества.

Генезис новых форм публикационных практик

Современная научная коммуникация требует новых форм публикаций, отражающих перераспределение функций между человеком и искусственным интеллектом. Опираясь на философскую парадигму «триумфа автора», можно предложить следующие инновационные форматы:

Во-первых, модульные публикации, представляющие рукопись как совокупность самостоятельных, но взаимосвязанных блоков – гипотеза, методология, результаты, обсуждение и выводы. Каждый модуль цитируется отдельно и может обновляться независимо: учёный вносит корректировки в раздел «Методы» на основе новых данных, не затрагивая обоснование гипотезы или интерпретацию результатов. Такой подход подчеркнёт авторство на уровне постановки гипотез, позволит сосредоточиться на ключевых интеллектуальных аспектах и обеспечит гибкую адаптацию публикации к развитию исследования.

Во-вторых, динамические публикации, или «живые статьи», в которых фиксируется история изменений и дат последнего обновления каждого модуля. Читатель получает доступ к версии рукописи на конкретную дату и видит эволюцию научной мысли от

первоначального драфта до окончательного текста. Применение БЯМ на этапах автоматизированного редактирования фиксируется в метаданных, что обеспечивает прозрачность процесса, сохраняя при этом ответственность автора за содержание.

В-третьих, концептуальные эссе с экспертной разметкой для гуманитариев и философов. Этот формат сочетает свободу эссеистического изложения с чёткой структурой: выделяются блоки «тезис», «обзор литературы», «аргументация» и «рефлексия». Может быть, по желанию автора, указан уровень участия ИИ в подготовке текста (например, «автоматическая генерация черновика»). Таким образом сохраняется авторская интонация и глубина анализа, где ИИ выполняет функцию помощника по выверке языка и структуры.

В-четвёртых, система двойного рецензирования: экспертная оценка человеком дополняется автоматическим анализом ИИ-агента, проверяющим логические связи, полноту аргументации и соответствие заявленной методологии. Алгоритмический рецензент фиксирует пропущенные ссылки, несогласованность терминов и потенциальные логические пробелы, а человек-ревьюер параллельно оценивает научную новизну, этическую обоснованность и глубину концептуального анализа. Такой гибридный механизм позволяет ускорить процесс рецензирования и повысить его объективность.

Наконец, для строгих традиционалистов – публикации с открытыми метаданными об использовании ИИ: исследователь указывает модели и версии БЯМ, а также основные параметры запросов, без избыточной детализации технических настроек. Это обеспечит справедливую оценку вклада человека и алгоритма, исключит «чёрный ящик» и укрепит доверие между авторами, редакторами и научным сообществом.

Эти формы публикаций отражают новую роль автора как архитектора исследовательской траектории и смыслового конструирования, а ИИ – как эффективного помощника в оформлении и структурировании. В результате научные тексты эволюционируют от статичных статей к гибким, динамичным и глубоко структурированным произведениям, где интеллектуальная ценность определяется не объемом, а оригинальностью и глубиной идей.

Заклучение

В настоящем исследовании показано, что внедрение генеративных языковых моделей в научную практику не порождает утрату авторства, а, напротив, способствует его трансформации и усилению. Анализ философских концепций Р. Барта, Ю. Лотмана и М.Бахтина позволил сформулировать парадигму «триумфа автора», в которой исследователь освобождается от рутинных задач стилистического оформления и концентрируется на конструировании гипотез, методологической разработке и глубокой интерпретации результатов. Эмпирический анализ внутреннего реестра научно-исследовательских проектов НИЯУ МИФИ подтвердил, что БЯМ эффективно оптимизируют подготовку разделов научной рукописи и экономят до двух третей времени на обработку данных и оформление текста.

Этический обзор показал, что фундаментальные принципы научной добросовестности – честность, точность цитирования, своевременное обоснование выводов и ответственность за представленные данные – остаются неизменными. Включение ИИ в процесс подготовки публикации не требует разработки нового свода норм, а лишь предъявляет к исследователю обязательство прозрачности в описании процедуры и сохранения готовности к экспертной верификации.

На основе проделанного анализа предложен ряд конкретных форматов трансформации научных публикаций: модульные и динамические «живые» статьи, концептуальные эссе с экспертной разметкой для гуманитариев и философов, а также система двойного рецензирования с участием человека и ИИ-агента. Эти инновационные

подходы учитывают перераспределение функций между автором и машиной, обеспечивая гибкость и адаптивность публикаций, сохраняющие при этом глубину концептуального содержания.

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на апробации предложенных форматов в реальных издательских процессах, разработке методик оценки качества модульных публикаций и создании автоматизированных инструментов для управления «живыми» версиями статей. Кроме того, важно изучить влияние ИИ-поддерживаемых публикаций на метрики цитирования, репутацию авторов и динамику научного дискурса в долгосрочной перспективе.

Таким образом, интеграция человеческого творчества и алгоритмических возможностей открывает новые горизонты в научной коммуникации, где авторство определяется не количеством произведённого текста, а оригинальностью идей, критической рефлексией и ответственным представлением знаний.

Список литературы

- Барт Р. 1989. Смерть автора. В кн.: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., Прогресс, С. 384-391.
- Бахтин М.М. 1979. Проблемы поэтики Достоевского. М., Советский писатель, 504 с.
- Сизова Е.В. 2025. Концепты академической этики в условиях цифровой трансформации образования: влияние искусственного интеллекта. *Концепт*, 7: 324-342.
- Floridi L. 2019. *The Ethics of Artificial Intelligence*. Oxford, Oxford University Press. 272 p.
- Gao C. 2021. Cultural semiosis and AI: Chinese perspectives. *Chinese Journal of Semiotica*, 14: 150-168.
- Hartgerink C., Field S., van Ravenzwaaij D. 2022. Publishing Research Output Continuously (PROcess): The case of modular publishing. DOI: 10.53962/p7ec-pxxb.
- Liverpool L. 2023. AI intensifies fight against 'paper mills' that churn out fake research. *Nature*, 618: 222-223. DOI: 10.1038/d41586-023-01780-w. PMID: 37258739.
- Sabel B.A. et al. 2023. Paper mills and fake research papers: a global issue threatening scientific integrity. *MedRxiv preprint*.
- Shah J.N., Shah J. 2021. Paper Mills for research writing and publication: A threat to the integrity of science. *Journal of Kathmandu Medical College*, 10: 240-245. DOI: 10.3126/jkmc.v10i4.43865.
- Stodden V., Seiler J., Ma Z. 2018. An empirical analysis of journal policy effectiveness for computational reproducibility. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(11): 2584-2589. DOI: 10.1073/pnas.1708290115.
- Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S., Foltýnek T., Guerrero-Dib J., Popoola O., Šigut P., Waddington L. 2023. Testing of detection tools for AI-generated text. *International Journal for Educational Integrity*, 19(1): 26. DOI: 10.1007/s40979-023-00146-z.
- Zafar L., Masood N. 2020. Impact of Field of Study Trend on Scientific Articles. *IEEE Access*, 8: 132407-132416. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3007558.
- Zhang R., Koushanfar F. 2024. Watermarking Large Language Models and the Generated Content: Opportunities and Challenges. *arXiv preprint*. DOI: 10.48550/arXiv.2410.19096.

References

- Bart R. 1989. Smert' avtora [The Death of the Author]. In: Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Comp., ed. and introd. by G.K. Kosikov. Moscow, Progress: 384-391.
- Bakhtin M.M. 1979. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskii pisatel', 504 p.
- Sizova E.V. 2025. Kontsepty akademicheskoi etiki v usloviyakh tsifrovoi transformatsii obrazovaniya: vliyanie iskusstvennogo intellekta [Concepts of Academic Ethics in the Context of Digital Transformation of Education: The Impact of Artificial Intelligence]. *Kontsept*, (7): 324-342.
- Floridi L. 2019. *The Ethics of Artificial Intelligence*. Oxford, Oxford University Press, 272 p.
- Gao C. 2021. Cultural semiosis and AI: Chinese perspectives. *Chinese Journal of Semiotica*, 14(3): 150-168.

- Hartgerink C., Field S., van Ravenzwaaij D. 2022. Publishing Research Output Continuously (PROcess): The case of modular publishing. DOI: 10.53962/p7ec-pxxb.
- Liverpool L. 2023. AI intensifies fight against 'paper mills' that churn out fake research. *Nature*, 618: 222-223. DOI: 10.1038/d41586-023-01780-w. PMID: 37258739.
- Sabel B.A. et al. 2023. Paper mills and fake research papers: a global issue threatening scientific integrity. MedRxiv preprint.
- Shah J.N., Shah J. 2021. Paper Mills for research writing and publication: A threat to the integrity of science. *Journal of Kathmandu Medical College*, 10(4): 240-245. DOI: 10.3126/jkmc.v10i4.43865.
- Stodden V., Seiler J., Ma Z. 2018. An empirical analysis of journal policy effectiveness for computational reproducibility. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 115(11): 2584-2589. DOI: 10.1073/pnas.1708290115.
- Weber-Wulff D., Anohina-Naumeca A., Bjelobaba S., Foltýnek T., Guerrero-Dib J., Popoola O., Šigut P., Waddington L. 2023. Testing of detection tools for AI-generated text. *International Journal for Educational Integrity*, 19(1): 26. DOI: 10.1007/s40979-023-00146-z.
- Zafar L., Masood N. 2020. Impact of Field of Study Trend on Scientific Articles. *IEEE Access*, 8: 132407-132416. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3007558.
- Zhang R., Koushanfar F. 2024. Watermarking Large Language Models and the Generated Content: Opportunities and Challenges. *arXiv preprint*. DOI: 10.48550/arXiv.2410.19096.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.04.2025
Поступила после рецензирования 28.07.2025
Принята к публикации 28.02.2026

Received April 28, 2025
Revised July 28, 2025
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тихомирова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, онтологии и теории познания, ведущий эксперт лаборатории цифровых технологий в гуманитарных науках центра изучения культурного наследия, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва, Россия.

Ekaterina G. Tikhomirova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ontology and Theory of Cognition, Leading Expert of the Laboratory of Digital Technologies in the Humanities, Center for the Study of Cultural Heritage, National Research Nuclear University “MEPhI”, Moscow, Russia.

Душкин Роман Викторович, генеральный директор ООО «А-Я эксперт», старший преподаватель кафедры № 22 «Кибернетика», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва, Россия.

Roman V. Dushkin, CEO of LLC “A-YA Expert”, Senior Lecturer at the Department of Cybernetics No. 22, National Research Nuclear University “MEPhI”, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 378.1; 331.103
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-35-47
EDN CBFJGA

Регламентация образовательного пространства провинциального вуза в интерпретации его основных акторов

Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Начкебия М.С.,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

babintsev@bsuedu.ru, serkina_ya@bsuedu.ru, nachkebiya@bsuedu.ru

Аннотация. Регламентация образовательного пространства высшей школы стала одним из важнейших элементов реформирования системы образования в России. Возникающие в ее ходе проблемы и решения довольно хорошо исследованы в научной литературе, однако до настоящего времени практически нет работ, рассматривающих специфику процесса регламентации в провинциальных вузах, расположенных в удаленных от федерального центра регионах. Такие учебные заведения характеризуются дефицитом ресурсов, высокой зависимостью сотрудников от администрации и особой значимостью корпоративных ценностей. Новизна работы заключается в том, что в ней на основе эмпирического материала выявлены диспозиции основных общностей провинциального вуза в отношении процесса регламентации образовательного пространства учреждений высшей школы. В результате определены общие черты и противоречия в интерпретации процедур разработки и внедрения регламентов. Основным противоречием является то, что административно-управленческий персонал рассматривает регламентацию преимущественно как инструмент контроля и формальной упорядоченности внутривузовских процессов, в то время как научно-педагогические работники видят в регламентах инструмент решения социально значимых задач в науке и образовании. Отсутствие конструктивного разрешения этого противоречия создает условия для латентного конфликта, снижающего эффективность работы вузов, стимулирующего распространение имитационных практик и девальвацию ценности образования. Предотвращение этих по сути деструктивных следствий связывается с переходом к партисипативной модели управления и реальным включением академического сообщества в разработку регламентирующих документов.

Ключевые слова: регламентация, рационализация, цифровизация, образовательное пространство, провинциальный вуз, партисипативная модель управления, административно-бюрократический аппарат, высшее учебное заведение, эффективность управления

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03536, <https://rscf.ru/project/25-28-03536/>

Для цитирования: Бабинцев В.П., Серкина Я.И., Начкебия М.С. 2026. Регламентация образовательного пространства провинциального вуза в интерпретации его основных акторов. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 35–47. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-35-47 EDN: CBFJGA

Regulation of the Educational Space of a Provincial University as Interpreted by Its Main Actors

Valentin P. Babintsev, Yana I. Serkina, Maya S. Nachkebiya

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

babintsev@bsuedu.ru, serkina_ya@bsuedu.ru, nachkebiya@bsuedu.ru

Abstract. Regulating the higher education space has become a crucial element of education system reform in Russia. The problems and solutions arising in this process have been well-researched in the academic literature. However, to date, virtually no studies have examined the specifics of the regulation process at provincial universities located in regions remote from the federal center. These educational institutions are characterized by a shortage of resources, high staff dependence on administration, and a particular emphasis on corporate values. The novelty of this study lies in its use of empirical data to identify the dispositions of key communities at a provincial university with regard to the process of regulating the educational space of higher education institutions. As a result, commonalities and contradictions in the interpretation of procedures for developing and implementing regulations are identified. The main contradiction is that administrative and managerial personnel view regulations primarily as a tool for control and formalizing internal university processes, while academic and teaching staff view regulations as a tool for addressing socially significant issues in science and education. The lack of a constructive resolution to this contradiction creates the conditions for latent conflict, which reduces the effectiveness of universities, encourages the spread of imitation practices, and devalues education. The article links the prevention of these essentially destructive consequences to a transition to a participatory governance model and the genuine inclusion of the academic community in the development of regulatory documents.

Keywords: regulation, rationalization, digitalization, educational space, provincial university, participatory management model, administrative-bureaucratic apparatus, higher education institution, management efficiency

Funding: The study was supported by grant No. 25-28-03536 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-03536/>

For citation: Babintsev V.P., Serkina Ya.I., Nachkebiya M.S. 2026. Regulation of the Educational Space of a Provincial University as Interpreted by Its Main Actors. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 35–47 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-35-47 EDN: CBFJGA

Введение

Проблеме реформирования высшего образования в современной России посвящено довольно много научных исследований. Большая часть из них носит критический характер, что объясняется противоречивостью и неоднозначностью результатов реформы [Богуславский, Неборский, 2015; Анохина, 2017; Яницкий, 2018; Осташова, 2025]. Исследователи обоснованно указывают на рост бюрократизации [Логвинова, 2019; Барков и др., 2024; Тимощук, Чистяков, 2025], сокращение академических свобод [Курбатова, Каган, 2016; Горин, 2020; Бабинцев и др., 2023; Дежина, 2024] и усиление зависимости вузов от формальных показателей [Красинская, 2016; Осипов, 2023; Дятлов, Ковалев, 2023; Тузиков, Зинурова, 2024]. Однако ни один сложный социальный процесс не может быть оценен только как однозначно отрицательный или, напротив, положительный. В реформе можно выделить конструктивные элементы, связанные, в частности, с нормативной упорядоченностью образовательной среды, хотя довольно часто полезные по сути начинания девальвировались их непоследовательной и непродуманной реализацией. Более того, реформа имела свои особенности в различных вузах, которые в настоящее время существенно дифференцированы в отношении миссии, приоритетных целей и

ресурсов. К числу одного из наиболее противоречивых элементов реформы относится регламентация образовательного пространства, в основе которой лежит устойчивый запрос на рационализацию образовательной среды, понимаемую как переход к четким нормам, формализованным процедурам и объективным критериям оценки. Регламентация становится важнейшим инструментом рационализации, который способствует преодолению состояния аномии, вводя прозрачные «правила игры», расширяет возможности для внедрения цифровых технологий и упрощает коммуникации. Она создает предпосылки для объективной оценки результатов деятельности вузов, что отвечает запросу общества на эффективность и предсказуемость. Однако в современных российских высших учебных заведениях инструменты рационализации все чаще присваиваются вузовской бюрократической корпорацией, которая использует их для реализации групповых интересов, ориентированных на достижение формальных показателей и присвоение адекватной им доли академической ренты. Содержательная сторона образования при этом подменяется формальным соблюдением процедур, а сам процесс имитируется ровно настолько, насколько это необходимо для удержания ресурсов и организационного контроля.

Если описанный механизм характерен для системы высшего образования в целом, то в провинциальных вузах он приобретает специфические черты, обусловленные их особым положением и сложившимися моделями внутрикорпоративных отношений. Провинциальным вузом является высшее учебное заведение, которое расположено в относительно небольших, удаленных от федерального центра регионах России, как правило, в средних и даже малых городах. Эти вузы характеризуются своими особыми традициями и специфическими моделями взаимоотношений внутри коллектива [Пищулина, 2008; Логвинова 2019; Ульянов, Маслова, 2020; Серкина, 2023; Романенко, Платонова, 2025]. Вполне естественно, что несбалансированность организационных отношений влияет на отношение вузовских общностей (акторов) к реформе образования и ее отдельным элементам, одним из которых и является регламентация пространства учреждений высшей школы. Наиболее важное значение при этом имеет диспозиция двух общностей – административно-управленческого персонала и научно-педагогических работников, которые принимают основное участие в разработке и реализации регламентов.

Цель исследования – представить противоречивый характер регламентации образовательного пространства вуза как следствие ее противоречивой интерпретации представителями административно-управленческого персонала и научно-педагогических работников, предпосылки которой в значительной степени связаны с неоднозначной трактовкой феномена рациональности.

Методология исследования

Теоретико-методологическую основу статьи составляют теория рациональности, представленная, в частности, концепциями формальной и содержательной рациональности М. Вебера, А. Этциони, а также системный подход к анализу образовательной среды. Работа опирается на авторское эмпирическое исследование. В качестве основных методов при его проведении использовались анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность вузов, включенное наблюдение за практиками управления и взаимодействия в вузовской среде, а также вторичный анализ социологических данных по проблемам высшего образования.

Основным методом сбора первичной информации стал анкетный опрос, проведенный с сентября 2021 г. по апрель 2024 г. в провинциальных вузах Центрального федерального округа. Квотная выборка исследования составила 507 респондентов, среди них: научно-педагогические работники (НПР) – 335 респондентов; административно-управленческий персонал (АУП) – 172 респондента. Такой дизайн исследования позволил не только зафиксировать общие тенденции, но и сопоставить позиции двух ключевых вузовских общностей по проблемам регламентации.

Результаты исследования

Рациональные предпосылки регламентации

Процесс регламентации образовательного пространства отражает потребность в рационализации управления в условиях усложняющихся социальных связей и растущей неопределенности внешней среды. Рационализация является объективным и неизбежным ответом на комплекс внутренних и внешних вызовов.

Этот процесс не случаен и имеет ряд глубоких предпосылок:

– *социальные*. Развитие современного общества характеризуется утверждением прагматичных и утилитарных установок в массовом сознании. Преобладает принцип эффективности, результативности и управляемости, что транслируется и на сферу образования, заставляя ее субъектов искать рациональные формы организации;

– *технологические*. Цифровая революция, дигитализация и распространение технологий на основе искусственного интеллекта выступают как катализатор и самостоятельный фактор рационализации. Они создают новые возможности для формализации и оптимизации процессов, которые ранее плохо поддавались унификации. Как отмечается, «развитие современных цифровых технологий представляет новые возможности для формальной рационализации даже тех практик, которые раньше ей не поддавались или поддавались с трудом» [Зарубина, 2020, с. 10];

– *управленческие*. Эволюция управленческих систем в направлении технологизации и заимствования элементов менеджеристских моделей формирует запрос на повсеместную регламентацию и измеримость всех направлений деятельности вуза.

Рационализацию в данном контексте следует понимать как процесс преобразования социальной реальности образовательной среды, описываемый в системе понятий и реализуемый через установление строгих правил, норм и формализованных целей. Однако этот процесс не может быть оценен однозначно позитивно, или абсолютно негативно.

Классическая социология, начиная с М. Вебера, указывала на сложность рационализации. Вебер подчеркивал, что ««рационализация» может быть проведена с самых различных точек зрения, причем то, что с одной точки зрения является «рациональным», с другой – может оказаться «иррациональным»» [Вебер, 1990, с. 55]. Он различал формальную и содержательную рациональность.

Эта мысль получила развитие у современных исследователей. А. Этциони говорил о рациональности выживания и рациональности развития [Этциони, 1969; Бабинцев и др., 2022]. Д. Ритцер предупреждал, что «ориентированная на увеличение эффективности гиперрационализация в итоге приводит к иррациональности» [Ритцер, 1993, с. 3-4].

В работе А.П. Климовича отмечается, что рационализация может быть рассмотрена «как социальный процесс, при котором ресурсы систематически используются в соответствии с оптимальным соотношением целей и средств» [Климович, 2020, с. 44].

Ю. Хабермас, анализируя концепцию М. Вебера, делает акцент на том, что «общественная рационализация заключается непосредственно в развитии производительных сил, то есть расширении эмпирического знания, улучшении технологий производства и все более эффективной мобилизации, квалификации и организации общественно полезной рабочей силы» [Хабермас, 1981, с. 205]. А Н.Н. Зарубина подчеркивает, что в настоящее время «развитие современных цифровых технологий представляет новые возможности для формальной рационализации даже тех практик, которые раньше ей не поддавались или поддавались с трудом» [Зарубина, 2020, с. 10].

Таким образом, рациональность сама по себе идеологически нейтральна, но всегда привязана к ценностям и интересам тех, кто ее применяет. Именно субъект, задающий стратегию и формирующий оценочные критерии («что есть хорошо и плохо»), определяет конечный вектор и социальные последствия рационализации.

Перспективы и ограничения рационализации вузовской среды

При условии ориентации на содержательные цели образования, рационализация обладает значительным конструктивным потенциалом, который может быть выражен в следующем:

– *введение четких норм и правил.* В условиях риска аномии и рассогласования общественных процессов рационализация создает необходимый институциональный каркас – «правила игры», обеспечивающие предсказуемость и стабильность функционирования сложной системы вуза;

– *интеграция новых технологий.* Рационализация выступает организационной основой для внедрения цифровых инструментов, платформ и систем на основе искусственного интеллекта, расширяя возможности коммуникации, доступа к информации и управления образовательным процессом;

– *оптимизация и упрощение процессов.* Систематизация и регламентация позволяют устранять избыточные, дублирующие операции, высвобождая ресурсы для основной деятельности;

– *объективность оценки.* Формализованные критерии и системы показателей, будучи правильно выстроенными, могут снижать уровень субъективизма и произвола в оценке результатов деятельности всех акторов образовательного процесса.

В современной российской высшей школе доминирующим субъектом рационализации стала административно-бюрократическая система управления, что приводит к системным издержкам и искажению содержания управленческого процесса. К их числу можно отнести:

– *подмену целей.* Интересы бюрократической корпорации заключаются не в развитии образования, а в создании преимуществ для своей группы и замыкании на себя основных источников негативной административной академической ренты (материальной, нематериальной, статусной). Вузы превращаются в «квазикорпорации», ориентированные на внутренние цели аппарата управления, и регламенты, соответственно, создаются под эти цели;

– *доминирование формальной рациональности.* Процесс управления характеризуется директивностью, узким кругом лиц, принимающих решения, унификацией без учета специфики, адхократией (увлечение разрозненными проектами вместо системного развития) и символической демаркацией (стигматизация инакомыслящих как «консерваторов»). В результате практически исключается возможность солидарности субъекта и объекта в постановке и достижении поставленных целей;

– *патологии бюрократического сознания.* Происходит выхолащивание содержания в пользу формы. Рационализация ради самой себя ведет к гипертрофии контроля, «бумаготворчеству» [Осипов, 2019; Осипов, 2023], дублированию отчетности (например, параллельное ведение электронного и бумажного документооборота). Как отмечают исследователи, в управлении наблюдается «подмена функций социально ориентированного управления функциями цифровой отчетности» [Тихонов, Богданов, 2020, с. 74].

– *неоднозначность интерпретации.* Существует значительный разрыв в понимании рациональности между администраторами (для которых эффективность – это скорость и формальное соблюдение процедур) и академическим сообществом (для которого главной является содержательная сторона рационализации процессов управления).

Регламентация как инструмент рационализации

Противоречивость интерпретации рациональности является неоднозначное отношение акторов пространства провинциального вуза к регламентации его пространства. Суть регламентации заключается в создании и внедрении регламентов – документов, «определяющих последовательность, результаты и порядок управления

системой, деятельностью или процессом» [Начкебия, 2025, с. 145]. К объектам регламентации можно отнести: содержание и периодичность информационных потоков, формальные связи между подразделениями, квалификационные требования к работникам, нормативы труда, оснащение рабочих мест. Регламентация призвана упорядочить эти элементы, минимизировать сбои в работе системы [Гершанок, 2019].

Процесс регламентации внутренне противоречив. К его неоспоримым «плюсам» можно отнести: стимулирование самоорганизации системы, повышение управляемости и прозрачности, снижение неопределенности за счет формализации «правил игры», создание основы для объективной оценки деятельности и эффективного внедрения цифровых технологий. В сущности, регламентация представляет собой один из инструментов упорядочения жизнедеятельности вуза в нестабильной среде.

Однако регламентация имеет и свои «минусы», обусловленные двумя типами ограничений:

– онтологического характера, заключающиеся в том, что не все общественные процессы носят рациональный характер, большую роль в управлении играет интуиция и ментальные факторы;

– праксеологического характера. Формализованные процедуры в системах управления, с одной стороны, упрощают взаимодействия участников, а с другой стороны, сокращают возможности нестандартных, творческих решений и действий. Подобные ограничения особенно негативно сказываются на интеллектуальной деятельности.

Специфика регламентации образовательного пространства провинциального вуза

Негативные следствия бюрократического управления в той или иной мере проявляются в ходе регламентации.

Как справедливо отмечают исследователи, регламентация управленческой деятельности должна основываться на управленческих потребностях и интересах [Анненков и др., 2012, с. 37; Поздеева, Захарова, 2017, с. 50], однако на практике она часто отрывается от реальных потребностей. В силу этого регламентация неоднозначно воспринимается вузовским сообществом, причем в провинциальных вузах это восприятие имеет свою специфику.

Провинциальные вузы характеризует «дефицит материальных и человеческих ресурсов, отсутствие широкой известности, ограниченная поддержка со стороны федеральной власти, преимущественная ориентация на интересы региона» [Серкина, 2023, с. 205]. В отличие от столичных и федеральных университетов, они испытывают острый дефицит материального обеспечения и квалифицированных кадров, что не только затрудняет соответствие актуальным требованиям, но и усиливает зависимость от региональной власти. Последняя нередко становится основным и едва ли не единственным источником внебюджетного финансирования вуза и лоббирования его интересов, однако платой за это выступает снижение автономии учреждения высшей школы. Особенностью провинциальной вузовской среды является ее консерватизм. С одной стороны, он позволяет отсеивать псевдоинновации, с другой – тормозит внедрение действительно полезных изменений, поскольку инертность образовательного института вступает в противоречие с запросом на гибкость.

Эти обстоятельства формируют особый контекст для восприятия регламентации. Она нередко рассматривается администрацией как инструмент усиления контроля и компенсации нехватки ресурсов за счет жесткой формализации деятельности. В частности, в настоящее время дефицит средств, направленных на финансирование научной деятельности, администрации вузов зачастую пытаются восполнить не за счет поиска новых возможностей ее спонсирования бизнес-организациями, а путем установления жестких нормативных показателей, которые не обеспечиваются необходимыми условиями. В одном из обследованных нами университетов каждый

преподаватель в течение года должен выполнить объем научных исследований на сумму триста пятьдесят тысяч рублей, что невыполнимо в условиях современной провинции. Неудивительно, что реакцией научно-педагогических работников на подобное требование является ощущение зависимости, бесправия, на основе которых формируется скрытое сопротивление администрированию [Курбатова, Каган, 2026].

Акторы образовательного пространства: pro et contra регламентации

В основе нашего исследования лежит представление о том, что решение проблем регламентации должно быть найдено в контексте более общей задачи повышения эффективности управления. Однако в настоящее время вузовские общности вкладывают разный смысл в понимание феномена эффективности. Представители административно-управленческого персонала рассматривают ее преимущественно в формальном плане – как соответствие нормативным документам. Научно-педагогические работники, напротив, оценивают эффективность с учетом способности системы управления обеспечивать реализацию социальных функций образования. Так, например, безусловно позитивным считается наличие научных публикаций в журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science, а в последнее время включенных в Единый государственный перечень научных изданий «Белый список». При этом практически не учитывается качество научной работы [Дятлов, Ковалев, 2023; Дятлов, Ковалев, 2025].

Это расхождение в смыслах оказывает решающее влияние на понимание содержания регламентации и на отношение к ней.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что несмотря на выявленные различия большинство представителей обеих групп, не отрицают в принципе необходимость регламентации. Среди преподавателей и научных работников 40,1 % полностью согласны с необходимостью регламентации, а 47,9 % считают ее «скорее нужной». Среди административно-управленческого персонала эти цифры составляют 32,4 и 55,5 % соответственно, что в сумме дает еще более высокий уровень поддержки идеи. Но проблема лежит не в признании необходимости регламентов, а в понимании их роли и процедур разработки [Начкебия, 2025].

Для научно-педагогических работников регламенты важны в первую очередь потому, что они создают благоприятные условия для достижения целей образовательно-научного процесса и улучшения взаимодействия между его участниками, которые в настоящее время не вполне благоприятны. Это подтверждается данными о трудностях внутривузовского взаимодействия. 31,6 % НПП испытывают затруднения в общении с отдельными представителями АУП, а 25,3 % – с административными структурами в целом. К главным причинам трудностей отнесены бюрократизм (41 %) и наделение обязанностями вне должностных инструкций (21,5 %).

Представители административно-управленческого персонала делают акцент на формальной функции регламентов. И, поскольку в современных вузах атрибутом субъектности, то есть способности принимать значимые решения, обладают лишь администраторы, сложившаяся в них практика регламентации характеризуется ярко выраженной технико-технологической ориентацией. Ее чертами являются: поэтапная реализация процедур, осуществление технических операций по правилам делопроизводства, отсутствие системного анализа и научного обоснования, а также нерегулярность участия основных акторов.

Цифровизация, которая могла бы способствовать усилению социальной компоненты регламентации, часто лишь усугубляет проблемы, создавая когнитивный диссонанс у сотрудников. Административно-управленческий персонал провинциального вуза видит в формирующейся на основе цифровых технологий информационно-коммуникационной системе, прежде всего, инструмент контроля и систематизации (72,4 %), в то время как преподаватели – средство облегчения рутинного труда и реализации содержательных

целей (47,8 %). Это расхождение в целеполагании приводит к целому ряду проблем. К числу наиболее существенных среди них относятся: недостаточная компетентность сотрудников в работе с автоматизированными системами, низкая готовность применять новые технологии, перегруженность рутинными видами работ и трудности вертикального взаимодействия. Возникает парадоксальная ситуация – цифровые технологии как инструмент, призванный упростить работу научно-педагогических работников, начинают восприниматься в качестве дополнительного источника стресса и фрустраций, связанных с ужесточением требований и усилением контроля.

Преодоление негативных следствий регламентации

Изменение ситуации видится не в отказе от регламентации как таковой, а в изменении состава акторов этого процесса и его ценностных оснований.

Для этого необходимо:

– *повысить роль академического сообщества*. Ключевое условие решения многих управленческих проблем – становление научно-преподавательского и студенческого сообществ как реальных групп интересов, способных быть оппонентами и партнерами администрации вуза в выработке решений. Это требует длительного времени и консолидации коллектива;

– *перейти к партисипативной модели управления*. Необходимо преодолеть административную инерцию и внедрить модель, предполагающую обязательную организацию «социальной обратной связи, где главными фигурантами становятся заинтересованные группы» [Тихонов, Богданов, 2020, с. 80], и при этом «результаты управления должны быть социально приемлемыми» [Серкина, 2023, с. 333]. Регламентация должна стать результатом диалога, а не директивы;

– *пересмотреть базовые ценности*. Требуется преодоление стереотипов и патологий бюрократического сознания, его переориентации с целей институционального выживания любой ценой на цели академического развития. Необходимо уйти от системы «освоения средств» и «отчетности ради отчетности». Административно-управленческий аппарат должен транслировать культуру служения науке и образованию, где ключевым критерием эффективности становится не количество отчетных документов, а качество генерируемого знания.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что регламентация образовательного пространства представляет собой сложный и противоречивый процесс, который является объективным ответом на вызовы рационализации управления высшей школой, усиленные цифровизацией управления и запросом общества на эффективность и предсказуемость. Как показало исследование, сама по себе идея регламентации не отвергается вузовским сообществом. Большинство вузовских администраторов, сотрудников и преподавателей признают необходимость формализации «правил игры» и упорядочивания внутренних процессов. Однако реальная практика регламентации в провинциальных вузах демонстрирует глубокий разрыв между ее потенциальными возможностями и фактическими последствиями.

Отвечая на вопрос о том, что регламентация «дала» и что «отняла» у вузовского коллектива, следует подчеркнуть двойственность этого процесса. С одной стороны, она способствовала повышению управляемости и прозрачности отдельных процедур, создала основу для внедрения цифровых технологий и формализации критериев оценки, что в определенной мере снизило уровень неопределенности и субъективизма. Эти позитивные следствия в равной степени значимы для всех вузов, однако в провинциальных учебных заведениях, испытывающих дефицит ресурсов и кадров, они зачастую остаются лишь потенциальными возможностями, а не реальными достижениями.

С другой стороны, издержки регламентации проявились не менее отчетливо. У вузовского коллектива она «отняла» нечто более существенное, чем время на заполнение отчетов. Произошла подмена содержательных целей образования формальным соблюдением процедур, что привело к росту бюрократизации, усилению зависимости преподавателей от администрации и снижению академических свобод. В провинциальных вузах, где изначально выше уровень административного давления и сильнее угроза потери работы, эти негативные последствия приобрели особенно острый характер. Регламентация, монополизированная административно-управленческим аппаратом, превратилась в инструмент замыкания на него ресурсов и контроля, порождая у научно-педагогических работников ощущение бесправия, скрытое сопротивление и, в конечном счете, имитацию деятельности.

Положительные и отрицательные стороны регламентации проявились в разной степени для разных вузовских общностей, но общая тенденция отношения к ней их представителей довольно универсальна. Если административно-управленческий персонал видит в ней прежде всего средство усиления контроля и систематизации (что подтверждается эмпирическими данными), то для преподавателей она обернулась ростом бюрократической нагрузки, снижением мотивации и сужением пространства, необходимого для творческой, интеллектуальной деятельности. Это расхождение в восприятии и целеполагании является существенным противоречием современного этапа развития высшей школы.

Преодоление сложившейся ситуации видится не в отказе от регламентации как таковой, а в переходе к партисипативной модели управления, предполагающей реальное включение академического сообщества в выработку и принятие решений. Только при условии, что регламентация станет результатом диалога, а не директивы, может быть реализован ее конструктивный потенциал, обеспечена не формальная отчетность, а действительное развитие образовательной среды. Для провинциальных вузов, с их специфическими особенностями и ограничениями, этот переход является не только актуальной задачей, но и условием сохранения своего предназначения.

Список литературы

- Анненков В.И., Барчан Н.Н., Киселев Б.И. 2012. Государственная служба организации управленческой деятельности. Москва: КНОРУС, 256 с.
- Анохина Ю.А. 2017. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты. *Санкт-Петербургский образовательный вестник*, 9-10 (13-14): 14-20.
- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2022. Вузовская бюрократия в России - terra incognita социологии образования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22 (4): 895–908. DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Надуткина И.Э., Шаповал Ж.А. 2023. Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации. *Вестник Института социологии*, 14 (2): 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4.
- Барков С.А., Маркеева А.В., Гавриленко О.В. 2024. Инновационная бюрократия в управлении высшим образованием. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 24 (1): 58–72. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-58-72.
- Богуславский М.В., Неборский Е.В. 2015. Перспективы развития системы Высшего образования в России. *Науковедение*, 7 (3): 139. DOI 10.15862/111PVN315.
- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной. Москва: Прогресс, 808 с.
- Гершанок А.А. 2019. Основы организации труда. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т», 227 с.
- Горин С.Г. 2020. Трансформация российской образовательной системы: проблема академических свобод и выбора индивидуальных образовательных технологий. *Профессиональное образование в современном мире*, 10 (2): 3682–3687. DOI 10.15372/PEMW20200205.

- Дежина И.Г. 2024. Эволюция университетской автономии и академической свободы в оценках преподавателей университетов. *Высшее образование в России*, 33(5): 48–66. DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66.
- Дятлов А.В., Ковалев В.В. 2023. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов. *Вестник Института социологии*, 14 (2): 70–91. DOI 10.19181/vis.2023.14.2.3.
- Дятлов А.В., Ковалев В.В. 2025. Менеджеристские основы нормативно-подушевого финансирования высшего образования и его социальные эффекты. *Вестник Института социологии*, 16 (3): 203–228. DOI 10.19181/vis.2025.16.3.11.
- Зарубина Н.Н. 2020. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов. *Социологические исследования*, 6: 3–15. DOI 10.31857/S013216250009355-3.
- Климович А.П. 2020. Нормативное регулирование в модернизирующихся обществах. Дис. ... канд. филос. наук. Липецк, 166 с.
- Красинская Л.Ф. 2016. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? *Высшее образование в России*, 3: 73–82.
- Курбатова М.В., Каган Е.С. 2016. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности. *Журнал институциональных исследований*, 8(3): 116–136. DOI 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136.
- Логвинова А.В. 2019. Административная система управления региональным вузом и ее негативные следствия. *Проблемы развития территории*, 3(101):123–133. DOI 10.15838/ptd.2019.3.101.8.
- Начкебия М.С. 2025. Социальная технология регламентации организационных процессов в условиях интегративной информационно-коммуникационной системы вуза. Лис. ... канд. социол. наук. Белгород, 213 с.
- Осипов А.М. 2019. «Бумажная работа» и новые термины в исследованиях системы образования. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 1 (38): 12–15.
- Осипов А.М. 2023. Концепция бюрократизации: к пониманию менеджеризма как тупика управления и развития. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4): 16-23. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
- Осташова Я.В. 2025. Реформа высшего образования в России: исторический контекст выхода из Болонского процесса. *Пространство науки*, 1: 130–144. DOI 10.33873/3034-4379.2025.2-1.130-144.
- Пищулина Т.В. 2008. Особенности организации образования в провинциальном вузе. *Вестник университета*, 10: 320–326.
- Поздеева С.Н., Захарова Е.В. 2017. Основные направления регламентации организации управленческой деятельности. *Проблемы экономики и менеджмента*, 4 (68): 48–52.
- Серкина Я.И. 2023. Институциональное регулирование рискогенеза в процессе цифровизации и дигитализации образовательного пространства провинциальных вузов. Лис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 532 с.
- Тимощук А.С., Чистяков М.С. 2025. К вопросу о регулировании образовательных институтов в уголовно-исполнительной системе. *Социальные отношения*, 4 (55): 26–41.
- Тихонов А.В., Богданов В.С. 2020. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей. *Социологические исследования*, 1: 74–81. DOI 10.31857/S013216250008325-0.
- Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. 2024. Социальное управление или менеджеризм: конкуренция управленческих дискурсов в России. *Управление устойчивым развитием*, 2 (51): 52–59.
- Ульянов Г.В., Маслова А.В. 2020. Конкурентные преимущества провинциального вуза. В кн.: Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: материалы III Международной научно-практической конференции. Саратов, 10 сентября 2020 г. Саратов: Издательство НОО «Цифровая наука», 118–123.
- Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания. *Социологическая наука и социальная практика*, 6, (1): 7–22. DOI 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.
- Entzoni A. 1969. *The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers*. New York, 328 p.
- Ritzer G. 1993. *The McDonaldisation of society*. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 221 p.

- Romanenko K., Platonova- D. 2025. Upbringing work as local order: Understanding peripheral universities in post-soviet Russia. *International Journal of Educational Research*, 133. DOI: 10.1016/j.ijer.2025.102748.
- Habermas J. 1981. Max Webers Theorie der Rationalisierung. In: Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, p. 205.

References

- Annenkov V.I., Barchan N.N., Kiselev B.I. 2012. Gosudarstvennaya sluzhba organizatsii upravlencheskoy deyatelnosti [State service of the organization of managerial activities]. Moscow: KNORUS Publ., 256 p.
- Anokhina Yu.A. 2017. Problemy kommersializatsii vysshego obrazovaniya: sotsiokulturnye i ekonomicheskie aspekty [Problems of commercialization of higher education: socio-cultural and economic aspects]. *Sankt-Peterburgskiy obrazovatelnyy vestnik*, 9-10 (13-14):14–20. (In Russian).
- Babintsev V.P., Gaydukova G.N., Shapoval Zh.A. 2022. Vuzovskaya byurokратиya v Rossii - terra incognita sotsiologii obrazovaniya [University bureaucracy in Russia - terra incognita of the sociology of education]. *RUDN Journal of Sociology*, 22, (4): 895–908. (In Russian). DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
- Babintsev V.P., Gaydukova G.N., Nadutkina I.E., Shapoval Zh.A. 2023. Issledovanie ili rassledovanie: perspektivy sotsiologii vysshego obrazovaniya v usloviyakh byurokratizatsii i kommersializatsii [Research or investigation: prospects for the sociology of higher education in the context of bureaucratization and commercialization]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 14 (2): 50–69. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4.
- Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. 2024. Innovatsionnaya byurokратиya v upravlenii vysshim obrazovaniem [Innovative bureaucracy in the management of higher education]. *RUDN Journal of Sociology*, 24 (1): 58–72. (In Russian). DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-1-58-72.
- Boguslavskiy, M.V., Neborskiy, E.V. 2015. Perspektivy razvitiya sistemy Vysshego obrazovaniya v Rossii [Prospects for the development of the higher education system in Russia]. *Naukovedenie*, 7, (3): 139. (In Russian). DOI 10.15862/111PVN315.
- Weber M. 1990. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Transl. from German by M.I. Levina. Moscow: Progress Publ., 808 p.
- Gershanok, A.A. 2019. *Osnovy organizatsii truda* [Fundamentals of labor organization]. Perm: Perm State University Publ., 227 p.
- Gorin, S.G. 2020. Transformatsiya rossiyskoy obrazovatelnoy sistemy: problema akademicheskikh svobod i vybora individualnykh obrazovatelnykh tekhnologiy [Transformation of the Russian educational system: the problem of academic freedoms and the choice of individual educational technologies]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire*, 10, (2): 3682–3687. (In Russian). DOI 10.15372/PEMW20200205.
- Dezhina I.G. 2024. Evolyutsiya universitetskoy avtonomii i akademicheskoy svobody v otsenkakh prepodavateley universitetov [The evolution of university autonomy and academic freedom in the assessments of university teachers]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33 (5): 48–66. (In Russian). DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66.
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. 2023. Effektivnost upravleniya vysshim obrazovaniem Rossii v praktikakh primeneniya menedzheristskikh instrumentov [The effectiveness of higher education management in Russia in the practices of applying managerialist tools]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 14 (2): 70–91. (In Russian). DOI 10.19181/vis.2023.14.2.3.
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. 2025. Menedzheristskie osnovy normativno-podushevogo finansirovaniya vysshego obrazovaniya i ego sotsialnye efekty [Managerialist foundations of per capita financing of higher education and its social effects]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 16 (3): 203–228. (In Russian). DOI 10.19181/vis.2025.16.3.11.
- Zarubina N.N. 2020. Teoriya ratsionalizatsiya Maksa Vebera kak metodologiya ponimaniya sovremennykh sotsiokulturnykh protsessov [Max Weber's theory of rationalization as a methodology for understanding modern socio-cultural processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 6: 3–15. (In Russian). DOI 10.31857/S013216250009355-3.
- Klimovich A.P. 2020. Normativnoe regulirovanie v moderniziruyushchikhsya obshchestvakh [Normative regulation in modernizing societies]. Dis. ... cand. philos. sciences. Lipetsk, 166 p.

- Krasinskaya L.F. 2016. Modernizatsiya, optimizatsiya, byurokratizatsiya... chto ozhidaet vysshuyu shkolu zavtra? [Modernization, optimization, bureaucratization... what awaits higher school tomorrow?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 3: 73–82. (In Russian).
- Kurbatova M.V., Kagan E.S. 2016. Opportunizm prepodavateley vuzov kak sposob prisposobleniya k usileniyu vneshnego kontrolya deyatel'nosti [Opportunism of university teachers as a way of adapting to increased external control of their activities]. *Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy*, 8 (3): 116–136. (In Russian). DOI 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136.
- Logvinova A.V. 2019. Administrativnaya sistema upravleniya regionalnym vuzom i ee negativnye sledstviya [The administrative management system of a regional university and its negative consequences]. *Problemy razvitiya territorii*, 3(101): 123–133. (In Russian). DOI 10.15838/ptd.2019.3.101.8.
- Nachkebiya M.S. 2025. Sotsial'naya tekhnologiya reglamentatsii organizatsionnykh protsessov v usloviyakh integrativnoy informatsionno-kommunikatsionnoy sistemy vuza [Social technology of regulation of organizational processes in the conditions of an integrative information and communication system of the university]. Dis. ... cand. sociol. sciences. Belgorod, 213 p.
- Osipov A.M. 2019. «Bumazhnaya rabota» i novye terminy v issledovaniyakh sistemy obrazovaniya [«Paperwork» and new terms in research on the education system]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1 (38): 12–15. (In Russian).
- Osipov A.M. 2023. Kontseptsiya byuropatologii: k ponimaniyu menedzherizma kak tupika upravleniya i razvitiya [The concept of bureaucratology: towards an understanding of managerialism as an impasse in management and development]. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4): 16–23. (In Russian). DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
- Ostashova Ya.V. 2025. Reforma vysshego obrazovaniya v Rossii: istoricheskii kontekst vykhoda iz Bolonskogo protsessa [Higher education reform in Russia: the historical context of withdrawal from the Bologna Process]. *Prostranstvo nauki*, 1: 130–144. (In Russian). DOI 10.33873/3034-4379.2025.2-1.130-144.
- Pishchulina T.V. 2008. Osobennosti organizatsii obrazovaniya v provintsial'nom vuze [Features of the organization of education in a provincial university]. *Vestnik universiteta*, 10: 320–326. (In Russian).
- Pozdeeva S.N., Zakharova E.V. 2017. Osnovnye napravleniya reglamentatsii organizatsii upravlencheskoi deyatel'nosti [The main directions of regulation of the organization of managerial activities]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 4 (68): 48–52. (In Russian).
- Serkina Ya.I. 2023. Institutsional'noe regulirovanie riskogeneza v protsesse tsifrovizatsii i digitalizatsii obrazovatel'nogo prostranstva provintsial'nykh vuzov [Institutional regulation of risk genesis in the process of digitalization of the educational space of provincial universities]. Dis. ... dr. sociol. sciences. Belgorod, 532 p.
- Timoshchuk A.S., Chistyakov M.S. 2025. K voprosu o regulirovanii obrazovatel'nykh institutov v ugovovno-ispolnitel'noy sisteme [On the issue of regulating educational institutions in the penal system]. *Sotsialnye otnosheniya*, 4 (55): 26–41. (In Russian).
- Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. 2020. Ot «umnogo regulirovaniya» k «umnomu upravleniyu»: sotsial'naya problema tsifrovizatsii obratnykh svyazey [From «smart regulation» to «smart governance»: the social problem of digitalization of feedback]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1: 74–81. (In Russian). DOI 10.31857/S013216250008325-0.
- Tuzikov A.R., Zinurova R.I. 2024. Sotsialnoe upravlenie ili menedzherizm: konkurentsia upravlencheskikh diskursov v Rossii [Social management or managerialism: competition of managerial discourses in Russia]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem*, 2 (51): 52–59. (In Russian).
- Maslova A.V., Ulyanov G.V. 2020. Konkurentnye preimushchestva provintsial'nogo vuza [Competitive advantages of a provincial university]. In: *Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Saratov, 10 sentyabrya 2020 g. [New impulses of development: issues of scientific research: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Saratov, September 10, 2020]. Saratov: Publishing house NOO "Tsifrovaya nauka" Publ., pp. 118–123. (In Russian).
- Yanitsky O.N. 2018. K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya [On the problem of modernization of humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 6 (1): 7–22. (In Russian). DOI 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.

- Entzioni, A. 1969. *The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers*. New York Publ., 328 p.
- Entzioni, A. 1969. *The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers*. New York Publ., 328 p.
- Ritzer, G. 1993. *The McDonalidization of society*. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press Publ., 221 p.
- Romanenko K., Platonova- D. 2025. Upbringing work as local order: Understanding peripheral universities in post-soviet Russia. *International Journal of Educational Research*, 133. DOI: 10.1016/j.ijer.2025.102748.
- Habermas, J. 1981. Max Webers Theorie der Rationalisierung. In: Habermas, J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, p. 205.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.01.2026

Поступила после рецензирования 20.02.2026

Принята к публикации 25.02.2026

Received January 25, 2026

Revised February 20, 2026

Accepted February 25, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Серкина Яна Игоревна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Начкебия Майя Севериановна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Yana I. Serkina, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Maya S. Nachkebiya, Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 314.335.044
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-48-58
EDN CNGLJI

Проблемы и перспективы демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья

Реутов Е.В., Репей А.О.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
reutovevg@mail.ru, Art.Repei@yandex.ru

Аннотация. Воспроизводство населения имеет важное значение для планирования социальных, экономических и инфраструктурных программ, поскольку от его состояния зависит будущее регионов и страны, в целом. Анализ демографических тенденций помогает обосновать проблемы и перспективы, что позволяет оптимально распределять ресурсы и разрабатывать эффективные стратегии развития. В качестве цели исследования выступает выявление ключевых тенденций и факторов социально-демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья в среднесрочной ретроспективе и определение его основных перспектив, исходя из складывающихся демографических трендов и актуального прогнозного фона. Эмпирической основой исследования являются данные Росстата, отражающие демографическую ситуацию в регионах Центрального Черноземья в 2019–2024 гг., результаты экспертного опроса (август – сентябрь 2024 г.) и фокус-групповых интервью (июнь – июль 2024 г.). По результатам исследования был сделан вывод о том, что в среднесрочной демографической ретроспективе регионы Центрального Черноземья демонстрируют как универсальные, так и специфические тенденции, а внешним выражением демографических проблем в последнее десятилетие является снижение численности населения, как за счет естественной убыли, так и в результате миграции. Выраженность данных проблем в разных регионах Центрального Черноземья зависит от экономической ситуации и географического положения, а также от влияния фактора специальной военной операции.

Ключевые слова: демографическое воспроизводство, регионы Центрального Черноземья, естественная убыль населения, миграционный отток, демографическая политика, депопуляционные риски, СВО

Для цитирования: Реутов Е.В., Репей А.О. 2026. Проблемы и перспективы демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 48–58. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-48-58 EDN: CNGLJI

Problems and Prospects of Demographic Reproduction in the Subjects of the Central Black Earth Region

Evgeny V. Reutov, Artem O. Repey

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
reutovevg@mail.ru, Art.Repei@yandex.ru

Abstract. Population reproduction is essential for planning social, economic, and infrastructure programs, as the future of regions and the country as a whole depends on this factor. An analysis of demographic trends helps substantiate problems and prospects, which allows allocating resources in the most optimal way and creating effective development strategies. The objective of the study is to identify key trends and factors in the socio-demographic reproduction of the Central Black Earth Region regions in the medium

term and to determine its main prospects, based on emerging demographic trends and the current forecast background. The empirical basis of the article is Rosstat data reflecting the demographic situation in the Central Black Earth Region in 2019–2024, the results of an expert survey (August–September 2024, N = 32) and focus group interviews (June–July 2024, N = 26). The study concluded that, in the medium-term demographic perspective, the subjects of the Central Black Earth Region exhibit both universal and specific trends, with the outward manifestation of demographic problems over the past decade being a decreased population, both due to natural decline and migration. The severity of these problems in different subjects of the Central Black Earth Region depends on the economic situation and geographic location, as well as the influence of the special military operation.

Keywords: demographic reproduction, subjects of the Central Black Earth Region, natural population decline, migration outflow, demographic policy, depopulation risks, special military operation

For citation: Reutov E.V., Repey A.O. 2026. Problems and Prospects of Demographic Reproduction in the Subjects of the Central Black Earth Region. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 48–58 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-48-58 EDN: CNGLJI

Введение

Центрально-Черноземный экономический район, включающий пять областей – Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую – выполняет важную логистическую и геополитическую функцию, связывая Россию с Украиной, а через нее – со странами Восточной Европы. Исторически формируясь как регион фронта, российское Черноземье, особенно его южная часть, отличалась поликультурностью, интенсивными миграционными перемещениями и достаточно причудливым субэтническим составом населения. И хотя в настоящее время роль Центрального Черноземья как транзитного региона и своего рода межцивилизационного моста несколько нивелирована в связи с девальвацией политических и экономических отношений России и Европы (не говоря уже об Украине), регион остается важнейшим макрорегионом по своему ресурсному и экономическому потенциалу и реальному вкладу в экономическое развитие страны. Исследование процесса демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья, его ключевых тенденций и возможных сценариев является в настоящее время неременным условием формирования эффективной государственной (федеральной и региональной) демографической и социальной политики, направленной на развитие Центрально-Черноземного экономического района и реализацию его экономического и геополитического потенциала в масштабе страны.

Цель исследования – выявление ключевых тенденций и факторов социально-демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья в среднесрочной ретроспективе и определение его основных перспектив, исходя из складывающихся демографических трендов и актуального прогнозного фона.

Методы исследования

Демографическое воспроизводство регионов Центрального Черноземья является результатом комплексного воздействия экономических, социальных, экологических и политических факторов. Отечественными и зарубежными исследователями достаточно подробно изучены различные социально-экономические, культурные и биологические факторы, влияющие на специфику воспроизводства городского и сельского населения, как и характерные черты будущего демографического профиля [Блинова 2017; Гайнутдинова и др. 2020; Евсюкова, Сафонов 2024; Липатова 2022; Свиридов, Грабова, Суглубов 2017; Ростовская, Кучмаева 2024; Aitken 2024; Angeles 2010; Götmark, Andersson 2020; Korolenko, Kalachikova 2024; Korotayev, Malkov, Musieva 2023; Lutz 2020].

В основу исследования проблем демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья и обоснования его перспектив легла разработанная авторским коллективом аналитическая модель демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района [Гайдукова 2024; Вангородская, Реутов 2024; Реутов, Реутова, Шавырина, 2024; Хрипкова, Хрипков 2024; Реутов, 2025]. Методическую базу исследования составили две группы методов – количественные, связанные с моделированием трендов демографического развития на основе экстраполяции долгосрочных тенденций с включением в модели явных и латентных факторов, влияющих на демографическое поведение, и качественные, основанные на экспертных оценках.

Эмпирической основой статьи являются данные Росстата, отражающие демографическую ситуацию в регионах Центрального Черноземья в 2019–2024 гг., результаты экспертного опроса (август – сентябрь 2024 г., N = 32) и фокус-групповых интервью (июнь – июль 2024 г., N = 26). Временной диапазон представления и анализа статистических данных (2019–2024 гг.) обусловлен необходимостью учета двух шоковых для демографического развития регионов Центрального Черноземья событий – пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) и СВО (2022–2025 гг.) – с сопоставлением параметров демографической ситуации в эти периоды с условно «нулевой» точкой.

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе эмпирического анализа в качестве базовых параметров демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья учитывались рождаемость, смертность и миграционный прирост/убыль населения – как прямые (демографические) факторы изменения численности населения. В то же время следует понимать, что параметры рождаемости и смертности, хотя и испытывают влияние со стороны фоновых факторов (социально-экономических, геополитических и пр.), обладают значительной устойчивостью по сравнению с миграцией, характер и масштабы которой в значительно большей степени определяются уровнем социально-экономического развития региона и, как в последние годы, сугубо политическими (геополитическими) факторами.

Естественная убыль является своего рода демографической доминантой большинства российских регионов, и Центральное Черноземье не стало исключением. Еще до наступления «демографических шоков» последнего пятилетия во всех регионах Центрального Черноземья смертность превышала рождаемость, хотя и в различной степени. Наиболее высокой в абсолютных показателях естественная убыль в 2019 г. была в Воронежской области, самой низкой – в Липецкой, но в дальнейшем данные претерпели некоторые изменения. В 2020 г. минимальная естественная убыль фиксируется в Курской области, в 2021 г. – в Тамбовской, но затем все возвращается к первоначальному соотношению (табл. 1). Общий же для всех регионов тренд изменений масштабов естественной убыли населения четко выводит на заметный рост в 2020 г. – в связи с начавшейся пандемией COVID-19, пик в 2021 г. – по той же причине, и последующий спад – сначала резкий, потом плавный – вплоть до 2023 года, с последующим небольшим ростом. Но при этом во всех регионах в 2023 г. абсолютная естественная убыль населения все равно была выше, чем в 2019-м.

Общая для всех регионов Центрального Черноземья хронологическая тенденция соответствует обозначенной выше – рост естественной убыли, начиная с 2020 г. с достижением пика в 2021-м, заметное снижение в 2022 г., более плавное – в 2023-м, и новый рост в 2024-м. Однако на общем фоне выделяется, прежде всего, Липецкая область, в которой прирост коэффициента естественной убыли населения в 2021 г. по сравнению с 2019-м составил рекордные 7,4, тогда как в Белгородской области – 5,4, в Воронежской – 6,5, в Курской – 6,8, в Тамбовской – 6,3. Но и в 2022 г. наиболее заметное снижение коэффициента естественной убыли населения также произошло в Липецкой области – на 5,1.

В Белгородской области он уменьшился на 3,2, в Воронежской – на 4,3, в Курской – на 4,3, в Тамбовской – на 3,7 (табл. 2). То есть межрегиональный разрыв в приросте естественной убыли, связанной с пандемией, в определенной мере был компенсирован впоследствии. И, кроме того, новый рост естественной убыли в 2024 году стал наиболее заметным в Белгородской области, причем, в отличие от всех остальных регионов, он не только заметно превысил значение 2023-го, но также и 2022 года.

Таблица 1
Table 1

Естественный прирост/убыль в регионах Центрального Черноземья (абс.)
Natural population increase/decrease in the subjects of the Central Black Earth Region (abs.)

Регион	Естественный прирост/убыль					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	-7545	-11556	-15817	-10869	-10139	-11758
Воронежская область	-13264	-19000	-27902	-18094	-16160	-17694
Курская область	-7252	-9893	-14538	-9698	-7864	-8596
Липецкая область	-6493	-10692	-14644	-9096	-8219	-8845
Тамбовская область	-7497	-10356	-13506	-9772	-8474	-9241

Составлено авторами на основе [Социально-экономическое положение... 2021; 2025]

Таблица 2
Table 2

Естественный прирост/убыль в регионах Центрального Черноземья (на 1000 чел.)
Natural population increase/decrease in the subjects of the Central Black Earth Region (per 1000 people)

Регион	Естественный прирост/убыль					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	-4,9	-7,5	-10,3	-7,1	-6,8	-7,9
Воронежская область	-5,7	-8,2	-12,2	-7,9	-7,1	-7,9
Курская область	-6,5	-9,0	-13,3	-9,0	-7,4	-8,1
Липецкая область	-5,7	-9,4	-13,1	-8,0	-7,3	-7,9
Тамбовская область	-7,4	-10,4	-13,7	-10,0	-8,8	-9,7

Составлено авторами на основе [Социально-экономическое положение... 2021; 2025]

Поскольку естественный прирост/убыль населения является прямой производной рождаемости и смертности, необходимо выявить, какой из этих процессов оказал наибольшее влияние на ситуацию с естественной убылью населения регионов Центрального Черноземья. Анализ первой ключевой составляющей естественного воспроизводства населения – рождаемости – указывает на общую для всех регионов Центрального Черноземья тенденцию снижения общего коэффициента рождаемости в период 2019–2024 гг. При этом наиболее резкий спад значений показателя приходится на

2022 г., что объясняется откладыванием репродуктивных планов в разгар пандемии COVID-19. Сильнее всего данный спад оказался в Белгородской области, спустившейся почти до уровня региона-аутсайдера – Тамбовской области. Относительно благополучными были Воронежская и Курская области (табл. 3). Что касается Белгородской области, то в ней спад рождаемости, более ощутимый, чем в других регионах Центрального Черноземья, продолжился и в 2023–2024 гг. – вероятнее всего, уже по иным причинам, связанным с ухудшением военно-политической ситуации, многократным ростом рисков, и, как следствие, очередным откладыванием репродуктивных планов, а также явной и скрытой миграцией в другие регионы с рождением детей уже на новом месте жительства. В результате Белгородская область опустилась на последнюю позицию по общему коэффициенту рождаемости.

Таблица 3
Table 3

Рождаемость в регионах Центрального Черноземья (на 1000 чел.)
 Birth rate in the subjects of the Central Black Earth Region (per 1000 people)

Регион	Общий коэффициент рождаемости					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	8,5	8,0	8,0	7,1	6,6	6,1
Воронежская область	8,5	8,3	8,1	7,5	7,2	6,9
Курская область	8,5	8,3	8,1	7,5	7,1	6,9
Липецкая область	8,6	8,3	8,0	7,2	7,1	6,7
Тамбовская область	7,6	7,4	7,3	6,8	6,6	6,2

Составлено авторами на основе [Социально-экономическое положение... 2021; 2025]

Все вышесказанное нашло подтверждение в ответах участников фокус-групповых интервью, проведенных в июне-июле 2024 года:

Выезжает из региона сейчас в основном молодое поколение, потому что те, кто предпенсионного и пенсионного возраста, как раз остаются на территории. И это может впоследствии пагубно повлиять и на рождаемость и смертность, если молодежь, которая сейчас уехала, уже не вернется (муж., 22 года, студент, Белгород).

Учитывая значимость геополитического фактора, можно прогнозировать, что и в Курской области в 2025–2026 гг. спад рождаемости будет более глубоким, чем в других регионах Центрального Черноземья – в связи с длительной дестабилизацией военно-политической обстановки во второй половине 2024 г. – начале 2025 г.

Данные исследования подтверждают ранее полученные результаты, согласно которым «в отличие от рождаемости, динамика смертности не была линейной. Ее рост во всех регионах с достижением пика в 2021 г. был обусловлен пандемией COVID-19, после чего к 2023 г. ситуация со смертностью стабилизировалась приблизительно на допандемийном уровне» [Реутов, 2025]; наиболее высокий общий коэффициент смертности в 2021 г. фиксировался в Курской области, более благополучной ситуация была в Белгородской области, однако в 2024 г. смертность вновь выросла во всех регионах Центрального Черноземья. При этом рост составил от 0,2 п. (Липецкая область) до 0,6 п. (Белгородская область). Тем не менее последняя оказалась наиболее благополучной в данном отношении, а роль аутсайдера по смертности приняла (точнее, сохранила) Тамбовская область (табл. 4).

Таблица 4
Table 4Смертность в регионах Центрального Черноземья (на 1000 чел.)
Mortality rate in the subjects of the Central Black Earth Region (per 1000 people)

Регион	Общий коэффициент смертности					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	13,4	15,5	18,3	14,2	13,4	14,0
Воронежская область	14,2	16,5	20,3	15,4	14,3	14,8
Курская область	15,0	17,3	21,4	16,5	14,5	15,0
Липецкая область	14,3	17,7	21,1	15,2	14,4	14,6
Тамбовская область	15,0	17,8	21,0	16,8	15,4	15,9

Составлено авторами на основе [Социально-экономическое положение... 2021; 2025]

Возвращаясь к балансу рождаемости и смертности как факторов естественной убыли населения, следует определить условный вес каждого из этих процессов в регионах Центрального Черноземья в анализируемый период. В частности, в Белгородской области коэффициент естественной убыли вырос на 3 п.п., из которых условных 80% составило снижение рождаемости и 20% – рост смертности. В Воронежской области коэффициент естественной убыли вырос на 2,2 п.п. (72,7% – снижение рождаемости и 27,3% – рост смертности). В Курской области коэффициент естественной убыли вырос на 1,6 п.п. (100% – снижение рождаемости, 0% – рост смертности). В Липецкой области коэффициент естественной убыли вырос на 2,2 п.п. (86,4% – снижение рождаемости и 13,6% – рост смертности). В Тамбовской области коэффициент естественной убыли вырос на 2,3 п.п. (60,9% – снижение рождаемости, 39,1% – рост смертности).

Таким образом, во всех регионах Центрального Черноземья рост естественной убыли населения был связан преимущественно (а в Курской области – исключительно) со снижением рождаемости. Наиболее существенный вклад смертности в естественную убыль населения Тамбовской области, как и наиболее высокий уровень смертности в целом, объясняется особенностями возрастной структуры населения региона.

Миграционный прирост длительное время компенсировал естественную убыль населения в таких регионах Центрального Черноземья, как Белгородская и Воронежская области, в меньшей степени – в Курской и Липецкой областях. Данный процесс был характерен преимущественно для Белгородской области и особенно – до 2014 г., когда регион интенсивно осуществлял функцию экономического и гуманитарного транзита. И именно Белгородская область стала территорией выездной миграции с началом СВО. Наиболее интенсивный миграционный отток приходится на 2022 г., сохраняясь на высоком уровне (с незначительным снижением) и все последующие годы. Об этом говорили и участники фокус-групповых интервью:

Конечно, сейчас самое актуальное – это проблемы, связанные с миграцией. Потому что за последние два года из-за обстановки в области многие уезжали. И конечно, отличается, если сравнивать с другими областями, которые не находятся так близко к границе и откуда никто не уезжает в таких количествах (жен., 20 лет, студент, Белгород).

Миграция в регионе – это сейчас самая щепетильная тема ... и одна из самых главных демографических проблем... (жен., 19 лет, студент, Белгород).

Приграничная зона. В связи со всей этой ситуацией очень много людей уезжает (жен., 46 лет, педагог-логопед, Белгород).

Необходимо отметить, что официальные данные лишь в незначительной степени отражают масштаб миграционного оттока, поскольку далеко не все уехавшие из региона регистрируются на новом месте жительства на постоянной основе. Можно также предположить, что основными участниками миграционных перемещений являются люди трудоспособного возраста с детьми, что создает дополнительное давление на процесс воспроизводства человеческого потенциала, а также люди, обладающие востребованной на рынке труда квалификацией, и, к тому же – определенным объемом социального капитала, без которого принятие решения о переезде вряд ли бы было возможно [Реутов и др. 2024]:

У меня знакомые два года назад купили в области дом, хотели здесь жить, у них двое деток уже... Но в связи со сложившейся ситуацией они сейчас продают свою недвижимость, переезжают очень далеко и хотят остаться там навсегда, потому что считают, что и на данный момент и в будущем перспектив больше в другом регионе – и для детей, и для них самих (жен., 20 лет, студент, Белгород).

Аналогичный миграционный шок, масштабы которого крайне трудно определить, испытала Курская область в связи с событиями и начала СВО, и, главное – вторжения ВСУ на территорию региона в августе 2024 г. В Липецкой и Тамбовской областях чистый миграционный отток в 2022 г. также вырос, но к 2024 г. был компенсирован практически до стандартного до начала СВО уровня. Воронежская область оказалась единственной сохранившей в 2022 г. чистый миграционный приток, хотя и в небольших масштабах (табл. 5). Но с учетом нерегистрируемой органами статистики миграции приток в регион, например, из Белгородской области, был намного более ощутимым, что, с одной стороны, создавало дополнительное давление на социальную сферу региона, но с другой – пополняло рынок труда квалифицированными специалистами. В настоящее время положительное сальдо миграции в Воронежской области является устойчивым и, вероятно, сохранится в ближайшем будущем, учитывая, помимо природно-климатических и социально-экономических условий, фактически состоявшийся переход ключевой транзитной функции в южном направлении к Воронежской области. Относительно же Белгородской и Курской областей можно прогнозировать значительный объем «возвратной» миграции со стабилизацией военно-политической ситуации, но здесь, во-первых, слишком много неопределенности и, во-вторых, крайне небольшая вероятность возврата полноценно адаптированных на новом месте жительства семей с высоким объемом социального и человеческого капитала.

Таблица 5
Table 5

Миграционный прирост/убыль в регионах Центрального Черноземья (абс.)
 Migration increase/decrease in the subjects of the Central Black Earth Region (abs.)

Регион	Миграционный прирост/убыль					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	9188	4229	6436	-11965	-3649	-6926
Воронежская область	9677	866	10062	625	4421	4320
Курская область	4277	2930	1698	-2275	1185	-2403
Липецкая область	1834	-339	258	-2739	-1741	842
Тамбовская область	-1791	-1803	-9	-3207	-1381	-418

Составлено авторами на основе [Социально-экономическое положение... 2021; 2025]

Согласно данным экспертного опроса, проведенного в августе – сентябре 2024 г. (N = 32), усредненная экспертная оценка социально-демографического потенциала Центрально-Черноземного макрорегиона находится на уровне заметно ниже среднего. Так, лишь 9,4% опрошенных экспертов оценили его, как высокий или достаточно высокий; 40,6% – как средний, 53,2% – как низкий или катастрофический.

При этом, оценки в отношении тех или иных аспектов демографического воспроизводства имеют существенные различия по отдельным регионам. Так, ситуацию в отношении естественного воспроизводства населения в Белгородской области 62,5% оценили, как неблагоприятную, 12,5% – как благоприятную, 25,0% – как нейтральную. В Курской области ситуацию, как неблагоприятную, оценили 43,8%, благоприятную – 9,4%, нейтральную – 46,9%; в Воронежской, соответственно, 12,5, 53,1 и 21,9%; в Липецкой – 25,0, 28,1 и 46,9%; в Тамбовской – 34,4, 31,3 и 31,3%.

Таким образом, с точки зрения экспертов, Белгородская и Курская области выглядят регионами с наиболее девальвированным в период СВО потенциалом естественного воспроизводства населения, а Воронежская область – в определенной мере – демографическим бенефициаром в силу меньшего объема военно-террористических рисков, вызвавших приток населения из более уязвимых регионов, но главное, вероятно – в связи с устойчивым социально-экономическим положением области. В Липецкой и Тамбовской областях «плюсы» и «минусы» условий естественного воспроизводства населения уравниваются. Так, Тамбовская область является более безопасной с точки зрения военно-террористических угроз, но обладает худшим демографическим потенциалом в связи с более низкой рождаемостью, высокой смертностью и более возрастным населением и имеет более скромный экономический статус по сравнению с Липецкой.

Близкие по межрегиональной дифференциации оценки эксперты дают и миграционной привлекательности отдельных регионов Центрального Черноземья. Так, ситуацию в Белгородской области с точки зрения ее миграционной привлекательности как неблагоприятную оценивают 75,0% экспертов, благоприятную – 15,6%, нейтральную – 9,4%, а в Курской – соответственно, 59,4%, 12,5% и 28,1%. В Воронежской области оценки носят диаметрально противоположный характер: неблагоприятная – 12,5%, благоприятная – 68,9%, нейтральная – 18,8%. Что касается Липецкой и Тамбовской областей, то в Липецкой области ситуацию как неблагоприятную оценивают 12,5% экспертов, как благоприятную – 37,5% и как нейтральную – 50,0%; в Тамбовской – 21,9, 28,1, 50,0 % соответственно.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что в среднесрочной демографической ретроспективе регионы Центрального Черноземья демонстрируют как универсальные, так и специфические тенденции. Общими для всех пяти регионов являются: 1) устойчивая естественная убыль населения, обусловленная заметным превышением смертности над рождаемостью, особенно заметным в пандемийный период; 2) практически линейное снижение общего коэффициента рождаемости на протяжении 2019–2024 гг., особенно заметное в постпандемийный период – как результат негативного регулирования репродуктивных практик под влиянием пандемии и впоследствии (в меньшей мере) – из-за роста неопределенности социально-политической ситуации; 3) нелинейная динамика общего коэффициента смертности с достижением пика в 2021 г., последующей стабилизацией на допандемийном уровне и некоторым ростом в 2024 г. Усредненная экспертная оценка социально-демографического потенциала регионов Центрального Черноземья в Целом носят умеренно-негативный характер.

В качестве специфических межрегиональных тенденций демографического воспроизводства можно отметить: 1) существенные различия в миграционном сальдо,

в котором особенно заметна девальвация статуса Белгородской области как миграционно и Курской области – как умеренно привлекательного – также с 2022 г. При этом Тамбовская область, испытавшая пик миграционного оттока в 2022 г., вернулась к умеренному миграционному оттоку в 2024 году и даже снизила его по сравнению с 2019–2020 гг. Воронежская область преодолела миграционные риски начала СВО и в настоящее время вернула статус региона с устойчивым положительным миграционным сальдо – со всеми плюсами для регионального рынка труда. То же самое, хотя и в меньшей степени, можно сказать и о Липецкой области; 2) негативную динамику рождаемости, характерную для всех регионов и особенно выраженную в Белгородской области, которая по общему коэффициенту рождаемости в 2024 г. оказалась даже ниже Тамбовской области. Можно предположить, что спад рождаемости в регионе обусловлен, помимо общего для всех регионов сокращения количества женщин в репродуктивном возрасте, влиянием дестабилизации обстановки и, как результат, переносом репродуктивных решений на будущее или миграцией и реализацией данных планов вне региона. Исходя из значимости данного фактора для репродуктивных практик, можно также прогнозировать ощутимый спад рождаемости в 2025–2026 гг. в Курской области, испытавшей еще более заметный шок, связанный с СВО.

Экспертные оценки подтверждают крайне высокие риски социально-демографического воспроизводства (как в естественном, так и в миграционном отношении) Белгородской и Курской областей, умеренные – Липецкой и Тамбовской областей и относительно благоприятную ситуацию в Воронежской области.

Список источников

- Социально-экономическое положение России. Январь 2021 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 21.12.2025)
- Социально-экономическое положение России. Январь 2025 года / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 21.12.2025).

Список литературы

- Блинова Т.В. 2017. Демографические циклы и особенности воспроизводства населения сельской России. *Островские чтения*, 1: 21–32.
- Гайдукова Г.Н. 2024. Моделирование брачного и семейного поведения сельского населения: статистический и социологический анализ. *Научный результат. Социология и управление*, 10(4): 226–244. DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-2.
- Гайнутдинова Е.А., Осипов А.К., Кондратьев Д.В. 2020. Проблемы воспроизводства человеческих ресурсов сельской местности региона. *Фундаментальные исследования*, 8: 12–16. DOI 10.17513/fr.42819.
- Вангородская С.А., Реутов Е.В. 2024. Репродуктивное поведение жителей сельских территорий регионов Центрального Черноземья. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(4): 652–668. DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668.
- Евсюкова Т.Г., Сафонов Н.И. 2024. Влияние демографических процессов на развитие человеческого капитала в сельском хозяйстве. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, 11: 76–81. DOI 10.31442/0235-2494-2024-0-11-76-81.
- Липатова Л.Н. 2022. Особенности демографического развития сельских территорий России в условиях пандемии. *Регионоведение*, 1 (118): 155–177.
- Реутов Е.В. 2025. Среднесрочные тренды демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья. Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 24–28 марта 2025 года. Вологда: Вологодский научный центр РАН: 70–74.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. 2024. Специфика миграционной безопасности в приграничных регионах в условиях специальной военной операции. *Социальная политика и социология*, 3 (152): 65–72. DOI 10.17922/2071-3665-2024-23-2-64-70.

- Свиридов Н.Н., Грабова О.Н., Суглубов А.Е. 2017. Земельный вопрос и демография: проблемы и решения. *Экономика сельского хозяйства России*, 9: 97–104.
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. 2024. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода. *Женщина в российском обществе*, 1: 56–74. DOI 10.21064/WinRS.2024.1.4.
- Хрипков К.А., Хрипкова Д.В. 2024. Демографическое поведение населения сельских территорий: особенности и методы анализа. В кн.: Демография и глобальные вызовы. III-й Международный демографический форум: Сборник статей форума, Воронеж: ООО «Цифровая полиграфия»: 1014–1020.
- Aitken R.J. 2024. Population decline: where demography, social science, and biology intersect. *Reproduction*, 168. DOI 10.1530/REP-24-0070.
- Angeles L. 2010. Demographic transitions: analyzing the effects of mortality on fertility. *J Popul Econ*, 23: 99–120. DOI 10.1007/s00148-009-0255-6.
- Götmark F., Andersson M. 2020. Human fertility in relation to education, economy, religion, contraception, and family planning programs. *BMC Public Health*, 20: 265. DOI 10.1186/s12889-020-8331-7.
- Karhunen O., Jokela M., Golovina K. 2023. Associations between early family environment and ideal number of children. *Int J Psychol*, 58: 574–583. DOI 10.1002/ijop.12933.
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N. 2024. Modern Territorial and Socio-Demographic Specifics of Long-Distance Commuting in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3): 206–225. DOI 10.15838/esc.2024.3.93.12.
- Korotayev A., Malkov S., Musieva J. 2023. Demography: Toward Optimization of Demographic Processes. In: Sadovnichy V., Akaev A., Ilyin I. (eds) Reconsidering the Limits to Growth. World-Systems Evolution and Global Futures. Springer, Cham. DOI 10.1007/978-3-031-34999-7_6.
- Lutz W. 2020. Fertility will be determined by the changing ideal family size and the empowerment to reach these targets. *Vienna Yearbook of Population Research*, 18: 1–8. DOI 10.1553/populationyearbook2020.deb06.

References

- Blinova T.V. 2017. Demograficheskie cikly` i osobennosti vosproizvodstva naseleniya sel'skoj Rossii [Demographic cycles and features of reproduction of the population of rural Russia]. *Ostrovskie chteniya*, 1: 21–32 (In Russian).
- Gaidukova G. N. 2024. Modelirovanie brachnogo i semejnogo povedeniya sel'skogo naseleniya: statisticheskij i sociologicheskij analiz [Modeling marital and family behavior of the rural population: statistical and sociological analysis]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 10 (4): 226–243 (In Russian). DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-2.
- Gainutdinova E.A., Osipov A.K., Kondratyev D.V. 2020. Problemy` vosproizvodstva chelovecheskix resursov sel'skoj mestnosti regiona [Problems of reproduction of human resources in rural areas of the region]. *Fundamental'ny'e issledovaniya*, 8: 12–16 (In Russian). DOI 10.17513/fr.42819.
- Vangorodskaya S.A., Reutov E.V. 2024. Reproaktivnoe povedenie zhitelej sel'skix territorij regionov Central'nogo Chernozem'ya [Reproductive behavior of residents of rural areas of the Central Black Earth Region]. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 49(4): 652–668 (In Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-652-668.
- Evsyukova T.G., Safonov N.I. 2024. Vliyanie demograficheskix processov na razvitie chelovecheskogo kapitala v sel'skom xozyajstve [The influence of demographic processes on the development of human capital in agriculture]. *E'konomika sel'skoxozyajstvenny'x i pererabatyvayushhix predpriyatij*, 11: 76–81 (In Russian). DOI 10.31442/0235-2494-2024-0-11-76-81.
- Lipatova L.N. 2022. Osobennosti demograficheskogo razvitiya sel'skix territorij Rossii v usloviyax pandemii [Features of the demographic development of rural areas of Russia in the context of a pandemic]. *Russian Journal of Regional Studies*, 1(118): 155–177 (In Russian). DOI 10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177.
- Reutov E.V. 2025. Srednesrochny'e trendy` demograficheskogo vosproizvodstva regionov Central'nogo Chernozem'ya [Medium-Term Trends in the Demographic Reproduction of the Regions of the Central Chernozem Region]. *Global'ny'e vy'zovy` i regional'noe razvitie v zerkale sociologicheskix izmerenij: Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii, Vologda, 24–28 marta 2025 goda. Vologda: Vologodskij nauchnyj centr RAN: 70-74 (In Russian).*

- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. 2024. Specifica migracionnoj bezopasnosti v prigranichny`x regionax v usloviyax special`noj voennoj operacii [Specifics of migration security in border regions in the context of a special military operation]. *Social`naya politika i sociologiya*, 3 (152): 65–72.
- Sviridov N.N., Grabova O.N., Suglubov A.E. 2017. Zemel`ny`j vopros i demografiya: problemy` i resheniy [Land issue and demography: problems and solutions]. *E`konomika sel`skogo xozyajstva Rossii*, 9: 97–104 (In Russian).
- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. 2024. Demograficheskaya struktura sem`i: genezis metodologicheskogo podxoda [Demographic structure of the family: genesis of the methodological approach]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, 1: 56-74 (In Russian).
- Khripkov K.A., Khripkova D.V. 2024. Demograficheskoe povedenie naseleniya sel`skix territorij: osobennosti i metody` analiza [Demographic behavior of the population of rural areas: features and methods of analysis]. In: Demografiya i global`ny`e vy`zovy`. III-j Mezhdunarodny`j demograficheskij forum : Sbornik statej foruma, Voronezh, 23–25 maya 2024 goda. Voronezh: ООО «Cifrovaya poligrafija»: 1014–1020 (In Russian).
- Aitken R.J. 2024. Population decline: where demography, social science, and biology intersect. *Reproduction*, 168. DOI 10.1530/REP-24-0070.
- Angeles L. 2010. Demographic transitions: analyzing the effects of mortality on fertility. *J Popul Econ*, 23: 99–120. DOI 10.1007/s00148-009-0255-6.
- Götmark F., Andersson M. 2020. Human fertility in relation to education, economy, religion, contraception, and family planning programs. *BMC Public Health*, 20: 265. DOI 10.1186/s12889-020-8331-7.
- Karhunen O., Jokela M., Golovina K. 2023. Associations between early family environment and ideal number of children. *Int J Psychol*, 58: 574–583. DOI 10.1002/ijop.12933.
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N. 2024. Modern Territorial and Socio-Demographic Specifics of Long-Distance Commuting in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3): 206-225. DOI 10.15838/esc.2024.3.93.12.
- Korotayev A., Malkov S., Musieva J. 2023. Demography: Toward Optimization of Demographic Processes. In: Sadovnichy V., Akaev A., Ilyin I. (eds) *Reconsidering the Limits to Growth. World-Systems Evolution and Global Futures*. Springer, Cham. DOI 10.1007/978-3-031-34999-7_6.
- Lutz W. 2020. Fertility will be determined by the changing ideal family size and the empowerment to reach these targets. *Vienna Yearbook of Population Research*, 18: 1–8. DOI 10.1553/populationyearbook2020.deb06.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.01.2026

Поступила после рецензирования 07.02.2026

Принята к публикации 14.02.2026

Received January 10, 2026

Revised February 07, 2026

Accepted February 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Репей Артем Олегович, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Reutov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Artem O. Repey, Postgraduate student at the Department of Social Technologies and Public Service at the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-59-68

EDN DCRLEQ

Мотивация студентов Нови-Сада (Сербия) к волонтерской деятельности

Чумура Л.Д.

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46

ljljana.cumura@mail.ru

Аннотация. Хотя волонтерство считается важной формой гражданской активности, способствующей личностному развитию и формированию социального капитала, отсутствует глубокий анализ мотивов молодежи, особенно студентов, к участию в волонтерской деятельности. Существует научный пробел в понимании влияния предыдущего опыта волонтерской деятельности и барьеров формирования мотивации к волонтерству. Целью данного исследования было определить основные мотивы студентов к волонтерской работе, различия в мотивации в зависимости от предыдущего опыта, а также препятствия, влияющие на их решение заняться волонтерской работой. Исследование базировалось на количественном опросе с применением шкалы индекса волонтерских функций (VFI) и включало сравнительный анализ анкетных данных, полученных от 240 студентов из Нови-Сада. Результаты показывают, что наиболее значимыми мотивами являются самореализация, социальные связи и желание помочь обществу. Студенты с опытом волонтерской деятельности чаще называют в качестве мотивов общественную пользу и приобретение новых навыков, тогда как студенты без опыта больше акцентируют внимание на личностном развитии. Наиболее часто упоминаемым препятствием является нехватка времени. Исследование дает новое представление о структурных и психологических детерминантах волонтерства среди молодежи и указывает на необходимость разработки индивидуальных программ мотивации и поддержки, которые сочетают в себе личные и социальные преимущества волонтерства. Научная значимость представленной статьи заключается в проведении эмпирической проверки функционалистской модели мотивации, осуществлении интеграции теории запланированного поведения, а также в исследовании роли социального капитала применительно к деятельности волонтеров молодежной возрастной группы.

Ключевые слова: мотивация, волонтерство, функционалистская теория, иерархия потребностей и мотивов, социальный капитал, гражданское действие, теория запланированного поведения

Для цитирования: Чумура Л.Д. 2026. Мотивация студентов Нови-Сада (Сербия) к волонтерской деятельности. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 51(1): 59–68. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-59-68 EDN: DCRLEQ

Motivation of Students from Novi Sad (Serbia) for Volunteering

Ljljana D. Čumura

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russian Federation

ljljana.cumura@mail.ru

Abstract. Despite the widely recognized importance of youth volunteering for both individual development and social capital, there is still a lack of in-depth research into the motivational mechanisms that drive student engagement. This study explores the underlying motives, perceived barriers, and gender-related differences in volunteering behavior among university students in Novi Sad (Serbia). The analysis focuses particularly on how previous volunteering experience shapes students' motivation and

attitudes toward civic participation. A quantitative survey was conducted in 2023 among 240 students from various academic disciplines. The questionnaire combined socio-demographic data, the Volunteer Functions Inventory (VFI) scale for assessing volunteer motivations, and additional items assessing preferred areas of engagement and obstacles to participation. Statistical and comparative analyses were used to identify key motivational patterns and group-specific variations. The findings indicate that students are primarily motivated by personal development (self-realization, gaining experience), social connection (meeting new people, building relationships, feeling useful), and value-oriented reasons. Students with volunteering experience emphasize the development of skills and the meaningful contribution to the community. In contrast, students without volunteering experience tend to idealize volunteering as a path to self-growth and social integration. Lack of free time emerges as the most common obstacle, while external recognition of volunteering is considered unimportant. Although gender differences are not statistically significant, girls show a slightly higher preference for caregiving-oriented volunteer roles. The findings are discussed in relation to functional motivation theory, Maslow's hierarchy of needs, Putnam's concept of social capital, and Ajzen's theory of planned behavior. The study highlights the need for strategic programs that combine personal incentives with broader social goals in order to strengthen the youth volunteering culture and civic engagement.

Keywords: motivation, volunteerism, functionalist theory, hierarchy of needs and motives, social capital, civic engagement, theory of planned behavior

For citation: Ćumura L.D. 2026. Motivation of Students from Novi Sad (Serbia) for Volunteering. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 59–68 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-59-68 EDN: DCRLEQ

Введение

Волонтерство и гуманитарная деятельность всегда играли важную роль для общества. Помимо вклада в развитие социального капитала, межличностной солидарности и активной гражданской позиции, они также способствуют развитию сообщества и социальных навыков, уверенности в себе и профессиональной компетентности.

Однако, хотя волонтерство все чаще признается важной формой гражданской активности, многие авторы указывают на сложные проблемы в мотивации молодых людей к участию в волонтерской работе. Наиболее очевидными проблемами являются нехватка свободного времени [Wilson, 2000; Hustinx, Lammertyn, 2003; Perić Prkosovački, 2021], отсутствие информации о возможностях волонтерской деятельности [Clary et al., 1996; Беляева, 2024], а также низкий социальный статус волонтерской работы и недостаточное признание вклада волонтеров (со стороны учреждений и общества), что дополнительно влияет на снижение мотивации к участию [Musick, Wilson, 2008, Метелев и др., 2022]. Еще одна важная проблема заключается в недостаточном восприятии личных выгод от волонтерства [Penner, 2002] или несоответствии между предложением волонтерских программ и ожиданиями молодых людей [Hustinx et al., 2010]. Молодые люди иногда решают заняться волонтерством из альтруистических и эмоциональных побуждений [Yanitsky, 2020; Воронина, Башева, 2022; Clary, Snyder, 1999], особенно в кризисных ситуациях [Bodroža, Dinić, 2022; Чумура, 2024б], но отсутствие долгосрочной стратегии и поддержки может привести к быстрому отказу от такой добровольческой инициативы [Clary, Snyder, 1999; Кудринская, 2006]. Наконец, отсутствие профессиональной и организационной поддержки волонтеров, такой как обучение, наставничество и признание их вклада, является серьезным препятствием для долгосрочного участия волонтеров [Ćumura et al., 2023].

С учетом всех перечисленных проблем, а также важности волонтерства для развития личностных и профессиональных навыков молодежи, требуется более глубокое понимание мотивации студентов к участию в волонтерской деятельности [Чумура, 2024а; Рот, 1994]. Анализируя эти различия, можно усовершенствовать стратегии привлечения,

обучения и удержания молодых волонтеров, что внесет значительный вклад в развитие волонтерской культуры и социального капитала [Чумура, 2025; Невский, 2020]. Соответственно, исследование сосредоточено на следующих исследовательских вопросах: Каковы наиболее часто выражаемые студентами мотивы участия в волонтерской деятельности? Существуют ли существенные различия в мотивации волонтерства между студентами, имеющими опыт волонтерства, и студентами без такого опыта? В какой степени мотивы волонтерства различаются в зависимости от пола респондентов? Какие препятствия студенты чаще всего выделяют в качестве барьеров для участия в волонтерской деятельности? Какие направления волонтерской деятельности студенты считают наиболее привлекательными для будущего участия?

В основе исследования – четыре ключевые модели: функционалистскую теорию мотивации волонтерства [Clary, Snyder, 1998], иерархию потребностей Маслоу [Maslow, 1982], концепцию социального капитала и гражданской активности [Putnam, 2000] и теорию запланированного поведения [Ajzen, 1991].

Согласно функционалистской модели [Clary, Snyder, 1998], люди занимаются волонтерской деятельностью для удовлетворения различных психологических и социальных функций, которые операционализируются через шесть основных мотивационных измерений: *Ценностная функция* – волонтерство как способ помощи другим и внесения вклада в общество; *Социальная функция* – обретение новых дружеских связей и лучшая социализация; *Функция развития карьеры* – получение опыта, новых знаний и развитие профессиональных навыков; *Функция защиты* – способ смягчить чувство вины или избежать личных проблем; *Функция понимания* – способность узнавать что-то новое, получать новые знания; *Функция самооценки* – укрепление уверенности в себе и позитивного образа себя, а также укрепление самооценки через помощь другим.

Маслоу разработал теорию, которая объясняет индивидуальную мотивацию как удовлетворение пяти уровней потребностей: *физиологических, безопасности, принадлежности, уважения и самореализации* [Maslow 1982], в то время как Роберт Патнэм в своем исследовании социальной вовлеченности подчеркивал, что волонтерство является одним из ключевых *компонентов социального капитала* [Putnam 2000], то есть сети взаимного доверия, сотрудничества и солидарности в сообществе.

Помимо функционалистского подхода, иерархии потребностей (мотивов) Маслоу и концепции социального капитала, для понимания мотивации молодых людей к волонтерской работе важна также теория запланированного поведения. Эта теория предполагает, что намерение совершить определенное поведение (в данном случае волонтерство) напрямую обусловлено установками по отношению к этому *поведению, субъективными нормами и воспринимаемым контролем* [Ajzen 1991]. Айзен считал, что «люди принимают решения о своем поведении, основываясь на рациональной оценке, а не импульсивно».

Методы исследования

Исследование проводилось в 2023 года. В нем приняли участие 240 респондентов (115 студентов-мужчин и 125 студенток-женщин), обучающихся на различных курсах и по различным направлениям подготовки в Нови-Саде (Сербия). В ходе количественного анализа данных, собранных с помощью онлайн-опроса (Google Forms), были изучены следующие сегменты: социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, предыдущий опыт волонтерской деятельности), виды и сферы волонтерской деятельности, а также мотивы и отношение к волонтерству, включая шкалу функций волонтерства (VFI) и дополнительные потребности (самореализация, социальные потребности, знакомство с новыми людьми и т. д.). Собранные данные анализировались с использованием количественных методов (процентное распределение ответов на отдельные вопросы), а также описательного и сравнительного анализа (сравнение по группам).

Результаты исследования и обсуждение

Результаты исследования подтверждают многообразие мотивов вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность, что соответствует функционалистскому подходу к мотивации волонтерства. Функционалистская теория предполагает, что люди участвуют в волонтерской работе с целью удовлетворения различных психологических и социальных потребностей – от альтруизма и желания помогать другим, социальных связей и создания новых отношений до профессионального развития, защиты и утверждения собственной идентичности.

Факторы, мотивирующие студентов к участию в волонтерской работе

В ходе исследования мы хотели проверить, что побудит молодых людей стать волонтерами, и получили следующие ответы (рис. 1).

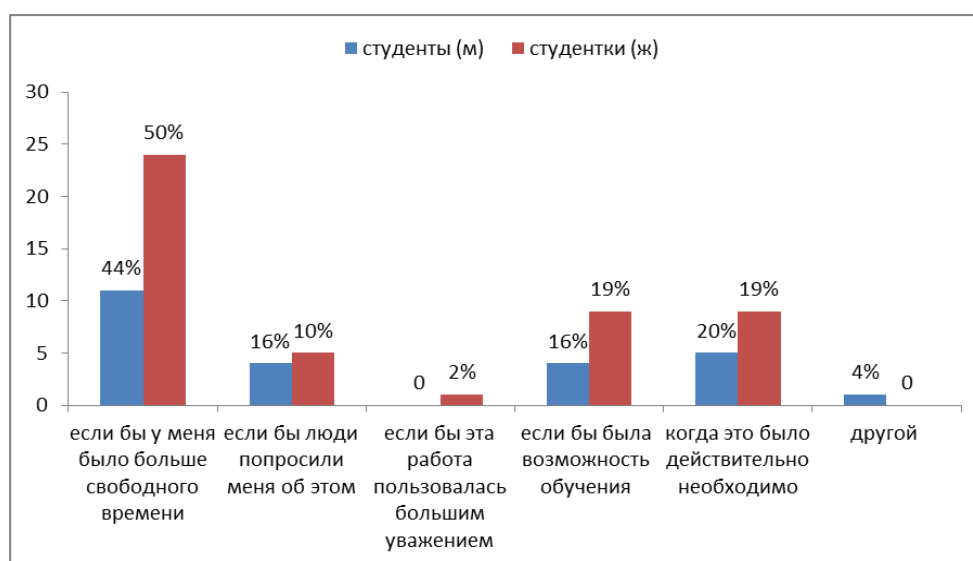

Рис. 1. Причины волонтерства
 Fig. 1. Reasons for volunteering

Результаты показывают, что наибольшее количество респондентов (44% мужчин и 50% женщин) решили бы заняться волонтерством, если бы у них было больше свободного времени. Вторым по значимости мотивом является возможность получения дополнительного образования, стажировки или профессиональной практики (16% мужчин и 19% женщин), за которым следует чувство необходимости (20% мужчин и 19% женщин), а также если люди попросят их об этом – просьба о волонтерства (16% мужчин и 10% женщин). Лишь небольшое количество студентов заявили, что стали бы волонтерами, если бы такая деятельность характеризовалась более высоким социальным престижем или пользовалась большим уважением (0% мужчин, 2% женщин), тогда как 4% мужчин указали другую причину.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что мотивация к волонтерству среди молодежи во многом основана на индивидуальных жизненных обстоятельствах и наличии времени, а также на восприятии полезности и ценности волонтерской работы.

На вопрос, занимались ли вы когда-либо волонтерской деятельностью, 29 респондентов ответили «да», а 211 дали отрицательный ответ. Эти данные свидетельствуют о крайне низком уровне предыдущего опыта волонтерской деятельности среди студентов — только 12% опрошенных принимали участие в волонтерской деятельности, тогда как подавляющее большинство (88%) этого не делали. Выявленный дисбаланс может быть обусловлен действием ряда факторов: недостаточная популяризация волонтерства на университетском уровне, отсутствие институциональной поддержки или низкая социальная заметность и признание волонтерской работы.

Особенно показательно, что студенты гуманитарных и социальных специальностей проявили большую мотивацию к участию в волонтерских программах. Данная тенденция поддается интерпретации в контексте образовательной и ценностной направленности указанных областей знания, которые чаще стимулируют социальную активность, эмпатию и интерес к общему благу. Кроме того, такие студенты могут быть более осведомлены о социальных проблемах и важности гражданского участия, что делает их более открытыми для волонтерской деятельности.

Предпочтительные направления волонтерской работы

При анализе предпочтительных сфер волонтерской деятельности респондентов были выявлены существенные гендерные различия (рис. 2). Женщины чаще всего выражали интерес к работе с детьми (33%), за ними следовали работе с молодежи (23%), помощь людям с ограниченными возможностями (13%), затем в других областях (11%), и со старшими (10%). Мужчины выразили наибольшее желание заниматься деятельностью, направленной на помощь молодежи (28%), затем – работой с животными (17%), детьми (19%), людьми с ограниченными возможностями (14%), со старшими (11%) и административными задачами (11%). Различия статистически незначимы, но могут быть связаны с гендерной социализацией и ожиданиями. Административная деятельность наименее популярна среди представителей обоих полов.

Данный выбор подтверждает высокую степень социальной направленности респондентов и чувство ответственности по отношению к уязвимым группам населения, что подтверждает значимость эмоционально-коммуникативного компонента у молодежи.

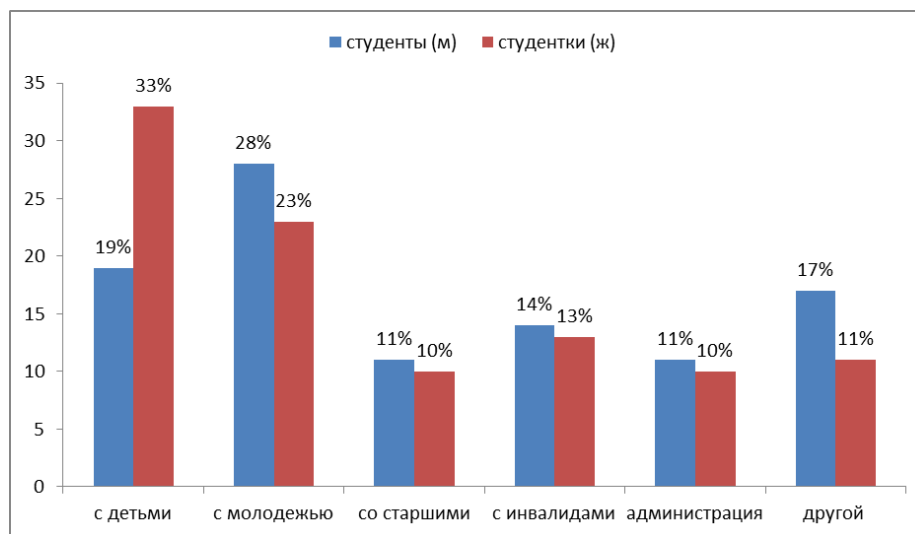

Рис. 2. Тип волонтерской деятельности
Fig. 2. Type of volunteer activity

Распределение мотивационных факторов по важности

В последней части анкеты респонденты ранжировали утверждения, отражающие, по их мнению, наиболее значимые мотивы участия в волонтерской деятельности: знакомство с новыми людьми, желание быть полезным, приобретение опыта, самореализация, позитивное мнение о себе, социальные потребности и способ провести свободное время.

Студенты, никогда не занимавшиеся волонтерской деятельностью, оценили мотивацию молодежи к волонтерской деятельности следующим образом (рис. 3). Студенты, уже работающие волонтерами, по-разному оценили мотивы занятия волонтерской деятельностью (рис. 4). Анализ полученных ответов выявил определенные различия в восприятии мотивов у студентов, не имеющих опыта волонтерской деятельности, и у тех, кто уже занимался волонтерской деятельностью.

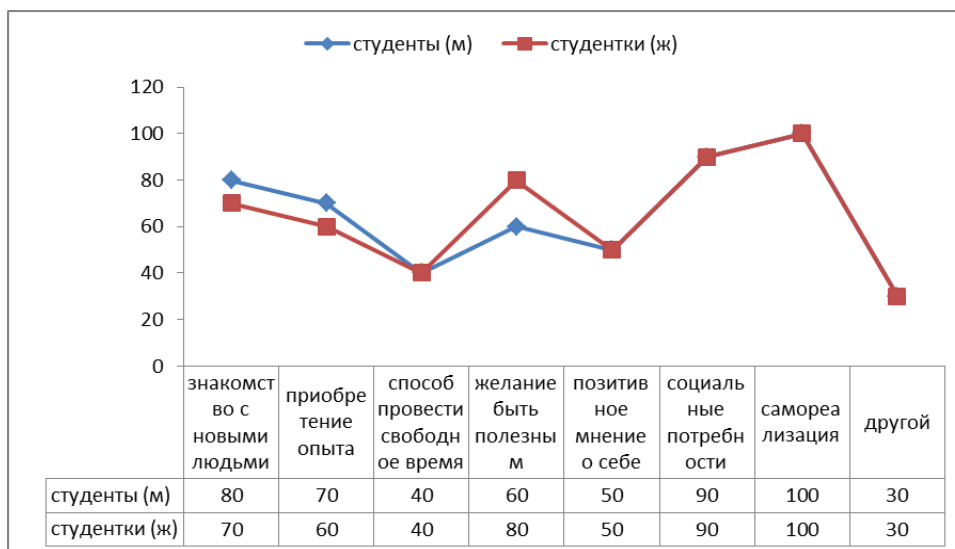

Рис. 3. Мотивация к волонтерской работе – отношение студентов без опыта к волонтерской деятельности

Fig. 3. Motivation for volunteer work – attitudes of students without volunteer experience

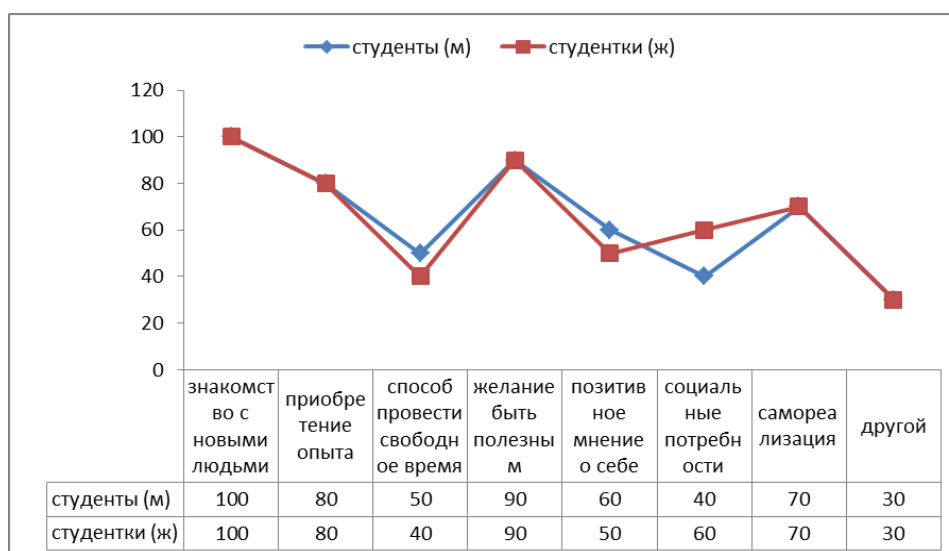

Рис. 4. Мотивация волонтерской деятельности – отношение студентов-волонтеров

Fig. 4. Motivation for volunteer work – attitudes of students with volunteer experience

Среди наиболее значимых мотивов студенты без опыта волонтерской деятельности выделяют самореализацию, социальные связи, знакомство с новыми людьми и желание быть полезным обществу. Это свидетельствует об идеализированном понимании волонтерской работы, где акцент делается на личностном развитии и интеграции в социальное сообщество. В отличие от этого, студенты, имеющие опыт волонтерства, больше внимания уделяют знакомству с новыми людьми, принесению пользы обществу, получению опыта и самореализации, что может свидетельствовать о сформированном (или достаточно высоком) чувстве гражданской ответственности. Это различие можно интерпретировать с помощью теории запланированного поведения Айзеня: волонтеры позитивно относятся к волонтерской деятельности, основываясь на личном опыте, что еще больше укрепляет их восприятие ее преимуществ и готовность к участию. Их поведение обусловлено внутренними ценностями, сформированными нормами и контролем над собственным поведением.

Также эти мотивы совпадают с высшими уровнями иерархии потребностей Маслоу: потребность в принадлежности, проявляющаяся через потребность в социальных связях и знакомстве с новыми людьми (на что студенты указывали чаще всего), затем потребность в признании – через социальное признание, позитивное мнение о себе, чувство собственной полезности (что особенно подчеркивалось среди активных волонтеров) и потребность в самоактуализации, проявляющаяся через самореализацию, личностное развитие и получение нового опыта. Это свидетельствует о том, что молодые люди воспринимают волонтерство не только как альтруистическую деятельность, но и как путь к самореализации и психологическому росту. Данные результаты служат подтверждением положений функционалистского подхода к волонтерской деятельности, в рамках которого участие в добровольчестве рассматривается как способ реализации специфических психологических функций. В частности, это проявляется в стремлении субъекта к достижению ценностной конгруэнтности, социальной интеграции, а также к обеспечению условий для личностного и профессионального роста.

В нашем исследовании большинство студентов называют нехватку времени основной причиной, по которой они не занимаются волонтерской работой, в то время как общественное восприятие волонтерства как ценной и признанной деятельности оценивается как менее значимое. По мнению Айзена, указанное обстоятельство свидетельствует о более низком уровне воспринимаемого контроля над поведением, что снижает вероятность того, что индивид будет реализовывать желаемое поведение, даже при наличии положительного отношения к волонтерской работе. Поэтому необходима дальнейшая работа по популяризации волонтерства и разъяснению конкретных преимуществ волонтерской работы как для отдельного человека, так и для общества.

По мнению Патнэма (концепция социального капитала), высокий уровень волонтерской активности способствует: развитию гражданской культуры, повышению доверия к институтам и между отдельными людьми, укреплению социальной сплоченности. В этом контексте данные настоящего исследования подтверждают, что молодые люди, уже занимающиеся волонтерством, в основном выделяют социальные и коммуникативные аспекты волонтерства в качестве основных мотивов (например, новые контакты, чувство принадлежности). Именно эти элементы социального капитала имеют более широкое значение для сообщества, а не только для индивидуальной выгоды.

При ранжировании мотивационных факторов по степени важности статистически значимой разницы между респондентами мужского и женского пола с точки зрения мотивации не выявлено, хотя более высокий процент женщин выразил готовность заниматься волонтерской деятельностью в областях, связанных с заботой о других (особенно с детьми и молодежью). Однако, безусловно, рекомендуется адаптировать содержание программы не только к гендерному признаку, но и к типу мотивации и предыдущему опыту. Кроме того, как показывают результаты, для поощрения волонтерства среди студентов необходимо разрабатывать программы, связывающие личные преимущества (саморазвитие, обучение, контакты) с более широкими социальными целями (солидарность, вовлеченность, помощь обществу). Если вернуться к предыдущим исследованиям (автора), то можно увидеть преемственность результатов: молодые волонтеры часто считают себя активными агентами позитивных социальных изменений, но им необходимо общественное признание, непрерывное образование и системная поддержка для поддержания и углубления своей вовлеченности.

Заключание

Данное исследование показывает, что молодые люди осознают многочисленные преимущества волонтерства, но при этом существуют значительные препятствия, влияющие на их решение заняться этим видом деятельности. Ключевыми мотивами, побуждающими их к этому, являются: социальные связи, чувство полезности и

личностное развитие. Предыдущий опыт существенно влияет на формирование позитивного отношения, хотя препятствиями по-прежнему являются нехватка времени, информации и конкретных выгод.

Однако существует очевидная необходимость в дополнительных усилиях по информированию, мотивации и продвижению волонтерства, особенно среди тех, кто ранее не имел возможности стать волонтером. Кроме того, внедрение более гибких программ волонтерства, усиление продвижения и связь волонтерства с профессиональным развитием могли бы способствовать большей вовлеченности молодежи.

Поощрение и расширение прав и возможностей молодых людей для волонтерской работы не только вносит вклад в развитие сообщества, но и способствует развитию их личности, способностей и чувства принадлежности к обществу.

Список литературы

- Беляева О.А. 2024. Роль волонтерской деятельности в обеспечении процессов социализации младших школьников. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 5 (122): 231–243. DOI 10.23859/1994-0637-2024-5-122-19
- Воронина Н.С., Башева О.А. 2022. Мотивация волонтеров, участвующих в реагировании на чрезвычайные ситуации: результаты массового опроса. *Вестник Института социологии*, 13(2): 65–90. DOI 10.19181/vis.2022.13.2.790
- Кудринская Л. 2006. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика. *Социологические исследования*, 5: 15–22.
- Метелев А.П., Белановский, Ю.С., Горлова Н.И. 2022. Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: отв. ред. И.В. Мерсиянова, М., НИУ ВШЭ, 456 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2634-7
- Невский А.В. 2020. Социология волонтерства: определение границ исследования. *Вестник Института социологии*, 11(1): 30–46. DOI 10.19181/vis.2020.11.1.624
- Рот Н. 1994. Основы социјалне психологије, Београд, Завод за уџбенике и наставна средства, 545 с.
- Чумура Л. 2024а. Значение и роль социальных мотивов в волонтерской деятельности. В кн.: *Инновационное проектирование в современном обществе: сборник материалов Международной научно-практической конференции*, под ред. Ю.В. Денисовой, Н.Д. Черныш Г.А. Литвиновой, Белгород, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 308 с.
- Чумура Л. 2024б. Волонтерство в кризисных и рискованных ситуациях: ключевые факторы и драйверы. В кн.: *Образование. Наука. Производство : сб. докладов XVI Международного молодежного форума*, Белгород, 30–31 октября 2024, Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 428–434.
- Чумура Л. 2025. Развитие и расширение возможностей личности и общества посредством волонтерства: Методологический подход Пауло Фрейре. В кн.: *Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях: сборник материалов Международной научно-практической конференции*, под ред. Р.В. Лесовика, М.А. Игнатова, Ю.Ю. Буряка, Г.А. Литвиновой, 20 января 2025, Белгород: Изд-во БГТУ, 264–271.
- Ajzen I. 1991. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2): 179–211. DOI 10.1016/0749-5978(91)90020-T
- Bodroža V., Dinić, B. M. 2022. Personality and context-related factors of helping and helping-related affect during early stages of the COVID-19 pandemic. *Scandinavian Journal of Psychology*.
- Clary E.G., Snyder M., Stukas A.A. 1996. Volunteers' Motivations: Findings from a National Survey. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 25(4): 485–505. DOI 10.1177/0899764096254006
- Clary E.G., Snyder M. 1998. The Functional Approach to Volunteerism: Motivations, Functions, and Benefits of Volunteerism. *Journal of Social Issues*.
- Clary E.G., Snyder M. 1999. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 8(5): 156–159. DOI 10.1111/1467-8721.00037
- Ćumura Lj., Janjić N., Savić B. 2023. Abilities and Preparedness for Emergency Situations among Students of HETSPS in Novi Sad. Book of Proceedings, *International Engineering Conference*,

- Bečići, 28-30.8.2023. Novi Sad, University of Novi Sad, The Faculty of Technical Sciences and The Higher Education Technical School of Professional Studies, 224–232.
- Yanitsky O. 2020. On the Volunteers and Volunteering: The Case of Russia. *Creative Education*, 11: 307–320. DOI 10.4236/ce.2020.113024
- Maslow A.H. 1982. *Motivacija i ličnost*. Beograd, Nolit, 356 c.
- Musick M., Wilson J. 2008. *Volunteers: A Social Profile*. Indiana University Press. 680 p.
- Penner L. A. 2002. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: An interactionist perspective. *Journal of Social Issues*, 58(3): 447–467.
- Perić Prkosovački, B., Babić-Kekez S. 2021. Slobodno vreme i darovitost. В кн.: *Daroviti: lična i socijalna perspektiva*, 26, Vršac-Arad, Visoka škola strukovnih studija za vaspitače „Mihailo Palov“ - Universitatea de Vest „Aurel Vlaicu”, 165-180.
- Putnam R.D. 2000. *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 747 p.
- Hustinx L., Cnaan, R., Handy, F. 2010. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 40: 410–434.
- Hustinx L., Lammertyn, F. 2003. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14: 167–187. DOI 10.1023/A:1023948027200
- Wilson J. 2000. Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 26: 215–240. DOI 10.1146/annurev.soc.26.1.215

References

- Beljaeva O.A. 2024. Rol' volonterskoj dejatel'nosti v obespechenii processov socializacii mladshih shkol'nikov [The Role of Volunteer Activities in Ensuring the Socialization Processes of Primary School Students]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 5 (122): 231–243. DOI 10.23859/1994-0637-2024-5-122-19 (in Russian)
- Voronina N.S., Basheva O.A. 2022. Motivacija volontjorov, uchastvujushih v reagirovanii na chrezvychajnye situacii: rezul'taty massovogo oprosa [Motivation of Volunteers Involved in Emergency Situation Response: Results of a Mass Survey]. *Vestnik instituta sotziologii*, 13(2): 65–90. DOI 10.19181/vis.2022.13.2.790
- Kudrinskaja L. 2006. Dobrovol'cheskij trud: sushhnost', funkicii, specifika [Volunteer Work: Essence, Functions, Specifics]. *Sociologicheskie issledovanija*, 5: 15–22. (in Russian)
- Metelev A.P., Belanovskij J.S., Gorlova N.I. 2022. Organizacija dobrovol'cheskoj (volonterskoj) dejatel'nosti i vzaimodejstvie s social'no orientirovannymi NKO: uchebnik [Organization of volunteer activities and interaction with socially oriented NPOs: textbook]. I. V. Mersijanova (ed.). Moscow, Publ. NIU VShJe, 456 p. DOI 10.17323/978-5-7598-2634-7 (in Russian)
- Nevskii A. V. 2020. Sociologija volontjorstva: opredelenie granic issledovanija [Sociology of volunteering: defining the boundaries of research]. *Vestnik instituta sotziologii*. 11(1): 30–46. DOI 10.19181/vis.2020.11.1.624 (in Russian)
- Рот Н. 1994. Основи социјалне психологије, Београд, Publ. Завод за уџбенике и наставна средства, 545 p. (in Serbian)
- Cumura L. 2024. Znachenie i rol' social'nyh motivov v volonterskoj dejatel'nosti [The Importance and Role of Social Motives in Volunteer Activities]. In: *Innovacionnoe proektirovanie v sovremennom obshhestve: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Ju. V. Denisovoj, N. D. Chernysh, G. A. Litvinovoj (eds.), Belgorod, Publ. Belgorodskij gosudarstvennyj tehnologičeskij universitet im. V. G. Shuhova, 308 p. (in Russian)
- Cumura L. 2024. Volonterstvo v krizisnyh i riskovyh situacijah: ključevye faktory i drajvery [Volunteering in Crisis and Risk Situations: Key Factors and Drivers]. In: *Obrazovanie. Nauka. Proizvodstvo: Sbornik dokladov XVI Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma*, 30–31 oktjabrja 2024, Belgorod, Publ. Belgorodskij gosudarstvennyj tehnologičeskij universitet im. V. G. Shuhova, 428–434. (in Russian)
- Cumura L. 2025. Razvitie i rasshirenie vozmožnostej ličnosti i obshhestva posredstvom volonterstva: Metodologičeskij podhod Paulo Frejre [Development and Empowerment of the Individual and Society through Volunteering: A Methodological Approach by Paulo Freire]. In: *Sodejstvie professional'nomu stanovleniju ličnosti i trudoustrojstvu molodyh specialistov v sovremennyh uslovijah: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*,

- R.V. Lesovika, M.A. Ignatova, Ju. Ju. Burjaka, G. A. Litvinovoj (eds.), 20 janvarja 2025, Belgorod, Publ. BGTU, 264–271. (in Russian)
- Ajzen I. 1991. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2): 179–211. DOI 10.1016/0749-5978(91)90020-T
- Bodroža B., Dinić, B. M. 2022. Personality and context-related factors of helping and helping-related affect during early stages of the COVID-19 pandemic. *Scandinavian Journal of Psychology*.
- Clary E.G., Snyder M., Stukas, A.A. 1996. Volunteers' Motivations: Findings from a National Survey. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 25(4): 485-505. DOI 10.1177/0899764096254006
- Clary E. G., Snyder, M. 1998. The Functional Approach to Volunteerism: Motivations, Functions, and Benefits of Volunteerism. *Journal of Social Issues*.
- Clary E.G., Snyder, M. 1999. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 8(5): 156–159. DOI 10.1111/1467-8721.00037
- Yanitsky O. 2020. On the Volunteers and Volunteering: The Case of Russia. *Creative Education*, 11: 307–320. DOI 10.4236/ce.2020.113024
- Ćumura Lj., Janjić, N., Savić, B. 2023. Abilities and Preparedness for Emergency Situations among Students of HETSPS in Novi Sad. Book of Proceedings, *International Engineering Conference*, Bečići, 28-30.8.2023. Novi Sad, University of Novi Sad, The Faculty of Technical Sciences and The Higher Education Technical School of Professional Studies, 224-232.
- Maslow A.H. 1982. *Motivacija i ličnost* [Motivation and Personality]. Beograd, Publ. Nolit, 356 p. (in Serbian)
- Musick M., Wilson J. 2008. *Volunteers: A Social Profile*. Indiana University Press. 680 p.
- Penner L.A. 2002. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: An interactionist perspective. *Journal of Social Issues*, 58(3): 447–467. DOI 10.1111/1540-4560.00270
- Perić Prkosovački, B., Babić-Kekez S. 2021. Slobodno vreme i darovitost. *Daroviti: lična i socijalna perspektiva*, 26, Vršac-Arad, Publ. Visoka škola strukovnih studija za vaspitače „Mihailo Palov“ - Universitatea de Vest „Aurel Vlaicu”, 165–180.
- Putnam R. D. 2000. *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 747 p.
- Hustinx L., Cnaan, R., Handy, F. 2010. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 40: 410–434. DOI 10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x.
- Hustinx L., Lammertyn, F. 2003. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: A Sociological Modernization Perspective. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14: 167–187. DOI 10.1023/A:1023948027200
- Wilson J. 2000. Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 26: 215–240. DOI 10.1146/annurev.soc.26.1.215

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.01.2026

Поступила после рецензирования 07.02.2026

Принята к публикации 14.02.2026

Received January 10, 2026

Revised February 07, 2026

Accepted February 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чумура Лильяна Д., аспирант кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Ljiljana D. Ćumura, Postgraduate Student, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.112
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82
EDN DLZHOP

Дуализм традиционных духовно-нравственных ценностей

Антонченко В.В.

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 27
antovadim@yandex.ru

Аннотация. Проблематика традиционных духовно-нравственных ценностей требует и своего доктринального осмысления. Несмотря на многочисленность публикаций в этой области, практически отсутствуют исследования, подвергающие общепринятые подходы к некоторым дефинициям в данной сфере критическому анализу. Целью исследования является выявление связи феномена традиционных духовно-нравственных ценностей с универсальными ценностями. В результате выявлено, что традиции, обладающие характеристикой самоорганизации, облегчают индивидуальное и социальное восприятие тех или иных событий и формируют реакцию на них. Традиционные духовно-нравственные ценности имеют не правовой, а личный характер. Вместе с тем традиции, воплощающие универсальные ценности, к которым относятся морально-нравственные представления о должном, отраженные в доктрине естественного права и институте права человека, требуют поддержки со стороны публичной власти. Расположение универсальных благ в основании системы духовно-нравственных ценностей, отражение их верховенства в традициях позволяет обществу достигать прогресса на пути социальной эволюции. Традиции, препятствующие прогрессивным преобразованиям, требуют пересмотра. Отношение позитивного права к универсальным ценностям служит выражением правовой сущности государства, его способности обеспечивать благополучие и безопасность граждан.

Ключевые слова: традиции, традиционные ценности, мораль, нравственность, права человека, государство, право

Для цитирования: Антонченко В.В. 2026. Дуализм традиционных духовно-нравственных ценностей. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 69–82. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82 EDN: DLZHOP

Dualism of Traditional Spiritual and Moral Values

Vadim V. Antonchenko

The Far Eastern Fire and Rescue Academy, branch of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev
27 Ajax settl., Russky island, Vladivostok 690922, Russian Federation
antovadim@yandex.ru

Abstract. The problem of traditional spiritual and moral values, the relevance of which has increased significantly in recent years, both at the everyday and expert levels, requires its own doctrinal understanding. Despite the numerous publications in this field, there are practically no studies that critically analyze generally accepted approaches to certain definitions. The purpose of this study is to

provide a brief analysis of the phenomenon of traditional spiritual and moral values and their connection with universal ones. As a result of the research, it was revealed that traditions, as a social phenomenon with the characteristic of self-organization, have a very broad understanding and develop over a long time; as a model of behavior, they facilitate individual and social perception of certain events and form a reaction to them. Traditional spiritual and moral values have not a legal, but rather an individual, personal character, which in a rule-of-law democratic state limits its interference in this area of social existence. At the same time, traditions embodying the content of universal values, which include the most important moral concepts of what is due, reflected in the doctrine of natural law and the institution of human rights, combining the objectivity of the law and the subjectivism of morality, require unconditional support from public authorities. Placing the universal good at the foundation of the system of spiritual and moral values, reflecting their supremacy in traditions, allows society to achieve progress on the path of its social evolution. At the same time, traditions that do not take into account the conditions of the changing environment, and thus hinder progressive transformations, create unfavorable conditions for social evolution and require revision. The relation of positive law to universal values is an expression of the legal essence of the state, its ability to adequately respond to modern challenges and threats, to ensure the well-being and safety of citizens.

Keywords: traditions, traditional values, morality, ethics, human rights, the state, law

For citation: Antonchenko V.V. 2026. Dualism of Traditional Spiritual and Moral Values. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51 (1): 69–82 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82 EDN: DLZHOP

Введение

Проблема духовно-нравственных ценностей, их взаимодействие с иными феноменами общественного бытия и влияние на развитие социума находится в последнее время в центре публичного дискурса, адресованного многочисленной и гетерогенной аудитории, отличающейся крайней неоднородностью субъектов по самым разнообразным признакам (пол, возраст, социальное положение, образование и т. д.). Сложнейшие процессы эволюции социума и техносферы требуют определения как фундаментальных основ, так и вектора их развития, соответствующего ожиданиям индивидов и общества. Поводом для настоящего исследования является необходимость определения существа традиционных духовно-нравственных ценностей, их связи с моралью и нравственностью, а также выявления их места в системе универсальных благ.

Целью исследования является определение актуальности и функциональности традиционных духовно-нравственных ценностей в современном обществе, идентификация универсальных и контекстуальных ценностей и оценка их вклада в социальное благополучие. Необходимость выйти за рамки поверхностного восприятия традиционных ценностей и выявить их смыслы и исторические корни вызвана требованием оценки потенциальных последствий мифологизации и идеологизации ценностных установок, способных иметь неоднозначные, с точки зрения созидания и прогресса, последствия. Также целью работы является инициирование общественного диалога и индивидуальной рефлексии по поводу традиционных ценностей, обоснование несовместимой с догматизмом и нетерпимостью необходимости уважения к иным точкам зрения.

Ценностные основы всех сфер социального бытия являются базисом и важнейшим фактором общественных трансформаций, позволяющим преодолеть культурные, узкогрупповые и идеологические заблуждения, неизбежно возникающие на пути социальной эволюции, нередко отягощающейся различными отклонениями (флуктуациями и регрессом), порождающими значительную неравномерность в культурном, социальном и технологическом развитии различных государств и народов.

Автор использует аксиологический метод, а также метод критического анализа, без применения которого прогресс знания о явлениях социальной жизни, обеспечивающий благополучие и безопасность общества и государства, невозможен. В соответствии с принципами академической добросовестности, исследование ценностной сферы индивида и социума опирается на предшествующие научные труды автора, в которых производится осмысление взаимоотношений государства, права, морали и религиозных учений, претендующих на некое сакральное знание. Предыдущие публикации, являясь частью непрерывного процесса накопления и развития знаний, служат основой для теоретической концепции и методологического аппарата настоящего исследования, обеспечивая возможность сравнительного анализа и сопоставления результатов.

Огромное влияние на понимание традиций как живого, развивающегося нарратива, в рамках которого формируются добродетели и этические системы, оказали работы А.Ч. Макинтайра (англ. A. McIntyre) [2000; 2006, с. 186-232; 2008, с. 138-148] и Ч. Тейлор (англ. Ch. Taylor) [1989], в которых ученые критически пересматривают модернистские представления о традиции как о чем-то статичном и устаревшем и подчеркивают динамический характер традиции, ее способность к адаптации и переосмыслению, рассматривают ценности не как абстрактные категории, а как живые ориентиры, формирующие идентичность и мировоззрение. Р. Инглхарт (англ. R. Inglehart) и К. Вельцель (англ. Ch. Welzel) исследуют обширные эмпирические данные о динамике традиционных и секулярно-рациональных ценностей, а также ценностей выживания и самовыражения в различных странах мира, выявляя корреляции с экономическим развитием и демократизацией [2011]. М. К. Нуссбаум (англ. M. Nussbaum) в своих работах по этике и политической философии обращается к вопросу о том, как традиционные ценности могут вступать в конфликт с универсальными принципами справедливости и прав человека, особенно в отношении женщин и меньшинств, предлагая подходы к разрешению этих конфликтов [2014; 2023]. Один из ведущих теоретиков коммунитаризма А. Этциони (англ. A. Etzioni) подчеркивает важность традиционных ценностей и сообществ для поддержания социальной сплоченности и морального порядка в условиях индивидуализма и атомизации современного общества [2001; 2004]. Большой вклад в исследование содержания традиционных ценностей и институтов, их инкорпорации в социальные практики, мышление и восприятие индивидов, в социальное поведение и мировоззрение, социальную сплоченность и моральный порядок в условиях индивидуализма и атомизации современного общества, внесли Ш. Н. Эйзенштадт (англ. Sh. Eisenstadt) [1999], Э. Гидденс (англ. A. Giddens) [2015; 2018], П. Бурдьё (P. Bourdieu) [2016; 2018] и многие другие ученые. Труды современных мыслителей, посвященные исследованию традиционных ценностей, демонстрируют их непреходящую актуальность и многогранность. Исследование данной сферы является важным инструментом для осмысления настоящего и формирования более устойчивого и гармоничного будущего, помогающим обществу понять себя, а также вызовы и возможности, с которыми оно сталкивается в XXI веке.

Теоретическое осмысление идей, теорий и взглядов на роль деонтологии в процессе формирования индивидуального и общественного сознания и место предшествующего опыта поколений способно помочь преодолеть ситуацию культурного тупика и обеспечить социуму возможность прогресса. Конституционное закрепление принципа верховенства прав человека наделяет данный подход свойствами базиса для формирования всей политико-правовой среды. Индивидуальное и общественное сознание, подчиняющееся указанному принципу и свободное от культурных и идеологических заблуждений, обеспечивает возможность роста интеллектуального, культурного и

морально-нравственного потенциала, наделяет социальный прогресс смыслом и целесообразностью.

Традиции, мораль и нравственность

Традиционные ценности – это ценности, основанные на традиции. Традиции (от лат. *traditio* – предание, обычай) – это, в свою очередь, множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение и выступающих одним из регуляторов общественных отношений¹. Изначально понятие «традиция» включало в себя аспект особого уважения к полученному в качестве дара опыту, обычаю. Позже, с развитием христианства, под традициями стали понимать, в основном, религиозный и церковный опыт, передаваемый от прошлых поколений людей. До Нового времени это понятие было связано с чем-то прошлым, с тем, что утратило новизну и символизирует некий застой [Зберовский, 2009]. Становление светского мировоззрения, достигшего апогея в эпоху европейского Просвещения, породило противостояние между традициями и новизной, обращенной к рациональности (от лат. *ratio* – разум).

Дальнейшее развитие науки и лежащего в ее основании критического разума, обострили данное столкновение между традиционным и рациональным. Новации в общественной жизни (расформирование иерархичного и сословного общества, гуманизация социальных отношений, секуляризация, успехи научного познания и обретение новых технологий и др.), повлекшие за собой существенное повышение качества жизни в странах, претерпевших значительные реформы в социально – политической жизни, связали понятие «традиций» с представлениями об отсталости, которую демонстрировали страны, придерживающиеся традиционного уклада социального бытия.

Сегодня доминирующим является историческое понимание традиции как ограниченного временными рамками и изменчивого феномена. Инфляция данного понятия наделяет его широчайшими возможностями для восприятия: от народных обычаев, зачастую связанных с причудливыми действиями местных жителей, до сущности предельно общих философских категорий бытия, трансцендентных принципов универсального (вселенского) порядка, недоступных эмпирическому опыту, и экзистенциальных рефлексий человека на него [Бенуа, 2008]. Если первая крайность понимания традиции символизирует стабильность вплоть до застоя, то вторая ментально, то есть через установки сознания, восприятия и мышления избавляет индивиды, их сообщества и все общество от необходимости критически осмысливать ситуацию и принимать рациональные решения. Иными словами, традиции – это «правила игры», невидимые организующие принципы, следование которым если не помогает нашему пониманию происходящего, то, по крайней мере, облегчает наше восприятие и последующие действия.

Традиции в обществе как модель поведения, основанная на представлениях о должном и ценностях (традиционные духовно-нравственные ценности), формируется в конкретно – исторический период и, как правило, выражает интересы определенной социальной группы (религиозной, национальной, имущественной и пр.). Традиции очень разнообразны и следуют сложившимся в социуме моральным представлениям, также крайне отличающимся друг от друга в зависимости от конкретно – исторических условий.

Ригидность традиций, основанных на шаблонных тактиках поведения и повторяющихся ритуалах, может провоцировать неэффективность общественной и

¹ Традиция / Гофман А. Б. // Тихоходки - Ульяново. М. : Советская энциклопедия, 1977. (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969-1978, т. 26).

политико – правовой модели, неспособной меняться в соответствии с изменяющимися условиями социальной среды. Приверженность индивидов, их общностей и всего социума определенной схеме, жесткие внешние барьеры, ограждающие их от информации о событиях реальной действительности, не только поддерживают у них устойчивые представления о себе и окружающем мире, но и обуславливают их закрытость, невосприимчивость нового знания и, как следствие, некомпетентность в самом широком смысле.

Мораль (лат. *moralitas* – нравственный) – это разновидность социальных норм, охраняемых общественным мнением и отражающих представления людей о должном и справедливом. Нравственность – это индивидуальные моральные качества человека, которыми он руководствуется в своих действиях и решениях. В большинстве случаев через устойчивое выражение «морально-нравственные качества» понятия морали и нравственности употребляются как синонимы.

Государство, создавая право, учитывает сложившиеся морально-нравственные представления общества о должном и недолжном, однако, до тех пор, пока норма не закреплена законодательно, она, с точки зрения закона, не является обязательной для исполнения, за ее нарушение субъект не несет юридической ответственности. Нарушение морально-нравственных и правовых норм влечет за собой разные негативные последствия для нарушителя, однако право, имеющее в своем арсенале юридические санкции, вовсе не является, как может показаться, более жестким регулятором, чем мораль, грозящая лишь общественным порицанием: переживания и эмоции человека в случае нарушения им моральных норм, связанных с такими понятиями, как долг, честь, репутация, а также общественное осуждение, могут оказывать даже большее влияние (и, соответственно, сильнее побуждать к определенным действиям), чем последствия по закону [Антонченко, 2023-а].

Право и мораль, будучи ключевыми регуляторами общественных отношений, преследуют единую цель – сохранение социального равновесия, что делает их фундаментальным социальным благом. Несмотря на свою автономию и специфику воздействия, они тесно взаимосвязаны. Мораль функционирует как механизм духовного влияния, формируя общественное мнение и мотивируя людей на социально одобряемое поведение. Важно отметить, что концепция «общественно одобряемого» может быть искажена. Манипулируя общественным сознанием, можно представить любые процессы в выгодном «моральном» или «аморальном» свете и даже управлять их развитием, навязывая как конструктивные, так и деструктивные идеи. В своей основе и право, и мораль воплощают принципы справедливости и служат индикаторами цивилизационного развития общества и эволюции государственности.

Функция морали в исторической ретроспективе заключалась в обслуживании групповых (классовых, сословных и др.) идеалов и коррелирующих с ними ценностных установок. Мораль выступала механизмом легитимации этих идеалов в глазах всего социума, особенно в условиях снижения эффективности прямого принуждения. Этот принцип тонко подметил И. А. Гончаров, указав, что «добровольно взятое на себя иго – уже не иго: оно легче и охотнее переносится, особенно когда подкладкой ему служит симпатия. Мы всегда охотнее даем то, чего от нас не требуют и чего мы не обязаны давать»¹.

Системы моральных ценностей многообразны и зачастую определяются социальной структурой. Существуют этические кодексы, характерные для иерархических и сословных обществ, а также мораль, основанная на религиозных догмах святости и благочестия. Собственные нормативные системы формируются как в легитимных политических режимах (демократиях, тираниях), так и в маргинальных сообществах, например

¹ Гончаров И. А. На родине : Сборник. Москва: Советская Россия, 1987. 397 с.

в криминальной среде. Карл Маркс, анализируя буржуазную этику, утверждал, что она подчинена логике капитала: при достижении 100% прибыли игнорируются все человеческие законы, а при 300% – капитал готов пойти на любое преступление, невзирая на риск сурового наказания [1949, с. 764]. Парадоксально, но коммунистическая мораль, провозглашенная как высшее достижение человеческой нравственности, обернулась идеологией, оправдывающей истребление миллионов людей и целых классов.

Суть моральных предписаний заключается в их условности и подверженности изменениям, отражая эволюцию самого социума. История человечества изобилует примерами того, как моральные догмы, казавшиеся незыблемыми, в дальнейшем претерпевали радикальные трансформации, зачастую принимая противоположный характер. Это обстоятельство является основой для возникновения морального релятивизма. Так, представители морального консерватизма могут отвергать такие явления, как добрачный секс, аборт, межрасовые браки или профессиональную активность женщин, которые в современном обществе стали обыденностью. Моральные установки конкретного социума могут санкционировать действия, противоречащие индивидуальным нравственным установкам, а гибкость, с которой человек оперирует моральными нормами, способна поставить под сомнение саму идею существования некой фундаментальной, универсальной морали.

Категорический императив, введенный И. Кантом [2019], постулирует абсолютное подчинение индивида моральному закону. Примечательно, что спустя полтора столетия высокопоставленные деятели нацистской Германии интерпретировали это философское учение как выражение «чистой нордической немецкой души» и как основу для выполнения своих обязательств [Арендт, 2008]. Реализация данного «долга» привела к событиям Второй мировой войны и связанным с ними масштабным бедствиям.

Нравственность, как и мораль, является продуктом общественных отношений, древнейшей формой общественного сознания. Моральные нормы представляют собой индивидуальные представления человека о том, что является правильным и неправильным. Согласно одной из точек зрения, преимущественно религиозного характера, нравственность, несмотря на свою индивидуальную природу, обладает фундаментальной неизменностью и абсолютностью [Бердяев, 1931; Буллер, 2018]. Данное утверждение вызывает сомнения. Индивидуальная этика неразрывно связана с нормами, принятыми в обществе. Как отмечал В. И. Ленин в своем труде о партийной литературе как инструменте пропаганды: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1968, с. 99-105]. Нравственность, как проявление индивидуальных качеств и интериоризированных установок человека, демонстрирует ещё большую степень релятивности по сравнению с моралью. Эта личностная характеристика, формирующая внутренние ориентиры индивида относительно этических категорий («добра» и «зла», «хорошего» и «плохого»), поддается эффективной коррекции, соотносясь с потребностями как самого субъекта, так и его социальной среды.

В отличие от норм права, моральные, нравственные, религиозные и иные подобные нормы и правила, отражающиеся в социальной практике, обычаях и традициях, не устанавливаются и не охраняются государством. В этом фундаментальная аксиома всей теории государства и права. Неправовые принципы, правила и нормы, которыми руководствуются социальные субъекты в своих действиях, родившись на заре человеческой цивилизации вместе с появлением общества, диалектически связаны с правовыми, то есть взаимно влияют и обуславливают друг на друга.

Традиционные ценности

Под традиционными ценностями понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению,

лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Анализ феноменов, относимых к традиционным ценностям (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России), заставляет отметить их разнородность, неравнозначное ценностное наполнение и оценочный характер. Практически все социально – философские феномены (кроме универсальных ценностей, к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека), представленные в законодательстве как традиционные духовно-нравственные ценности, сформулированы с настолько широкой степенью обобщения, что это осложняет как возможности их конструктивного теоретического анализа, так и практического применения.

Так, например, указанная как традиционная ценность «историческая память» несвободна от обоснованной потребности ее анализа на предмет универсализма, релятивизма, осмысленности и существования, как такового. Историческая (коллективная) память понимается как память об историческом прошлом, как символическая репрезентация исторического прошлого [Репина, 2003]. По А.И. Макарову [2012], совокупность различных знаний и особенности когнитивных процессов, исторические образы, должны были бы обеспечить целостность восприятия окружающего мира. Однако в силу возможной идеологизации любого, в том числе и исторического, знания, а также частой смены социально-политических парадигм, их разнонаправленности, общность представлений о прошлом как отдельных индивидов, так и всего социума является не только труднодостижимой, но и вряд ли целесообразной. Так, например, сегодня даже историческая наука (не говоря уже про обыденное представление общества в целом) не имеет единого подхода к освещению даже ключевых для России в XX в. событий. Так, по вопросу государственной трансформации 1917 г. одновременно существуют разные, в том числе и диаметрально противоположные, позиции: были эти события положительными или отрицательными для развития страны, явились ли они величайшей трагедией (большевистским переворотом), которая привела к поражению в войне, краху государства, десакрализации власти и секуляризации общества или стали грандиозным явлением (Великая Октябрьская социалистическая революция), очистившим страну от пережитков самодержавия и религиозного мракобесия, давшим возможность выстроить новое государство для блага всех проживающих а нем народов?

Релятивизм исторических оценок (и всего исторического знания), следующий непостоянству идеологических доминант, характерен для подавляющего большинства важнейших событий в отечественной истории. Вместе с тем, историческая память о важнейших этапах становления государства, подвергающаяся различным оценкам (Гражданской войне 1918–1923 гг., коллективизации 1928–1937 гг., массовых репрессиях 1932–1947 гг., Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., послевоенном государственном строительстве, крахе СССР в 1991 г. и многом другом), действительно, требует очищения от псевдоисторических, но претендующих на научность, идейно-теоретических концепций. Данный вывод касается не только советского периода, но и всей отечественной истории.

Особый интерес представляют воззрения и традиции особой формы осознания мира, обусловленной верой в сверхъестественное, выражающейся в религиозных верованиях,

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 22.02.2026).

предъявляемые сегодня как всеобщие духовно-нравственные ценности. Действительно, христианство, ислам, буддизм, иудаизм и иные конфессии, являющиеся неотъемлемой составляющей российского исторического и духовного достояния, внесли существенный вклад в становление традиционных ценностей, разделяемых как верующими, так и неверующими гражданами. Однако, например, отношение религии к индивиду («первородный грех»: Быт 3:1–13, «раб божий»: Гал.1:10); к вопросам гендерного равенства и праве людей контролировать свою рождаемость; к существованию публичной власти («вся власть - от Бога»: Рим. 13:1); к науке и научному знанию; к положению женщин в обществе и семье («жена да убоится мужа»: Мф. 19:5); к запрету или, наоборот, повелению употреблять определенную пищу, носить особую одежду, подвергаться некоторым медицинским процедурам к противникам, к которым относятся представители любой другой веры, конфессии или взглядов (разделение на «верных» и «неверных»), ставит под сомнение ее способность к социальной интеграции на основе общности культурно - символических образов.

Представляется целесообразным выявить, имеет ли объединение людей в религиозные организации, выполнение ими обрядов и культовых действий, действительное отношение к формированию духовно-нравственных ценностей, соответствующих современным представлениям о социальном взаимодействии индивидов? Исследования показывают, что религиозная самоидентификация большинства граждан не коррелирует с их внутренними, глубоко укоренившимися сакральными переживаниями или убеждениями.

Для значительной части тех, кто причисляет себя к верующим, религиозность, по всей видимости, является скорее социокультурным феноменом, своего рода трендом, сменившим доминировавший в советское время атеизм. Доля россиян, для кого религия важна, составляет 40%, лишь 15% регулярно посещают церковь (мечеть, синагогу и пр.), и менее 1% участвуют в церковной жизни¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское общество традиционно остается светским [Антонченко, 2023-б, с. 40–48; Антонченко, 2025, с. 108–114].

Иные социально-философские категории, представленные как традиционные духовно – нравственные ценности, также несвободны от необходимости конкретизации терминов, их значения и ценностного наполнения. Без данной процедуры вряд ли возможно осуществлять индивидуальную поднормативную регламентацию общественных отношений [Кашанина, 1974]. Более того, неопределенность понятий дает настолько широкие возможности для их толкования, что может позволить интерпретировать их крайне искаженно, вплоть до полной противоположности смыслов. Высокие нравственные идеалы – не запретить ли добрый и внебрачный секс?

Приоритет духовного над материальным – не прекратить ли индексацию заработной платы в соответствии с инфляцией (а то и перейти к работе за «трудодни», как уже было в недавней отечественной истории)? Созидательный труд – не сделать ли его обязательным, а то и принудительным? Крепкая семья – не запретить ли разводы?² Способность правоприменения исказить смысл даже однозначно толкуемого закона общеизвестна, в случае же неопределенности «перегибы на местах» (и не только) очень недолго заставят себя ждать.

¹ Сайт ВЦИОМ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obschestvo-monitoring> (дата обращения: 23.02.2026); Сайт РИА <https://ria.ru/20230801/rpts-1887457963.html> (дата обращения: 23.02.2026).

² Автор отнюдь не преувеличивает проблему; предложение наказывать граждан за разводы прозвучало на заседании комитета нижней палаты парламента по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства в январе 2024 г. URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/98236/> (дата обращения: 22.02.2026).

Анализ проблематики духовно-нравственных ценностей обнаруживает их глубоко индивидуальный, личный, даже интимный характер. Возможность регулирования данной сферы правовыми средствами представляется сомнительной. Традиционные духовно – нравственные ценности вряд ли можно установить императивно. Традиции складываются на протяжении гораздо более длительного периода времени, чем тот, который может быть отражен средствами законодательного процесса. Кроме того, при законодательном закреплении духовно – нравственных ценностей, они перестают быть таковыми, поскольку приобретают свойство и статус правовых норм со всеми вытекающими из этого факта последствиями, предусматривающими охрану их государством и государственным преследованием за их нарушение.

Универсальные ценности и права человека

Для глубокого понимания ценностей важно рассматривать их не изолированно, а в рамках историко-культурной системы, включающей время и пространство. Это означает, что ценность (будь то благо или интерес) должна оцениваться исходя из ее актуальности для отдельного человека и общества в определенный момент и в определенном месте. Такой подход позволяет решить проблему релевантности как самих ценностей, так и связанных с ними традиций. С.Х. Шварц подчеркивает, что универсальные ценности обусловлены тремя базовыми типами человеческих потребностей: физиологическими, потребностями в организации совместной жизни и потребностями, направленными на обеспечение благополучия и выживания групп [1987]. Так, жизнь (и здоровье, не упоминаемое среди указанных традиционных ценностей) важны для каждого человека, независимо от времени (эпохи) и места (страны) его нахождения. Так же важна свобода, доступ к обеспечивающим жизнь благам и обладание имуществом, способные удовлетворить как основные (пища, жилище, безопасность и т. д.), так и последующие (любовь, уважение, познание и т.д.) потребности. Здесь мы фактически сталкиваемся с пирамидой потребностей А. Маслоу [1954] – иерархической моделью потребностей человека, которые управляют мотивами индивида, а, следовательно, оказывают влияние на его поведение, исторически закрепляющееся в тех или иных традициях.

Психически нормальные люди в своем подавляющем большинстве желают жить, а не умереть, быть здоровыми, а не больными, не страдать от голода, холода, пыток и непосильного труда. Люди реализуют свои представления о должном в своей жизни через индивидуальные предпочтения: иметь или не иметь семью, детей; получать те или иные удовольствия от своей работы, творчества, общения, секса и т. п.; находится в безопасности и т. д. Блага, которые являются неизменными на протяжении обозримого времени и в любом государстве на Земле, можно полагать, в отличие от иных, универсальными. Правомерные потребности, имеющиеся у индивида, требуют наличия законной возможности их удовлетворения. Человечество в своем цивилизационном развитии шло к признанию этих ценностей в образе парадигмы прав человека, которые цивилизованное государство должно: а) признать, б) обеспечить, в) защищать.

Несмотря на то, что универсальность прав человека подвергается критике, они являются неотъемлемой ценностью для каждого человека, независимо от его этнической принадлежности, расы, социального статуса или религиозных убеждений. То, как социум и публичная власть принимают универсальный взгляд на права человека, отражается в законах и их применении, формируя отношения между человеком, государством и обществом. Это напрямую влияет на их благополучие, безопасность, способность к развитию и прогрессу. Права человека – это не готовое решение, а стремление общества к свободе, справедливости и равенству, преодолевающее их отсутствие. Признание и охрана государством прав человека,

сочетающих в себе моральные нормы и юридические свойства, позволяют государству достичь более совершенных форм общественного устройства. Наоборот, ценности, представляющие важность лишь в определенном месте, в определенное время либо для определенного круга лиц, не являются универсальными. Защита этих не универсальных благ может осуществляться органами публичной власти, но лишь постольку и в той мере, поскольку это не нарушает основных (универсальных) ценностей. В рамках различных идеологических и религиозных систем, ценность личности зачастую обусловлена её принадлежностью к определённой социальной группе, конфессии или географическому региону. При этом человек нередко рассматривается как средство или ресурс для реализации целей, диктуемых соответствующими моральными доктринами. Следовательно, любая концепция, не утверждающая безусловную ценность каждого человека и его жизни, не может претендовать на универсальность [Антонченко, 2024].

Традиционные духовно-нравственные ценности могут быть универсальными (жизнь, здоровье, свобода, равенство и иные важнейшие права человека) либо производными от универсальных ценностей (определённые представления об устройстве общества, о взаимоотношениях индивида и государства).

Во втором случае роль данных ценностей и связанных с ними обычаев, традиций и правовых норм заключается в обслуживании важнейших благ, имеющих высшую ценность. Только в этом случае они не будут являться пережитками, от которых общество должно освобождаться в своем движении по пути цивилизационного прогресса. В противном случае понятие традиционных ценностей может быть использовано для маскировки социально-вредных архаизмов, крайне небезобидных для общества и государства. Пережитки прошлого, деформируя цели социального развития и давая новую жизнь идеологическим химерам, уже обошедшимся народам огромными жертвами, могут нести угрозы стабильности и безопасности социума.

Анализ текущей социально-политической конъюнктуры глобального масштаба убедительно демонстрирует, что поступательное развитие общества неразрывно сопряжено с процессами демократизации и утверждением принципов правового государства. Эти фундаментальные элементы являются необходимым условием для достижения устойчивого благосостояния граждан и обеспечения их безопасности. Стабильность общества и устойчивость власти приобретается государством в ходе различных эволюционных и революционных трансформаций, сопряженных с отказом от сдерживающих, а, порой, и варварских традиций.

Так, например, сегодня в мире почти не применяется практика ритуальных жертвоприношений и каннибализма (за исключением некоторых сообществ в африканских государствах) [Жирар, 2010], однако вплоть до XX века в Японии, Китае и Египте существовала традиция сжигать людей на кострах за некоторые преступления [Рагимов, 2016]. Исторически недавней (и далеко не везде прекратившейся) традицией было социальное насилие к самым разным группам индивидов: ведьмам, еретикам, сумасшедшим, евреям, чужакам и т. д.

И сегодня во многих государствах продолжает существовать оправдываемая традициями дискриминация по признаку пола, расы, вероисповедания и т.д. [Feagin, Feagin, 1986], которая является естественным триггером социального неблагополучия. Существуют ли в России свои, особенные, духовно – нравственные ценности, неизвестные и недоступные народам других стран? Данный вопрос мог быть предметом отдельного исследования, однако, перечень указанных выше законодательно определенных ценностей позволяет заметить, что общие фундаментальные представления о благах и ценностях в России не отличаются от подобных представлений у других народов со схожей культурой.

Заклучение

Традиционные ценности, в значительной степени влияющие на вектор развития социума, являются результатом комплексного взаимодействия не только экономических и культурных реалий, но и политических доктрин и идеологических установок. Духовный мир человека и опосредующие их традиции объективно существуют и являются важным элементом индивидуального и общественного сознания, влияющим на социальное бытие. Проецирование предыдущего опыта на будущее позволяет индивидам чувствовать психологическую защищенность от неизвестных, и, возможно, неблагоприятных, изменений среды: социально-политических, технологических, правовых и прочих. Вместе с тем, множественность трактовок сознания, опирающихся исключительно на прошлый опыт и не учитывающих актуальных детерминант развития, создает ситуацию культурной ограниченности, препятствующей возможности индивидуального и общественного движения и развития. Когда-то обычной практикой в обществе Homo sapiens на протяжении веков был каннибализм; в некоторых племенах Африки подобные традиции сохраняются и в наши дни. Цивилизованное человечество избавилось от этого пережитка так же, как в более поздние времена оно освободилось (однако, как и в случае с каннибализмом, не везде) от практики жертвоприношений, калечащих наказаний, религиозных предрассудков, веры во власть от Бога, согласия с существованием сословного общества, дискриминации людей и их сообществ по гендерному, расовому, национальному, религиозному и другим признакам.

Обслуживание правом пережитков, маскирующихся под традиционные духовно – нравственные ценности, может представлять угрозу манипуляции массовым сознанием, а недобросовестное использование культурных, морально-нравственных и, особенно, правовых запретов может противоречить интегративному общественному интересу. Единственным надёжным инструментом защиты общества от деструктивного влияния идеологических, моральных и иных интерпретаций реальности, противоречащих фундаментальным представлениям о личности, свободе, справедливости и равенстве, характерным для современного развитого государства, является позитивное право. При этом оно должно базироваться на естественно-правовом подходе, признающем универсальные ценности, присущие человеческой природе.

Преыдуший опыт поколений, направлявших развитие общества в сторону прогресса, свидетельствует о том, что этот процесс состоит в постоянно развивающихся идеальных представлениях о должном и о ценностях, пусть недостижимых сегодня, но, тем не менее, оказывающих воздействие на первозданное невежество масс. Степень прогресса государства характеризуется отношением публичной власти к существу правовых ценностей, ценности индивида и самого права, которому и должны следовать традиции, мало доступные для государственного регулирования. Универсальной традицией должно стать нравственное требование, защищающее человека и его права. Облеченное в форму закона, это моральное основание должно быть фундаментальным базисом законодательства, определяющим цели и методы стратегического развития общества и государства.

Список литературы

- Антонченко В.В. 2023-а. Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации. *Академический юридический журнал.*, 1: 5–13.
- Антонченко В.В. 2023-б. Государство, право и религия. *Научный вестник Омской академии МВД России.* 1: 40-48.
- Антонченко В.В. 2024. Универсальность прав человека как агрегация закона и морали. *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 1: 5–14.

- Антонченко В.В. 2025. Социально-правовой анализ уголовно-правового запрета оскорбления религиозных чувств верующих. *Уголовная юстиция*. 26: 108-114.
- Арендт Х. 2008. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., Европа, 424 с.
- Бенуа А. 2008. Определение Традиции. *Альманах «Полюс»*. 1: 3-4.
- Бердяев Н.А. 1932. Духовное состояние современного мира. *Путь*. 35: 56-68.
- Буллер А.В. 2018. С. Соловьёв и современность: О некоторых аспектах философии В. С. Соловьёва. М., Наука, 135 с.
- Бурдьё П. 2018. Homo academicus. М.: Издательство ИЭП, 464 с.
- Гидденс Э., Саттон Ф. 2018. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 336 с.
- Жирав Р. 2010. Козел Отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 336 с.
- Зберовский А.В. 2009. Культура как фактор обусловленности демократической традиции Древней Греции. Автореф. дис. ... докт. культурологии. Кемерово, 44 с.
- Кант И. 2019. Метафизика нравов. М., Родина. 272 с.
- Кашанина Т.В. 1974. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск. 16 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 464 с.
- Ленин В.И. 1968. Партийная организация и партийная литература. В кн. Полное собрание сочинений В.И. Ленина, М., Т. 12, 576 с.
- Макаров А. И. 2012. Историческая память versus культурная память. В кн. Историческая наука сегодня: теория, методы, перспективы. Под ред. Л.П. Репиной. М., Изд-во ЛКИ. 608 с.
- Макинтайр А. 2000. После добродетели. Пер. с англ. Целищева. М.: Академический проект, 384 с.
- Макинтайр А. 2006. Бессознательное. Понятийный анализ. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 1: 186-232.
- Макинтайр А. 2008. Императивы, причины действия и этика. *Философско-литературный журнал «Логос»*. 1: 138-148.
- Нуссбаум М. 2014. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 182 с.
- Рагимов И.М. 2016. О нравственности наказания. СПб. Юридический центр, 224 с.
- Репина Л.П. 2003. Культурная память и проблемы историописания. М., ВШЭ. 44 с.
- Этциони А. 2004. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 342 с.
- Эйзенштадт Ш. 1999. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 415 с.
- Etzioni A. 2001. Next: The Road to the Good Society. New York: Basic Books, 63 p.
- Feagin J., Feagin C. 1986. Discrimination American Style. Institutional Racism and Sexism. Malabar, Fla, Publ. Robert Krieger Publishing Co. 241 p.
- Maslow A.H. 1954. Motivation and Personality. N.Y., Publ. Harpaer and Row, 411 p.
- Schwartz S.H., Bilsky W. 1987. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53: 550-562.
- Taylor Ch. 1989. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, England: Cambridge University Press. 624 p.

References

- Antonchenko V.V. 2023-a. Vzaimodeistvie prava i morali v protsesse ikh transformatsii [The interaction of law and morality in the process of their transformation]. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal*. 1: 5–13.
- Antonchenko V.V. 2023-b. Gosudarstvo, pravo i religiya [Government, law and religion]. *Nauchnyy vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* 1: 40-48.
- Antonchenko V.V. 2024. Universal'nost' prav cheloveka kak agregatsiya zakona i morali [The universality of human rights as an aggregation of law and morality]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 1: 5–14.
- Antonchenko V.V. 2025. Sotsial'no-pravovoi analiz ugovovno-pravovogo zapreta oskorbleniya religioznykh chuvstv veruyushchikh [Socio-legal analysis of the criminal law prohibition of insulting religious feelings of believers]. *Ugolovnaya yustitsiya*. 26: 108-114.

- Arendt H. Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow, Publ. Evropa. 2008, 424 p.
- Benua A. Opredelenie Traditsii [Definition of Tradition]. *Al'manah "Poljus"*, [The Polyus Almanac], 1: 3-4.
- Berdjaev N. A. Dukhovnoe sostoyanie sovremennogo mira [The spiritual state of the modern world], *Put'*, 35: 56-68.
- Buller A.V. 2018. S. Solov'ev i sovremennost': O nekotorykh aspektakh filosofii V.S. Solov'eva [S. Solovyov and Modernity: On some aspects of V.S. Solovyov's philosophy]. Moscow, Publ. Nauka, 135 p.
- Bourdieu P. 2018. Homo academicus. Moscow: IEP Publishing House, 464 p.
- Etzioni A. 2001. Next: The Road to the Good Society. New York: Basic Books, 63 p.
- Eisenstadt Sh. 1999. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [Revolution and Transformation of societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspect Press, 415 p.
- Feagin J., Feagin C. 1986. Discrimination American Style. Institutional Racism and Sexism. Malabar, Fla, Publ. Robert Krieger Publishing Co, 241 p.
- Giddens A., Sutton F. 2018. Osnovnye ponyatiya v sociologii [Basic concepts in sociology]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 336 p.
- Girard R. 2010. Kozel Otpushcheniya [The Scapegoat]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 336 p.
- Inglehart R., Welzel Ch. 2011. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development]. Moscow: New Publishing House, 464 p.
- Kant I. 2019. Metafizika нравов [Metaphysics of morals]. Moscow, Publ. Rodina, 272 p.
- Kashanina T.V. 1974. Otsenochnye ponyatiya v sovetskom prave [Evaluative concepts in Soviet law]. Abstract. dis. ... cand. legal sciences, Sverdlovsk, 16 p.
- Lenin V.I. 1968. Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura [Party organization and Party literature]. In: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]. Moscow, Vol. 12, 576 p.
- Makarov A.I. 2012. Istoricheskaya pamyat' versus kul'turnaya pamyat' [Historical memory versus cultural memory]. In: Istoricheskaya nauka segodnya: teoriya, metody, perspektivy. [Historical science today: theory, methods, prospects], red. L.P. Repinoy, Moscow, Publ. LKI, 608 p.
- McIntyre, A. 2000. Posle dobrodeteli [After virtue]. Translated from English. Tselishcheva, Moscow, Academic project, 384 p.
- McIntyre A. 2006. Bessoznatel'noe. Ponyatijnyj analiz [The unconscious. Conceptual analysis]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»* [Philosophical and literary magazine "Logos"], 1: 186-232.
- McIntyre A. 2008. Imperativy, prichiny dejstviya i etika [Imperatives, reasons for action, and ethics]. *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»* [Philosophical and literary magazine "Logos"], 1: 138-148.
- Maslow A.H. 1954. Motivation and Personality. N.Y., Publ. Harpaer and Row, 411 p.
- Nussbaum M. 2014. Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki [Not for profit: why Democracy needs the humanities]. Translated from English by M. Bendet. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 182 p.
- Ragimov I.M. 2016. O npravstvennosti nakazaniya [On the morality of punishment]. Sankt-Peterburg, Publ. Juridicheskij centr, 224 p.
- Repina L.P. 2003. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya [Cultural memory and problems of historical writing]. Moscow, Publ. VShJe, 44 p.
- Schwartz S.H., Bilsky W. 1987. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53: 550-562.
- Taylor Ch. 1989. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, England: Cambridge University Press. 624 p.
- Zberovskij A.V. 2009. Kul'tura kak faktor obuslovlennosti demokraticeskoi traditsii Drevnei Gretsii [Culture as a conditioning factor of the Democratic Tradition of Ancient Greece]. Abstract. dis. ... dokt. kul'turologii, Kemerovo, 44 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 30.10.2025
Поступила после рецензирования 04.02.2026
Принята к публикации 24.02.2026

Received October 30, 2025
Revised February 4, 2026
Accepted February 24, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, г. Владивосток, Россия.

Vadim V. Antonchenko, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy, branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, Vladivostok, Russia.

УДК 341.64
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-83-92
EDN FHNYLD

Значение Нюрнбергского процесса для развития международного права и становления международного правосудия

Москаленко С.Г., Меженская Г.В.

Ростовский государственный экономический университет
Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69
moscalenko1963@mail.ru, meghen@list.ru

Аннотация. Нюрнбергский судебный процесс является ключевым событием XX в. Создание трибунала, сам процесс 1945–1946 гг. в Нюрнберге и его результаты представляют пока единственный пример адекватных юридических решений на основе подлинного международного сотрудничества. Цель исследования – определить влияние Нюрнбергского процесса на развитие международного публичного права, особенно на становление отрасли международного уголовного права и органов международной уголовной юстиции. В результате исследования авторы приходят к выводу, что решения Международного Военного Трибунала, являясь парадоксальным синтезом конструктивных возможностей различных правовых систем, интерференцией локальности и экстерриториальности юрисдикции, стали примером прагматического сотрудничества его создателей и юридической основой для развития международного публичного права.

Ключевые слова: международное право, международное уголовное право, уголовная ответственность физических лиц в международном уголовном праве, правосубъектность физических лиц в международном уголовном праве

Для цитирования: Москаленко С.Г., Меженская Г.В. 2026. Значение Нюрнбергского процесса для развития международного права и становления международного правосудия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 83–92. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-83-92 EDN: FHNYLD

The Significance of the Nuremberg Trials for the Development of International Law and the Establishment of International Justice

Sergey G. Moskalenko, Galina V. Mezhenkaya

Rostov State University of Economics
69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
moscalenko1963@mail.ru, meghen@list.ru

Abstract. The Nuremberg trial, conducted by the International Military Tribunal that was established in accordance with the agreement concluded in London on August 8, 1945, between the governments of the USSR, the United States, the United Kingdom, and the Provisional Government of France, was without any exaggeration a key event of the twentieth century. The creation of the tribunal, the 1945–1946 Nuremberg trial itself, and its results represent the only example so far in the history of mankind of how adequate legal solutions were found based on genuine international cooperation. Lawyers and politicians of that time were able to find non-trivial solutions, compromises and pragmatic options in an absolutely unique global situation. The purpose of the article is to study the effect of the Nuremberg which brought Nazi criminals of the highest rank to individual criminal responsibility for crimes against peace, humanity

and war crimes, on the development of public international law, especially on the formation of the branch of international criminal law and international criminal justice bodies. As a result of the study, the authors conclude that the decisions of the International Military Tribunal, being a paradoxical synthesis of the constructive possibilities of various legal systems, interference of locality and extraterritoriality of jurisdiction, became an example of pragmatic cooperation between its creators and the legal basis for the development of public international law.

Keywords: international law, international criminal law, criminal liability of natural persons in international criminal law, legal personality of natural persons in international criminal law

For citation: Moskalenko S.G., Mezhenkaya G.V. 2026. The Significance of the Nuremberg Trials for the Development of International Law and the Establishment of International Justice. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 83–92 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-83-92 EDN: FHNULD

Введение

Нацизм и нацистское государство бросили немислимый вызов сразу всем принципам международного права и международного общения – императивным правилам *jus cogens* (суверенитету, обязательности исполнения договоров, самоопределению наций и др.), всем основаниям традиционной морали и человечности, соединили технологии XX в. с практикой индустриально-конвейерного умерщвления людей.

Нюрнбергский процесс стал комплексной и коллективной международной реакцией на специфическое посягательство со стороны нацистского государства на сами основы международного общения, универсальность объекта такого посягательства требовала адекватного международного судебного преследования и наказания виновных.

Отечественное правоведение внесло значительный вклад в исследования различных аспектов создания и деятельности Международного Военного трибунала и осуществленного им Нюрнбергского процесса [Валеев, Сафиуллина, 2006; Глотова, 2016; Зорькин, 2011; Лебедева, 1986; Мюллерсон, 2001; Сафонов, 2020; Савенков, 2022; Тарасов, 2011 и др.]. Ученые исследовали важнейшие аспекты проблематики Международного Военного Трибунала: Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права [Валеев, Сафиуллина, 2006], генезис концепции и особенности криминализации преступлений против человечности [Глотова, 2016], роль Нюрнбергского процесса в формировании современного понимания моделей взаимодействия международного права с национальными правовыми системами [Зорькин, 2011], расширение суверенной международной правосубъектности за счет утверждения международной правосубъектности человека путем введения уголовной ответственности физических лиц за международные преступления в практике Нюрнбергского трибунала [Зорькин, 2011; Тарасов, 2011; Трайнин, 1944].

Исследователи и интерпретаторы результатов Нюрнбергского процесса в той или иной степени стремятся найти «золотую середину» между крайностями двух распространенных методологических позиций: позиции максимизации значения правовых последствий Международного Военного Трибунала и позиции чрезмерной их минимизации. Обе крайние позиции односторонне упрощают такое уникальное и грандиозное явление как Нюрнбергский судебный процесс Международного Военного Трибунала. Позиция максимизации, доходящей до абсолютизации, как материальной, так и процессуальной сторон работы Международного Военного Трибунала, характерная для исследователей из стран общего права, восходит к радикальной монистической методологии Х. Кельзена, [Уханов, 2023, с. 68-69], утверждающей новый мировой правопорядок на все времена и правосудие, предполагающее абсолютный приоритет международного права над внутренним правом государств вплоть до провозглашения отказа от принципа равенства суверенных субъектов международных правоотношений.

Нормативность и универсальная юрисдикция решений Международного Военного Трибунала также в этой связи чрезмерно преувеличивается, что является не столько результатом корректного анализа его решений, сколько подгонкой их под априорную конструкцию абсолютизированного примата международного права над национальным в духе методологии монизма Кельзена.

Сторонниками преуменьшения значения решений Нюрнбергского процесса, на основе концепции доминирования внутреннего права над международным правом в духе характерных для германской доктрины методологических концепций, восходящей к взглядам А. Лассона и А. Цорна, при анализе замысла, хода работы и результатов Международного Военного Трибунала, внимание фокусируется на «проблематизации» в ходе его работы ключевых принципов права, на якобы имевшем место отказе от признания абсолютного характера права, на доминировании «права силы», возрождении античного правила «*vae victis*», на придании закону обратной силы («*ex post facto*»), на игнорировании принципа «*nullum crimen, nulla poena sine lege*». Подобного рода методологическая позиция была сформирована в ходе Нюрнбергского процесса защитниками обвиняемых и достаточно широко распространена в современной западной доктрине и нарративе.

Мощь решений Нюрнбергского трибунала связана не только с методологическими прорывами, но и с практической реализацией и прагматическим доведением до логического конца кодификационных и дефинитивных тенденций прогрессивного развития международного права между мировыми войнами. Под юрисдикцию Нюрнбергского трибунала были поставлены три состава: преступления против мира, преступления против человечности, военные преступления. Все три типа преступных деяний представляли из себя тяжелейшие посягательства на сами основы международного общения и еще не были в равной мере и в достаточной степени криминализованы между первой и второй мировой войной. Не получило достаточной разработки, в силу дефицита соответствующей задаче методологии, само понятие «международное преступление», а квалификация преступлений против мира и человечности, как первичных и доминирующих типов международных преступлений, требующих специальной юрисдикции органов международной уголовной юстиции, также еще не была осуществлена. Единственным прецедентом, единственной юридической основой по обвинению нацистских лидеров в развязывании агрессивной войны (юридическая основа обвинения в преступлениях против мира) на Нюрнбергском процессе был пакт Бриана-Келлога об отказе от войны как средства урегулирования международных споров, заключенный в 1928 г. на многосторонней основе¹. Юридическая основа для привлечения к международной уголовной ответственности военных преступников прецедентно, в достаточно разработанном виде, также уже существовала: криминализация военных преступлений была осуществлена в Женевских (1929) и Гаагских конвенциях (1899, 1907) [Валеев, 2009, с. 2-5; Глотова, 2016, с. 103]. К 1945 г. конвенциональные нормы ограничения войны и гуманного обращения с ее жертвами успели стать обычным международным правом. Прецедентом криминализации преступлений против человечности была совместная Декларация 1915 г. России, Англии и Франции, в которой массовое истребление армян в Османской империи получило наименование преступления против человечности [Матевосян, 2009, с. 84-89].

Нетривиальность замысла и результатов Нюрнбергского судебного процесса, проведенного Международным Военным Трибуналом, состояла в главной цели: на просто наказать военных преступников и изуверов, для немислимых деяний которых право и мораль тогда еще только изобретали наименования, не просто осуществить заслуженное

¹Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Париж, 27 августа 1928 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М.: Литиздат, 1930. Вып. V. – С.5-8

возмездие поставившими себя вне позитивного закона и естественного права лицам. Ход войны показал, что главных военных преступников нацистского государства нужно привлекать к особой уголовной ответственности, уровень которой существенно выходит за рамки возможностей суверенных уголовно-правовых юрисдикций. До Нюрнбергского судебного процесса международное уголовное право находилось в достаточно далеком от реализации на практике теоретическом и дискуссионном состоянии. Международная преступность не сепарировалась еще в необходимой степени от общеуголовной, не было выработано четкого определения основного понятия международного уголовного права, дискуссионными и предварительными были теоретические попытки определить субъект, объект, систему международного преступления, не было единства и по проблеме создания стройной системы институтов международного уголовного правосудия. Война и размах вопиющих нарушений основ международного общения нацистами, создавшими ситуацию планетарного «экстраэксцесса», необычайно ускорили эту работу [Лебедева, 1986; Нечевин, 2011].

Международный Военный Трибунал осуществил судебное преследование и наказание представителей нацистской элиты исключительно правовыми средствами. И если Международный Военный Трибунал в силу грандиозности и уникальности задачи не является эталоном права на все времена, никто не сможет всерьез отрицать, что преимущественная ориентация на право, а не на возмездие, действия во имя справедливости и на основе права стали реальной основой его деятельности, что само по себе является редчайшим исключением для всемирной истории.

Парадоксы, инновации, прагматизм решений Международного Военного Трибунала

Первый парадокс характера правовых последствий МВТ заключается в том, что принципы современного международного права рождены из похожего на прагматическую импровизацию синтеза англо-саксонской и континентальной правовых семей. Вклад представителей континентальной правовой семьи (СССР и Франция) заключался в предложении и разработке важнейших теоретических элементов доктрины, а также формирования материально-правовой основы для международного трибунала. Так, советский юрист Арон Трайнин разработал понятие международного преступления как наказуемого посягательства на основы международного общения, ввел его в международно-правовой оборот и определил типологический каталог деяний такого рода [Богущ, 2006, с. 166-173]. Если преступления против человечности и военные преступления (нарушения законов и обычаев войны), как указывалось выше, имели определенные международно-правовые прецеденты, то преступления против мира были новой концепцией, реализованной исключительно в документах Международного Военного Трибунала: Уставе, Обвинительном заключении, Приговоре. Термин «преступления против мира» повлиял на всю послевоенную юстицию, вошел в лексикон международного права, позволил криминализировать агрессивную войну (не методы ведения, нарушающие законы и обычаи войны, ранее уже криминализованные в Женевских и Гаагских конвенциях, а планирование, развязывание агрессивной войны как таковой, сам акт агрессии, пропаганду агрессии, заключение международных договоров с агрессивными целями, провоцирование вооруженных конфликтов, поддержку «пятых колонн»). Размах войны был настолько грандиозен, а деяния как рядовых гражданских и военных функционеров, так и элиты нацистов были настолько беспрецедентны, что ответственность для государства должна была быть выражена в соответствующих беспрецедентных санкциях, а элита должна была быть привлечена к индивидуальной специальной уголовной ответственности по самым высоким стандартам справедливости и правосудия, в формирование и реализацию института которой советская сторона на основе разработок А.Н. Трайнина внесла ощутимый вклад [Трайнин, 1944; Хирш, 2023].

Если идея международного уголовного права как отрасли берет начало от нереализованной нормы ст. 227 Версальского мирного договора 1919 г.,¹ то моментом практической реализации идеи, создания отрасли международного уголовного права, стал Нюрнбергский процесс. Статья 227 договора предусматривала возможность привлечения бывшего германского императора Вильгельма к ответственности за преступления против международной морали («высшее оскорбление международной морали») и «священной силы международных договоров» специально образованным для этого международным уголовным судом. И хотя такой суд не был создан, а Вильгельма не выдали Нидерланды, сославшись на отсутствие в их национальном законодательстве таких преступлений (принцип «*nullum crimen, nulla poene sine lege*») данную статью Версальского договора можно рассматривать как исторически первый источник права, предусматривавший уголовную ответственность физических лиц за нарушения самых серьезных норм международного права, как прецедент возможной уголовной ответственности такого рода. Уголовная ответственность физических лиц - представителей государственной элиты за нарушения самых серьезных норм международного права была впервые реализована Нюрнбергским трибуналом. Новшество заключалось в том, что удалось разорвать связь элит, физических лиц с суверенным государством. До Нюрнбергского процесса привлечь физических лиц было невозможно, все, что они делали, они делали от имени государства, выражали волю суверена. Привлечение элиты к индивидуальной уголовной ответственности означало их обвинение и осуждение от лица всего человечества союзными державами за ущерб, нанесенный всему человечеству, праву и морали, цивилизации.

Способность индивида нести уголовную ответственность за совершенные международные преступления, закрепленная в решениях Международного Военного Трибунала, наделяла физических лиц международной правосубъектностью, то есть фактически порождала нового субъекта международных правоотношений наряду с государствами и международными организациями [Тарасов, 2011, с. 221-227]. Индивидуальная международная правосубъектность, в свою очередь, для своей реализации и реализации международного уголовного права в целом, требовала формирования соответствующей системы международного уголовного правосудия, создания национальных и международных судов и трибуналов.

Второй парадокс Нюрнбергского судебного процесса можно увидеть в том, что в процессе его подготовки именно советские юристы внесли решающий вклад в мировую доктрину, а их разработки, благодаря этому стали в определенном смысле «душой» и «сердцем» современного международного публичного права и особенно такой его отрасли как международное уголовное право. То есть государства общего права, бесспорно, немало сделали для становления международного уголовного права, но истоки процесса формирования его важнейших институтов на этапе реализации обнаруживаются в СССР (сама идея судебного преследования и наказания нацистской элиты через специальный суд, создание юридической основы для привлечения к международной уголовной ответственности физических лиц за международные преступления независимо от их официальных рангов как соучастников преступлений против мира и человечности). По инициативе французской стороны была реализована идея преступных организаций СС, СД, гестапо, НСДАП, чей верховный надгосударственный статус превратил весь государственный аппарат Германии в их придаток, в исполнителя их преступных приказов и программ. Английские и американские юристы, приняв материально-правовой вклад континентальных коллег, реализовали преимущественно судебную-процессуальную сторону Международного Военного Трибунала. Хотя и здесь очевидно сильное влияние юридической доктрины и практики СССР: руководство СССР с самого начала войны

¹ Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией. Без срока давности. М.: 2006. С. 47–48.

последовательно отстаивало идею уголовного наказания нацистов, которое должен осуществить показательный международный уголовный суд над нацистами в духе советской практики дидактического легализма, отвергая планы союзников на быстрый закрытый процесс или казнь нацистской элиты по внесудебному декрету. В декабре 1943 г. в Харькове прошел первый в мировой истории суд над военнослужащими Германии, обвиненными в военных преступлениях, по приговору которого были казнены через повешение 4 преступника (3 немцев и 1 коллаборант украинец). В нем на микроуровне просматривались некоторые существенные черты грядущего Нюрнбергского процесса: соблюдение классических норм судебного процесса, присутствие мировой прессы, общечеловеческий воспитательно-идеологический эффект.

Международный Военный Трибунал был создан для замены национальной судебной системы в результате полного разрушения германского государства как суверенной единицы международных отношений. Разрушение суверенитета проходило как результат мировой войны, реализации Германией военных агрессивных планов, осуществления геноцида, вопиющего нарушения норм гуманитарного права, военного поражения, утраты целостности территории, безоговорочной капитуляции. Только в такой ситуации крайняя экстраординарная замена национального правосудия на международное допустима и оправдана. Вне указанных условий институты международного правосудия при их абсолютизировании и, как следствие этого, чрезмерном использовании, деформируют международное право, политизируют его как средство доминирования сильных субъектов международного права над слабыми. В итоге подрывается принцип суверенного равенства, международные судебные процессы могут стать не юридически, а политически мотивированными и демонстрацией проявлений дидактического легализма в предельно отрицательном аспекте.

Всемирное значение Нюрнбергского процесса

Государства – победители заключили Соглашение о создании Международного Военного Трибунала в период применения США атомных бомб, а начало деятельности Международного Военного Трибунала совпало с началом холодной войны. Лагерь победителей сам балансировал на грани начала взаимного истребления. И, тем не менее, им удалось, им хватило сил и здравого смысла реализовать идею и тенденцию по созданию уникального Международного Военного Трибунала, значение которого значительно переросло рамки возмездия нацистской элите, в направлении создания основ современного международного права, особенно в части появления новой отрасли – международного уголовного права и реализующей нормы этой отрасли системы международного уголовного правосудия. Устав Международного Военного Трибунала стал примером прагматического компромисса между правовыми семьями, единственным удачным с точки зрения практической реализации примером такого рода. Хотя американская и английская позиции до 1945 г. исключали долгий судебный процесс с соблюдением всех формальных процедурных требований. Например, американский взгляд, в наиболее радикальном варианте выраженный министром финансов Г. Моргантау, предполагал физическое уничтожение руководства Германии по внесудебному декрету [Хирш, 2023].

На всех стадиях его создания и деятельности Международный Военный Трибунал характеризует помимо парадоксальности, экстраординарность и уникальность. Международный Военный Трибунал, созданный *ad hoc* для решения экстраординарной задачи, стал примером положительного эффекта сочетания конкуренции и кооперации государств с разными правовыми культурами и идеалами правосудия, решения Нюрнбергского трибунала – это подарок всемирной истории всему человечеству в качестве примера удачной интеграции совместных действий по разработке принципов и многих явлений современного международного права. Выступления сторон защиты и

обвинения на процессе сформировали язык целой отрасли современного международного права – права прав человека. Нюрнбергский трибунал, рассматривая геноцид как военное преступление, способствовал криминализации геноцида как преступления против человечности в послевоенном международном праве в широком, не только военном, но и мирном контексте. Эффект Нюрнбергского процесса был настолько ошеломляющим, что тенденция превращения его принципов в постоянно действующее международное законодательство была реализована уже на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, сразу же по окончании работы трибунала началась огромная кодификационная международно-правовая работа [Хирш, 2023; Ромашкин, 1966,].

В анализе и оценке Международного Военного Трибунала требуется строго соблюдать границу между его неповторимостью, связанностью с уникальной ситуацией завершения мировой войны невиданного масштаба и нормативностью его решений в современном нам мире. Юридические формулы Устава¹, Обвинительного заключения, Приговора, были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН. Именно благодаря Международному Военному Трибуналу международное право осталось тогда и остается сейчас правом, а мир избежал очередной третьей мировой войны [Валеев, Сафиуллина, 2006, с. 185-200; Мюллерсон, 2001, с. 22-27; Сафонов, 2020, с. 3-9; Савенков, 2022, с. 512].

При всей всемирно-исторической важности значения Международного Военного Трибунала его не следует рассматривать как совершенный орган и универсальный эталон юстиции. Международный Военный Трибунал – это «экстраординарный суперэксцесс», реализовавшийся в абсолютно уникальной ситуации как мегаспецифическая задача [Нечевин, 2011, с. 13-20, 22-27; Смирных, 2018, с. 163-165]. Тиражирование проекции Международного Военного Трибунала на все международные коллизии современного мира как типовой конструкции реализации международного уголовного правосудия в силу этого не может принести ожидаемый позитивный эффект.

Критики, склонные преуменьшать значение и занижать правовой уровень Нюрнбергского процесса, оставляют за скобками абсолютную нетривиальность решаемой трибуналом задачи: деяния обвиняемых были настолько масштабны (вызов всему человечеству, а не отдельному государству) и чудовищны, что возможностями суверенных юрисдикций достичь торжества справедливости было невозможно. Закрепленный в документах трибунала материально-правовой каталог международных преступлений в силу их международного масштаба требовал поставить их под универсальную юрисдикцию, знакомством с началами которой мир также обязан Международному Военному Трибуналу, как виновные преступные деяния физических лиц, которых будут судить по международному праву органы международного правосудия.

Обвинения против мира и человечности в формате, закрепленном в документах Международного Военного Трибунала, являлись выдающимся новшеством, введенным союзными державами. Эти формулировки созданы как ответ на очевидную для всех потребность изменения уголовного законодательства, учитывая необычайный характер преступлений, поставленных под юрисдикцию трибунала.

Основания для разногласий у юристов существуют и сейчас. Например, проблема квалификации военных действий как международного преступления. Действовавшее право Лиги наций к началу второй мировой войны не исключало войну как способ решения споров между государствами. К концу второй мировой войны политик Богуслав Эчер из Чехословакии, опираясь на разработки А.Н. Трайнина, убедил элиту США и

¹ Устав МВТ для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси (приложение к Соглашению между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции от 8 августа 1945 г. (Лондон) // Действующее международное право: в 3 т. М.: 1997, т. 3. ; Приговор Международного Военного Трибунала// Нюрнбергский Процесс. Сборник материалов. Том 2. М.: Юридическая литература. 1954.

Англии в том, что подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны – это преступление [Хирш, 2023]. Этот взгляд успел быстро стать доктринальным, следовательно, как это свойственно государствам общего права, к которым доктрина является источником права, вошел в число юридических предпосылок привлечения нацистов к уголовной ответственности по международному праву. Этот доктринальный ресурс англо-саксонского права был чрезвычайно необходим как одно из важных оснований для привлечения элиты гитлеровской Германии к индивидуальной уголовной ответственности по международному праву.

Заключение

Всемирное значение Международного Военного Трибунала велико и неоспоримо. Современное международное уголовное право с его индивидуальной ответственностью физических лиц создано и утверждено трибуналом. Проблема видится в механизмах реализации норм международного уголовного права через органы международного правосудия. Воспроизведение нюрнбергских принципов (норм материального и процессуального права, сформулированных Нюрнбергским Международным Военным Трибуналом) в проективно близких к исходной форме Международного Военного Трибунала организационных формах трибуналов *ad hoc* последних десятилетий вызывают определенную критику, усиливающуюся по мере превращения единичных организаций в постоянно действующие органы международной уголовной юстиции (Международный Уголовный Суд (МУС), конвенционально созданный на основе Римского Статута 1998 года.

Полноценного международного сотрудничества в области международного уголовного правосудия нюрнбергского уровня не получилось, холодная война расколола мир, превратила союзные державы в противников. Были возможны только единичные явления национально-правовой природы типа процесса А. Эйхмана в Израиле (1961). В 90-е гг. были учреждены МТБЮ Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (1993) и МТР Международный уголовный трибунал по Руанде (1994) как специализированные суды и вспомогательные органы Совета Безопасности ООН для привлечения к ответственности лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности с временным характером и ограниченной юрисдикцией.

Если сам принцип международной юстиции с универсальной юрисдикцией по самым тяжелым специфическим международным преступлениям не вызывает сомнений в экстраординарных ситуациях, то идея применения универсальной юрисдикции к локальным ситуациям, недостаточно выходящим за пределы ординарных порядков, сопряжена с политическими факторами, сложностью практического обеспечения экстерриториального правосудия. Наиболее опасным последствием интернационализации международного правосудия может стать присвоение функций международного правосудия национальными судебными системами крупных государств, при отождествлении их внутренней территориальной юрисдикции с универсальной. Оптимальный путь развития международной уголовной юстиции заключается в утверждении комплиментарного (дополнительного) характера международных судебных органов по отношению к первичным национальным судебным системам. Юриспруденция Нюрнбергского процесса является отличным образцом и стимулом развития национальных судебных систем, повышения уровня их эффективности.

Список литературы

- Богуш Г. И. 2007. А. Н. Трайнин и значение его идей для Нюрнбергского процесса. Нюрнбергский процесс: уроки истории: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 20-21 ноября 2006 г.) М.: 166-173.
- Валеев Р. М. 2009. Историческая роль России в проведении Гаагских конференций мира. *История государства и права*, 12: 2-5.

- Валеев Р. М. 2009. Историческая роль России в проведении Гаагских конференций мира (окончание). *История государства и права*, 13: 2-7.
- Валеев Р.М., Сафиуллина И.П. 2006. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права. *Московский журнал международного права*, 3: 185-200.
- Глотова С. В. 2016. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 3(58): 101-108
- Приговор Международного Военного Трибунала. Нюрнбергский Процесс. Сборник материалов. Том 2. М., Госюриздат, 1954. 1156 с.
- Матевосян С.М. 2009. Вопрос геноцида армянского народа в архивах ведущих стран. *Вестник РУДН, серия Всеобщая история*, 1: 86-94.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Нацистский заговор против мира и человечества. Преступления германских монополий. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 1. М., Юрид. лит., 1965. 799 с.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Военные преступления. Преступления против человечности. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 2. М., Юрид. лит., 1966. 799 с.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Преступления против человечности. Сборник материалов в 3-х томах. Т. 3. М., Юрид. лит., 1966. 799 с.
- Доклад главы Конституционного Суда Российской Федерации Валерия Зорькина на конференции Межпарламентской ассамблеи СНГ, посвященной 65-летию Нюрнбергского процесса. *Российская газета*, 16 мая 2011.
- Лебедева Н. С. 1986. Суд народов в Нюрнберге: история и современность. *Новая и новейшая история*, 5: 38-55.
- Нечевин Д.К. 2011. Нюрнбергский процесс и его уроки. *Евразийский юридический журнал*, 7(38): 13-20.
- Мюллерсон Р. А. 2001. Нюрнберг и современное международное право. *Прокурорская и следственная практика*, 3-4: 22-27.
- Ромашкин П. С. 1966. О кодификации принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала. *Советское государство и право*, 11: 45-63.
- Сафонов М.А. 2020. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права. *Пролог: журнал о праве*, 4: 3-9.
- Смирных С.Е. 2018. Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права. *Вестник МУ МВД России*, 3: 163-166.
- Савенков А.Н. 2022. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции. М., Институт государства и права РАН. 512 с.
- Тарасов О.В. 2011. Международная правосубъектность человека в практике Нюрнбергского трибунала. *Проблемы законности*, 115: 221-227.
- Трайнин А.Н. 1944. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., Юридическое издательство. 105 с.
- Уханов А.Д. 2023. Нет иерархии норм, есть иерархия инстанций: нормативное и субъектно-политическое обоснование иерархии нормативно-правовых актов в учениях Ганса Кельзена и Карла Шмитта. *Вестник РУДН. Серия: Политология*, Т. 25 (1): 63-76.
- Хирш Ф. 2023. Суд в Нюрнберге. Советский союз и Международный Военный Трибунал. М., Новое литературное обозрение. 640 с.

References

- Bogush G. I. 2007. A. N. Trainin and the significance of his ideas for the Nuremberg Trials. The Nuremberg trials: Lessons of history: proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 20-21, 2006) М.: 166-173.
- Valeev R. M. 2009. The historical role of Russia in hosting the Hague Peace Conferences. *History of the State and Law*, 12: 2-5.
- Valeev R. M. 2009. The historical role of Russia in the Hague Peace Conferences (end). *History of the State and Law*, 13: 2-7.
- Valeev R.M., Safiullina I.P. 2006. The Nuremberg Principles and their impact on the development of modern international law. *Moscow Journal of International Law*, 3:185-200.
- Glotova S. V. 2016. Crimes against humanity: genesis and modern understanding of the concept. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 3(58):101-108

- The verdict of the International Military Tribunal. The Nuremberg Trials. Collection of materials. Volume 2. Moscow, Gosyurizdat, 1954. 1156 p.
- Matevosyan S.M. 2009. The issue of the Armenian Genocide in the archives of leading countries. *Bulletin of the RUDN University, Universal History series*, 1:86-94.
- The Nuremberg trials of the main German war criminals: A Nazi conspiracy against peace and humanity. Crimes of the German monopolies. Collection of materials in 3 volumes. Vol. 1. Moscow, Jurid. lit., 1965. 799 p.
- The Nuremberg trials of the main German war criminals: War Crimes. Crimes against humanity. Collection of materials in 3 volumes. Vol. 2. Moscow, Jurid. lit., 1966. 799 p.
- The Nuremberg trials of the main German war criminals: Crimes against Humanity. Collection of materials in 3 volumes. Vol. 3 M., Jurid. lit., 1966. 799 p.
- Report by the Head of the Constitutional Court of the Russian Federation Valery Zorkin at the conference of the CIS Interparliamentary Assembly dedicated to the 65th anniversary of the Nuremberg Trials. *Rossiyskaya Gazeta*, May 16, 2011.
- Lebedeva N.S. 1986. The Court of Nations in Nuremberg: History and modernity. *Modern and Contemporary History*, 5:38-55.
- Nechevin D.K. 2011. The Nuremberg trials and its lessons. *Eurasian Law Journal*, 7(38):13-20.
- Mullerson R.A. 2001. Nuremberg and modern international law. *Prosecutorial and Investigative Practice*, 3-4: 22-27.
- Romashkin P.S. 1966. On the codification of the principles of international law recognized by the Charter of the Nuremberg Tribunal. *The Soviet State and Law*, 11:45-63.
- Safonov M.A. 2020. The legal foundations of the Nuremberg trials: norms and sources of law. *Prologue: Journal of Law*, 4:3-9.
- Smirnykh S.E. 2018. The importance of the Nuremberg trials for the further development of international law. *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3: 163-166.
- Savenkov A.N. 2022. The Nuremberg Trials and the development of international Criminal Justice. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 512 p.
- Tarasov O.V. 2011. International human legal personality in the practice of the Nuremberg Tribunal. *Problems of Legality*, 115: 221-227.
- Trainin A.N. 1944. Criminal responsibility of the Nazis. Moscow, Law Publishing House. 105 p.
- Ukhanov A.D. 2023. There is no hierarchy of norms, there is a hierarchy of instances: the normative and subject-political justification of the hierarchy of normative legal acts in the teachings of Hans Kelsen and Carl Schmitt. *Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science*, 25 (1): 63-76.
- Hirsch F. 2023. The Nuremberg trial. The Soviet Union and the International Military Tribunal. Moscow, New Literary Review. 640 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.11.2025
Поступила после рецензирования 06.02.2026
Принята к публикации 21.02.2026

Received November 17, 2025
Revised February 6, 2026
Accepted February 21, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Москаленко Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Меженская Галина Викторовна, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey G. Moskalenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia.

Galina V. Mezhenkaya, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia.

УДК 34.05
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-93-101
EDN DSSYUK

Теоретические базисы военно-патриотического воспитания: экстраполяция советского опыта на современную реальность

Пряхин А.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

1186482@bsuedu.ru

Аннотация. Текущие реалии демонстрируют яркие «ренессансные» тенденции, характеризующиеся возрождением ряда институтов и практик советского периода. Одним из таких направлений является военно-патриотическое воспитание, которое в рамках СССР представляло собой устойчивый политико-правовой феномен, отличающийся качественной теоретической и прикладной базой. При этом, несмотря на обширный опыт советского государства в области конструирования основ военно-патриотического воспитания и существующий ему в противовес дефицит концептуальных фабул указанного явления на современном этапе, исследователями зачастую игнорируется исторический контекст и не учитываются особенности функционирования названной категории, повлиявшие на закрепление за ней статусной позиции. Целью исследования является выявление ключевых теоретических характеристик военно-патриотического воспитания в Советском Союзе и их опциональная адаптация в рамках российской действительности. В результате исследования были выявлены основные сущностные параметры военно-патриотического воспитания в СССР, а также система его принципов и ключевых направлений. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории российского военно-патриотического воспитания в контексте исследования фундаментальных особенностей его исторического прообраза и их обобщения для выборочного использования в рамках разработки системных основ современной модели, в т. ч. и в нормативной плоскости.

Ключевые слова: советское государство, коммунистическое воспитание, традиционные ценности, патриотизм, суверенная государственность

Для цитирования: Пряхин А.И. 2026. Теоретические базисы военно-патриотического воспитания: экстраполяция советского опыта на современную реальность. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 93–101. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-93-101 EDN: DSSYUK

Theoretical Foundations of Military-Patriotic Education: Extrapolation of the Soviet Experience to Modern Reality

Aleksei I. Priakhin

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

1186482@bsuedu.ru

Abstract. Contemporary socio-political realities underline a notable "rebirth" phenomenon manifested in the revival of certain institutions and practices from Soviet times. One such area is military and patriotic education. In the USSR, it was a robust political and legal structure characterized by a strong theoretical and practical framework. Despite extensive Soviet experience in establishing the basic principles of military patriotism and the absence of a complete conceptual apparatus for the phenomenon, researchers often overlook the historical background and specific mechanisms that shaped it. The main goal of this

study is to clarify the key theoretical aspects of military and patriotic education in Soviet times and explore its potential adaptation to modern Russian conditions. The research has identified the fundamental aspects of Soviet military and patriotic education, including its underlying principles and main areas. The results contribute to advancing the theoretical foundations of building patriotism, providing an in-depth analysis of the essential characteristics of its historic prototype. This study serves as a basis for selectively applying these features to develop a modern model that incorporates normative considerations.

Keywords: Soviet state, communist education, traditional values, patriotism, sovereign statehood

For citation: Priakhin A.I. 2026. Theoretical Foundations of Military-Patriotic Education: Extrapolation of the Soviet Experience to Modern Reality. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 93–101 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-93-101 EDN: DSSYUK

Введение

Современные российские реалии транслируют повышение роли и значения патриотически направленного воспитания граждан в общей системе коммуникаций государства и общества. Отечественный нормативно-правовой ландшафт последнего десятилетия характеризовался акцентным регулированием на патриотически ориентированной работе с различными слоями населения как в рамках конституционного строительства – в формате артикуляции в базовом документе самим термином «патриотизм» и положениями, раскрывающими его сущность, введенными в 2020 году¹, так и в контексте национального стратегического планирования².

Логичным продолжением подобной тенденции стало принятие в 2024 году Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который закрепил реализацию «потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»³ в качестве одной из национальных целей, что де-юре подтвердило ранее зафиксированный за патриотизмом статус одной из ключевых традиционных духовно-нравственных основ российского общества⁴. При этом осознание ценности воспитания патриотического спектра в России имело несколько дискретный характер, обусловленный ретроспективными социально-политическими факторами. После распада СССР широко тиражируемая в массы и поддерживаемая государством оригинальная конструкция военно-патриотического воспитания потеряла

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ). URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 года № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026).

свою принципиальную позицию, а разработанные в ее контурах механизмы были ликвидированы или утратили свое «приоритетное реноме».

На протяжении 1990-х и 2000-х гг. патриотизм как базовая аксиологическая категория, а также военная и физическая подготовка граждан к защите Родины, обширно интегрированные в советскую общественную конъюнктуру, находились на периферии выстраиваемой социальной парадигмы. Однако внутренние процессы, демонстрирующие имманентную русскому народу приверженность традиционным идеалам, в том числе экспонируемые сквозь призму любви и уважения к прошлому и настоящему Отечества, сохранения памяти предков и их подвигов и т.д., а также события, происходящие на геополитической арене, опосредовали возрождение модулей военно-патриотического свойства в политико-правовом пространстве. В результате текущее состояние обозначенной сферы отличается определенным возобновлением теоретического, практического и нормативного интереса к патриотически направленному воспитанию, структуру которого, по мнению современных исследователей, составляют три независимых направления – духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое воспитание, основанные на сформированной в период СССР системе воспитательного влияния на население [Лутовинов, 2023]. На сегодняшний день в России особое значение придается именно последнему направлению ввиду объективной необходимости выстраивания прочной связи человека и государства в условиях реальной или потенциальной военной угрозы, формирования у населения не только патриотических ценностей, но и реальных навыков для защиты Родины.

Военно-патриотическое воспитание является актуальным предметом научных изысканий отечественных правоведов, политологов, педагогов и представителей иных сфер. В рамках юридической науки его рассматривают в контексте обеспечения идеи суверенной государственности [Соколов, 2024] одного из механизмов закрепления за гражданским обществом статуса «публично-правового института, призванного быть естественной опорой государства» [Писарев, 2024, с. 91], превентивной меры по противодействию экстремизму [Курочкин, Смирнов, 2024], обозначают необходимость создания единых основ военно-патриотического воспитания в целях обеспечения информационно-психологической безопасности населения [Выходец, Тюменцев, 2025], а также акцентируют внимание на актуализации российской системы военно-патриотического воспитания в соответствии с достаточно эффективным опытом советского образца как отдельного способа предотвращения совершения гражданами преступлений, направленных на дискредитацию российской армии [Медведева, 2023].

Отметим, что советская модель военно-патриотического воспитания, имеющая автономный статус в системе коммунистического воспитания, безусловно обладала уникальными чертами и атрибутами, позволившими ей закрепиться в роли определенного эталона организации военно-патриотической работы с населением, к которому исследователи обращаются до сих пор. На ее фоне современный аналог представляется довольно нестабильной и непроработанной конструкцией, требующей дальнейшего доктринального и прикладного развития. Причем для формулирования качественных основ отечественного военно-патриотического воспитания в нынешних условиях необходим дополнительный анализ сущности и содержания его советского прообраза, определения его ключевых принципов и направлений для последующей опциональной адаптации. В связи с чем цель данного исследования заключается в установлении фундаментальных характеристик советского военно-патриотического воспитания и их выборочной оптимизации для построения системных основ уже российского шаблона военно-патриотической работы с населением.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, связанных с функционированием системы военно-патриотического воспитания в советский период. Методология исследования базируется на сочетании общенаучных,

частнонаучных и специально-юридических методов. Применение комплексного подхода позволило обеспечить формулирование аргументированных выводов и результатов в разрезе уточнения системы принципов и направлений военно-патриотического воспитания в СССР, а также способствовало оформлению предлагаемых векторов организации данной сферы в реалиях современной России. При этом определяющее значение среди используемых способов научного познания имеет историко-правовой метод, который позволил осуществить ретроспективный анализ советского военно-патриотического воспитания и выявить его ключевые закономерности, позволяющие обосновать уникальный политико-правовой статус исследуемого феномена и необходимость проецирования ряда его характеристик на текущую российскую действительность.

Военно-патриотическое воспитание в СССР: ретроспектива содержательных и сущностных характеристик

Обозначим, что термин «военно-патриотическое воспитание» закрепился в научном обороте после его использования в рамках V Всесоюзного съезда ДОСААФ в 1962 году¹. До этого момента в доктрине и на практике использовались различные терминологические вариации деятельности по формированию у населения патриотических ценностей путем развития различных навыков и компетенций военной обусловленности. В этом перечне фигурировали дефиниции «военное воспитание», «оборонно-массовая работа», «патриотическое воспитание», «воспитание в духе суровой военной идеологии», «военнооборонное воспитание», а также возникшие в 1950-е гг. «воспитание на боевых традициях» и «воспитание на героических подвигах», появление которых преимущественно связано работами И.В. Сталина и партийных деятелей. При этом акцент на военно-ориентированную работу с населением был сделан еще в 1918 году Н. К. Крупской, которая, отмечая необходимость военного воспитания молодежи, подчеркивала, что не ограничивает данную деятельность одним лишь формированием у молодых граждан военно-практических навыков, а вкладывает в ее содержание воспитание убежденных социалистов, безгранично преданных делу [Крупская, 1959], готовых к защите Отечества.

Стоит указать, что в условиях интернационального характера защиты социалистического Отечества одной из ключевых задач военно-патриотического воспитания в СССР выступило формирование у рабочих интернационалистского мировоззрения, охватывающего собой понимание глобальных целей социалистического движения.

Советская модель военно-патриотического воспитания в целом была детерминирована марксистским учением и глобальным единством интересов и целей пролетариата. Однако с эволюцией советского государственного аппарата вышеупомянутая тенденция начала утрачивать свою первоначальную релевантность, уступая место национальным особенностям и оптимально адаптируясь к выстраиваемой политико-правовой парадигме. Параллельно с категорией «пролетарский интернационализм» начал развиваться «советский патриотизм», причем несмотря на их определенный семантический конфликт, указанные феномены, по справедливому замечанию исследователей, «...диалектически взаимодополняли друг друга и представляли единство противоположностей. В 1920-е гг. революционный патриотизм, а затем в 1930–1940-е гг. советский патриотизм прямо рассматривались как ступени в продвижении к мировой революции, а СССР – как отечество трудящихся всего мира. Нельзя было в рамках этой логики желать мировой революции, быть пролетарским интернационалистом и при этом не стремиться к усилению СССР как ее основному оплоту» [Осин, 2025].

¹ Материалы и документы V Всесоюзного съезда Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту / Всесоюз. ордена Красного Знамени добровольное о-во содействия армии, авиации и флоту. – Москва : [б. и.], 1962.

Советскими учеными подчеркивалось, что «...советский патриотизм органически слит с пролетарским интернационализмом, возникшим на основе международного единства пролетариата в борьбе за уничтожение капитализма, свободу, независимость и равенство всех больших и малых народов» [Жуков и др., 1982, с. 6]. В результате советское военно-патриотическое воспитание, подчиненное влиянию названных тенденций, было направлено на создание уникального образа советского гражданина – пролетария-интернационалиста, активно взаимодействующего с дружественными народами социалистических государств в рамках борьбы с классовым неравенством и капитализмом, но преданного Родине и партии, готового защищать интересы Отечества.

Наиболее четко суть обозначенной деятельности отражает понятие, предложенное Ю.С. Васютиным, согласно которому военно-патриотическое воспитание в Советском Союзе представляло собой «основанную на принципах марксизма-ленинизма систематическую воспитательную и организаторскую работу, направленную на укрепление единства армии и народа, формирование у советских людей качеств патриотов и интернационалистов, приобретение ими знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения священного долга защиты Родины» [Васютин, 1984, с. 30]. Причем комплексный характер исследуемого явления раскрывался посредством существования целого ряда системных принципов, а также направлений, обособленных друг от друга ввиду использования оригинальных методик и форм работы с населением, но объединенных единой целью воспитания личности, готовой к защите Отечества.

Концептуальные основы советского военно-патриотического воспитания: система принципов и направлений

Среди исходных начал советской модели военно-патриотического воспитания в науке выделяются следующие элементы: принцип партийности; принцип связи теории с практикой коммунистического строительства; принцип историзма; принцип коллективизма; принцип объединения усилий заинтересованных организаций и ведомств; принцип учета возрастных, социальных и индивидуальных особенностей личности; принцип всестороннего учета изменений и тенденций в развитии военного дела; принцип целеустремленности и конкретности, преемственности в военно-патриотической работе [Васютин, 1984]. В целом в контексте советских социально-политических реалий, процесс военно-патриотического воспитания трудящихся осуществлялся в рамках синергетического взаимодействия национальных и интернациональных установок. Притом интегративные связи были направлены на укрепление братского сотрудничества между народами социалистических стран, что являлось ключевым фактором в сохранении и защите достижений социалистической системы. Однако представленная совокупность принципов при детальном рассмотрении принимает несколько дискуссионный характер. Так, некоторые из перечисленных принципов в содержательном аспекте сущностно копируют друг друга. В доктрине принципы партийности, связи теории с практикой коммунистического строительства, а также целеустремленности и конкретности, преемственности в военно-патриотической работе формально базируются на следовании марксистско-ленинской идеологии и выбранным Советским Союзом направлениям развития на конкретном этапе.

Аналогичная ситуация складывается вокруг принципа коллективизма и принципа объединения усилий заинтересованных организаций и ведомств – второй фактически охватывается коллективным началом. Полагаем, что дублирование фундаментальных характеристик военно-патриотического воспитания в контексте вариативного наименования одних и тех же семантических элементов провоцирует определенное размытие смыслового значения исследуемого феномена. Напротив, слияние идентичных по содержанию установок стимулирует корректное понимание сути военно-патриотического воспитания посредством систематизации его базисов.

Кроме того, в приведенный список принципов целесообразно включить такие оригинальные функциональные характеристики как многообразие форм, средств и методов советского военно-патриотического воспитания, его массовость и всеобщность, нормативную фиксацию, а также аксиологическую обусловленность. Советский шаблон военно-патриотического воспитания предполагал формирование у граждан различных навыков и ценностей, что обеспечивалось обширным перечнем форм и способов реализации, охватывающих весь спектр направлений указанной категории.

В свою очередь, принцип массовости и всеобщности военно-патриотического воспитания в СССР основывался на внедрении его мероприятий в повседневную и профессиональную сферы, их распространении на все социальные группы.

Принцип нормативной фиксации военно-патриотического воспитания основывался на фигурировании данной конструкции в различных правовых документах советского периода, что наделяло его особым статусом, требующим определенных действий от государственных органов, общественных структур и самих граждан.

Аксиологическая обусловленность военно-патриотического воспитания является комплексной конструкцией, включающей в себя ряд ценностных установок (например, патриотизм, верность гражданскому и воинскому долгу и т.д.), которые формируются в процессе подобного влияния на население и позволяют индивидуализировать его в системе иных видов коммунистического воспитания.

Таким образом, полагаем, что всю систему принципов военно-патриотического воспитания в советский период в зависимости от их характера можно разделить на три автономные группы:

1) концептуальные – подчиняющие военно-патриотическое воспитание фундаментальным основам устройства советского государства (принцип соответствия целей и методов военно-патриотического воспитания марксистско-ленинской идеологии; принцип историзма; принцип коллективизма);

2) организационные (или профильные) – индивидуализирующие практическое содержание военно-патриотического воспитания с учетом его специфики и опыта становления (принцип массовости и всеобщности; принцип нормативной фиксации; принцип учета возрастных, социальных и индивидуальных особенностей личности; принцип всестороннего учета изменений и тенденций в развитии военного дела; принцип многообразия форм, средств и методов военно-патриотического воспитания);

3) аксиологические – демонстрирующие идейно-нравственное содержание военно-патриотического воспитания (принцип патриотизма; принцип верности гражданскому и воинскому долгу и др.).

Обозначим, что в силу своей многогранности советская практика организации военно-патриотического воспитания транслировала довольно обширный спектр форматов и инструментов реализации, которые с течением времени оформились в политико-правовой среде в три самостоятельных направления.

Первое из них – морально-политическое – охватывало собой формирование у граждан марксистско-ленинского мировоззрения, а также воспитание на героических традициях прошлого и настоящего, патриотическое и интернациональное воспитание.

Второе – военное – предполагало повышение уровня военно-технических знаний народа и выражалось в изучении им новейших отечественных и зарубежных военно-технических достижений, тенденции развития военно-технической отрасли, получении навыков обращения со всеми видами оружия и приемами борьбы, которые фактически могут быть использованы противников.

Третье, ориентированное на физическую подготовку, основывалось на выработке у населения таких потенциально необходимых для защиты Отечества навыков, как ловкость и выносливость, что помимо общего физического развития подразумевало и участие граждан в занятии военно-прикладными видами спорта.

Указанные направления советского военно-патриотического воспитания в полной мере охватывали его сущность и учитывали ключевые особенности, что повышало его эффективность и обеспечивало определенную степень признания со стороны самого населения ввиду плавной и методичной интеграции воспитательных механизмов в повседневную жизнь.

Заклучение

Советская модель воспитания была направлена на формирование у граждан нравственных принципов, глубоких знаний и практических навыков и позиционировалась в качестве высокоэффективного метода достижения стратегических целей социалистического государства. Причем исторический контекст свидетельствует о значительном внимании советского государства к вопросам защиты государственного суверенитета и обеспечения безопасности граждан. В рамках данной деятельности в системе коммунистического воспитания был создан автономный компонент, ориентированный на военно-патриотическую работу с населением, что позволило встроить идеологические и прикладные аспекты патриотического спектра в процесс формирования самобытного образа советского человека.

Довольно высокая теоретическая и практическая разработанность советского военно-патриотического воспитания, его интеграция в различные сферы жизни общества, позволяющая охватить практически все социальные страты, многообразие его форм и методов, а также лояльность со стороны самих граждан обеспечили закрепление за ним статуса авторитетной политико-правовой конструкции, которая до сих пор считается эталонной по ряду параметров. В условиях активного возрождения механизмов военно-патриотического воспитания на современном этапе целесообразно обратить внимание на опыт СССР и экстраполировать отдельные элементы советского образца на текущую действительность. При этом речь не только о каких-либо практических инструментах (например, недавнее возвращение курса начальной военной подготовки в школьную программу и т.д.), но и, прежде всего, о создании системных основ военно-патриотического воспитания – его качественного теоретического и нормативно-правового каркаса с учетом наиболее эффективных советских практик.

Подчеркнем, что при отсутствии проработанного концептуального фундамента того или иного явления невозможна его успешная реализация в социуме. Воссоздание отдельных элементов военно-патриотической работы с населением на фоне дефицита сущностных базисов рассматриваемой деятельности и ее детально сформированных векторов не сможет обеспечить результативность предлагаемых методик.

Полагаем, что современный шаблон военно-патриотического воспитания граждан должен основываться на четкой системе принципов, которую структурно следует оформить по советскому подобию, разработав стабильные концептуальные, организационные и аксиологические характеристики. Причем группа организационных (или профильных) принципов во многом может дублировать опыт СССР в силу их особой практической ценности. Кроме того, в процессе конструирования обновленной системы военно-патриотического воспитания, как и в Советском Союзе, следует ориентироваться на три ведущих направления – психологическую работу с гражданами, их военную и физическую подготовку. В то же время следует учитывать и некоторые дефекты, существовавшие в контурах советской системы военно-патриотического воспитания, например, отсутствие единого нормативного правового документа, закрепляющего его дефиницию и иные основополагающие свойства. На наш взгляд, фиксация подобных характеристик в легальной плоскости сегодня позволит нивелировать неопределенный политико-правовой статус военно-патриотического воспитания и создать гарантии его качественной интеграции в отечественную социально-ценностную парадигму.

Список литературы

- Васютин Ю.С. 1984. Военно-патриотическое воспитание: теория, опыт. М., Мысль, 172 с.
- Выходец Р.С., Тюменцев И.О. 2025. Вопросы информационно-психологической безопасности в ракурсе Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности на 2026-2030 годы. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 3: 201-211. DOI: 0.15688/jvolsu4.2025.3.18
- Жуков И.М. 1982. Военно-патриотическое воспитание старшекласников. М., Педагогика, 160 с.
- Крупская Н. К. 1959. Вопросы коммунистического воспитания молодежи. М., Госполитиздат, 63 с.
- Курочкин Д.А., Смирнов С. Н. 2024. К вопросу применения российского законодательства в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет. *Аграрное и земельное право*, 1(229): 283-286. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_283
- Лутовинов В.И. 2023. Основные направления патриотически ориентированного воспитания в современной России. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 6-1: 621-625.
- Медведева О. А. 2023. К вопросу об ответственности по ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. *Право и государство: теория и практика*, 10(226): 459-462. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_459
- Осин Р. С. 2025. Советский патриотизм и пролетарский интернационализм в пропаганде 1930–1940-х гг. *Общество: философия, история, культура*. 6: 61-67. DOI: 10.24158/fik.2025.6.7
- Писарев А.Н. 2024. Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. *Правосудие/Justice*, 3: 90-103. DOI: 10.37399/26869241.2024.3.90-103
- Соколов А. В. 2024. Патриотизм в механизме обеспечения суверенной государственности. *Закон и право*, 11: 102-106. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-11-102-106

References

- Vasyutin Yu.S. 1984. Voenno-patrioticheskoe vospitanie: teoriya, opyt [Military-patriotic education: theory and experience]. Moscow, Publ. My`sl`, 172 p.
- Vykhodets R.S., Tyumencev I.O.. 2025. Issues of Information and Psychological Security from the H Perspective of the Program of Activities of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization for 2026-2030. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 3: 201-211. (in Russian). DOI: 0.15688/jvolsu4.2025.3.18
- Zhukov I.M. 1982. Voenno-patrioticheskoe vospitanie starsheklassnikov [Military-patriotic education of high school students]. Moscow, Publ. Pedagogika, 160 p.
- Krupskaya N. K. 1959. Voprosy kommunisticheskogo vospitaniya molodezhi [Issues of communist education of youth]. Moscow, Publ. Gospolitizdat, 63 p.
- Kurochkin D.A., Smirnov S.N. 2024. On the issue of the application of Russian legislation in the field of countering extremism on the Internet. *Agrarian and land law*, 1(229): 283-286. (in Russian). DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_283
- Lutovinov V.I. 2023. Osnovnye napravleniya patrioticheskii orientirovannogo vospitaniya v sovremennoj Rossii [The main directions of patriotic education in modern Russia]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost`, sotrudnichestvo*, 6-1: 621-625.
- Medvedev O.A. 2023. On the issue of liability under Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Law and state: theory and practice*, 10(226): 459-462. (in Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_10_459
- Osin R.S. 2025. Soviet Patriotism and Proletarian Internationalism in USSR Propaganda of the 1930-1940s. *Society: Philosophy, History, Culture*, 6: 61-67. (in Russian). DOI: 10.24158/fik.2025.6.7
- Pisarev A. N. 2024. Constitutional and legal foundations of interaction between the state and civil society in ensuring the protection of state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation. *Pravosudie/Justice*, 3: 90-103. (in Russian). DOI: 10.37399/26869241.2024.3.90-103
- Sokolov A.V. 2024. Patriotism in the mechanism of ensuring sovereign statehood. *Law and legislation*, 11: 102-106. (in Russian). DOI: 10.24412/2073-3313-2024-11-102-106

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.01.2026

Поступила после рецензирования 11.02.2026

Принята к публикации 03.03.2026

Received January 19, 2026

Revised February 11, 2026

Accepted March 3, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пряхин Алексей Игоревич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksei I. Priakhin, Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.415

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-102-109

EDN DYJIRD

Функциональная роль российских конституционных ценностей как основа их системности

Догадайло Е.Ю., Чепунов О.И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Россия, 119571, г. Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1

dogadaylo-e@ranepa.ru, chepunov-oi@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязей в системе российских конституционных ценностей. Цель исследования – анализ возможной иерархии элементов системы российских конституционных ценностей в правовом дискурсе. На материалах доктринальных, нормативных и правоприменительных источников в правовом дискурсе позволил обосновать функциональный подход, формирующий единство их статуса. Исследование проблемы позволило основные характеристики конституционных ценностей как правового и социального феномена. Подчеркнуто, что аксиология современных правовых основ российской государственности актуализирована конституционными преобразованиями и находит подтверждение в новейшей практике Конституционного Суда Российской Федерации. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории конституционализма, государственоведения.

Ключевые слова: конституционные ценности, традиционные ценности, принципы, духовно-нравственные основы, государственное развитие, системный анализ, правовая иерархия

Для цитирования: Догадайло Е.Ю., Чепунов О.И. 2026. Функциональная роль российских конституционных ценностей как основа их системности. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 102–109. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-102-109 EDN: DYJIRD

The Functional Role of Russian Constitutional Values as the Basis of Their Systemicity

Ekaterina Y. Dogadaylo, Oleg I. Chepunov

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

1/82 Vernadskogo Av., Moscow 119571, Russian Federation

dogadaylo-e@ranepa.ru, chepunov-oi@ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the interrelationships within the system of Russian constitutional values. The goal of the research is to analyze the possible hierarchy of elements in the system of Russian constitutional values within legal discourse. Based on doctrinal, normative, and law enforcement sources, the analysis within legal discourse allowed for the substantiation of a functional approach that forms the unity of their status. The study into the problem has made it possible to determine the main characteristics of constitutional values as a legal and social phenomenon. It is

emphasized that the axiology of the modern legal foundations of Russian statehood is actualized by constitutional transformations and has been confirmed in the latest practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The results obtained contribute to the development of the theory of constitutionalism and state studies.

Keywords: constitutional values, traditional values, principles, spiritual and moral foundations, state development, system analysis, legal hierarchy

For citation: Dogadaylo E.Y., Chepunov O.I. 2026. The Functional Role of Russian Constitutional Values as the Basis of Their Systemicity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 102–109 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-102-109 EDN: DYJIRD

Введение

В настоящее время в общественном пространстве идут многочисленные дискуссии о сущности, значимости российских ценностей, их трансформации в современном информационном обществе, в том числе и в правовой системе российского общества. В традиционной юридической доктрине ценности нередко противопоставлялись формально-юридическим конструкциям, воспринимаясь как субъективные и потому не обладающие нормативной значимостью. Однако, подобный подход представляется ограниченным, поскольку именно ценностные ориентиры лежат в основе формирования правовой культуры современного общества, проявляясь через такие установки и принципы как справедливость, свобода, законность, добросовестность.

Конституционные ценности выполняют функцию аксиологического фундамента права, придавая ему не только формальную определённость, но и содержательную направленность, обеспечивающую прогресс и гуманизацию правопорядка. Более того, включение ценностей в правовую систему выступает условием способности нормативного массива адекватно реагировать на социальные трансформации, что особенно актуально в условиях динамики общественных отношений и развития концепции правового государства. Однако общая теория российского конституционализма пока далека от выявления не только особенностей формального закрепления и правовых средств объективации конституционных ценностей, но и оставляет нерешённым вопрос их элементного состава и системности. Для научно-обоснованных выводов в данном проблемном поле представляется необходимым привлечь как современный инструментальный теории права, так и методы общей теории систем.

Методы исследования

Анализ существующих ценностей, включая конституционные ценности, как концентрированного выражения общественного опыта, отражающего исторически сложившиеся представления о должном и справедливом, позволяют предположить их системность и позволяет констатировать как наиболее продуктивное для правовой науки их функциональное исследование.

Системно-функциональный подход к анализу системы конституционных ценностей в Российской Федерации

Ценности человека – это фундамент, на котором строится личность человека, его жизненные ориентиры и стандарты, на которые он опирается для достижения целей, счастья и успеха. Что делает ценность – одной из основных понятийных универсалий человеческого бытия. Ценность, в самом общем виде, есть невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности – в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и внутриличностного хранения «своего» (аспект прошедшего), –

которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» [Новая философская энциклопедия, 2009, с. 230]. Система ценностей представляет собой не иерархически жестко фиксированную структуру, а скорее открытую разветвлённую и динамичную систему. В её составе можно выделить как абстрактные категории (справедливость, свобода, любовь), так и конкретные целевые ориентиры (семья, профессиональная реализация, здоровье). Первичное разграничение делит ценности на индивидуальные, отражающие личные убеждения, и коллективные, формируемые социальными нормами и социальными взаимодействиями. Однако открытым остается вопрос обладает ли индивид возможностью варьировать приоритетность различных ценностей, может ли их иерархия изменяться под влиянием жизненных обстоятельств и социокультурных факторов или однажды сформированная в общественном бытии ценность не может быть трансформирована, а лишь оставаться неосознаваемой и необъективированной.

В традиционной юридической доктрине ценности нередко противопоставлялись формально-юридическим конструкциям, воспринимаясь как субъективные и потому не обладающие нормативной значимостью. Однако подобный подход представляется ограниченным, поскольку именно ценностные ориентиры лежат в основе формирования правовой культуры современного общества, проявляясь через такие установки и принципы как справедливость, свобода, законность, добросовестность. Они выполняют функцию аксиологического фундамента права, придавая ему не только формальную определённость, но и содержательную направленность, обеспечивающую прогресс и гуманизацию правопорядка. Более того, включение ценностей в правовую систему выступает условием способности нормативного массива адекватно реагировать на социальные трансформации, что особенно актуально в условиях динамики общественных отношений и развития концепции правового государства.

В современной доктрине ценности рассматриваются как некие социальные ориентиры нормативных конструкций и интерпретируются как формы социального регулирования наряду с нормами моралью, обычаями и правом. Ценности могут восприниматься как объективные и универсальные, иметь различные трактовки, например, «основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки)» [Снежко, 2005, с. 13]; «совокупность социальных принципов» [Ройзман, 2012, с. 25]; «сложная конституционно-доктринальная, юридико-логическая и нормативная конструкция» [Таева, 2009, с. 3]; «идеи, идеалы, ориентиры» [Клочко, 2015, с. 121], «конституционно-правовые основы ценностных опор российского государства» [Понкин, 2025, с. 72] и т.д. Можно согласиться с фундаментальным мнением Г.В. Мальцева, что «создавая юридические нормы и институты, законодатель выступает как творец, утверждающий должное, продвигающий социальные идеалы и ценности, поддерживающий стратегические целевые установки общества, которые вследствие своей фундаментальности и долговременности приобретают ценностный характер» [Мальцев, 2007, с. 36].

Анализ существующих ценностей, включая конституционные ценности, как концентрированного выражения общественного опыта, отражающего исторически сложившиеся представления о должном и справедливом, позволяют предположить их системность и позволяет констатировать как наиболее продуктивное для правовой науки их функциональное исследование. Так, анализ данного феномена способствует выявлению специфики правового статуса личности в различных национальных правопорядках, определяющейся не только нормативными предписаниями, но и аксиологическими основаниями права, которые придают ему содержательную направленность и обеспечивают гармонизацию отношений между индивидом, обществом и государством. А конституционные ценности, представляющие собой закреплённые в конституции наиболее значимые для конкретного государственно организованного

общества ориентиры на определённом историческом этапе его социального развития, выполняют комплекс важнейших функций, обеспечивающих устойчивость и легитимность правопорядка, а также стратегическое направление развития государства. Можно проследить несколько функциональных направлений воздействия ценностей на конституционный правопорядок.

Во-первых, они служат правовой основой развития государственности. Конституционные ценности определяют принципы организации и функционирования публичной власти, устанавливают фундаментальные ориентиры для построения системы государственных органов и взаимоотношений между ними. Через них раскрывается концептуальная политико-правовая модель государства, его роль в обществе и характер взаимодействия с отдельным человеком и народом. Эти ценности обуславливают публичные интересы как основы организации властеотношений, формируют национальные стратегические интересы страны, отражая как внутренние приоритеты, так и внешнеполитические цели, что позволяет сохранять целостность и устойчивость государства в условиях динамичных социальных и экономических процессов.

Во-вторых, конституционные ценности выступают политико-правовым ориентиром при нормативном закреплении функций органов публичной власти, а также для отраслевого правового регулирования. Они предопределяют содержание законодательства, служат исходной точкой при формировании правовых норм и институтов, текстуально отражаясь в концепциях и пояснительных записках к законопроектам. В этом проявляется их нормативная сила: ни одна отрасль права не может быть создана в отрыве от конституционных ценностей, поскольку они обеспечивают согласованность правовой системы и предотвращают управленческий произвол.

В-третьих, они выполняют функцию критерия сбалансированности различных интересов в обществе. Конституционные ценности обеспечивают согласование индивидуальных, общественных и государственных интересов, формируя основу для правового компромисса между различными социальными группами. Это особенно важно в условиях многообразия культурных, экономических и политических предпочтений, когда государство должно гарантировать баланс прав и обязанностей всех участников общественных отношений.

В-четвёртых, данные ценности определяют смысл и назначение деятельности органов власти. При осуществлении законодательной, исполнительной и судебной деятельности государственные органы обязаны учитывать конституционные ценности, обладающие верховенством в нормативном массиве как исходный и обязательный ориентир. Они придают деятельности органов государственной власти содержательную направленность, обеспечивая соответствие принимаемых решений фундаментальным принципам правового государства, опираясь на механизмы охраны конституции.

В-пятых, конституционные ценности формируют политико-правовую идентичность общества. Они выступают интегрирующим фактором, способствующим укреплению государственно-политического единства и солидарности граждан (обеспечивая устойчивость содержательного поминая категории «народ»), легитимности политико-правового порядка и доверия к институтам власти. Система конституционных ценностей – неперемный элемент правовой культуры общества, определяющий ориентиры для социальной и политической активности граждан.

Таким образом, конституционные ценности – это не только политическая декларация, нашедшая выражение в конституционных нормах, но и устойчивый регулятор общественных отношений, направленный на обеспечение устойчивости конституционного строя, предопределяющий вектор развития государства, формирующий правовую и ценностную целостность всей системы публичной власти.

Иерархия конституционных ценностей как научно-методологическая проблема

В научной литературе иерархия конституционных ценностей нередко воспринимается как аксиома. Однако конституционное право, закрепляя охраняемые отношения, не устанавливает формального приоритета между ними: все ценности, включая права человека, обладают одинаково высоким статусом. Их значимость определяется не иерархией, а балансом в конкретной правовой ситуации. Однако есть мнение, что конституционно-правовые ценности не имеют иерархической структуры [Виноградова, 2022, с. 150]. Практика Конституционного Суда подтверждает отсутствие фиксированной иерархии: приоритет варьируется в зависимости от социальных обстоятельств. Отсутствие жёсткой иерархии обеспечивают гибкость системы конституционных ценностей. Права и свободы, хотя и названы «высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ), не имеют абсолютного приоритета, иначе пришлось бы признать вторичность публичных интересов, включая безопасность и стабильность власти, что нашло отражение в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда РФ 31.10.2024 г. N 49-П) о том, что интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота не могут противоречить реализации публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции: «обращение прокуроров с антикоррупционными исками направлено на защиту конституционно значимых ценностей (статьи 1, 4, 15, 671 и 751 Конституции Российской Федерации), которые по своей природе нематериальны. В то же время требование прокурора состоит именно в обращении конкретного имущества, находящегося у частного лица, в доход Российской Федерации... оценивая возможное влияние того или иного решения по рассматриваемому вопросу на баланс конституционных ценностей, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что больший вред этим ценностям будет причинен при допущении применения к антикоррупционным искам исковой давности, как она в настоящее время урегулирована»¹.

Признание ценности осуществляется через конституционное закрепление, интерпретацию суда или формирование принципа. Так, Конституционным Судом РФ высказана правовая позиция о принципе доверия к закону как конституционной ценности, что подчёркивает значение правовой стабильности (Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 N 8-П)². В практики Конституционного Суда Российской Федерации применен принцип соразмерности, который предполагает, что «установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным конституционно закреплённым целям и охраняемым законным интересам, а также характеру совершённого деяния» (Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 N 8-П)³. Требование пропорциональности обязывает законодателя, разрешая вопрос об установлении наказаний, дифференцировать их в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера ущерба [Подмарев, 2021, с. 83]. Конституционная реформа 2020 года привела к нормативному закреплению и акцентуации ряда ценностей, в частности традиционных

¹ Постановление Конституционного Суда РФ 31.10.2024 № 49-П « По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второй статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» //«Российская газета», 22.11.2024.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.1998 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М.М. Гаглоевой и А.Б. Пестрякова» //«Собрание законодательства Российской Федерации», 23.03.1998, № 12, ст. 1458.

³ Там же.

духовно-нравственных ориентиров, государственного суверенитета, а также института брака, определённого как союз мужчины и женщины. К числу незафиксированных, но признанных ценностей относятся справедливость, правовая стабильность и определённость регулирования, свидетельствуя о развитии конституционного правопонимания как системы открытых, равнозначных ценностей, подлежащих соотнесению в изменяющемся обществе. Эти процессы ориентируют органы публичной власти на конструктивное взаимодействие с обществом в целях реализации конституционных ценностей. Без эффективных механизмов реализации права остаются декларативными, а без государственной власти невозможна их защита. В общем виде принцип соразмерности предполагает соблюдение баланса между публичными интересами и правами и свободами личности при применении ограничительных мер. Его сущность заключается в том, что любые меры, направленные на ограничение конституционных прав и свобод, должны соответствовать ряду ключевых условий. Во-первых, такие меры могут применяться исключительно при наличии легитимных, прямо вытекающих из Конституции целей, обеспечивающих защиту основополагающих ценностей и интересов общества и государства. Во-вторых, применяемые ограничения должны быть необходимыми и минимально достаточными для достижения указанных целей, то есть не допускать избыточного вмешательства в сферу прав и свобод личности. В-третьих, ограничительные меры не должны приводить к несоразмерным последствиям, выражающимся в чрезмерном или неоправданном ущемлении прав и законных интересов граждан по сравнению с преследуемой публичной целью. Таким образом, принцип соразмерности выступает гарантией того, что любые вмешательства в сферу конституционных прав осуществляются в условиях правомерности, необходимости и справедливого баланса между интересами личности, и общества.

Конституционные нормы, обладая высшей юридической силой, могут вступать в коллизию, регулируя одни и те же общественные отношения, но предлагая различные правовые предписания. В таких случаях требуется аксиологическое толкование – поиск баланса между личными, общественными и государственными интересами. В случае коллизии (конкуренции) различных конституционных ценностей в рамках конкретного правоотношения идёт поиск сбалансированного соотношения обеих ценностей, а не «признание приоритета одной перед другой» [Ройзман, 2012, с. 12]. Длительная и концептуально насыщенная практика конституционного правосудия, связанная с интерпретацией и конкретизацией конституционных ценностей, свидетельствует о ключевой роли этих ценностей в развитии российского правового пространства.

Заключение

Таким образом, можно выявить определенные механизмы интеграции конституционных ценностей в правовую системы. Тенденция интеграции конституционных ценностей в практику выявления Конституционным Судом Российской Федерации духа и смысла норм отечественного законодательства сохраняет устойчивый характер и на современном этапе. Конституционный Суд вновь подтвердил данный подход, указав, что «федеральный законодатель наделен достаточно широкой дискрецией в регулировании способов и процедур судебной защиты, включая возможность их дифференциации с учетом особенностей отраслевой принадлежности правоотношений, из которых возник судебный спор. При этом избранные конкретные способы и процедуры судебной защиты в любом случае должны отвечать требованиям полноты, эффективности и своевременности восстановления нарушенных прав, а также общеправовым принципам равенства и справедливости» (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П)¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей

Следует отметить, что особое значение имеет деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, которая не ограничивается устранением противоречий между нормами и ценностями, но включает формирование правовой доктрины, оказывающей долговременное влияние на развитие национальной правовой системы. В своей практике Суд вырабатывает концептуальные подходы к интерпретации таких фундаментальных конституционных ценностей, как верховенство права, федерализм, социальное государство, демократия, права и свободы человека, а также принципы справедливости и соразмерности. Сформированные правовые позиции приобретают значение методологической основы для законодательной и управленческой деятельности, обеспечивая согласованность правового регулирования и его соответствие конституционным целям. Практика учета конституционных ценностей при формировании отраслевого правоприменения выступает важнейшим инструментом укрепления принципов конституционализма и способствует поступательному движению к стратегической конституционной цели – построению правового государства. Данный процесс охватывает не только непосредственное применение норм Конституции, но и выработку правовых позиций, направленных на согласование всего массива законодательства с конституционными установлениями и ценностными ориентирами.

Реализация обозначенных задач возможна исключительно при условии последовательного и обоснованного применения Конституции Российской Федерации как акта прямого действия, что предполагает системно-сбалансированное воплощение комплекса конституционных ценностей в юридической и управленческой практике. Это, в свою очередь, требует их чёткой концептуализации и нормативной конкретизации, основанных на признании приоритета Конституции Российской Федерации, а также развития институциональных механизмов, способных гарантировать её верховенство и непосредственное действие во всех сферах публичной и частной жизни.

Список литературы

- Виноградова Е.В. 2022. К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей. *Образование и право*, 2: 149-152.
- Клочко Е.И. 2015. Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*, 2: 12-34.
- Мальцев Г.В. 2007. Социальные основания права. М., Норма. 800 с.
- Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 4. Ин-т философии РАН. 2009. М., Мысль. 320 с.
- Подмарев А.А. 2021. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. *Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право*, 21,1: 83-91.
- Понкин И.В. 2025. Конституционно-правовые основы ценностных опор и ориентиров российского государства. *Белгородские прифронтовые чтения «Стратегические приоритеты государственной культурной политики: Эхо юридического форума»*: 70-84.
- Ройзман Г.Б. 2012. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 25 с.
- Снежко О. 2005. Правовая природа конституционных ценностей современной России. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2(51): 13-19.
- Таева Н.Е. 2009. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей. *Конституционное и муниципальное право*, 5: 2-5.

References

- Vinogradova E.V. 2022. K voprosu ob ierarkhii sistemy konstitutsionnykh tsennostei [On the Hierarchy of the System of Constitutional Values]. *Obrazovanie i parvo*, 2: 149-152.

- Klochko E.I. 2015. Podkhody k opredeleniyu ponyatiya «konstitutsionnye tsennosti» v teorii konstitutsionnogo prava Rossii i zarubezhnykh stran [Approaches to defining the concept of "constitutional values" in the theory of constitutional law in Russia and foreign countries]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2: 12-34.
- Mal'tsev G.V. 2007. Sotsial'nye osnovaniya prava [Social foundations of law]. M., Norma. 800 s.
- Novaya filosofskaya ehntsiklopediya v 4 t. [New Philosophical Encyclopedia in 4 volumes]. Vol. 4. In-t filosofii RAN. 2009. M., Mysl'. 320 s.
- Podmarev A.A. 2021. Sorazmernost' kak konstitutsionnyi printsip ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii [Proportionality as a Constitutional Principle of Restricting Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Upravlenie. Pravo*, 21,1: 83-91.
- Ponkin I.V. 2025. Konstitutsionno-pravovye osnovy tsennostnykh opor i orientirov rossiiskogo gosudarstva [Конституционно-правовые основы ценностных опор и ориентиров российского государства]. *Belgorodskie prifrontovye chteniya «Strategicheskie priority gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: Ehkho yuridicheskogo foruma*: 70-84.
- Roizman G.B. 2012. Tsennosti v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii [Values in the Constitutional Law of the Russian Federation]: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 25 с.
- Snezhko O. 2005. Pravovaya priroda konstitutsionnykh tsennostei sovremennoi Rossii [The Legal Nature of Constitutional Values in Modern Russia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2(51): 13-19.
- Taeva N.E. 2009. Normy Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii kak forma vyrazheniya sotsial'nykh tsennostei [The norms of the Constitution of the Russian Federation as a form of expressing social values]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 5: 2-5.
- Pikin I.V. 2021. Ponyatie, vidy i otvetstvennost' za prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti v ugolovnom prave zarubezhnykh stran [The concept, types and responsibility for terrorist crimes in the criminal law of foreign countries]. *Legal Bulletin*, 6, 2: 32-38.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.12.2025

Поступила после рецензирования 19.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Received December 11, 2025

Revised February 19, 2026

Accepted March 2, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Догайло Екатерина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Ekaterina Y. Dogadailo, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, M.M. Speransky Faculty of Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Чепунов Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Oleg I. Chepunov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law, M.M. Speransky Faculty of Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

УДК 342.95

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-110-118

EDN FXEDXW

Аспекты правового регулирования статуса несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в России

¹Евтушенко В.И., ²Курилова Н.В.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

² Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

Evtushenko@bsuedu.ru, Varavin29@ya.ru

Аннотация. В настоящий момент законодательство Российской Федерации, регламентирующее происходящие миграционные процессы на территории государства, не охватывает все стадии пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в стране и не в полной мере регулирует вопросы нахождения в Российской Федерации отдельных категорий мигрантов, в том числе детей-мигрантов, иностранных граждан и лиц без гражданства младше установленного законодательством Российской Федерации возраста совершеннолетия – 18 лет. В целях формирования в миграционном праве России полноценного, комплексного, охватывающего все возрастные категории правового статуса иностранного гражданина и лица без гражданства проведено комплексное рассмотрение созданного в рамках правовой системы Российской Федерации механизма правового регулирования отличительных черт режима пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, не достигших возраста совершеннолетия.

Ключевые слова: миграция, мигрант, категории мигрантов, дети-мигранты, режим пребывания, миграционный учёт, правовой статус, правовое положение, миграционное законодательство Российской Федерации

Для цитирования: Евтушенко В.И., Курилова Н.В. 2026. Аспекты правового регулирования статуса несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в России. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 110–118. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-110-118 EDN: FXEDXW

Aspects of Legal Regulation of the Status of Minor Foreign Citizens and Stateless Persons Staying in Russia

¹Vladimir I. Evtushenko, ²Nadezhda V. Kurilova

¹ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

² Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation

Evtushenko@bsuedu.ru, Varavin29@ya.ru

Abstract. The challenge of aligning the legal framework for migration processes in the Russian Federation with the prevailing socio-political and socio-economic realities in the country and globally lies, among other things, in the fact that the current Russian legislation governing migration processes within the country is not comprehensive. For example, it does not cover all stages of foreign citizens' and stateless persons' stay in the country and does not fully regulate the presence of certain categories of migrants in the Russian Federation. One such incompletely regulated issue is the lack of a separate legal framework within Russian migration law for the presence of one of the most vulnerable categories of migrants in our country: child migrants, foreign citizens, and stateless persons under the age of majority

established by Russian legislation (18). In order to develop a comprehensive, all-age legal status of foreign citizens and stateless persons in Russian migration law, this study analyzed the main areas for improving Russian migration legislation in terms of developing a specialized mechanism for legal regulation of the specifics of the stay regime on the territory of the Russian Federation for foreign citizens and stateless persons who have not reached the age of majority.

Keywords: migration, migrant, categories of migrants, migrant children, residence regime, migration registration, legal status, legal status, migration legislation of the Russian Federation

For citation: Evtushenko V.I., Kurilova N.V. 2026. Aspects of Legal Regulation of the Status of Minor Foreign Citizens and Stateless Persons Staying in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 110–118 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-110-118 EDN: FXEDXW

Введение

Миграция представляет собой сложное социальное явление, оказывающее комплексное воздействие на все аспекты жизнедеятельности мирового сообщества, отдельного государства, так и всего общества в целом [Андрейченко, Плюгина, 2020, с. 11]. В тоже время, закреплённый во многих международных и внутригосударственных нормативных актах, прежде всего, в Конституции Российской Федерации, национальный правовой режим, предполагает необходимость постоянного анализа действующего миграционного законодательства России на предмет его соответствия правозащитной теории [Тонков, Беспалова, 2012], соблюдению всего комплекса прав и свобод мигрантов. В первую очередь такой анализ должен быть связан с рассмотрением учёта особенностей каждой отдельной категории мигрантов и присущих им характерных черт, например как, нуждающаяся в отдельном внимании в силу своей возрастной уязвимости категория детей-мигрантов – несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, законно находящихся на территории Российской Федерации.

Проведённые ранее изыскания в данном направлении [Антонова, 2024; Герасимова, 2024; Короткова, 2024; Полякова, Запорожский, 2019; Сагитов, 2025] показывают, что необходимо проведение детального анализа с целью выявления правовых пробелов в институте правового регулирования статуса детей-мигрантов, пребывающих на территории Российской Федерации, начиная с их въезда в страну по различным причинам, рассмотрения различных аспектов временного пребывания или проживания и возможного последующего выезда, а также разработка конкретных предложений по его совершенствованию.

Общий механизм правового регулирования миграционных процессов

В условиях глобализации и интенсификации миграционных процессов вопросы, связанные с внешней миграцией, приобретают особую актуальность. Особое внимание в данном контексте следует уделить созданию на уровне международного права и законодательства отдельных государств механизма правового регулирования как миграционных процессов в целом, так и составных частей, таких как въезд на территорию страны, легального пребывания и выезда как мигрантов в целом, так и отдельных категорий в частности. Правила въезда, нахождения, пребывания, проживания и так должны варьироваться для разных категорий мигрантов в зависимости от многих факторов, таких как наличие у мигранта гражданства или подданства определённой страны или их полное отсутствие, основание въезда, вероятный срок пребывания, предполагаемый характер деятельности мигранта и так далее [Евтушенко, 2011, с. 72]. Отдельным аспектом данной проблемы является выделение в общем механизме правового регулирования въезда и законного пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства субинститутов правового регулирования

нахождения на территории государства отдельных категорий мигрантов, например, таких как несовершеннолетние иностранные граждане и лица без гражданства.

Правовое регулирование в данной сфере является ключевым инструментом легитимации субъективных прав данной категории индивидов. В связи с наличием существенных пробелов и недостатков в действующем механизме правового регулирования, возникает необходимость его тщательной проработки и корректировки. Данный процесс должен осуществляться с учетом международного опыта, анализа и обобщения законодательства и передовых практик в области миграционного права других стран, а также с учетом специфики российской правовой системы и особенностей социально-экономического развития нашей страны.

Наличие в правовой системе государства эффективного механизма правового регулирования миграционных процессов – это один из основных фундаментальных аспектов надёжного функционирования системы национальной безопасности, что в конечном итоге приводит к обеспечению устойчивого социально-экономического развития государства. В контексте динамично изменяющейся глобальной миграционной картины мира, необходимо разработать и внедрить комплексную систему мер, направленных на оптимизацию российского миграционного законодательства и повышение его функциональной эффективности [Евтушенко, 2017, с. 85]. При его создании разработчики исходили из установленного статьёй 62 Конституции Российской Федерации принципа национального правового режим, в соответствии с которым иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории государства, имеют равные с гражданами Российской Федерации права и несут такие же обязанности¹.

Комплексный подход к правовому регулированию миграционных процессов предполагает внедрение современных информационных технологий для мониторинга миграционных потоков, создание эффективных механизмов контроля и надзора, а также развитие системы социальной интеграции мигрантов. Таким образом, оптимизация правового регулирования миграционных процессов является важным условием для обеспечения стабильности и процветания государства в условиях глобализации и возрастания значения миграционного фактора.

Белые пятна в механизме правового регулирования миграционных процессов с присутствием детей-мигрантов

Государства в процессе своего существования обязаны учитывать множество быстро изменяющихся в современном мире аспектов. И возрастающее влияние фактора миграции – одна из причин постоянного изменения правовой системы государства и того факта, что миграционное законодательство Российской Федерации – одна из наиболее динамично развивающихся отраслей правовой системы России. В тоже время, несмотря на это, вопросы выделения механизма правового регулирования отдельных, но, в тоже время имеющих большое значение для соблюдения прав и свобод несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, свойственных только данной категории мигрантов, нюансов въезда, пребывания и выезда, редко становятся объектом внимания российских законодателей и правоведов.

На уровне законодательства Российской Федерации, как правило, действует основополагающий принцип государственной политики защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц в рамках действующего правового поля вне зависимости от их гражданства, расы, национальности, вероисповедания и так далее. В соответствии с ним, все несовершеннолетние лица на территории Российской Федерации обладают равными

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993. № 237.

правами и обязанностями. Данный принцип в полной мере отражает приоритетность для государства концепции всеобъемлющей защиты прав и свобод несовершеннолетних [Мишина, 2025]. В тоже время как любой общий принцип, подобный постулат не учитывает особенности правового положения несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, которое характеризуется целым рядом присущих только данной категории мигрантов характеристик.

Среди них, например, предусмотренные международным правом, межгосударственными договорами России, нормативно-правовыми актами Российской Федерации нюансы правового регулирования миграционного статуса и связанные с ним дополнительные сложности в реализации своих прав и выполнении обязанностей. В число особенностей входят обязательность придерживания специальных процедур, необходимость строгого соблюдения которых в силу своего малого возраста, недостаточного психологического, физического и когнитивного развития несовершеннолетние мигранты могут не и осознавать. Соответственно, невзирая на формальное равенство прав, свобод и обязанностей иностранных несовершеннолетних мигрантов с их российскими сверстниками, имеющими гражданство Российской Федерации, их правовой статус требует учета дополнительных факторов, влияющих на их правовое положение и возможности в рамках правоприменительной практики [Нечай, 2021, с. 125].

Следует подчеркнуть, что правовое положение несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в настоящее время остается практически не урегулированным на нормативно-правовом уровне. Несмотря на то, что формально эти лица относятся к категории мигрантов, их правовая защита требует особого внимания и усиления ввиду их возрастной уязвимости. Данный аспект представляет собой значимую проблему в контексте правового регулирования миграционных процессов и защиты прав детей [Зинченко и др., 2020, с. 82].

Ещё один исследователь данной проблемы – Н.В. Полякова – обращает внимание на необходимость комплексного подхода государства, общества и, в первую очередь, родителей и иных законных представителей к регулированию правового положения несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства [Полякова, 2023, с. 165]. Такой подход требует, в первую очередь, не только наличие полноценной правовой базы и механизмов реализации, но и осознание необходимости соблюдения всеми участниками правоотношений установленных правил поведения.

В тоже время подобный подход оставляет за пределами своего внимания возможный вариант, при котором родители и законные представители в силу обстоятельств, возможных политических и социально-экономических реалий не сопровождают несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства либо были вынуждены покинуть территорию Российской Федерации, оставляя несовершеннолетних мигрантов без надлежащего сопровождения. В таких случаях возникает проблема определения круга лиц, ответственных за детей-мигрантов, попавших в такую трудную жизненную ситуацию, заслуживающих доверия представлять их интересы, гарантировать охрану их прав и свобод, обеспечивать потребности и нужды данной категории несовершеннолетних. Разрешение данной проблемной ситуации должно задействовать, при необходимости, институт опеки и попечения [Полякова, 2024, с. 21].

Выработка нормативно-правовых механизмов, регламентирующих действия соответствующих государственных органов как в сфере миграции, так и в области работы с несовершеннолетними, требует тщательного анализа и максимального учёта необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетних мигрантов указанной категории. Важно учитывать не только формальные аспекты правового регулирования, но и реальные условия, в которых находятся несовершеннолетние, а также потребности и возможности их родителей и законных представителей.

Действующий на настоящий момент в России механизм правового регулирования въезда несовершеннолетних лиц в нашу страну, имеющий своей основой соответствующий Федеральный закон Российской Федерации¹ и специально ориентированный комплекс двухсторонних соглашений Российской Федерации, определяющий взаимный порядок пересечения государственной границы граждан каждой из сторон. Определённый ими порядок определяет следующий режим для несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства при пересечении государственной границы Российской Федерации: дети-мигранты пересекают государственную границу Российской Федерации только в сопровождении заинтересованной соответствующей категории совершеннолетних мигрантов. К ним относятся родители, опекуны и иные законные представители. В случае въезда на территорию Российской Федерации несовершеннолетних мигрантов в сопровождении законных представителей наличие дополнительного согласия родителей законодательством России не предусмотрено².

В рамках рассмотрения правового регулирования дальнейшего пребывания иностранных несовершеннолетних мигрантов, необходимо выделить обязанность постановки на миграционный учет несовершеннолетних детей-мигрантов, прибывших вместе с родителями или опекунами. Данная процедура может быть реализована посредством выполнения специальной процедуры постановки на миграционный учет, определённой законодательно³. Её несоблюдение или нарушение установленных законодательством сроков не влечет за собой автоматического признания режима нелегального пребывания, однако квалифицируется как административное правонарушение в соответствии Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 18.8 КоАП РФ)⁴. В то же время проведённый в рамках исследования анализ российских законодательных и ведомственных нормативных актов показал, что в правовой системе Российской Федерации для детей-мигрантов – несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства – нет прямых запретов на нахождение на территории государства без сопровождения законных представителей. Важно отметить, что для самостоятельного въезда этих категорий лиц в Российскую Федерацию не требуется нотариально удостоверенное согласие законных представителей, которое обычно предъявляется на пограничном контроле. Основанием же для легального нахождения на территории Российской Федерации служит миграционная карта, которая подтверждает законность их пребывания⁵. Цели въезда таких лиц могут быть разнообразными и включают частные, туристические, учебные и другие виды, предусмотренные действующим законодательством⁶.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в редакции Федерального закона от 23 июля 2025 года № 257-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

² Пограничная служба ФСБ России информирует об отдельных вопросах выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Федеральной службы безопасности Российской Федерации: сайт. – URL: <http://ps.fsb.ru/fps/general/info/covid.htm> (дата обращения: 25 декабря 2025 года).

³ Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 31 июля 2025 года №314-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года №195-ФЗ (в редакции Федерального закона от 4 ноября 2025 года №404-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 4 ноября 2025 года № 405-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 августа 2004 года № 413 «О миграционной карте» (в редакции Постановления правительства Российской Федерации от 7 декабря 2020 года №2038) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3553

Механизм правового регулирования процедуры постановки иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учёт по месту своего пребывания, определённый миграционным законодательством Российской Федерации, не выделяет в качестве отдельной какую-либо категорию въезжающих в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства и не регламентирует специальные процедуры, в том числе, и для детей-мигрантов.

В контексте рассмотрения правового статуса несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, возникает ряд ключевых вопросов, требующих детального анализа. Один из центральных аспектов касается определения законного представителя несовершеннолетнего на период его временного пребывания в принимающем государстве. Данный вопрос приобретает особую значимость в свете необходимости обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, а также соблюдения их обязанностей и ответственности в рамках правоотношений [Умярова, 2021, с. 213]. Следует рассмотреть, обладает ли несовершеннолетний иностранный гражданин или лицо без гражданства полной правоспособностью и дееспособностью для самостоятельного осуществления прав, исполнения обязанностей и несения ответственности в качестве субъекта правоотношений на территории Российской Федерации. Это требует комплексного подхода, включающего анализ международного права, национального законодательства, а также практики правоприменения в области защиты прав детей.

Таким образом, исследование данного вопроса представляет собой важную задачу, требующую междисциплинарного подхода и глубокого понимания правовых норм, регулирующих статус несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. В контексте миграционного законодательства Российской Федерации нередко возникают ситуации, когда заявленная в миграционной карте несовершеннолетнего иностранца цель въезда не соответствует фактическому положению дел. В частности, несовершеннолетний иностранный гражданин, прибывший в страну с целью получения образования, может заниматься трудовой деятельностью, что в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях квалифицируется как административное правонарушение.

Следует отметить, что действующее законодательство не возлагает на принимающую сторону обязанности по осуществлению функций законного представителя несовершеннолетнего иностранного гражданина или лица без гражданства, прибывшего в Россию на определённый срок. Это обстоятельство подчёркивает необходимость более детального анализа и разработки мер, направленных на обеспечение соблюдения миграционного режима и прав несовершеннолетних мигрантов в Российской Федерации.

Заключение

Выводы свидетельствуют о недостаточном уровне нормативной регламентации в российском законодательстве правового статуса находящихся на территории государства детей-мигрантов – несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства. Кроме того, проведенный в статье анализ показывает недостаточный уровень нормативно-правового закрепления механизма правового регулирования легального нахождения детей-мигрантов на территории Российской Федерации в случае отсутствия родителей или других законных представителей, включая регламентацию процедуры въезда в Российскую Федерацию, так и механизма правового регулирования постановки несовершеннолетних мигрантов на миграционный учет.

Для исправления существующего положения в сфере миграционного законодательства Российской Федерации должны быть разработаны и приняты правовые нормы, которые в комплексе сформируют в миграционном законодательстве Российской

Федерации отдельный правовой институт, регламентирующий правила въезда, пребывания и выезда для несовершеннолетних мигрантов, гарантирующие соблюдение их прав, свобод и законных интересов. Отсутствие конкретизации правового положения данной категории лиц создает правовые пробелы, которые затрудняют реализацию их прав и обязанностей, а также снижают эффективность миграционного контроля. Введение специализированных норм, учитывающих особенности правового статуса несовершеннолетних, позволит обеспечить более эффективное правовое регулирование пребывания на территории Российской Федерации и обеспечит надлежащий уровень их правовой защищенности, соответствующий национальному режиму для иностранных граждан и лиц без гражданства, предусмотренному Конституцией Российской Федерации.

Таким образом, создание в рамках миграционного законодательства Российской Федерации отдельного института регулирования правового положения несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства является важным шагом на пути к совершенствованию правовой системы Российской Федерации и повышению эффективности правоприменительной деятельности в сфере миграции.

Список литературы

- Андрейченко Л.В, Плюгина И.В. 2020. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М., ИздСП, Норма, ИНФВ-М, 392 с.
- Антонова Л.Б. 2024. Особенности применения мер процессуального обеспечения к несовершеннолетним иностранным гражданам. *Научный бюллетень Воронежского института МВД России*, 1: 6-12
- Герасимова Е.В. 2024. Понятие и содержание правового статуса несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. В кн.: *Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IX Международной научной конференции*. Донецк, 20-22.
- Евтушенко В.И. 2017. Место и роль миграционной деятельности в системе национальной безопасности Российской Федерации. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 3 (252): 84-88.
- Евтушенко В.И. 2011. Миграция: критерии понятия. *Актуальные проблемы российского права*, 4 (21): 70-77.
- Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н, Евсеева И.Г. 2020. Правовое положение детей-мигрантов в Российской Федерации. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 3: 82-83.
- Короткова А.С. 2024. Актуальные проблемы и пути совершенствования законодательства, регламентирующего правовое положение несовершеннолетних иностранных граждан в Российской Федерации. В кн.: *Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Воронеж, 146-148.
- Мишина Е.В. 2025. Защита интересов, прав и свобод несовершеннолетних в современной России (отдельные аспекты практической реализации). *Актуальные исследования*, 29-2 (264): 58-61
- Нечай С.Л. 2021. Конституционно-правовой статус несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. В кн.: *Уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних и ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития (правовые, социальные и психолого-педагогические аспекты)*. Сборник статей научно-представительских мероприятий. Коллектив авторов. Рязань, 124-128.
- Полякова Н.В. 2023. Актуальные вопросы реализации иммиграционных статусов несовершеннолетних иностранных граждан подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России. В кн.: *Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 164-167.
- Полякова Н.В. 2024. Обеспечение прав несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства родителями и иными законными представителями. *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*, 10-2: 18-21.

- Полякова Н.В., Запорожский Н.С. 2019. Административная правосубъектность несовершеннолетних иностранных граждан в сфере миграции, *Право и образование*, 10. 110-119.
- Сагитов С.Т. 2025. К вопросу об интеграции несовершеннолетних иностранных граждан в российскую общеобразовательную систему. *Педагогический журнал Башкортостана*, 2 (108). 9-11.
- Тонков Е.Е., Беспалова М.А. 2012. Правозащитная функция государства: вопросы теории. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 291 с.
- Умярова Э.А. 2021. Актуальные проблемы в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних при работе с несовершеннолетними иностранными гражданами и лицами без гражданства. В кн.: Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж, 212-213.

References

- Andrejchenko L.V, Plyugina I.V. 2020. Migracionnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: tendencii razvitiya i praktika primeneniya. [Migration legislation of the Russian Federation: development trends and application practice]. Moscow, Publ. IzISP: Norma: INFV-M, 392 p.
- Antonova L.B. 2024. Osobennosti primeneniya mer processual'nogo obespecheniya k nesovershennoletnim inostrannym grazhdanam. [The specifics of the application of procedural measures to minors of foreign citizens]. *Nauchnyj byulleten' Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 1: 6-12
- Gerasimova E.V. 2024. Ponyatie i sodержanie pravovogo statusa nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva na territorii Rossijskoj Federacii. [The concept and content of the legal status of minor foreign citizens and stateless persons in the territory of the Russian Federation]. In: Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture, and Modern Challenges. Proceedings of the IX International Scientific Conference. Donetsk, 20-22.
- Evtushenko V.I. 2017. Mesto i rol' migracionnoj deyatel'nosti v sisteme nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. [The place and role of migration activities in the national security system of the Russian Federation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 3 (252). 84-88.
- Evtushenko V.I. 2011. Migraciya: kriterii ponyatiya. [Migration: criteria of the concept] *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 4 (21). 70-77.
- Zinchenko E.YU., Khazov E.N, Evseeva I.G. 2020. Pravovoe polozhenie detej-migrantov v Rossijskoj Federacii. [The legal status of migrant children in the Russian Federation] *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, 3. 82-83.
- Korotkova A.S. 2024. Aktual'nye problemy i puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego pravovoe polozhenie nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii. [Current problems and ways to improve legislation regulating the legal status of foreign minors in the Russian Federation] In: Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Voronezh, 146-148. [Crime in the CIS: Problems of Crime Prevention and Detection. Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. Voronezh, 146-148]
- Mishina E.V. 2025. Zashchita interesov, prav i svobod nesovershennoletnikh v sovremennoj Rossii (otdel'nye aspekty prakticheskoy realizacii). [Protection of interests, rights and freedoms of minors in modern Russia (selected aspects of practical implementation)]. *Aktual'nye issledovaniya*, 29-2 (264). 58-61
- Nechaj S.L. 2021. Konstitucionno-pravovoj status nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii. [Constitutional and legal status of minor foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation]. In.: Ugolovnoe sudoproizvodstvo po delam nesovershennoletnikh i yuvenal'naya yusticiya: problemy i perspektivy razvitiya (pravovye, social'nye i psikhologo-pedagogicheskie aspekty). Sbornik statej nauchno-predstavitel'skikh meropriyatij. Kollektiv avtorov. Ryazan', 124-128. [Criminal proceedings for minors and juvenile justice: problems and development prospects (legal, social, and psychological-pedagogical aspects). A collection of articles from scientific presentations. A group of authors. Ryazan, 124-128]
- Polyakova N.V. 2023. Aktual'nye voprosy realizacii immigracionnykh statusov nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan podrazdeleniyami po voprosam migracii territorial'nykh organov MVD Rossii. [Current issues of the implementation of immigration statuses of minor foreign citizens by

- the migration units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: Administrative and legal regulation of the protection of public order and public safety: problems and solutions: Proceedings of the annual interuniversity scientific and practical conference, St. Petersburg, September 22, 2023, St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 164-167.
- Polyakova N.V. 2024. Obespechenie prav nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva roditelyami i inymi zakonnyimi predstavitelyami. [Ensuring the rights of minor foreign citizens and stateless persons by parents and other legal representatives]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*, 10-2. 18-21.
- Polyakova N.V., Zaporozhskij N.S. 2019. Administrativnaya pravosub"ektnost' nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan v sfere migracii, [Administrative legal personality of foreign minors in the field of migration]. *Pravo i obrazovanie*, 10. 110-119.
- Sagitov S.T. 2025. K voprosu ob integracii nesovershennoletnikh inostrannykh grazhdan v rossijskuyu obshcheobrazovatel'nyuyu sistemu. [On the issue of the integration of foreign minors into the Russian educational system]. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*, 2 (108). 9-11.
- Tonkov E.E., Bepalova M.A. 2012. Pravozashchitnaya funkciya gosudarstva: voprosy teorii. [The human rights function of the State: issues of theory]. Rostov-na-Donu, Publ. Rostizdat, 291 p.
- Умыарова Е.А. 2021. Aktual'nye problemy v deyatel'nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnikh pri rabote s nesovershennoletnimi inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva. [Current problems in the activities of juvenile affairs units when dealing with minors, foreign citizens and stateless persons]. In: Crime in the CIS: Problems of Crime Prevention and Detection. Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. Voronezh, 212-213.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.01.2026

Received January 18, 2026

Поступила после рецензирования 04.02.2026

Revised February 4, 2026

Принята к публикации 02.03.2026

Accepted March 2, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Евтушенко Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Vladimir I. Evtushenko, Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Курилова Надежда Васильевна, адъюнкт, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Nadezhda V. Kurilova, Postgraduate, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

УДК 347.9

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-119-128

EDN GUTWZB

Исследование материалов дела в ходе судебного разбирательства

Логвинец Е.А., Каторгина Н.П., Судникова Н.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

logvinets@bsuedu.ru, inyakova@bsuedu.ru, ponomarenko_n@bsuedu.ru

Аннотация. Исследование доказательств является важным элементом деятельности следователя (дознателя), прокурора, судьи, а также защитника (представителя), направленным на установление истины по делу. Одной из проблем исследования доказательств на стадии подготовки дела к судебному заседанию и в процессе рассмотрения дела в судебном заседании является недостаточное использование судом правового инструментария, направленного на установление имеющихся фактических данных. Несмотря на имеющиеся публикации по данной проблематике, теоретико-правовые и тактические подходы изучены неполно. Целью исследования является разработка тактических и практических рекомендаций, направленных на эффективное исследование материалов дела в ходе судебного разбирательства. Для изучения данного вопроса проведен анализ российского законодательства, а также тактических средств и приемов, направленных на исследование материалов дела. Особое внимание уделено изучению судебной практики по рассмотрению гражданских дел на примере возникновения и прекращения права собственности. Полученные результаты позволят предотвратить судебные ошибки при исследовании материалов дела, что будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

Ключевые слова: исследование материалов дела, судебное разбирательство, подготовка дела, рассмотрение дела, судебная ошибка

Для цитирования: Логвинец Е.А., Каторгина Н.П., Судникова Н.Ю. 2026. Исследование материалов дела в ходе судебного разбирательства. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 119–128. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-119-128 EDN: GUTWZB

Examination of Case Materials During Trial Proceedings

Elena A. Logvinets, Natalia P. Katorgina, Natalya Yu. Sudnikova

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

logvinets@bsuedu.ru, inyakova@bsuedu.ru, ponomarenko_n@bsuedu.ru

Abstract. The examination of evidence is an important element in the activities of the investigator (inquirer), prosecutor, judge and counsel (representative) aimed at establishing the truth about a case. One of the problems in the examination of evidence at the pre-trial and trial stages is the court's insufficient use of legal tools aimed at ascertaining available factual data. Although there are publications on the subject, theoretical-legal and tactical approaches have not been fully studied. The aim of the study is to develop tactical and practical recommendations aimed at effective investigation of case materials during the trial. To study this issue, an analysis of Russian legislation was carried out, as well as tactical tools

and techniques aimed at studying the case materials. Special attention is devoted to the study of the judicial practice in dealing with civil cases on the example of the emergence and termination of property right. The results will help to prevent judicial errors in the investigation of the case file, thereby strengthening the rule of law.

Keywords: examination of case materials, trial proceedings, trial preparation, consideration of the case, judicial error

For citation: Logvinets E.A., Katorgina N.P., Sudnikova N.Yu. 2026. Examination of Case Materials During Trial Proceedings. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 119–128 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-119-128 EDN: GUTWZB

Введение

Стремительное развитие общества и усиление государственного влияния в управлении общественными процессами, диктуют необходимость совершенствования процедуры исследования доказательств с целью исключения судебных ошибок, допущенных в результате неполного изучения материалов дела. Предотвращение необоснованно принятых решений судом и наступление негативных последствий для заинтересованных лиц и государства является важной задачей и одновременно проблемой, когда суд ограничивается формальным изучением доказательств. Реализация данной задачи и предупреждение неблагоприятных проблем напрямую зависит от профессионализма судей, а именно на способности применять теоретические положения и юридические механизмы, уметь использовать средства, приемы, методы производства судебного разбирательства. Установление обстоятельств, имеющих значение для дела, напрямую зависит не только от квалифицированного проведения процессуальных и судебных действий, но и исследования полученной информации, а также анализа материалов, предоставленных заинтересованными сторонами. Всестороннее и объективное изучение доказательств в конечном итоге будет содействовать вынесению справедливого судебного решения.

Вопросам исследования материалов дела в ходе судебного разбирательства посвятили свои труды Ф.Х. Байчорова [Байчорова, 2020], Р.С. Белкин [Белкин, 1966], А.Т. Боннер [Боннер, 2014], Е.В. Гунько [Гунько, 2008], М.В. Жижина [Жижина, 2019], А.М. Жусипбекова [Жусипбекова, 2024], С.Б. Россинский [Россинский, 2021], М.В. Синякова [Синякова, 2007], О.А. Сычева [Сычева, 2014], С.А. Шейфер [Шейфер, 2016] и многие другие, рассматривающие сбор, проверку и оценку доказательств с учетом отраслевых особенностей судопроизводства. Исследование материалов дела является составной частью профессиональной деятельности участников судопроизводства. Вместе с тем проблема судебных ошибок, основанных на неполном исследовании материалов дела в судебном разбирательстве, не получила комплексного и самостоятельного тактико-ориентированного анализа, что и определило тему научного исследования.

В качестве цели исследования выступает разработка тактических и практических рекомендаций исследования материалов дела для установления истины по делу.

Теоретико-правовые подходы к исследованию материалов дела

Важнейшим аспектом формирования правового государства является точная и всесторонняя регламентация правовых и процессуальных взаимоотношений. Процессы, связанные с исследованием доказательств в российском судопроизводстве, регламентированы нормами процессуального законодательства. В частности, Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» установлен порядок исследования вопросов (ст. 60),

исследования документов в судебном заседании (ст. 65), а также предварительного изучения представленных документов (§§ 26, 27 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации).

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), регламентирована процедура исследования материалов дела, письменных и вещественных доказательств, а также их осмотр по месту нахождения (ст.ст. 181, 183, 184, 187 ГПК РФ, ст. 162 АПК РФ, ч. 1 ст. 58, ст.ст. 274, 291, 389.13 УПК РФ, ст. 74 КАС РФ). Действующим законодательством отмечена возможность участия сведущих лиц (экспертов, специалистов) при исследовании доказательств.

Несмотря на законодательное урегулирование механизма исследования материалов дела и накопленного опыта, возникают проблемы в понимании данной категории в российском судопроизводстве. По мнению Р.С. Белкина, исследование значимых сведений представляет собой элемент процесса доказывания, заключающееся в установлении содержания доказательства, его достоверности и согласуемой с иной имеющей значение для дела информацией [Белкин, 1997, с. 86]. Любое доказательство содержит в себе сведения о фактах или явлениях, отражающие суть значимых данных. Такие данные могут быть получены в процессе изучения вещественных и письменных доказательств заинтересованным субъектом, либо с помощью сведущих лиц, если необходимы знания в профильной области.

Для понимания роли участников, привлекаемых к исследованию доказательств, а также с целью предотвращения искажения их предназначения, важно провести четкое разделение функций сведущих лиц. В частности, эксперт привлекается для проведения тщательного научного исследования в рамках производства экспертизы. Его задача – установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по рассматриваемому делу. В свою очередь, специалист вызывается для внесения ясности и разъяснения сложных вопросов путем предоставления консультации, задачей которого является изложение своего профессионального мнения. В обоих случаях в основе процесса познания лежит исследование доказательств. При этом субъекты используют различные методы исследования.

Однако исследование доказательств доступно не только экспертам и специалистам, но и следователям (дознателям), прокурорам, судьям, а также защитникам (представителям) сторон. Например, следователь (дознатель) в рамках досудебного производства исследует доказательства для установления обстоятельств уголовного дела и формирования доказательственной базы. Прокурор может на любой стадии судопроизводства исследовать доказательства для поддержания обвинения, надзора за обеспечением законности действий участвовавших сторон, а также для соблюдения законности выносимых судом решений, содействия в отправлении правосудия и устранения нарушений закона. Суд исследует доказательства в ходе судебного разбирательства, в частности, на стадии подготовки дела к судебному заседанию и непосредственно в процессе рассмотрения дела в судебном заседании, преследуя основные задачи – установление фактических обстоятельств дела, а также определение достоверности, допустимости и достаточности представленных доказательств для обеспечения законного, обоснованного и мотивированного решения по делу. Защитник (представитель) участвует в исследовании доказательств на разных стадиях судопроизводства с целью защиты прав и интересов своего доверителя. Каждый из субъектов исследует доказательства с целью подтверждения или опровержения определенных обстоятельств, либо установления новой имеющей значения для дела информации. Еще Р.С. Белкин более полувека назад отмечал, что исследование является

разновидностью познавательной деятельности, то есть ученый соотносил познание и исследование доказательств как целое и часть [Белкин, 1966, с. 48]. Безусловно, субъект, исследовавший доказательства, собирает и систематизирует информацию о данном объекте или явлении, что позволит использовать полученные сведения в ходе рассмотрения дела в судебном заседании.

В юридической литературе можно встретить отождествление термина «исследование» с понятиями «изучение», «анализ», «проверка» и «оценка». Понимание термина «исследование» разностороннее. В словаре русского языка понятие «исследование» характеризуется по-разному, например, подвергнуть научному изучению; осмотреть для выявления чего-нибудь [Ожегов, 2011, с. 328]; «изучение» – научно исследовать; внимательно наблюдать, ознакомиться [Ожегов, 2011, с. 314]; «анализ» – всесторонний разбор, рассмотрение [Ожегов, 2011, с. 30]; «проверка» – удостовериться в правильности чего-либо, обследовать с целью контроля [Ожегов, 2011, с. 784]; «оценка» – мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-нибудь [Ожегов, 2011, с. 624]. Аналогичный подход к пониманию сущности категории «исследование» у ученых и практиков, отмечающих, что исследование доказательств является мыслительным процессом познания формы и содержания полученных доказательств. Отсутствие четкого законодательного понимания категории «исследование доказательств» приводит к произвольному толкованию учеными и практиками данной процедуры. Так, одни ученые считают, что исследование доказательств происходит непосредственно при их поиске и сборании. Другие утверждают, что исследование является элементом оценки доказательств. Третьи ученые отмечают, что исследованием доказательств выступает их проверка. Общепринятой структурой доказывания является: сбор доказательств – проверка доказательств – оценка доказательств. По мнению С.Б. Россинского, исследование доказательств должно выступать отдельным компонентом доказывания. Ученый заявляет об автономности элемента исследования доказательств [Россинский, 2021, с. 116; Россинский, 2025, с. 308]. Полагаем, исследование доказательств должно происходить на всех стадиях доказывания. Исследование доказательств выражено в их изучении, анализе, проверке и оценке имеющейся информации, то есть каждый элемент процесса доказывания вытекает один из другого, а в совокупности позволяет установить истину по делу. А.М. Жусипбекова [Жусипбекова, 2023, с. 104] считает, что формами исследования доказательств являются процессуальные (например, проведение следственных и процессуальных действий; ознакомление с материалами дела участниками судопроизводства и другие) и непроцессуальные (например, изучение представителями истца/ответчика материалов дела). Исходя из позиции автора, в качестве основного критерия деления на процессуальные и непроцессуальные формы выступает наличие правовой регламентации процесса, в рамках которого происходит исследование доказательств. Тем не менее, несмотря на имеющийся урегулированный правовой механизм и научное обоснование процедуры исследования материалов дела в судебном разбирательстве, суды допускают ошибки, основанные на неполном изучении собранной информации.

Тактические подходы к исследованию материалов дела

Суд, как орган государственной власти, осуществляющий правосудие, обязан исследовать всесторонне, полно, объективно материалы дела и оценивать их по своему внутреннему убеждению (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, ч. 1 ст. 71 АПК РФ, ч. 1 ст. 17 УПК РФ, ч. 1 ст. 84 КАС РФ). Согласно позиции законодателя и правоприменительной практике никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной юридической силы.

На стадиях подготовки дела к судебному заседанию и в ходе разбирательства, в частности, гражданско-правового дела, суд исследует материалы дела, предоставленные заинтересованными лицами, а также полученные письменные и вещественные

доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения сведущих лиц, ответы на запросы организаций/учреждений, объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей и другие. Суд принимает только доказательства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела (ст. 59 ГПК РФ).

При исследовании материалов дела суд устанавливает связь определенных событий с нормами права, выявляет момент времени возникновения, изменения и прекращения правоотношений, определяет суть спорного вопроса. Суд отмечает имеющие значение для дела сведения и какой стороне необходимо доказать те или иные обстоятельства. Кроме того, сторонам может быть предоставлена возможность предъявить дополнительные документы. В случае, если у данных лиц возникают сложности в обеспечении суда необходимыми сведениями, то суд по ходатайству заинтересованной стороны может оказать содействие в их сборе (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ).

Собранные доказательства суд оценивает с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также достаточности и взаимной связи каждого доказательства в отдельности и в их совокупности (ч. 3 ст. 67 ГПК РФ). При оценке относимости доказательств суд устанавливает обстоятельства, подлежащие обоснованию согласно материальной норме права, отмеченной в жалобе, иске, ходатайстве и, как следствие, подтверждаются или опровергаются изложенные сведения. При этом суд признает только те доказательства, которые получены и представлены согласно действующему законодательству, что позволяет признать их допустимыми. Сведения, подтвержденные доказательствами, являются действительными, а значит и достоверными. Суд, признав собранные доказательства достаточными, принимает мотивированное решение по делу. Конкретный перечень документов, который являлся бы необходимым и достаточным для принятия решения по определенной группе дел, не существует. Безусловно, отдельные правовые споры обладают общими признаками, свойственными определенной категории дел. Однако каждая спорная ситуация характеризуется своей индивидуальностью и специфичностью. Граница достаточности будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, выявленных фактов, предоставленных доказательств. Все доказательства в совокупности должны быть взаимосвязаны, то есть подтверждать или опровергать имеющие значение для дела обстоятельства.

Суд, исследуя доказательства, с целью защиты прав и интересов физических и юридических лиц, укрепления законности и правопорядка, предупреждения правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и суду мирного урегулирования споров (ст. 2 ГПК РФ), может использовать различные тактические средства. Наиболее распространенными являются: анализ судебной практики, законодательства, научной литературы, возможно зарубежного опыта; коммуникация с заинтересованными и третьими лицами, выдвижение судебных версий; использование процедуры медиации; получение заключений экспертов и специалистов, ответов учреждений/организаций на запросы суда, объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей и другие. При производстве отдельных судебных действий могут быть использованы разнообразные приемы. В частности, при получении объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей судом могут быть использованы приемы снятия психологического напряжения, ассоциативных связей, постановка уточняющих/дополняющих вопросов, предъявление доказательств и другие.

По мнению А.Н. Медушевского, при исследовании материалов дела возможно построить некую модель, которая позволит установить этапы процессов в прошлом и наступление возможных событий в будущем [Медушевский, 2011, с. 41]. Подход автора представляется оправданным и логичным. Суд должен на основе проведенного исследования определить последовательность действий с момента возникновения правоотношений до возникшего правового спора, установить правовые последствия и снизить неоправданные риски. Например, использование метода моделирования будет

актуальным при исследовании материалов дела по факту возникновения и прекращения права собственности несколькими лицами в отношении одного объекта.

Располагая достаточными правовыми инструментами по собиранию доказательств, суд, как правило, определяет тактику исследования материалов дела в ходе судебного разбирательства с помощью различных методов исследования: наблюдения (за участниками судопроизводства; объектами, имеющимися в деле); анализа (имеющихся в деле документов; сведений, представленных заинтересованными лицами и др.); сравнения (определение имеющихся противоречий в представленных документах); аналогии (построение позиции на основе судебной практики); описания (изложение позиции суда в своем решении).

В качестве примера рассмотрим правовой спор по возникновению и прекращению права собственности, в ходе которого была допущена судебная ошибка, явившаяся следствием неполного исследования материалов дела. В 2021 году Свердловским районным судом города Белгорода было рассмотрено гражданское дело по иску гражданки А. преклонного возраста к своему сыну гражданину Л. о признании договора дарения квартиры от ***2006 года недействительным и применении последствий недействительности сделки. Гражданка А. в обоснование заявленных требований указала, что в 2006 году подарила сыну квартиру в надежде, что сын будет ухаживать и помогать ей, а он уехал в неизвестном направлении и местонахождение его ей неизвестно. Кроме того, отметила, что договор дарения был подписан ею под влиянием заблуждения, поскольку находилась в почтенном возрасте, хотела получить внимание и заботу.

В ходе рассмотрения дела суд принял решение в сторону истца, а именно признал недействительным договор дарения квартиры от ***2006 года, определил право собственности на квартиру за гражданкой А.¹ При рассмотрении дела судом гражданин Л. не присутствовал.

В 2023 году гражданин Л. узнает, что квартира ему не принадлежит. Гражданин Л. с принятым решением Свердловского районного суда города Белгорода не согласился, обжаловав его путем подачи апелляционной жалобы и ходатайства о восстановлении процессуального срока на подачу такой жалобы. Согласно ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня принятия решения судом, то есть срок защиты своих прав и интересов у гражданина Л. заканчивался.

В ходатайстве о восстановлении процессуального срока гражданин Л. отметил, что на судебном заседании не присутствовал, так как не получал извещение о судебном заседании в виду своей болезни коронавирусной инфекцией (COVID-19) и на протяжении шести месяцев находился в больнице, что подтверждено соответствующими медицинскими документами². Более того, он не получил решение суда о передаче права собственности гражданке А. Исследовав представленные документы, суд определил удовлетворить ходатайство и восстановить срок на подачу апелляционной жалобы³.

Гражданин Л. в апелляционной жалобе, поданной в Белгородский областной суд, просил решение Свердловского районного суда города Белгорода отменить и принять по

¹ Решение Свердловского районного суда города Белгорода от 19.05.2021 № 2-1469/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-sverdlovskii-raionnyi-sud-g-belgoroda-belgorodskaja-oblast/> (дата обращения 15.01.2026).

² Справка ГБУЗ Московской области «***» первичного осмотра от 29.03.2021 // Архив ООО «Правовой Навигатор»; Справка ГБУЗ Московской области «***» от 20.01.2021 (история болезни № 58798/20) // Архив ООО «Правовой Навигатор»; Выписной эпикриз ГБУЗ Московской области «Одинцовская областная больница» (история болезни № 58798/20) // Архив ООО «Правовой Навигатор»; Направление на медико-социальную экспертизу медицинской организацией от 21.09.2021 № 215 // Архив ООО «Правовой Навигатор»; Направление на медико-социальную экспертизу медицинской организацией от 27.09.2022 № 519 // Архив ООО «Правовой Навигатор».

³ Определение Свердловского районного суда города Белгорода от 12.02.2024 № 2-1469/2021 (13-238/2024) // Архив ООО «Правовой Навигатор».

делу новое решение, отказав в удовлетворении иска гражданки А. Заявитель в жалобе отмечал, что судом неверно оценены доказательства, нарушены и неправильно применены нормы материального и процессуального права, в результате выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам. Гражданин Л. считал, что отсутствуют доказательства заключения истцом договора дарения вследствие заблуждения. Таким образом, основания для принятия сделки недействительной отсутствовали. Заявитель в жалобе обратил внимание суда на невозможность получения извещения о судебном заседании, так как в период рассмотрения дела находился на лечении. Кроме того, гражданин Л. отметил, что суд не уведомил его о принятии решения о признании недействительным договора дарения квартиры и передаче права собственности на квартиру гражданке А.

Судебная коллегия по гражданским делам Белгородского областного суда рассмотрела жалобу. Суд, изучив материалы дела, установил, что договор дарения был подписан в присутствии нотариуса и мужа гражданки А. (отца гражданина Л.). Более того, гражданке А. было известно местонахождение ее сына гражданина Л. Она и ее дочь (сестра гражданина Л.) знали, что их близкий родственник тяжело болен и находился в больнице, при этом поддерживали связь по телефону. Суд, исследовав предоставленные сторонами доказательства, отменил решение Свердловского районного суда города Белгорода от 19 мая 2021 г., приняв по делу новое, которым отказал в удовлетворении иска гражданки А.¹

На основании апелляционного определения, вынесенного Белгородским областным судом от 06.06.2024 года и представленных доказательств гражданином Л., Свердловский районный суд города Белгорода принял по делу новое решение о прекращении права собственности гражданки А.²

Таким образом, в рассматриваемой ситуации суд первой инстанции ограничился формальным изучением доказательств, по сути, проанализировав только документы, предоставленные одной из заинтересованных сторон, что повлекло принятие необоснованного решения. Безусловно, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Однако позиция суда должна быть основана на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Суд обязан был исследовать доказательства в полном объеме, при необходимости сделать соответствующие запросы, установить и допросить дополнительных свидетелей для установления местонахождения заинтересованного лица. Все собранные доказательства должны быть оценены судом с точки зрения относимости, допустимости, достоверности каждого из них в отдельности, а также достаточности и взаимосвязи полученных сведений в их совокупности. И только суд второй инстанции, в полном объеме исследовав предоставленные сторонами информацию, позиции заинтересованных сторон, принял к сведению доводы всех участников судопроизводства, оценил собранные доказательства и признал их достаточными для вынесения объективного решения, что способствовало повторному более глубокому исследованию материалов дела и принятию справедливого и обоснованного решения.

Заключение

Во избежание необоснованно принятых решений судом и наступления негативных последствий для заинтересованных лиц и государства следует умело использовать правовой инструментарий, а также тактические средства и приемы при исследовании

¹ Апелляционное определение города Белгорода от 06.06.2024 № 33-2416/2024 (2-1469/2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-belgorodskii-oblastnoi-sud-belgorodskaiia-oblast/?page=6> (дата обращения 15.01.2026).

² Определение Свердловского районного суда города Белгорода от 22.08.2024 № 2-1469/2021 (13-1694/2024) // Архив ООО «Правовой Навигатор».

доказательств. Все собранные доказательства подлежат проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности каждого из них в отдельности, а также достаточности и взаимосвязи полученных сведений в их совокупности.

Предложенные авторами тактические и практические рекомендации исследования материалов дела в ходе судебного разбирательства, позволят предотвратить судебные ошибки и избежать вынесения необоснованных решений. Данные рекомендации не являются догмой и могут быть подвергнуты дальнейшему научному исследованию, что будет способствовать эффективному использованию в правоприменительной практике судебных органов и всестороннему изучению по соответствующей проблематике заинтересованными лицами.

Список литературы

- Байчорова Ф.Х., Хутов В.Р. 2020. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве. *Тенденции развития науки и образования*, 61-11: 17-19. DOI: 10.18411/lj-05-2020-232
- Белкин Р.С. 1997. Криминалистическая энциклопедия. М., БЕК, 342 с.
- Белкин Р.С. 1966. Собрание, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М., 295 с.
- Боннер А.Т. 2014. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М., 611 с.
- Гулько Е.В. 2008. Средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: проблемные вопросы и пути их решения. *Арбитражный и гражданский процесс*, № 6: 28-32.
- Жижина М.В. 2019. Тактика и технология проведения судебных действий в гражданском судопроизводстве: монография. М., ООО «Перспектив», СПС «КонсультантПлюс».
- Жусипбекова А.М. 2024. Соотношение некоторых элементов структуры доказывания – исследования и оценки доказательств. Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. В 2 частях. М., Академия управления МВД России, Ч. 2: 6-13.
- Жусипбекова А.М. 2023. Форма исследования доказательств и ее система. *Известия Тульского государственного университета. Экономические науки*, № 4: 103-110.
- Медушевский А.Н. 2011. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности. *Сравнительное конституционное обозрение*, № 5 (84): 30-42.
- Россинский С.Б. 2021. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. М., 408 с.
- Россинский С.Б. 2025. Сущность исследования доказательств в уголовном судопроизводстве. *Труды Института государства и права РАН*, № 20 (2): 291-311.
- Синякова М.В. 2007. Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 32 с.
- Ожегов С.И. 2011. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., ООО «Издательство Оникс», ООО «Издательство «Мир и Образование», ООО «Издательство Астрель», 1200 с.
- Сычева О.А. 2014. Ошибки в процессе судебного исследования доказательств: понятие, виды, причины, профилактика. *Российский судья*, № 4: 31-34.
- Шейфер С.А., Николаева К.А. 2016. К вопросу о структуре доказывания. *Вестник Томского государственного университета. Право*, № 2 (20): 82-87.

References

- Baichorova F. Kh., Khutov V. R. 2020. Issledovanie dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [Examination of evidence in criminal proceedings]. *Tendentsii razvitiya nauki I obrazovaniya*, Vol. 61-11: 17-19. DOI: 10.18411/lj-05-2020-232
- Belkin R. S. 1997. Kriminalisticheskaya entsiklopediya [Forensic Encyclopedia]. M., BEK, 342 p.
- Belkin R. S. 1966. Sobiranie, issledovanie I otsenka dokazatel'stv: sushchnost' I metody [Collection, research and evaluation of evidence: essence and methods]. M., 295 p.
- Bonner A. T. 2014. Traditsionnye I netraditsionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Traditional and non-traditional means of evidence in civil and arbitration proceedings]. M., 611 p.

- Gunko E. V. 2008. Sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom I arbitrazhnom protsesse: problemnye voprosy I puti ikh resheniya [Evidence in civil and arbitration proceedings: problematic issues and solutions]. *Arbitrazhnyy I grazhdanskiy protsess*, Vol. 6: 28-32.
- Zhizhina M. V. 2019. Taktika I tekhnologiya provedeniya sudebnykh deystviy v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya [Tactics and technology of conducting judicial actions in civil proceedings: a monograph]. M., Prospekt.
- Zhusipbekova A. M. 2024. Sootnoshenie nekotorykh elementov struktury dokazyvaniya – issledovaniya i otsenki dokazatel'stv [The relationship between some elements of the structure of evidence – research and evaluation of evidence]. *Kriminalisticheskoe obespechenie bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v finansovoy sfere (65-ye ezhegodnye kriminalisticheskie chteniya): sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2 chastyakh*. M., Akademiya upravleniya MVD Rossii, Ch. 2: 6-13.
- Zhusipbekova A. M. 2023. Forma issledovaniya dokazatel'stv i ee sistema [The form of evidence research and its system]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta Ekonomicheskie nauki*, Vol. 4: 103-110.
- Medushevskiy A. N. 2011. Kognitivnaya teoriya prava i yuridicheskoe konstruirovaniye real'nosti [Cognitive theory of law and legal construction of reality]. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*, Vol. 5 (84): 30-42.
- Rossinskiy S. B. 2021. Dosudebnoye proizvodstvo po ugovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv: monografiya [Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence: monograph]. M., 408 p.
- Rossinskiy S. B. 2025. Sushchnost' issledovaniya dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve [The essence of the examination of evidence in criminal proceedings]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 20(2): 291-311.
- Sinyakova M. V. 2007. Pis'mennyye dokazatel'stva v grazhdanskom I arbitrazhnom protsessakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk [Written evidence in civil and arbitration proceedings: Abstract of a PhD thesis]. M., 32 p.
- Ozhegov S. I. 2011. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]: Ok. 53 000 slov / Pod obshch. red. prof. L. I. Skvortsova. 24th ed., ispr. M., OOO «Izdatel'stvo Oniks», OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 1200 p.
- Sycheva O. A. 2014. Oshibki v protsesse sudebnogo issledovaniya dokazatel'stv: ponyatie, vidy, prichiny, profilaktika [Errors in the process of forensic examination of evidence: concept, types, causes, prevention]. *Rossiyskiy sud'ya*, Vol. 4: 31-34.
- Sheifer S. A., Nikolaeva K. A. 2016. K voprosu o strukture dokazyvaniya [On the issue of the structure of evidence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, Vol. 2 (20): 82-87. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/20/10>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.02.2026

Поступила после рецензирования 26.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Received February 4, 2026

Revised February 26, 2026

Accepted March 2, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Логвинец Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Elena A. Logvinets, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor lecturer of the Forensic Inquiry and Criminalistics Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Каторгина Наталья Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Natalia P. Katorgina, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Forensic Inquiry and Criminalistics Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Судникова Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Natalya Yu. Sudnikova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Forensic Inquiry and Criminalistics Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 342.9
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137
EDN JMBOWX

Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика

Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены изменения, принятые в федеральном законе от 22 июля 2025 года «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Так, в КоАП РФ появляется статья 13.53 как инструмент административного контроля за умышленным поиском и получением доступа к информации, признанной экстремистской. Авторы рассматривают правовую природу данного состава правонарушения. Особое внимание уделено практике привлечения к ответственности за доступ к запрещённой информации с использованием программно-аппаратных средств (VPN, Tor, прокси). Выявлены риски произвольного правоприменения и подмены умысла техническими признаками, установлена правовая неопределённость разграничения случайного и осознанного доступа. В контексте философско-правового анализа показано, что современная практика регулирования экстремистского контента порой вступает в противоречие с конституционными принципами свободы мысли и информации. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и правовых позиций Конституционного Суда РФ сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования. Сделан вывод о необходимости переосмысления подхода к оценке информационного поведения личности в условиях цифровизации и защиты правопорядка, основанной на принципах индивидуализации ответственности, правовой определённости и пропорциональности.

Ключевые слова: экстремистские материалы, информационная безопасность, VPN, цифровая среда, статья 13.53 КоАП РФ, субъективная сторона, умысел, свобода информации, правоприменение, правовой анализ

Для цитирования: Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В. 2026. Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 129–137. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137 EDN: JMBOWX

Problems of Legal Regulation of Countering the Spread of Extremist Materials in Information and Telecommunication Networks: Theoretical Aspect and Law Enforcement Practice

Alexey V. Rimsky, Oleg A. Dizer, Andrey V. Kuznetsov

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
alex.rimskiy@yandex.ru, dizer77@mail.ru, kuzandr@mail.ru

Abstract. The article presents a comprehensive legal and philosophical analysis of the regulation of access to extremist materials in the digital environment. The focus is placed on Article 13.53 of the Code

of Administrative Offenses of the Russian Federation, which establishes administrative liability for deliberate search for and access to information classified as extremist. The authors explore the legal nature of the offense in question, emphasizing the ambiguity of the term “knowingly”, the difficulties of proving intent, and the risks of broad interpretation of digital behavior. Special attention is given to the issues of accessing restricted content via technical tools such as VPN, Tor, and proxy servers. The study identifies risks of arbitrary enforcement and substitution of subjective intent with objective technical indicators. The lack of a clear distinction between accidental and intentional access is highlighted as a critical legal gap. From a philosophical and legal perspective, the article demonstrates that current enforcement practices concerning extremist content may conflict with constitutional principles of freedom of thought and information. Based on the analysis of legislation, judicial practice, and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the authors formulate proposals for legislative improvement. The study concludes that effective counteraction to extremism in the digital environment must be based on the principles of legal certainty, individualized liability, and proportionality, ensuring a proper balance between public security and individual informational autonomy.

Keywords: extremist materials, information security, VPN, digital environment, Article 13.53 of the Code of Administrative Offenses, subjective element, intent, freedom of information, law enforcement, legal analysis

For citation: Rimsky A.V., Dizer O.A, Kuznetsov A.V. 2026. Problems of Legal Regulation of Countering the Spread of Extremist Materials in Information and Telecommunication Networks: Theoretical Aspect and Law Enforcement Practice. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 129–137 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137 EDN: JMBOWX

Введение

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» стал ключевым правовым актом, направленным на формирование системы нормативных барьеров против распространения идей, способных разрушить основы конституционного строя Российской Федерации. В п. 3 ст. 1 закона даётся следующее определение: «экстремистские материалы — это документы или информация на ином носителе, предназначенные для распространения и содержащие признаки экстремизма»¹. Однако при всей внешней завершенности этого определения его юридическая природа остаётся проблемной и концептуально неопределённой. Прежде всего, в указанной норме отсутствует конкретизация признаков, отличающих экстремизм от иных видов общественно опасной либо критической информации. Законодатель отсылает к обобщённому понятию «признаки экстремизма», при этом не раскрывая, каким образом материалы, содержащие, к примеру, критику власти, попадают под квалификацию как экстремистские. Следствием подобной неопределённости становится чрезвычайно широкое усмотрение органов правоприменения. Это даёт основание говорить о возможном конфликте между требованиями правовой определённости и принципами борьбы с идеологическим насилием. Как подчёркивал С.В. Новиков: «Определения, допускающие политическую интерпретацию правовых норм, неизбежно ведут к деформации справедливости в пользу репрессивного подхода» [Новиков, 2018].

Парадокс заключается в том, что экстремистскими в России могут быть признаны не только произведения, содержащие прямые призывы к насилию или нарушению прав других лиц, но и тексты, намеренно или ненамеренно трактуемые как угрожающие основам государственности, независимо от реального общественного вреда. В этой связи правоприменение зачастую исходит не из объективных критериев, а из идеологической чувствительности контекста, в котором функционирует тот или иной материал. Необходимо также отметить, что в современной правовой доктрине всё активнее

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

поднимается вопрос о соотношении экстремистских материалов и права на свободу выражения мнений, гарантированного ст. 29 Конституции РФ. В частности, профессор А.И. Ковлер указывает, что: «При квалификации информации как экстремистской необходимо учитывать контекст, цели автора и отсутствие прямой угрозы общественному порядку. Без этого любое несогласие может быть криминализировано» [Ковлер, 2020].

Особую сложность представляет интерпретация признака «предназначенности для распространения», поскольку зачастую экстремистскими признаются материалы, не предназначенные для публичного доступа, например, переписка в мессенджерах, закрытые интернет-форумы или личные файлы. Здесь нарушается принцип интерпретации в пользу лица, установленный п. 3 ст. 1.5 КоАП РФ и ст. 3 УК РФ. Кроме того, включение информации в федеральный список экстремистских материалов осуществляется судами общей юрисдикции, нередко в отсутствие широкой экспертной дискуссии и без правового анализа воздействия материала на общество. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, «ограничение прав должно осуществляться строго на основе закона, быть необходимым и соразмерным»¹ (Постановление КС РФ от 30.06.2011 № 16-П).

Правовая природа понятия «экстремистские материалы»

С философско-правовой точки зрения, проблема заключается в столкновении двух моделей легитимности: либеральной (основанной на презумпции свободы) и охранительной (ориентированной на упреждение угроз). В ситуации, когда правовое определение экстремистского материала остаётся неопределённым, государство склонно действовать в рамках превентивной логики, что влечёт риски произвольных ограничений. Как писал Джон Стюарт Милль, «единственным оправданием вмешательства государства в свободу человека может быть предотвращение вреда другим» [Миль, 1994]. Следовательно, правовое определение экстремистских материалов должно быть привязано к критерию реальной угрозы, а не к формальному несоответствию политическому мейнстриму. Таким образом, анализ положений закона № 114-ФЗ и правоприменительной практики показывает, что действующая дефиниция экстремистских материалов требует нормативного переосмысления и уточнения, исходя из баланса между свободой выражения и необходимостью защиты общества от реальных угроз.

Проблематика правовой природы экстремистских материалов в российском законодательстве актуализируется не только в контексте борьбы с деструктивной идеологией, но и с позиций соблюдения принципов правовой определённости, соразмерности ограничений и конституционной гарантии свободы мысли и слова. По своей юридической сущности экстремистский материал — это информационный объект, которому в силу содержания и цели приписывается способность провоцировать действия, направленные против основ правопорядка, безопасности государства или международного мира. При этом необходимо разграничивать информацию как нейтральную категорию и экстремистский материал как результат её нормативной квалификации, предполагающей наличие совокупности правовых признаков. Только их совместное присутствие позволяет наделить ту или иную информацию статусом экстремистской, что влечёт наступление юридических последствий (запрет, блокировка, включение в Федеральный список экстремистских материалов, привлечение к административной либо уголовной ответственности).

Системно-правовой анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие ключевые признаки экстремистских материалов:

1. Наличие содержания, подпадающего под признаки экстремизма, то есть пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности человека по признаку

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 28. Ст. 4298.

национальности, расы, религии, призывы к насилию, вооружённому восстанию, насильственному изменению конституционного строя и т.д. Эти признаки определены в п. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ.

2. Целенаправленность распространения — под экстремистскими понимаются только те материалы, которые предназначены для распространения, а не остаются в сфере личной или внутренней коммуникации. Это создаёт важную грань между свободным выражением мнения и общественно опасной агитацией. Однако на практике это различие часто игнорируется: например, суды признают экстремистскими личные переписки в мессенджерах, не анализируя контекст и намерения автора.

3. Формальная публикация или публичный доступ – распространение через интернет, мессенджеры, соцсети, книги, листовки и иные формы, позволяющие неограниченному кругу лиц ознакомиться с содержанием.

Установление признаков по результатам судебного решения – включение материала в Федеральный список экстремистских материалов возможно исключительно по результатам решения суда, вступившего в законную силу. Однако нередко такие решения принимаются без достаточной экспертизы или без уведомления автора, что вызывает обоснованную критику правозащитного сообщества. Характерным примером неопределённости признаков может служить дело о признании экстремистской информацией сатирических мемов или религиозной критики. В ряде случаев суды не проводят анализа направленности материала, ограничиваясь поверхностным лингвистическим заключением. Как справедливо отмечает В.В. Четвернин: «Юридическая квалификация информации как экстремистской требует не только формального соответствия фраз правовой норме, но и учёта контекста, цели, общественного резонанса, а также вероятности наступления вредных последствий» [Четвернин, 2021].

Правовая природа экстремистского материала – высокой степени конструкта, поскольку речь идёт не о физически опасном объекте, а о семиотически опасном значении, создающем социальную напряжённость либо идеологическое давление. В этом контексте возникает правовая дилемма, как совместить необходимость охраны общественного порядка и недопущения вражды с фундаментальным принципом свободы выражения мнений? Юрико-философское осмысление даёт понимание, что не любое «опасное» высказывание может быть основанием для запрета, если оно не сопровождается реальной угрозой. В постановлении по делу «Сюрэн и Юттю против Турции» Европейский суд по правам человека отметил, что: «Высказывания, даже если они воспринимаются как провокационные или резко критикующие государственные институты, не должны рассматриваться как подстрекательство к насилию, если отсутствует контекст реальной угрозы»¹.

Таким образом, правовая природа экстремистских материалов — это не статическая категория, а правовой статус, присваиваемый информационному объекту по совокупности формальных и содержательных характеристик, которые, в идеале, должны быть установлены в рамках объективного, состязательного и научно обоснованного судебного разбирательства. В противном случае возникает риск легитимации произвольного ограничения информационного пространства, что влечёт подрыв конституционных прав и правовой определённости.

Разграничение понятий «экстремистская деятельность» и «допустимый радикализм»

Одним из ключевых вопросов, вызывающих напряжённость как в правоприменении, так и в теоретико-правовой плоскости, остаётся проблема разграничения экстремистской

¹ Европейский суд по правам человека. Дело «Sürek and Özdemir v. Turkey» (1999), жалоба № 23927/94.

деятельности и допустимого радикализма. Несмотря на то, что оба явления могут выражаться в форме резкой критики политических институтов, религиозных учений, социальных норм и доминирующих ценностей, юридическая квалификация их последствий и правовой статус диаметрально противоположны.

Экстремизм, как он определён в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ, представляет собой действия, направленные на подрыв основ государственности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной вражды, нарушение прав и свобод граждан, а также публичные призывы к осуществлению таких действий. Таким образом, в экстремистской деятельности всегда заложен элемент деструктивного воздействия на институты публичной власти, права личности либо общественный порядок. В то же время радикализм в юридическом смысле не является правонарушением, если он не сопровождается призывами к насилию или действиям, влекущим правовые последствия. Он может выражаться в форме альтернативных политических, экономических или культурных предложений, выходящих за рамки устоявшегося общественного дискурса. В этой связи радикализм – проявление гражданской активности, подчас предельно острой, но укладывающейся в рамки правомерного выражения позиции. Как подчёркивал И.А. Ильин, «право не может запрещать мысль, ибо мысль есть акт внутренней свободы. Только тогда, когда мысль воплощается в разрушительное действие – физическое или юридическое – она становится объектом права» [Ильин, 2006].

На международном уровне разграничение экстремизма и радикализма последовательно проводится Европейским судом по правам человека. В решении по делу «Эрджеп против Франции» (Erdogdu and Ince v. France, 1999), ЕСПЧ указал: «Государства обязаны проявлять особую осторожность при ограничении радикальных мнений, если только такие мнения не сопровождаются прямым подстрекательством к противоправным действиям или насилию»¹. Таким образом, критически важным критерием является направленность высказываний: допустимый радикализм не содержит элементов разжигания вражды, призывов к нарушению закона или насильственному изменению конституционного строя. Он может быть резким, неудобным, политически оппозиционным, но правомерным.

Следует отметить, что в современной судебной практике граница между экстремизмом и радикализмом нередко размывается, особенно в контексте оценки материалов в сети «Интернет». Например, в деле № 12-259/2022 (Верховный суд республики Коми, 2022)² пользователь был привлечён к административной ответственности за репост текста, содержащего радикальную политическую риторику, несмотря на отсутствие прямых призывов к действиям. Суд сослался на «общественную опасность мнения», тем самым приравняв выражение идеи к действию, что противоречит принципу правовой определённости. С философско-правовой точки зрения подобные прецеденты означают угасание презумпции добросовестности гражданина, когда государство исходит из презумпции подозрительности всякого инакомыслия. Между тем, как указывал Джон Стюарт Миль: «Если подавлять всякое радикальное суждение на том основании, что оно может быть неверным или опасным, мы лишаем общество возможности проверить свою собственную правоту» [Миль, 1994]. Для законодателя и правоприменителя критически важно сохранять тонкое правовое различие между экстремизмом как формой агрессии и радикализмом как формой альтернативного взгляда. Только в этом случае правовая система будет выполнять свою функцию защиты свободы и предотвращения насилия без перехода к цензурному подавлению инакомыслия. Одной из ключевых инстанций, формирующих подход к балансу между свободой выражения

¹ Европейский суд по правам человека. Дело «Erdogdu and Ince v. France» (жалоба № 23144/93), решение от 08.07.1999.

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 16.12.2022 по делу № 12-259/2022.

мнения и необходимостью защиты от экстремизма, выступает Конституционный Суд Российской Федерации. Его практика играет концептуально важную роль в правовом осмыслении границ допустимого публичного высказывания, особенно в условиях действия Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В решениях КС РФ прослеживается установка на поддержание разумного баланса между интересами общества и правами личности, с подчёркиванием того, что любое ограничение должно отвечать критериям законности, необходимости и соразмерности. В Постановлении от 30.06.2011 № 16-П Суд указал, что: «Ограничение свободы мысли и слова допустимо лишь при наличии прямой угрозы основам конституционного строя, морали, здоровья, прав и законных интересов других лиц, и только в объёме, необходимом для достижения этих целей»¹. Этот подход является реализацией принципов, содержащихся в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако в ряде случаев, особенно в делах, касающихся информационных ресурсов в сети Интернет, суд оказывается в ситуации правовой неопределённости — что именно следует считать экстремистским выражением, а что — критической позицией или радикальной идеей в рамках легального поля. Особое внимание заслуживает Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1073-О, в котором подчёркивается: «Неопределённость понятий, используемых в антиэкстремистском законодательстве, может привести к расширительному толкованию и нарушению принципа правовой определённости, установленного в ст. 1 Конституции РФ как признак правового государства»².

Таким образом, Конституционный Суд прямо указывает на опасность размытости дефиниций и их применения к материалам, не несущим очевидной общественной опасности. Более того, Суд неоднократно подчёркивал важность учёта контекста и цели выражения мнения, что особенно важно в сфере анализа текстов, публикуемых в СМИ, блогах и социальных сетях.

В Определении от 19.05.2015 № 1005-О Конституционный Суд указал: «Свобода выражения мнения предполагает не только свободу содержания, но и свободу формы высказывания, в том числе – иронии, сарказма, преувеличения. Использование эмоционально окрашенных средств выражения само по себе не свидетельствует о наличии признаков экстремизма»³. Эти выводы подтверждают, что эмоциональность или резкость мнения не может служить основанием для признания его противоправным, если отсутствуют чёткие признаки подстрекательства, унижения достоинства или призывов к насилию. Иначе, как отмечает С.А. Авакьян, «правовая система перестаёт быть щитом гражданской свободы и превращается в инструмент идеологического фильтра» [Авакьян, 2019]. Однако стоит признать, что несмотря на достаточно взвешенные подходы Конституционного Суда, общие суды нередко игнорируют эту практику, опираясь исключительно на формальные признаки (например, наличие слова из запрещённого перечня или ссылку на сайт, внесённый в чёрный список Роскомнадзора). Как следствие, возникает дефект правоприменения, при котором нормы, имеющие репрессивный потенциал, применяются без должной интерпретации в соответствии с конституционно-правовыми установками. Такой подход приводит к рестриктивной практике, не отвечающей принципу соразмерности и создающей *chilling effect* — эффект сдерживания законной критики. Таким образом, анализ судебной практики Конституционного Суда РФ свидетельствует о наличии правового ресурса для гуманизации антиэкстремистского

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 28. Ст. 4298.

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1073-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 8

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2015 № 1005-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

законодательства, однако эффективное использование этого ресурса требует: институционализации ссылок на правовые позиции КС в решениях судов общей юрисдикции; внедрения стандарта «необходимости и адекватности» при оценке информационных рисков; обеспечения обязательной правовой экспертизы при вынесении решений о признании материалов экстремистскими.

Включение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях статьи 13.53 в 2025 году стало важной вехой в развитии правового механизма борьбы с экстремизмом в цифровом пространстве. Впервые объектом административного контроля стало не распространение, а доступ к информации, обладающей экстремистским содержанием, причём не в публичной, а в личной информационной среде.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 13.53 КоАП РФ, включает в себя два юридически значимых действия: умышленный поиск экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет; получение доступа к таким материалам, в том числе с использованием программно-аппаратных средств (VPN, Tor и пр.). При этом критически важно, что правонарушение считается оконченным с момента установления факта умышленного обращения субъекта к заведомо запрещённому ресурсу или материалу, вне зависимости от того, были ли совершены дальнейшие действия (например, сохранение, распространение, репост).

Таким образом, состав по ст. 13.53 КоАП РФ является формальным, то есть не требует наступления вредных последствий — для привлечения к ответственности достаточно установления самого факта доступа к запрещённой информации при наличии умысла. Объектом правонарушения выступают охраняемые законом общественные отношения в сфере информационной безопасности, а также конституционные устои, подверженные риску в результате обращения к экстремистским источникам. Субъект правонарушения — физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, дееспособное и обладающее возможностью осознавать противоправный характер своих действий. Однако сложность выявления субъекта и установления вины в цифровой среде делает применение данной нормы особенно спорным, о чём свидетельствует и практика последних лет.

Наиболее проблемной частью является субъективная сторона, а именно, наличие умысла и заведомости. Заведомость, предполагает, что лицо осознанно знало о противоправности своих действий и понимало, что материал включён в Федеральный список экстремистских материалов (ФСЭМ)¹. Субъективная сторона данного правонарушения содержит выраженный интеллектуальный элемент — знание о статусе информации. В отсутствие доказанного осознания противоправности, квалификация действия как умышленного доступа нарушает принцип вины.

Важно отметить, что статья 13.53 не требует распространения или публичной демонстрации материалов, в отличие от смежной статьи 20.29 КоАП РФ. Это усиливает её репрессивный потенциал: за действия, которые могли быть мотивированы научным, исследовательским или даже бытовым интересом, гражданин несёт ответственность в отсутствие каких-либо наступивших вредных последствий. Кроме того, закон прямо допускает квалификацию деяния при использовании программно-аппаратных средств обхода ограничений (например, VPN), что само по себе не является противоправным. Однако в совокупности с фактом обращения к экстремистским материалам такое использование трактуется как дополнительный маркер умысла.

Это вызывает сомнение с позиций правового государства: ведь применение инструментов анонимизации — это нейтральное техническое действие, используемое, в том числе, в целях защиты персональных данных, при наличии ограниченного доступа к сетям (например, в рамках образовательных или исследовательских нужд). Об этом

¹ Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Минюст России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials>. (дата обращения: 16.10.2025).

справедливо пишет Т.В. Кашанина: «Приравнивание факта применения VPN к признаку вины является нарушением принципа презумпции добросовестности, закреплённого в статье 1.5 КоАП РФ» [Кашанина, 2022]. Статья 13.53 КоАП РФ будет предполагать высокий уровень формализации правонарушения, при этом оставляя широкое пространство для усмотрения правоприменителя, особенно в вопросах доказательства субъективной стороны. Это может вести к произвольной трактовке технических действий, не несущих общественной опасности, как противоправных, что ставит под угрозу информационные права и свободы личности.

Заключение

В своем исследовании мы выявили проблему правовой неопределённости в регулировании доступа к экстремистским материалам в интернете. Предложенная мера введения административной ответственности за поиск и доступ к такому контенту чрезмерно формальна и создаёт предпосылки для произвола. Необходимы точные критерии доказанности умысла, исключение необоснованных обвинений из-за использования технических средств (VPN, Tor) и обязательный контекстный анализ информации. Требуются изменения законодательства, обеспечивающие защиту прав граждан и предотвращение непропорциональных санкций.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2019. Конституционные свободы и пределы их допустимого ограничения в правовом государстве. *Конституционное и муниципальное право*, 1: 89–94.
- Ильин И.А. 2006. О сопротивлении злу силою. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 229 с.
- Кашанина Т.В. 2022. Юридическая ответственность за распространение экстремистских материалов. *Законодательство и экономика*, 4: 55–61.
- Ковлер А.И. 2020. Право на свободу выражения и экстремизм: дилеммы правоприменения. *Конституционное правосудие*, 3: 58–64.
- Милль Дж. С. 1994. О свободе. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 304 с.
- Новиков С.В. 2018. Экстремизм в правовом измерении. М.: Юридическая литература, 248 с.
- Четвернин В.В. 2021. Пределы допустимого: свобода слова и борьба с экстремизмом. М.: Институт права и публичной политики, 168 с.

References

- Avakyan S.A. 2019. Constitutional freedoms and the limits of their permissible restriction in the rule of law. *Constitutional and municipal law*, 1: 89-94. (In Russian).
- Ilyin I.A. 2006. On resisting evil by force. Collected Works: In 10 volumes. M.: Russian Book, 229 p. (In Russian).
- Kashanina T.V. 2022. Legal liability for distribution of extremist material. *Legislation and Economics*, 4: 55-61. (In Russian).
- Kovler A.I. 2020. The right to freedom of expression and extremism: enforcement dilemmas. *Constitutional Justice*, 3: 58-64. (In Russian).
- Mill J.S. 1994. About freedom. Per. from English - M.: Progress, 304 p. (In England).
- Novikov S.V. 2018. Extremism in the legal dimension. M.: Legal literature, 248 p. (In Russian).
- Chetvernin V.V. 2021. Limits: freedom of speech and the fight against extremism. M.: Institute of Law and Public Policy, 168 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.11.2025
Поступила после рецензирования 01.02.2026
Принята к публикации 04.03.2026

Received November 5, 2025
Revised February 1, 2026
Accepted March 4, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Алексей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника института по научной работе, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Кузнецов Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Rimsky, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Research, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.

Andrey V. Kuznetsov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Information and Computer Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.

УДК. 347.9

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-138-147

EDN KYIPHR

О перспективах цифровизации гражданского процесса в Российской Федерации

Яковлев В.И., Шалайкин Р.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

yakovlev_v@bsuedu.ru, shalaykin@bsuedu.ru

Аннотация. Неуклонное развитие и проникновение во все сферы экономики, производства, социальной сферы и государственного управления проявлений высоких технологий и искусственного интеллекта с неизбежностью влечет и обусловленное общей тенденцией внедрение соответствующих алгоритмов в систему отправления правосудия. Общая парадигма цифровизации судопроизводства актуализирует в свою очередь и научную дискуссию, посвященную разностороннему ее исследованию. Цель исследования в сопоставлении активного внедрения в гражданское судопроизводство цифровых технологий с основополагающими началами гражданского процессуального законодательства, закрепленными в том числе и в Конституции России. На материалах исследований указанной проблематики другими авторами показано, что в науке отсутствует общепринятое понимание, как самой цифровизации гражданского процесса, так и ее перспектив, и пределов. Сделаны выводы о том, что замена наделенного от имени государства своими полномочиями судьи вступает в противоречие с рядом принципов гражданского судопроизводства. Полученные результаты вносят вклад в развитие концепции цифровизации судопроизводства и процессуальной доктрины.

Ключевые слова: цифровые технологии, гражданский процесс, искусственный интеллект, электронное судопроизводство, принципы гражданского процесса

Для цитирования: Яковлев В.И., Шалайкин Р.Н. 2026. О перспективах цифровизации гражданского процесса в Российской Федерации. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 138–147. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-138-147 EDN: KYIPHR

On the Prospects of Digitalization of the Civil Procedure in the Russian Federation

Valery I. Yakovlev, Ruslan N. Shalaikin

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

yakovlev_v@bsuedu.ru, shalaykin@bsuedu.ru

Abstract. The relentless development and penetration of high technologies and artificial intelligence into all spheres of the economy, production, social sectors, and government administration inevitably leads to the introduction of corresponding algorithms into the judicial system, driven by a general trend. The overarching paradigm of the digitization of judicial proceedings in turn brings to the forefront a scientific discussion dedicated to its multifaceted study. The aim of this research is to compare the active integration of digital technologies into civil proceedings with the fundamental principles of civil procedural legislation, as enshrined in the Constitution of Russia. Based on studies of this issue by other authors, it has been shown that there is no widely accepted understanding in the academic community

regarding both the digitization of civil processes and its prospects and limitations. Conclusions have been drawn indicating that the replacement of judges, who are endowed with powers on behalf of the state, contradicts several principles of civil proceedings. The results obtained contribute to the development of the concept of digitization in judicial processes and procedural doctrine.

Keywords: digital technologies, civil procedure, artificial intelligence, electronic legal proceedings, principles of civil procedure

For citation: Yakovlev V.E., Shalaykin R.N. 2026. On the Prospects of Digitalization of the Civil Procedure in the Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 138–147 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-138-147 EDN: KYIPHR

Введение

Влияние глобализации цифровых систем в современном обществе на экономическую и правовую системы отмечается в работах многих исследователей [Левушкин, Тюлин, 2021, с. 19].

В целях регламентации упомянутых процессов и обеспечения нашей стране достойного положения в числе государств, внедряющих цифровые технологии, принимаются специальные и вносятся изменения в уже действующие нормативные акты. Из всей их совокупности считаем необходимым упомянуть Модельный закон о цифровой трансформации отраслей промышленности государств - участников СНГ¹, Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², Федеральный закон № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴ в которых, соответственно:

– закрепляются базовые моменты цифровой трансформации промышленности нацеленные на расширение использования цифровых технологий в управлении экономикой в целях существенного роста ее конкурентоспособности;

– определяется обусловленная внедрением цифровизации стратегия научно-технологического развития;

– вносятся регламентирующие отправление правосудия в судах общей юрисдикции, рассматривающих гражданско-правовые споры и административные дела и в арбитражных судах изменения в процессуальное законодательство, направленные на закрепление на законодательном уровне фактически сформировавшейся практики возбуждения производства с использованием электронного документооборота, проведения судебных заседаний в онлайн-формате и т.д.;

– сам искусственный интеллект определяется через информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, использующее методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, позволяющую имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

¹ Модельный закон о цифровой трансформации отраслей промышленности государств - участников СНГ: Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-9 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ <http://cis.minsk.by/> (дата обращения 26.11.2024)

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.06.201

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ // интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2021

⁴ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2019.

Повсеместная цифровизация общественных отношений с неизбежностью влечет проникновение цифровых технологий и в систему отправления правосудия.

В ходе исследования применялись такие методы научного познания, как системный анализ и синтез, формально-логический, юридико-логический, сравнительно-правовой. Формирование выводов основано на использовании контент-анализа, формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Результаты исследования

Прежде всего хотим отметить неоднозначность восприятия юридической наукой самой парадигмы цифровизации. Основываясь на упомянутых выше изменениях в процессуальном законодательстве отдельные авторы акцентируют внимание на установлении единообразия/многообразия цифровой коммуникации участников процесса приводя аргументы pro и contra и применительно к единообразным и в отношении многообразных способов [Незнамов, 2022, с. 48-49], иными словами под цифровизацией понимается использование электронных средств коммуникации субъектов в процессе отправления правосудия. Другие исследователи подчеркивают значимость цифровизации в рамках интеграционных объединений, предусматривающих сближение законодательного регулирования, обеспечение сопряжения национальных информационных систем различных межгосударственных союзов [Брановицкий, Незнамов, Ренц, 2021], что безусловно сверхважно, т.к. обеспечивает не только предусмотренное международными соглашениями взаимное признание и исполнение вынесенных судебных постановлений, но и взаимное проникновение правоохранительных систем. Присутствует и максимальное упрощение цифровизации до видео-конференц-связи и веб-конференций при проведении которых автор считает основной проблемой обеспечение безопасности и достоверности предоставляемых и используемых данных [Гаврюшов, 2023, с. 41]. Все отмеченные позиции объединяет концентрация их авторов на специально выделенных и очень узких аспектах связанной с цифровизацией процессуальных правоотношений проблематики.

Более фундаментально цифровизация процесса рассматривается в диссертационном исследовании Е.П. Русаковой предложившей авторское определение интернет-суда, как имеющего специальную компетенцию государственного суда процедура в котором осуществляется полностью в электронном виде и с помощью искусственного интеллекта [Русакова, 2022, с. 14]. При этом автор признает, что организация и основополагающие принципы деятельности этих судов отличаются от общего понимания правосудия, как особого вида государственной деятельности и определяет правовую природу предложенных судов как двойственную сочетающую в себе особенности публично-правового и частно-правового компонентов.

Вместе с тем, принимая во внимание неоднородность охватываемых цифровизацией явлений, в доктрине предпринимаются попытки их систематизации. Так С.В. Романенкова предлагает различать электронное правосудие в узком и широком смыслах, относя к широкому – совокупность различных автоматизированных информационных систем – сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к материалам «электронного дела». В узком смысле автор воспринимает «электронное правосудие», как возможности участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса [Романенкова, 2013, с. 27]. Фактически и узкое и широкое авторское понимание «электронного правосудия» концентрируется в рамках некоего вспомогательного обеспечения деятельности суда и других участников процесса, направленного на диверсификацию путей совершения процессуальных действий использованием информационных систем.

Намного более глубокой представляется дифференциация, предложенная авторами посвященной цифровым технологиям в гражданском и административном судопро-

изводстве монографии где применяемые в сфере защиты права цифровые технологии, предлагается разграничить по двум направлениям использования, названным «сервисным» и «замещающим». *Сервисное* направление не преследует в качестве цели замещение суда, а направлено на оказание помощи суду и заинтересованным лицам. *Замещающие технологии* сконцентрированы на передаче функций человека судьи по рассмотрению и разрешению спора по существу компьютеру [Самсонова, Стрельцова, Чайкина и др., 2022, с. 36].

Отсутствие единого категориального аппарата в действительности представляет собой существенную проблему, порождающую не только разногласия в концептуальном восприятии цифровизации различными авторами, но и нередко в рамках одной публикации авторы в начале характеризуют информационно-коммуникационные технологии, как вспомогательные, обеспечивающие большую доступность правосудия электронный документооборот, доступность оцифрованных судебных постановлений и т. д., а в последующем говорят об обогащении электронного правосудия цифровыми технологиями и переходе к использованию искусственного интеллекта на всех этапах судебной деятельности [Гриценко, Ялунер, 2020, с. 99, 105].

Подводя промежуточный итог рассмотрения безусловно значимых и имеющих теоретическую и практическую ценность позиций процитированных авторов хотим оговориться, что применительно к концепции цифровизации гражданского процесса воспринимаем как ошибочную, позицию локализирующую внедрение в гражданское судопроизводство цифровых технологий исключительно сервисными элементами в виде оцифровывания документооборота, использования дистанционного способа возбуждения производства или отправления правосудия посредством видеоконференций.

Мы придерживаемся мнения согласно которому цифровизация судопроизводства в целом и гражданского процесса в частности представляет собой внедрение основанной на ресурсах искусственного интеллекта алгоритмизации рассмотрения и разрешения находящихся в производстве дел с вынесением по ним итогового судебного акта. Именно такая парадигма цифрового судопроизводства закрепляется в Европейской этической хартии о применении искусственного интеллекта в судебных системах¹ и получила свое практическое воплощение в судопроизводстве Сингапура, Китая [Решетняк, 2012, с. 21] и ряда других государств. При этом, характер разрешаемых таким путем дел, как отмечается исследователями [Брановицкий, 2019, с. 4] соответствует закреплённому гл. 11 ГПК РФ² приказному производству, предполагающему вынесение акта об удовлетворении одного из непосредственно перечисленных в законе бесспорных требований заявителя и исключающего непосредственное рассмотрение спора о праве.

Действительно, использование программного обеспечения, включающего в том числе и имитацию когнитивных способностей человека, обуславливается спецификой электронно-программируемого процесса интерпретации полученных данных в котором первоначальные функции оператора заключаются в некоем «обучении» системы соответствующим образом обрабатывать получаемые данные и экстраполировать спрогнозированные результаты. Сгенерированный таким способом акт при отсутствии допущенных в процессе программирования, «обучения», на этапе подготовки и внедрения, а в последующем «загрузки» изменяющихся сведений о «рассматриваемых» делах ошибок объективно будет содержать в себе конечный результат «заменяющий» действия судьи выносящего судебный приказ. При этом поступившие в соответствии со ст. 129 ГПК РФ возражения должника, направленные на отмену судебного приказа должны рассматриваться с непосредственным участием судьи.

¹ CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence (AI) in judicial systems and their environment. <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment>.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.06.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532

Совершенно иной процессуальная деятельность представляется при направленном на разрешение спора о праве процессе, предполагающем активную, руководящую роль судьи при осуществлении правосудия, где предполагается совокупная, основанная на личной убежденности оценка представленных доказательств и вынесение на ее основе мотивированного акта. Однако и в том и другом случае мы имеем дело с основанной на выработанных в результате длительной истории совершенствования системы правосудия и нормативно закрепленных принципах основополагающей публично-властной функцией – реализацией судебной власти.

Перспективы цифровизации и реализация конституционных основ осуществления правосудия

Обеспечение осуществления правосудия представляет собой реализацию одной из функций государственной власти, которая в соответствии со ст. 10 Конституции РФ¹ отправляется самостоятельным органом – судебной властью. Говоря о национальной модели правосудия исследователи [Лебедев, 2023, с. 104] отмечают, что научная доктрина определяет ее, как совокупность способов организации и принципов осуществления судами деятельности по рассмотрению и разрешению материально-правовых споров, установлению правоотношений сторон, восстановлению нарушенных и оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Мы полностью солидарны с позицией авторов, согласно которой правосудие есть форма осуществления судебной власти, которая во взаимосвязи с законодательной и исполнительной объективирует государственную власть в Российской Федерации [Абушенко, Брановицкий, Загайнова и др., 2021, с. 28].

Судебная государственная власть реализуется, основываясь на ряде конституционных принципов среди которых в контексте нашего исследования считаем необходимым обратить внимание на такие, как отправление правосудия только судом и независимость судей. Реализация принципа осуществления правосудия только судом в рамках своего развития предполагает, во-первых, формирование обусловленной особенностями территориального устройства государства и предмета разрешаемых дел судебной системы. Во-вторых, отправление правосудия представляет собой в том числе и проявление суверенитета государства в отношении определенной территории. Независимость судей, означающая их подчинение в процессе отправления правосудия только закону истолковывая и интерпретируя его предписания применительно к специфике рассматриваемого производства предполагает наличие у них необходимого уровня знаний в сфере юриспруденции и опыта в правоприменительной деятельности.

Значимость ошибочного толкования норм права признается прямым указанием закона в качестве одной из форм неправильного применения закона, влекущим в качестве последствия отмену неправосудного судебного акта.

Попытаемся теперь дать однозначные ответы на вопросы о том насколько будет соответствовать цифровизация судопроизводства в том смысле, который мы выше предложили вкладывать в указанное понятие выделенным нами принципам. Являющийся базовым для судебной власти принцип осуществления правосудия только судом в контексте цифровизации процесса, по нашему мнению, не будет нарушен. Следует отметить, что на современном этапе формирование цифровизированных судебных органов вступает в противоречие и с положениями Конституции и с конституционным законом «О судебной системе в Российской Федерации»² не предусматривающими ни такой формы отправления правосудия, ни места таких судебных органов в судебной

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. ст. 1

системе. В тоже время при наличии соответствующей политической государственной воли путем закрепления соответствующих изменений в действующее законодательство указанное несоответствие может быть устранено. В качестве подтверждающих аргументов отмечаем присутствие у государства полномочий в формировании по своему усмотрению структуры входящих в судебную систему судебных органов.

Представляется, что с независимостью судей далеко не все так однозначно. Независимость судей предписывается на уровне высших законодательных актов и обеспечивается рядом экономических, социальных, законодательных и прочих гарантий.

Содержание независимости заключается в подчинении в процессе реализации юрисдикционной деятельности судьи и суда только основанному на Конституции РФ действующему законодательству независимо от чьей-либо воли. Фактически независимость находится в прямой связи с реализацией, закрепленной на нормативном уровне процедуры приобретения статуса судьи.

Очевидно, что разрешающие на основе заложенного программного алгоритма дела по существу электронно-вычислительные машины не приобретут в установленном порядке статуса судьи. В то же время остается открытым вопрос – насколько они будут независимы? В первом приближении их независимость несомненна – электронный алгоритм лишен любых собственных интересов и как следствие отсутствуют инструменты воздействия основанные на перспективе их удовлетворения.

Более углубленный подход учитывающий, что процессы программирования алгоритмов, закладывания исходных данных для «обучения» и наличие возможности контроля пользователем закрепленной в качестве одного из принципов, предусмотренных уже упоминавшейся Европейской этической хартией о применении искусственного интеллекта в судебных системах дает основание усомниться в отсутствии заинтересованного воздействия. Указанное воздействие может быть реализовано как непосредственно со стороны прямых разработчиков «софта» цифрового правосудия, как установленной возможности контроля и оперативного внесения дополнений, связанных с изменением действующего законодательства, так и со стороны разработчиков «базового программного обеспечения». Наверняка каждый имел возможность самостоятельно отметить обилие «таргетированной» рекламы получаемой пользователем, проявившим интерес к любому контенту в Интернет. Таким образом можно утверждать, что независимость цифрового правосудия находится в прямой взаимосвязи с обеспеченностью цифровой безопасности соответствующих систем.

Соотношение цифровизации с принципами гражданского процесса

Система принципов гражданского процесса формировалась десятилетиями, вбирая в себя все прогрессивные достижения юридической науки и правоприменительной практики. Считаем, что для всех является аксиомой значимость для объективного доверия к судебной системе тех основополагающих начал на которых базируется юрисдикционная деятельность.

Перевод системы гражданского судопроизводства в цифровой формат очевидно в разной степени отразится на непосредственно закрепленных законодательно и выделяемых из имманентного восприятия содержания правовых норм основных его началах. Так, например, принципы осуществления правосудия в разумный срок, обязательности судебных постановлений, эвентуальности и диспозитивности не будут дискриминированы в результате рассмотрения гражданских дел судьей роботом. Более того исполнение предписания о соблюдении разумных сроков осуществления правосудия даже упростится вследствие отсутствия влияния особенностей человеческого участия исключив периоды нетрудоспособности, отдыха и т.п. В то же время вызывает сомнения возможность обеспечения реализации таких принципов, как гласность судебного разбирательства, непосредственность судебного разбирательства, сочетание устности и

письменности гражданского процесса, достижения судебной истины, языка судебного разбирательства и др. Учитывая рамки публикации, мы не ставим целей ни полного исследования соотношения реализации всех принципов гражданского процесса, ни подробного рассмотрения существующих на наш взгляд проблем.

Гласность судебного разбирательства прямо закрепляется в ст. 10 ГПК РФ и предписывает открытость судебного разбирательства, устанавливая, что в закрытых процессах дела могут рассматриваться при условии присутствия сведений составляющих государственную тайну, тайну усыновления, в случаях, предусмотренных законом или по ходатайству лица ссылающегося на необходимость сохранения охраняемых законом сведений или иные обстоятельства гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела.

С одной стороны, гласность обеспечивается возможностью присутствия при судебном разбирательстве лиц, не принимающих в нем участия, с другой размещением информации о результатах рассмотрения дела в единой базе судебных постановлений. Очевидно, что один из составляющих гласность разбирательства элементов при разрешении спора в цифровом формате, а именно возможность присутствия в судебном заседании будет либо полностью исключена, либо в случае предоставления такой технической возможности всем желающим через проведение «суда-онлайн» сведена к фарсу по причине сложностей с обеспечением надлежащего порядка в судебном заседании. Непосредственность судебного разбирательства предполагает, что суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными и осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видео.

Существующие, а вероятно и прогнозируемые возможности вычислительной техники, имитирующей когнитивные способности человека сталкиваются с проблемами распознавания эмоционального окраса человеческой речи и поведения в результате чего имеется вероятность не соответствующих истине выводов. При этом, как отмечает П.Н. Бирюков в зарубежной практике решения выносятся судом на основе предсказаний, при недостаточной доказательственной базе [Бирюков, 2019, с. 81]. Очевидно, что ресурсы искусственного интеллекта с максимальной точностью предоставляют результаты обработки именно большого объема данных. Однако, в каждом конкретном процессе присутствует собственный набор данных, подлежащих адекватной оценке в их совокупности и применение определенного алгоритма их интерпретации построенного на уже обработанных машиной сведениях из ранее разрешенных дел допускает вероятную ошибку. Вероятность ошибки в свою очередь актуализирует проблему доверия к правосудию, осуществляемому «сильным ИИ» с полной подменой судьи человека.

В тесной взаимосвязи с непосредственностью находится устность и письменность судебного разбирательства, предполагающая, что стороны и другие участники процесса доводят до сведения суда и лиц, участвующих в деле соответствующую информацию в вербальной форме. Выступления сторон, показания свидетелей, выступления других участников процесса являются доказательствами по делу и фиксируются в протоколе судебного заседания. Общеизвестно, что существуют постоянно совершенствующиеся технические устройства для распознавания человеческой речи и их применение в процессе упростит ведение протокола заседания поскольку автоматически преобразует устную речь в письменный документ. Однако, как мы уже отмечали на отдельные эмоциональные нюансы, которые могут быть восприняты исключительно человеком и повлечь дополнительные и уточняющие вопросы распознаватель голоса внимания не обратит. В итоге под сомнением реализация принципа достижения судебной истины, которая предполагает такое поведение суда в процессе рассмотрения и разрешения дела, которое направлено на установление юридических фактов и оценку доказательств с

соблюдением установленных законом правил, поэтому судебные акты считаются истинными, пока не доказано иное. Представляется присутствие тесной связи судебной истины с обоснованностью вынесенного решения, которая как отмечается в литературе формируется правильным установлением судом всех обстоятельств, имеющих значение для дела, на основе исследования и оценки представленных доказательств. Л.А. Терехова и А.В. Рябусова справедливо отмечают, что, обращаясь в суд и надеясь на справедливость заинтересованное лицо надеется быть выслушанным и услышанным, изложить свои доводы суду, убедить его в своей правоте [Терехова, Рябусова, 2024, с. 76]. Соответственно действующий на основе запрограммированных алгоритмов судья-робот будет оперировать изначально заложенным в основы программирования бинарным кодом фиксируя наличие или отсутствие «ключевого» обстоятельства, а не обосновывая итоговый акт мотивированным принятием или отклонением представленных доказательств в их совокупности. Не вызывающая при первом приближении никаких проблем реализация принципа языка гражданского судопроизводства при учете его содержания предписывающего отправление правосудия на русском как государственном языке РФ или на государственном языке республики в ее составе уже порождает проблему участия в процессе переводчика с функциями которого машинный интеллект с ем же успехом, что и живой человек не справится. Причина заключается не только в том, что в последующем некого будет привлечь к ответственности за неправильный перевод, но и в не воспринимаемых искусственным интеллектом эмоциональных нюансах языка.

Выводы

В результате исследования мы приходим к следующим выводам:

- в качестве цифровизации гражданского процесса надлежит рассматривать именно внедрение цифровых технологий, основанных на искусственном интеллекте непосредственно в рассмотрение и разрешение гражданских дел по существу;
- использование при осуществлении гражданского судопроизводства судьи-робота вступает в противоречие с такими конституционными и отраслевыми принципами гражданского процесса, как: независимость судей, гласность и непосредственность судебного разбирательства, сочетание устности письменности гражданского процесса, достижения судебной истины и объективности судебного разбирательства, языка судебного разбирательства. Выделенные нами противоречия в отличие от также присутствующего несоответствия принципу осуществления правосудия только судом представляются непреодолимыми именно с учетом особенностей самих цифровых технологий имитирующих, но не замещающих мыслительные процессы человека.
- с учетом отмеченного противоречия цифровизации принципам гражданского судопроизводства считаем допустимым применение соответствующих технологий исключительно в узкоспециализированных гражданских делах, исключаящих наличие спора о праве.

Список литературы

- Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Загайнова С.К. и др. 2021. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства; под ред. В.В. Яркова. М., Статут, 460 с.
- Бирюков П. Н. 2019. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт. *Lex russica*, 11 (156): 79–87. DOI.org/ 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087
- Брановицкий К.Л., Незнамов А.В., Ренц И.Г. 2021. Цифровизация гражданского процесса в масштабах интеграционных объединений (на примере ЕАЭС). *Российский юридический журнал*, 6: 77-90. DOI.org/ 10.34076/20713797-2021-6-77
- Брановицкий К.Л. 2019. Соотношение понятий «качество» и «цифровизация правосудия» *Арбитражный и гражданский процесс*, 7: 3-7.
- Гаврюшов Н.Е. 2023. Влияние цифровизации цивилистического процесса на процессуальные права и обязанности государственных органов. *Арбитражный и гражданский процесс*, 9: 40-44. DOI.org/ 10.18572/1812-383X-2023-9-40-44

- Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. 2020. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России. *Сравнительное конституционное обозрение*, 3: 97-129. DOI.org/ 10.21128/1812-7126-2020-3-97-129
- Лебедев В.М. 2023. Научные основы современной российской модели правосудия. *Журнал российского права*, 5: 103-115. DOI.org/ 10.12737/jrp.2023.055.
- Левушкин А.Н., Тюлин А.В. 2021 Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития цифрового права. *Юрист*, 11: 19-24. DOI.org/ 10.18572/1812-3929-2021-11-19-24
- Незнамов А.В. 2022. О подходе к регулированию разнообразия/единообразия цифровых способов процессуальной коммуникации. *Арбитражный и гражданский процесс*, 11: 48-50. DOI.org/ 10.18572/1812-383X-2022-11-48-50
- Решетняк В.И. 2012. Информационные технологии в судебной системе Сингапура. *Информационное право*, 2: 21-24.
- Романенкова С.В. 2013 Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран. *Арбитражный и гражданский процесс*, 4: 26 - 31.
- Русакова Е.П. 2022 Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс», 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» автореф. дисс. докт. юрид. наук. Москва.
- Самсонова М.В., Стрельцова Е.Г., Чайкина А.В. и др. 2022. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы. М., Инфотропик Медиа, 336 с.
- Терехова Л.А., Рябусова А.В. 2024 Требования, предъявляемые к определениям суда, в свете гарантий права на справедливое судебное разбирательство. *Правоприменение*; 8(1): 73-81. DOI.org/10.52468/2542-1514.2024.8 (1).73-81

References

- Abushenko D.B., Branovitsky K.L., Zagainova S.K. i dr. 2021. Actualnye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva [Actual problems of civil and administrative proceedings] ; pod red. V.V. Yarkov. M. Statut, 460 p.
- Biryukov P. N. 2019. Iskusstvenny' intellekt I "predskazannoe pravosudie": zarubezhnyy' opyt [Artificial intelligence and "predicted justice": foreign experience]. *Lex russica*, 11 (156): 79–87. DOI.org/ 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087
- Branovitsky K.L., Neznamov A.V., Rents I.G. 2021. Tsyfrovizatsiya grazhdanskogo protsessa v mashtabah integratsionnyh oby'edineniy' [Digitalization of the civil procedure on the scale of integration associations (on the example of the EAEU)]. *Russiy'skiy' uridicheskiy' zhurnal*, 6: 77– 90. DOI.org/ 10.34076/20713797-2021-6-77
- Branovitsky K.L. 2019. Sootnoshenie poniatiy' "kachestvo" I "tsufrovizatsiya pravosudiya" [The relationship between the concepts of "quality" and "digitalization of justice"]. *Arbitrazhnyy' i grazhdanskiy' process*, 7: 3-7.
- Gavryushov N.E. 2023 Vliyanie tsufrovizatsiyi tsyvilisticheskogo protsessa na protsessyalnye prava i obyazannosti gosydarstvennyh organov [The impact of digitalization of the civil procedure on the procedural rights and obligations of government agencies]. *Arbitrazhnyy' i grazhdanskiy' process*, 9: 40–44. DOI.org/ 10.18572/1812-383 X-2023-9-40-44
- Gritsenko E.V., Yaluner Yu.A. 2020. Pravo na sudebnuyu zashitu i dostup k sudu v usloviyah infomatizatsii i tsufrovizatsiyi: znachenie opyta stran obshego prava dlya Rossii [The right to get judicial protection and access to the court under conditions of informatization and digitalization: the significance of the experience of the countries with common law for Russia]. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*, 3: 97-129. DOI.org/ 10.21128/1812-7126-2020-3-97-129
- Lebedev V.M. 2023. Nauchnye osnovy sovremennoy rossiyskoy modeli pravosudiya [The scientific foundations of the modern Russian model of justice]. *Journal rossiy'skogo prava*, 5: 103-115. DOI.org / 10.12737/jrp.2023.055.

- Levushkin A.N., Tyurin A.V. 2021. Deepfake i sistemy iskusstvennogo intellekta v paradigme razvitiya tsufrovogo prava [Deepfake and artificial intelligence systems in the paradigm of digital law development]. *Yrist*: 19-24. DOI.org/ 10.18572/1812-3929-2021-11-19-24
- Neznamov A.V. 2022. O podhode k regulirovaniu raznoobraziya/odnoobraziya tsufrovyykh sposobov protsessualnoy kommunikatsii [About the approach to regulating the diversity/uniformity of digital methods of procedural communication]. *Arbitrazhnyy' i grazhdanskyy' process*, 11: 48-50. DOI.org/ 10.18572/1812-383X-2022-11-48-50
- Reshetnyak V.I. 2012. Informatsionnye tehnologii v sudebnoy sisteme Singapura [Information technologies in the judicial system of Singapore]. *Informatsionnoe parvo*, 2: 21-24.
- Romanenkova S.V. 2013. Ponyatie elektronnoy pravosudiya, ego genezis I vnedrenie v pravoprimeritelnyy praktiku zarubezhnykh stran [The definition of electronic justice, its genesis and integration into the law application practice of foreign countries]. *Arbitrazhnyy' i grazhdanskyy' process*, 4: 26-31.
- Rusakova E.P. 2022. Vozdeystvie tsufrovizatsiyi na grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Rossii i za rubezhom: opyt Kitaya, Indii, Singapura, Evropeyskogo Soyuzha, SHA, YAR i nekotorykh drugih stran [The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: the experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and some other countries]: specialty 12.00.15 "Civil procedure; arbitration process", 12.00.03 "Civil law; business law; family law; international private law" abstract of the dissertation. ... Doctor of Law Sciences. Moscow.
- Samsonova M.V., Streltsova E.G., Chaikina A.V. and others 2022. Tsyfrovyye tehnologii v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve: praktika, analitika, perspektivy [Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects. Ed. by E.G. Streltsov.] M.: Infotropik Media, p. 336.
- Terekhova L.A., Ryabova A.V. 2024 Trebovaniya, pred'yavlyayemye k opredeleniyam ceda, v svete garantiy prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo [Requirements to court rulings, in the light of guarantees for the right to a fair trial.]. *Pravoprimerenie*, 8(1): 73-81. DOI.org/10.52468/2542-1514.2024.8(1).73-81

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.11.2025

Received November 28, 2025

Поступила после рецензирования 06.02.2026

Revised February 6, 2026

Принята к публикации 05.03.2026

Accepted March 5, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яковлев Валерий Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Valery I. Yakovlev, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Шалайкин Руслан Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Ruslan N. Shalaykin, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 34.01

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157

EDN LBJLW

Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика

Воденко К.В., Баклыкова И.Р.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

vodenkok@mail.ru, Irina211078@yandex.ru

Аннотация. Формирование правовой реальности является сложным и многогранным процессом, обусловленным множеством факторов, среди которых особое место занимают традиционные ценности. Данные ценности, представляющие собой устоявшиеся в обществе моральные, религиозные и этические принципы, в значительной степени определяют содержание правовых норм и институтов, а также влияют на процессы правоприменения и правового сознания. Авторы рассматривают роль традиционных ценностей в формировании и функционировании правовой реальности, анализируют культурно-антропологические аспекты традиционных ценностей, их влияние на правовые нормы и институты. Авторы приходят к выводу, что трудности, возникающие при толковании и внедрении в практику традиционных ценностей, создают значительные барьеры для создания всеобщих стандартов справедливости, способных удовлетворить большинство людей как в пределах одной нации, так и на глобальном уровне.

Ключевые слова: традиционные ценности, правовая культура, нормы права, культурный код, модернизация

Для цитирования: Воденко К.В., Баклыкова И.Р. 2026. Традиционные ценности в структуре правовой реальности: культурно-антропологические аспекты и социокультурная динамика. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 148–157. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157 EDN: LBJLW

Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics

Konstantin V. Vodenko, Irina R. Baklykova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)

132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428, Russian Federation

vodenkok@mail.ru, Irina211078@yandex.ru

Abstract. The formation of legal reality is a complex and multifaceted process driven by many factors, among which traditional values occupy a special place. These values, which represent well-established moral, religious and ethical principles in society, largely determine the content of legal norms and institutions, as well as influence the processes of law enforcement and legal consciousness. The authors consider the role of traditional values in the formation and functioning of legal reality, analyze the

cultural and anthropological aspects of traditional values, their impact on legal norms and institutions. The study shows that the difficulties encountered in interpreting and implementing traditional values create significant barriers to creating universal standards of justice that can satisfy the majority of people both within one nation and at the global level.

Keywords: traditional values, legal culture, legal norms, cultural code, modernization

For citation: Vodenko K.V., Baklykova I.R. 2026. Traditional Values in the Structure of Legal Reality: Cultural and Anthropological Aspects and Socio-Cultural Dynamics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 148–157 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-148-157 EDN LBJLWTW

Введение

Традиционные ценности в их связи с правовой реальностью не могут рассматриваться в качестве своего рода полностью неизменных сущностей, которые не могут трансформироваться под воздействием актуального социокультурного контекста. Таким образом, не стоит отрицать, что в результате развития социума возможна даже переоценка ценностей, способная, однако, привести и к консервативному повороту [Денисова, Сериков, 2017]. Тем не менее даже самые ярые консерваторы могут в других вопросах быть очень прогрессивными, в особенности, когда речь идет, например, об использовании инновационных технологий. Поэтому, рассуждая о традиционных ценностях, необходимо учитывать принцип селективности, значимый для любой культурной традиции.

Таким образом, на практике оказывается, что традиционные ценности могут трансформироваться в результате сдвигов, происходящих в контексте глобальных социокультурных изменений. Очевидно, что человек, являясь существом творческим, способен преобразовать вокруг себя реальность, в том числе и сами ценности. В данной связи само творчество необходимым образом предполагает наличие исходных как традиционных, так и инновационных компонентов культуры. Более того, даже художник-новатор в творчестве («модернист», «авангардист») может в повседневной жизни напротив руководствоваться исключительно консервативными установками и действовать, исходя из традиционных ценностей [Костина, 2010].

Оказывается, что традиционные ценности носят биоэтический характер и зачастую связаны напрямую с процессами жизни современного человека, которой придается специфический статус, особенно в отличие от жизней других существ, не наделенных разумом. Таким образом, сама ценность человеческой жизни пользуется приоритетом в обсуждении основных (моральных) проблем биоэтики. Поэтому следует говорить о том, что именно традиционные ценности предохраняют социум от морально-этического разложения. При этом необходимо учитывать, что изменения традиционных ценностей происходит как правило достаточно медленно, в особенности если сравнивать их с ценностями, обусловленными экономическими успехами, развитием науки и техники, а также выгодным реформированием институтов и структуры социума. Вместе с тем, риски, связанные с креном цивилизации в направлении техногенного развития и усилением симптомов глобального экологического кризиса, вновь актуализировали дискуссию о роли традиционных ценностей в политике и практиках управления [Черкашин, 2021]. В данной связи особую значимость также приобретают дискуссии, в которых выявляются противоречия между традиционными ценностями и нормами современного права.

Право и справедливость в фокусе традиционных ценностей

Стоит учитывать, что на практике осуществление справедливости как, впрочем, и само его понимание, на протяжении истории как всего человечества, так и отдельных культур, могло существенно отличаться от официально принятых юридических норм.

К тому же требования представителей власти и господствующего класса далеко не всегда соответствуют пониманию простых граждан (или подданных) о справедливости [Борщевский, 2023]. Например, в Российской империи периода до начала Великих реформ крепостное право вряд ли признавалось справедливым явлением, причем даже в высших сословиях, несмотря на свой официально признанный юридический статус.

Тем не менее общий культурный уровень в сочетании с бытовой этикой зачастую позволяют сглаживать противоречия, возникающие между пониманием справедливости и формальным правом, в том числе при помощи принципов религиозной морали. Вместе с тем, кризис религии в качестве социально-правового института последних лет негативно отразился на способности использовать религиозные нормы и правила в целях сглаживания противоречий между правом и справедливостью. Сложившаяся ситуация во многом связана и с отрицанием традиционных ценностей, которые зачастую были фундированы набором религиозных установок и обоснований.

Правовая культура также пребывает в довольно сложных отношениях с государством, которое в принципе контролирует систему официального права, но не саму справедливость. Тем не менее, даже государство не во всех случаях следует нормам и установкам, изложенным в письменных законах, но эксплуатирует в своих (часто вполне оправданных) интересах неформальные подходы, характерные для той или иной правовой культуры. В принципе государство также прибегает к институтам неформального контроля за гражданами, которые далеко не всегда афишируются. В данной связи известный отечественный философ В.В. Бибихин писал о том, что «охраняя всей своей силой право и, казалось бы, диктуя такое право, какое ему удобно, государство само опирается на силу права, причем не только законодательно закрепленного, но – это очень важно заметить – большей частью, возможно, на силу именно неписанного, неуставного права. При революционной смене государства снижается до нуля роль писанного права (старое полностью подлежит замене, новое еще не упрочилось или непонятно) и основным становится неписанное право, причем вовсе не так, что неписанное право записывается; оно скорее наоборот уходит в темноту. Всякое восстание против писанного права закрепляет статус неписанного» [Бибихин, 2005, с. 7]. На практике оказывается, что и сама правовая культура хранит в себе нормы неписанного права, которые отражают базисные представления народа о справедливости.

Традиционные ценности во многом играют ключевую роль в формировании «культурного кода» цивилизации, а зачастую также определяют облик национальной культуры страны. При этом «культурный код» той или иной страны не в последнюю очередь связан с ее религиозным прошлым и правовыми традициями, выражающими общее представление людей о справедливости. Тем не менее даже в секуляризованном (современном) социуме религия продолжает оказывать влияние на процессы социокультурной регуляции внутри как собственно сообщества верующих, так и других сообществ. В данной связи стоит отметить, что отдельные культуры могут намного легче усваивать не только самые разнообразные технологические инновации, но и этические нормы, которые являются достаточно новыми для их правовой системы. Так, например, ряд наций смогли за относительно короткий отрезок исторического времени добиться впечатляющих результатов в развитии собственной экономики, науки и техники. Причем подобного рода прорыв был возможен в результате главным образом гармоничного сочетания традиционных ценностей и различного рода инновационных (импортных) продуктов и технологий, причем как правило иностранного происхождения.

Вместе с тем гармонизация правовых отношений между различными культурами и их представителями входит в список приоритетных задач современного светского государства, в то же время способного демонстрировать дистанцию и объективность в решении вопросов и проблем межэтнического взаимодействия [Кожевников, Данилова, 2019]. К тому же и многие межкультурные конфликты, тем более происходящие между

гражданами одной страны, могут вполне иметь искусственное (а порой и внешнее) происхождение. Поэтому правовые нормы, как и само признанное право, должно пониматься в качестве главной ценности современного государства. Однако в решении подобных проблем зачастую не хватает решимости самого государства, которое не стремится брать сложившуюся ситуацию под непосредственный контроль, особенно прибегая к силовым методам разрешения конфликтов. Иногда и вовсе проблемы в правовой сфере могут целиком списываться на воздействие со стороны иностранных государств, которое несомненно существует, но при этом не отменяет внутренние накопившиеся проблемы и противоречия, вызревающие внутри социума в течение многих лет. Несмотря на то, что существует набор традиционных ценностей, которые могут считаться универсальными и в принципе нормативными для всех людей, стоит учитывать и особенности (оценки и ценности), зафиксированные на ранних этапах формирования «культурного кода» [Костина, 2006].

Внимание к собственному прошлому и неукошительное следование традициям может быть далеко не всегда эффективной стратегией развития страны, что становится особенно очевидным на историческом этапе необходимой технологической модернизации. Поэтому не просто сохранение традиций, но и их возрождение, может выступать даже компонентом модернизации и нести в себе дополнительные культурные риски для стабильности общества. В данной связи стоит учитывать зависимость уровня насилия в стране от состояния правовой культуры и исполнения законов, призванных охранять неприкосновенность жизни, здоровья и имущества гражданина.

Узнаваемое отношение значительной части населения к формальному и неформальному праву может сохраняться в народе в течение многих поколений, причем несмотря на восприятие форм технологической или даже политической модернизации. К тому же динамика культуры показывает, что жители крупных городов (и в первую очередь мегаполисов), в отличие от населения сельской местности, могут в большей степени ориентироваться на нормы официального права. Однако, в не совсем благополучных районах крупных мегаполисов, причем зачастую, где компактно селятся мигранты (выходцы из других стран, часто из сельских районов), возрастает роль регуляции подобных сообществ именно на основе неформального права и способов контроля. Вместе с тем, несмотря на внутреннюю «строгость», в принципе любая культура способна интегрировать в свой состав самые разнообразные культурные элементы, которые правда должны пройти соответствующую селекцию, должны быть отфильтрованы [Сафонов, Орлов, 2017].

Традиционные ценности могут быть относительно «пластичными», когда речь заходит о выгодах материально-экономического характера, а также в тех случаях, когда сообщество желает сохранять или культивировать собственную закрытость от государства и проникновение официальных органов извне. Поэтому правовую культуру того или иного сообщества достаточно трудно истолковать в терминах почти исключительно линейного развития и последовательной модернизации.

Динамика традиционных ценностей в контексте вызовов и рисков мультикультурализма

«Мультикультуральность», обнаруживаемая внутри того или иного общества, как правило связана с доминирующей в нем этничности (системы этнических связей) и часто определяется цивилизационным выбором народа. В данной связи также стоит учитывать верность сделанному в далеком прошлом, выбору, который, однако, не всегда может быть сохранен в настоящем, по крайней мере в своем полном объеме. Тем не менее, правовая

культура современных стран базируется на светских нормах и образцах гражданского поведения, которым обязаны следовать признанные члены сообщества, то есть законопослушные граждане, разделяющие сходные ценности. При этом светская в своей основе гражданская культура должна оставаться основополагающим ориентиром для правоохранительной деятельности государства.

В древности окружающая среда и основные способы добывания пищи и других ресурсов могли оказать существенное влияние на формирование правовых обычаев того или иного племени, которые затем могли утверждаться в качестве универсальных принципов нравственности и справедливости. Крупнейший русский философ, а главное – сторонник культурно-цивилизационного подхода – Н.Я. Данилевский акцентировал внимание, что «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [Данилевский, 2018, с. 94]. Данное русским мыслителем определение прогресса в свою очередь касается и традиционных ценностей, которые могут различаться на протяжении многих периодов истории.

Таким образом, изменения, происходящие в структуре традиционных ценностей, определяются развитием целых народов или отдельных этнических групп, которые зачастую обладают своим собственным (уникальным) опытом. Фактически, например, даже классический либерализм как система культурных ценностей был тесно связан с опытом развития в первую очередь «англосаксонских» народов и процессом религиозной Реформации. В данной связи интересно, что правовая культура англичан (шире британцев) стала образцом для глобальной финансово-экономической системы. Сюда же можно отнести и вклад протестантской этики в процесс формирования основных принципов либеральной правовой культуры [Лапицкий, 2002].

Проблема распространения мультикультурализма, особенно в его так называемом «леволиберальном» варианте, способна приводить к значительному росту антисистемных настроений и установок внутри закрытых сообществ, которые представлены в основном различными «меньшинствами». При этом правительство и официальные власти могут и вовсе перестать заботиться об интеграции отдельных групп «меньшинств» в правовое поле страны. Так, например, современные исследователи полагают, что понятие «“мультикультурное” общество следует понимать уже не столько как сосуществование различных этносов и конфессий в единых пространственных рамках – это уже вторичные признаки мультикультурности – сколько культурно-символическую разновременность социальных пластов внутри общества. В этом смысле, мультикультурное общество неизбежно становится и мультиморальным» [Согомонов, 2004, с. 268]. В обществе, развивающемся по сходной траектории, внутри сегментированных сообществ может быть зафиксирована собственная мораль, которая повлияет на восприятие норм официального права.

Следует предполагать, что традиционные ценности могут признаваться в качестве таковых среди основного населения страны, но далеко не всегда будут поддерживаться представителями элит, в особенности стремящимися к космополитизму. В данной связи А.В. Бугалин, например, считал, что «“обычный” человек чувствует фальшивость этой псевдоальтернативы мира контркультур, “свободного” секса, терпимости к безобразию под видом плюрализма в сфере искусства и т.п. И он совершенно оправданно не идет на поддержку этого псевдопротеста (в лучшем случае отдавая ему в молодости дань как некой моде). Он чувствует не-снятость отчуждения в этих формах, замещающих содержательный протест формальной игрой в инакость, причем преимущественно внешнюю, в инакость там и тогда, где и когда она не мешает глобальной гегемонии рынка и капитала и даже может быть ей поглощена и превращена в очередной модный “тренд”» [Бугалин, 2014, с. 18]. Таким образом, внимание к традиционным ценностям и реальное стремление к приобретению последних может стать последовательной стратегией в

решении своих экзистенциальных проблем, которые зачастую возникают в результате потери аутентичности и связаны с отчуждением от культурных корней.

На этом фоне (распространения леволиберальной идеологии) особые риски можно обнаружить в пропаганде ценностей, которая направлена против семьи и брака (в их традиционном понимании как союза мужчины и женщины) [Летова, 2024]. В данной связи, правда, стоит отметить, что отечественные философы марксистского направления в отличие от большинства своих западных коллег выступают за сохранение традиционных ценностей в сфере семьи и брака, тем самым сохраняя консервативную ориентацию. В России, правда, пропаганда нетрадиционных ценностей, направленных на разрушение семьи, защищена на уровне официального права, что в свою очередь также подтверждает пристальное внимание власти к проблеме демографического кризиса в стране.

Зачастую действия различного рода активистов направлены на разрушение традиционной культуры и ценностей, которые ее скрепляют, считая последние продуктом буржуазного социума и последних веков бурного развития капитализма. Вместе с тем очевидно, что многие традиционные ценности существовали еще задолго до появления капитализма и так называемой буржуазной культуры. В рассматриваемой связи А.В. Бугалин отмечает, что «в этой погоне за инаковостью, за внешним, формальным отрицанием и деконструкцией всего, за внешним отрицанием всех форм капиталистического мира иные из левых начинают убивать те культурные основы, на которых паразитируют рынок и капитал, но которые от этого не теряют своей гуманистической значимости» [Бугалин, 2014, с. 18]. К институтам подобного рода можно вполне отнести институт семьи, который даже при наличии нуклеарной структуры может считаться все же традиционной формой брака.

Тем не менее, под «буржуазным» типом культуры изначально понимался способ организации культурного взаимодействия внутри городских сословий, которые в отличие от многих крепостных крестьян имели правовой статус людей свободных и находились в других отношениях со знатью. К тому же взаимодействие между буржуазией и знатью в период Средневековья зачастую носило коммерческий и реально договорной характер. Вместе с тем, вооруженные конфликты между буржуазией и аристократией, названные буржуазными революциями, фактически привели к разрушению феодализма.

Таким образом, изначально под буржуазной культурой понималась общая культура средних (относительно благополучных) городских сословий, не входящих в состав знати, священников и крестьян. В настоящее время сам термин «буржуазный» уже не отражает в полной мере современных реалий в сфере культуры, политики и тем более права, и используется как своего рода пропагандистский штамп, призванный заклеить политических противников не очень лестным эпитетом [Грей, 2003]. В свою очередь это касается и рассуждений о своего рода «буржуазных» ценностях, которые зачастую с порога рассматриваются как меркантильные установки и крайне потребительские суждения.

Вместе с тем понимание традиционных ценностей применительно к современному состоянию развития глобальной культуры может достигнуть отчетливости, когда под традиционными ценностями понимается главным образом сохранение за человеком границ собственного пола. Таким образом, традиционные ценности стоят на страже цельности личности современного человека, ее свободы и автономности в отношении внешнего окружения. В данной связи сторонники традиционных ценностей пытаются сохранить за человеком следующее определение пола в качестве фундаментальной природной реальности, которую нельзя разрушать в результате нарушения психического здоровья или своеобразного настроения, моды или культуры, навязываемой элитами.

Столкновение различных культур может быть обусловлено несовпадением ценностей или разной интерпретацией последних, что не отменяет факта зависимости той или иной культуры от идентичности их носителей и их системы восприятия

действительности. В последнее время, однако, межкультурные проблемы в средствах массовой информации изображаются как фактически неразрешимые противоречия, что не соответствует действительности. Скорее всего сложившаяся ситуация свидетельствует о недостаточной профилактике экстремизма на ранних стадиях его возникновения и социализации потенциальных экстремистов. В данной связи, например, Ш. Шварц отмечал: «Культуры, конечно, не являются полностью согласованными. Субгруппы внутри обществ исповедуют конфликтующие ценности. Доминирующая культурная ориентация меняется в ответ на изменение позиций власти между этими субгруппами. Но это изменение медленное. Адаптация обществ к эпидемиям, технологическому развитию, росту благосостояния, контакту с другими культурами, войнам и другим экзогенным факторам ведет к изменениям в ценностных установках культуры» [Шварц, 2008, с. 39]. Вместе с тем, в условиях доминирования леволиберальной и мультикультуралистской (в идеологическом смысле) повестки мнение «большинства» может и вовсе игнорироваться, а то и объявляться «токсичным».

Солидарность в плане единства ценностей на практике может оказаться намного важнее внешних признаков общей идентичности, которые и вовсе могут быть проигнорированы в случае возникновения конфликтной ситуации. Поэтому законопослушный гражданин, в первую очередь принимающий ценности сообщества, в которое желает интегрироваться, не обязательно должен в совершенстве владеть языком местного населения. Другое дело, что проявление лояльности может рассматриваться как дальнейшее изучение языка данного сообщества. Однако, языковые различия при соответствующей настройке и влиянии могут приводить к эскалации целого ряда межэтнических конфликтов, которые не стоит недооценивать [Hutchinson, 2005]. Тем не менее, с объективной точки зрения культурные границы как правило выстраиваются именно с учетом лингвистических границ, влияющих и на понимание правовых реалий. В данной связи под языком понимается в первую очередь язык в культурном плане, когда, например, люди одного статуса легко понимают друг друга, и наоборот.

Повышенное обсуждение проблематики, связанной с мультикультурализмом и проблемой «меньшинств», происходящее особенно в медиа, приводит к усилению идентичности самых разнообразных «меньшинств», которые ранее вовсе не относили себя к группе, нуждающейся в дополнительной защите или даже «привилегиях». Таким образом, в цифровую эпоху медиа играют ключевую роль в конструировании самих культурно-политических идентичностей, акцентируя внимание на различных особенностях, преувеличивая реально существующие культурные различия.

Заклучение

Общая культура предлагает общие паттерны взаимодействия и способствует комфортной коммуникации между представителями самых разных народов. Ясно, почему именно общие ценности, а не одна только языковая общность, способны сформировать солидарный социум с высокой степенью внутренней интеграции входящих в него компонентов. Традиционные ценности во многом способствуют формированию сходных установок и образцов поведения, которые зачастую совпадают с основным вектором государственного управления страной, правительство которой стремится найти собственный аутентичный путь развития.

Тем не менее, представления о разнообразии культур, фундированные соответствующим типом внутренней политики, способны привести к этнической мобилизации, причем в среде относительно недавних граждан страны. Основным интегратором в данной связи выступает именно правовая культура, в рамках которой возможна правовая социализация граждан, осуществляемая не насильственными

средствами. В рассматриваемой нами связи стоит учитывать, что получение гражданства не обязательно приводит к формированию гражданской идентичности, тем более такой, которая становится более «сильной», чем идентичность этническая.

Необходимость сохранения традиционных ценностей в структуре правовой культуры может быть обоснована экзистенциальным запросом человека на поддержание собственной идентичности и важности круга близких людей, способных данную идентичность всячески поддерживать, оказывая индивиду помощь. В последние годы так называемая массовая культура не может полностью удовлетворить потребности человека в духовном плане, оставаясь в основном на уровне довольно вульгарных потребительских стандартов. В данной связи традиционные ценности напротив придают социуму своего рода духовное измерение, делая его одновременно более солидарным, что особенно важно в контексте внешних идеологических вызовов.

Подводя итог, в статье делается основной вывод о том, что проблемы, возникающие в процессе интерпретации и практической институционализации традиционных ценностей, выступают серьезным препятствием на пути разработки универсальных критериев справедливости, которые могут быть приемлемы для большинства жителей как отдельной страны, так и всего мира. В целом можно согласиться с мнением, что мультикультурному обществу будет довольно сложно достичь внутренней солидарности, причем не только между прогрессистами и традиционалистами, но и между самими традиционалистами, имеющими собственные представления о том, как традиционные ценности могут применяться в рамках современной правовой системы.

Список литературы

- Бибихин В.В. 2005. Введение в философию права. М., ИФ РАН, 345 с.
- Борщевский Г.А. 2023. Традиционные российские ценности: институциональный анализ. *Полития*. 4(111): 62–93.
- Бузгалин А.В. 2014. По ту сторону мультикультурализма. Футуризм как снятие консерватизма: в поисках альтернатив мультикультурализму. *Свободная мысль*, 5: 5–20.
- Грей Дж. 2003. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., Праксис, 366 с.
- Данилевский Н.Я. 2018. Россия и Европа. М., Алгоритм, 453 с.
- Денисова Г.С., Сериков А.В. 2017. Формирование российской гражданственности современной молодежи: о возможности синтеза российской идентичности, патриотизма и гражданской автономии. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 6: 73–82.
- Кожевников Н.Н., Данилова В.С. 2019. Гармонизация глобализации на основе предельных динамических и сетевых равновесий. *Век глобализации*, 1(29): 47–54.
- Костина А.В. 2010. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 144 с.
- Костина А.В. 2006. Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире. *Проблемы филологии и культурологи*, 3: 128–139.
- Лапицкий М. 2002. Деятельный без принуждения. (Трудовая этика в разных измерениях). М., Новый век, 231 с.
- Летова Н.В. 2024. Государственная защита традиционных семейных ценностей: проблемы и особенности. *Право и практика*, 2: 168–173.
- Сафонов А.Л., Орлов А.Д. 2017. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. СПб., Литео, 336 с.
- Согомонов А.Ю. 2004. Культурная асинхронность и «вывихнутое время» (постановка проблемы «мультиморальности» современного общества). *Россия реформирующаяся*, 4: 262–272.
- Черкашин М.Д. 2021. Виртуальная реальность как феномен культуры: история и современность. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*, 3(40): 33–37.
- Шварц Ш. 2008. Культурные ценностные ориентации: природа и следствие национальных различий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5(2): 37–67.
- Hutchinson J. 2005. Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 213 p.

References

- Bibikhin V.V. 2005. Vvedenie v filosofiyu prava [Introduction to the philosophy of law]. Moscow, IF RAN, 345 p.
- Borshchevskii G.A. 2023. Traditsionnye rossiiskie tsennosti: institutsional'nyi analiz [Traditional Russian values: an institutional analysis]. *Politiya*, 4(111): 62–93.
- Buzgalin A.V. 2014. Po tu storonu mul'tikul'turalizma. Futurizm kak snyatie konservatizma: v poiskakh al'ternativ mul'tikul'turalizmu [Beyond multiculturalism. Futurism as the removal of Conservatism: in search of alternatives to Multiculturalism]. *Svobodnaya mysl'*, 5: 5–20.
- Grei Dzh. 2003. Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Commemoration of the Enlightenment: Politics and Culture at the end of Modernity]. Moscow, Praksis, 366 p.
- Danilevskii N.YA. 2018. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Algoritm, 453 p.
- Denisova G.S., Serikov A.V. 2017. Formirovanie rossiiskoi grazhdanstvennosti sovremennoi molodezhi: o vozmozhnosti sinteza rossiiskoi identichnosti, patriotizma i grazhdanskoi avtonomii [Formation of Russian Citizenship among modern youth: on the possibility of Synthesizing Russian Identity, Patriotism and Civic autonomy]. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki*, 6: 73–82.
- Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. 2019. Garmonizatsiya globalizatsii na osnove predel'nykh dinamicheskikh i setevykh ravnesii [Harmonization of globalization based on extreme dynamic and network equilibria]. *Vek globalizatsii*, 1(29): 47–54.
- Kostina A.V. 2010. Sootnoshenie traditsionnosti i tvorchestva kak osnova sotsiokul'turnoi dinamiki [The relationship between tradition and creativity as the basis of socio-cultural dynamics]. Moscow, LIBROKOM, 144 p.
- Kostina A.V. 2006. Natsional'naya i ehtnicheskaya kul'tura: sootnoshenie v globaliziruyushchemsya mire [National and ethnic culture: the relationship in a globalizing world]. *Problemy filologii i kul'turologii*, 3: 128–139.
- Lapitskii M. 2002. Deyatel'nyi bez prinuzhdeniya. (Trudovaya ehtika v raznykh izmereniyakh) [Active without coercion. (Work ethic in different dimensions)]. Moscow, Novyi vek, 231 p.
- Letova N.V. 2024. Gosudarstvennaya zashchita traditsionnykh semeinykh tsennostei: problemy i osobennosti [State protection of traditional family values: problems and peculiarities]. *Pravo i praktika*, 2: 168–173.
- Safonov A.L., Orlov A.D. 2017. Ehtnos i globalizatsiya: ehtnokul'turnye mekhanizmy raspada sovremennykh natsii [Ethnicity and globalization: the ethnocultural mechanisms of the disintegration of modern nations]. SPb.: Liteo, 336 p.
- Sogomonov A.YU. 2004. Kul'turnaya asinkhronnost' i «vyvikhnutoe vremYA» (postanovka problemy «mul'timoral'nost'» sovremennogo obshchestva) [Cultural asynchrony and "dislocated time" (statement of the problem of "multimorality" of modern society)]. *Rossiya reformiruyushchayasya*, 4: 262–272.
- Cherkashin M.D. 2021. Virtual'naya real'nost' kak fenomen kul'tury: istoriya i sovremennost' [Virtual Reality as a cultural phenomenon: History and modernity]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*, 3(40): 33–37.
- Shvarts SH. 2008. Kul'turnye tsennostnye orientatsii: priroda i sledstvie natsional'nykh razlichii [Cultural value orientations: the nature and consequence of national differences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*, 5(2): 37–67.
- Hutchinson J. 2005. Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 213 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2025

Поступила после рецензирования 19.05.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 19, 2025

Revised May 19, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор РАО, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Баклыкова Ирина Рашидовна, соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Russian Academy of Education, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

Irina R. Baklykova, External PhD Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

УДК 37.013.73

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-158-167

EDN LYFWJV

Онтология образования в постметафизическую эпоху: коммуникативный подход

Пустоварова А.О.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 40

anna.o.pustovarova@tusur.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ культурно-исторической трансформации онтологии образования. В настоящее время наблюдается значительный интерес научно-педагогического сообщества к вопросам содержания образования, адекватного современным вызовам, при этом коммуникативная онтология образования недостаточно концептуализирована в исследовательской литературе. Показано, что онтология образования как особый регион социальной онтологии вследствие деконструкции метафизики теряет жесткие основания, становясь десубстанциалистской, и перенимает коммуникативные черты. Обоснована необходимость перехода к коммуникативной онтологии в образовательной среде в постметафизическую эпоху, выявлены особенности компетентностного подхода и проектного обучения как эффективных инструментов формирования необходимых компетенций, релевантных современной социальности. Рассмотрена эволюция проективности как основополагающей особенности современного стиля мышления.

Ключевые слова: образование, онтология образования, коммуникации, когитарно-предметная парадигма, компетентностный подход, коммуникативная компетентность, проективность, проектирование в образовании

Для цитирования: Пустоварова А.О. 2026. Онтология образования в постметафизическую эпоху: коммуникативный подход. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 51(1): 158–167. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-158-167 EDN: LYFWJV

Ontology of Education in the Post-Metaphysical Era: A Communicative Approach

Anna O. Pustovarova

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

40 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

anna.o.pustovarova@tusur.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the cultural and historical transformation of education ontology. Currently, there is significant interest of the scientific and pedagogical community toward the issue of educational content adequate to modern challenges. However, the communicative ontology of education is not sufficiently conceptualized in the research literature. It is shown that as a result of the deconstruction of metaphysics, the ontology of education as a special section of social ontology loses its rigid foundations, becoming desubstantialistic, and adopts communicative features. The authors substantiate the necessity of transition to communicative ontology in the educational environment in the post-metaphysical era and identify the features of the competence-based approach and project-based learning as effective tools for the formation of necessary competencies relevant to modern sociality. The evolution of projectivity as a fundamental feature of modern style of thinking is considered.

Keywords: education, ontology of education, communications, cogitative-subject paradigm, competence-based approach, communicative competence, projectivity, design of education

For citation: Pustovarova A.O. 2026. Ontology of Education in the Post-Metaphysical Era: A Communicative Approach. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 158–167 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-158-167 EDN: LYFWJV

В настоящее время можно наблюдать значительный теоретический и практический интерес к осмыслению содержания образования, представлению его как особого региона онтологии и собственно онтологии образования. Если не привязываться только к практической стороне вопроса (цифровизации образования, реализации компетентностного подхода с целью формирования конкурентноспособной модели образования в рамках движения к технологическому суверенитету и т. д.), а обратиться к философии образования, то вопросы об онтологии образования, о коммуникативности как онтологии можно связать со сменой онтологических представлений о социальной реальности. Классическая философская традиция мыслила общество как имеющее некоторую основу (субстанцию), что вызывало необходимость видеть какую-либо общественную структуру как фундамент, придающий стабильность и устойчивость всей социальной системе. Тем самым для объяснения сущности социального, а также функционирования и развития общества классическая философия и социология использовали идею единой субстанции, «скрепляющей» общество в единое устойчивое целое. Этой субстанции авторы классических социальных теорий (К. Маркс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и др.) приписывали объективный характер, и в этом смысле сама социальность мыслилась как внешняя по отношению к людям, не зависящая от их воли и желания и задающая их взаимодействие.

Деконструкция метафизики упразднила из онтологии идею единой субстанции, тем самым сделав ее (онтологию) десубстанциалистской. Экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера с центральной категорией *Dasein* (вот-бытия) является одним из способов преодоления субстанциалистского подхода, поскольку вот-бытие, по Хайдеггеру, не является наличной данностью, оно есть только возможность себя самого, возможность выбора между подлинным и неподлинным существованием, который принципиально не может быть завершен, и актуализация «Я» совершается в условиях постоянной коммуникации с «Другим». Существенный вклад в разрушение «тотализирующего мышления» (В.Н. Фурс) также был внесен лингвистическим поворотом (Л. Витгенштейн, Ф. Соссюр и др.), когда на первый план вышла коммуникативная функция языка, а все социальные структуры и структуры мышления стали производными от речевых практик. Так появился иной, десубстанциалистский образ социальной реальности, задаваемый языком и коммуникациями. Лишившись устойчивой основы, социальность перестала быть стабильной и приобрела изменчивый, динамичный характер. Поскольку теперь общество уже не «держит» никакая субстанция, оно виртуализировалось. Виртуальный характер социальности означает, что социальное пространство теперь является пространством межличностных взаимодействий и не существует вне и помимо их. Оно всегда принципиально не-ставшая реальность, реальность возможного, и эта возможность может реализоваться в процессе коммуникации. Поэтому десубстанциализация социальной реальности привела к тому, что для описания современной социальной онтологии на первый план выдвинулось понятие коммуникации. В связи с тем, что единого определения этого понятия не существует (оно зависит от того, в какой предметной области дается определение), остановимся на нем подробнее.

Во многих случаях под коммуникацией (от лат. «делать общим, связывать, общаться») понимается межличностное общение, однако такое определение в контексте данного исследования недостаточно. Хотя изучение коммуникаций социальных и

образовательных имеет давнюю историю, философская рефлексия над ними продолжается. Повышенный интерес к этой теме проявился в середине XX в., под влиянием разработки теории информации. В связи с созданием математической модели коммуникации К. Шеннона – У. Уивера (1949 г.) понятие коммуникации приобрело техническую направленность. Модель включала пять составляющих: источник, сообщение, кодирование /декодирование, получатель сигнала, цель; тем самым коммуникация означала передачу информации от источника к получателю с целью изменить поведение получателя. В 50-60-е гг. понятие коммуникации приобретает психологическую окраску, отождествляясь с межличностным взаимодействием и обменом деятельностью, умениями, навыками, результатами деятельности. При этом коммуникация отличается от обычного общения тем, что в процессе коммуникации вырабатывается некоторая общность, получившая названия смысла, т.е. коммуникативное действие направлено на достижение согласия и понимания. Показательно, что в 60-е гг. кафедры социальных коммуникаций отделяются от кафедр психологии, возникает множество дисциплин коммуникативного характера (культурология, социолингвистика, теория систем и т.д.). В 90-е гг. оба представленных выше аспекта понятия обобщаются, и возникает понимание коммуникации как социального процесса сотворения, сохранения и преобразования социальной реальности. Иными словами, коммуникация выражает не просто технологический процесс по достижению какой-либо цели, а становится новым качеством социальности, новым способом человеческого бытия, – происходит онтологизация коммуникации. Коммуникации становятся не чем-то внешним по отношению к человеку и обществу, а составляют отныне саму сущность социальности, социальное пространство есть пространство коммуникативное.

Впервые так увидел социальность и придал речевой коммуникации онтологический статус М.М. Бахтин. Отечественный философ критиковал властное метафизическое мышление («нудительный» разум), которому противопоставлял конвергентное, событийное мышление. Основными категориями бахтинской философии диалогического персонализма являются личность и вещь. Главным отличием личности от вещи Бахтин считал наличие «внутреннего пространства» («внутренней социальности»), поэтому личность полностью не познаваема, она может лишь открыться. Однако до конца личность не может открыться самой себе, и стать собой, сформироваться она может только в отношении с Другим. Таковую взаимозависимость между Я и Другим, в которой появляется личность, Бахтин называл участным мышлением (собственно, это и есть коммуникация, диалог, результатом которого является новый, отсутствующий ранее смысл), т.к. именно участники диалога определяют собой участь будущей социальности. Поэтому такая коммуникация является не просто способом передачи информации, но принципом становления Я, Другого и самой социальности, тем самым коммуникация онтологизируется.

Разработка теории коммуникации связана с именем Ю. Хабермаса и его работой «Теория коммуникативного действия» 1981 г. [Habermas, 1981]. Коммуникативные действия немецкий социолог и философ определял как «такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным притязанием на значимость. В том случае, когда процессы взаимопонимания идут в эксплицитной языковой форме, акторы, разговаривая о чем-либо друг с другом, своими речевыми действиями выдвигают притязания на значимость, а именно притязания на истинность, на правильность и на правдивость своих высказываний» [Хабермас, 2000, с. 91]. Условием и критерием коммуникативного действия является тождество значений участников коммуникации (т. е. согласие, понимание, совместная актуализация смысла разными индивидами). Это коммуникативное согласие должно быть признано самими участниками коммуникации как значимое, а не навязано внешним воздействием, иными словами, это согласие не дано

в готовом виде, а вырабатывается участниками в процессе интересубъективного обсуждения. Хабермас предложил программу коммуникативной модификации философской рациональности и описал коммуникативную рациональность, пришедшую на смену научной (инструментальной) рациональности М. Вебера. Критикуя философов субстанциалистской направленности (прежде всего К. Маркса), Хабермас утверждает приоритет коммуникативных действий над целерациональными (инструментальными), причем первые отличаются от последних отсутствием монологичности и в этом смысле являются подлинно социальными (способствуют социальной интеграции и одновременно образованию личностной идентичности). Под рациональностью понимается возможность обоснования и критики (рациональны все притязания на значимость, если они обоснованы). Тем самым коммуникативная рациональность Хабермаса воспринимает социальные нормы и ценности не как подчиненные заданным извне регулятивам, а как рождающиеся в условиях публичного обсуждения, рефлексии, критики.

Как коммуникативное, социальное пространство ничем изначально не детерминировано, оно полисубъектно и полионтологично (нет единой базовой структуры), поливариантно в том смысле, что в нем всегда присутствует множество альтернативных возможностей, вероятностных линий развития событий, которые постоянно трансформируют социальность, делая ее иной по отношению к самой себе. Будучи социальной онтологией, коммуникации превращают социальность в постсоциальность, современность – в постсовременность (именно такую онтологию описывает и тем самым формирует постмодернизм). В данном случае приставка пост-акцентирует внимание на сверхдинамичности социальной реальности, на таком ее движении, когда она никогда не может предстать в завершенном виде. Все присущие ей социальные практики также являются выражениями информационно-коммуникативного характера социальности и так же сверхдинамичны, как она. Один из ярких представителей постмодернистской философии Ж.-Ф. Лиотар, философия которого пронизана критикой метанарративов, показывал, что социальные практики, которые претендуют на свою доминирующую по отношению к другим дискурсам роль (т.е. являются властными, предписывающими), как раз были характерны для общества модерна (в этом смысле в субстанциалистской социальной онтологии преобладает мотив власти единого дискурса, единой истины, поэтому она некоммуникативна). Общество постмодерна же является демократическим, толерантным в смысле равенства всех речевых практик, и потому – коммуникативным, подразумевающим равную вероятность проявления различных дискурсов. Эта полидискурсивность, по Лиотару, проникает во все социальные структуры, в том числе науку и образование: «Однако допустимо изображать мир знания эпохи постмодерна как мир, управляемый игрой с исчерпывающей информацией, в том смысле, что она в принципе доступна для всех экспертов: здесь нет научного секрета. Если преподавание должно обеспечивать не только воспроизводство компетенций, но и их прогресс, то, соответственно, необходимо, чтобы передача знания не ограничивалась передачей информации, а учила бы всем процедурам, способствующим увеличению способности сочленять поля, которые традиционная организация знаний ревностно изолировала друг от друга. Лозунг междисциплинарности, распространившийся особенно после кризиса 68 года, но рекомендованный еще ранее, по-видимому, согласуется с этим направлением» [Лиотар, 1998, с. 126].

По Ж. Деррида, социальность представляет собой текст («Вне текста ничего нет»), в котором все высказывания тесно переплетены между собой и существуют в режиме постоянного диалога (на смену фоноцентризма, присущего метафизическому мышлению, пришла полифония, дифферанс, в котором каждый элемент соотносится с другими, только таким образом актуализируясь).

Итак, став социальной онтологией, коммуникации задали сверхдинамичный, вариативный (нелинейный), информационно-знаковый характер социальной реальности.

Все эти черты социальности воспринимаются и перенимаются социальными практиками (в т. ч. образованием), непрерывно взаимодействующими друг с другом и изменяющимися под воздействием информационных потоков. Находясь в состоянии всегда «пост-», общество диктует образованию определенные темпы развития: образование должно не просто развиваться в соответствии с требованиями времени, но и опережать эти требования, т. е. быть опережающим социальным институтом. Соответственно, актуализируется вопрос о том, каким образом возможно обеспечить такое содержание образования, которое могло бы не просто «идти в ногу со временем», с учётом невероятных скоростей устаревания социально значимой информации в постсовременном обществе, но и предвосхищать те требования, которые общество предъявит к выпускникам завтра и послезавтра.

Последние несколько десятилетий научно-педагогическому сообществу стало очевидно, что сформированная в условиях формирования индустриального общества и во многом механистичная когитарно-предметная парадигма стала нерелевантной коммуникативной социальности, что и обеспечило исследовательскую среду дискуссиями о том, каким должно быть инновационное образование (в данном случае – альтернативная традиционной модель образования), с каким содержанием, в рамках каких подходов и образовательных технологий оно может быть реализовано практически.

Так, в 2000–2010-х гг. появилось много публикаций о компетентностном подходе, например, Г.А. Балыкина связывает компетентностный подход в образовании с переходом к «экономике знаний» [Балыкина, 2008], Ю.Н. Малахова рассматривает компетентностный подход в свете становления коммуникативной онтологии образования [Малахова, 2013], а Т.Л. Михайлова говорит о практических аспектах выстраивания учебного курса «Основы теории коммуникации» в русле компетентностного подхода [Михайлова, 2016]. Также активно разрабатывались и продолжают разрабатываться исследователями понятия «коммуникативная компетентность» и «коммуникативные компетенции», появившиеся благодаря американскому лингвисту Д. Хаймсу [Hymes, 1972], к примеру, в работах П.Г. Аргуновой [2013], Т.В. Захаровой и др. [2015], В.В. Яценко [2020], Г.Т. Мендыбаевой [2023], а также Nargie O. [2006], Greene J.O. [2016] и др. В свете вышесказанного представляется обоснованным тезис о том, что коммуникативная социальность порождает коммуникативное по своей природе образование, а компетентностный подход позволяет реализовать на практике эту коммуникативную суть образования, подразумевая широкий спектр образовательных технологий для выработки различных компетенций: коммуникативной, информационной и др.

Одной из широко известных образовательных технологий в русле компетентностного подхода является проектное обучение (например, в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники неотъемлемым компонентом учебных планов всех направлений и профилей подготовки, начиная со второго курса, выступает групповое проектное обучение). Проектная технология позволяет сформировать, помимо жестких (профессиональных) навыков, также различные надпредметные и надпрофессиональные (мягкие) навыки и компетенции, такие как умение работать в команде, устанавливать междисциплинарные связи, искать и критически осмысливать найденную информацию и т.д. Однако в рамках данной статьи хотелось бы уделить внимание не прикладным аспектам реализации обучения по методу проектов, а рассмотреть проективность в более широком смысле, как особое видение и переживание мира, связанное с концептуализацией творчества в условиях современной коммуникативной социальности.

Сам интерес к проекту, к проектной методологии и проектной культуре можно считать не таким уж новым и тем более не внезапным, а имеющим определенную историю, о чем как раз пойдет речь ниже. Актуальность идеи проекта в образовании связана с изменением содержания образования, реформированием системы образования в

связи с изменением специфики самой социальности. Часто говорится о том, что проективность – определяющая стилевая черта современного мышления, один из важнейших типологических признаков современной культуры едва ли не во всех ее основных аспектах, связанных с творческой деятельностью человека. Проективностью пронизаны наука, искусство, психология человека: в его отношении к миру, к социальной и предметной среде, в формах потребления и творчества присутствует проектное переживание мира. Можно сказать, что становление проектной культуры и проектной методологии имеет давнюю историю. Поскольку любое культурное явление всегда является контекстно обусловленным, имеет смысл проследить саму эволюцию этого контекста.

Как известно, античная культура была построена на идее гармонии, т.е. соответствия внутреннего и внешнего (духовного и природного). Человек, также как и боги, мыслится как часть природного целого, часть мирового порядка (космоса). Следствием этого является отсутствие в античном мышлении идеи преобразования человеком природы, окружающего мира, так как часть не может изменять целое. Соответственно, смысл человеческого познания – в постижении этой мировой гармонии, во включенности в нее человека. Такое понимание познания выражалось древнегреческими мыслителями в понятии *paideia* – стремление к образованию и культуре, т.е. формирование у человека достоинств, которые выражают степень его удаленности от природного, дикого состояния. В силу идеи взаимосвязи с природой человек стремился воссоздавать, а не создавать (понимание искусства как технэ, ремесла).

Средневековье с помощью идеи креационизма выделило Бога из природы, оставив человека венцом творения в силу наличия особых качеств (разума и свободы воли). Соответственно, средневековая культура была канонической, т.е. ориентированной на некий канон, образец (понимание Бога как формы форм, первообразца унаследовано Средневековьем от Аристотеля). Мир, будучи создан Богом, не подлежал пересозданию ни в целом, ни в деталях. Все идеальные образцы уже есть в Боге, и нет необходимости создавать что-то новое и свое (вследствие чего средневековое творчество обезличено, в нем автор не имеет значения). В подобном ключе осмысливается и образование: образовывая себя, человек освобождается от собственной греховности и стремится к первоначальному божественному образцу.

Рубежом, обозначившим необратимый поворот от канона к проекту, стала эпоха Возрождения. Ренессансная картина мира основана на смене акцентов в теоцентрической модели в пользу человека. То есть, становясь на место Бога, человек тем самым принимает на себя божественные атрибуты, выделяясь из природы и становясь ее творцом. Так возникают предпосылки для формирования покорительского отношения к природе (в духе базаровского высказывания «Природа не храм, а мастерская»), складывания этоса исследователя. В качестве высших ценностей провозглашаются индивидуальная свобода, творчество, инициатива, деятельная активность человека. Все это суммировалось в представлении о человеке-титане, в утверждении его права на пересоздание мира, права на личное авторство.

Реформация и Новое время сделали проективность, т.е. непрерывное творческое пересоздание действительности на основе имеющегося замысла, основным способом существования человека новой эпохи. В Новое время продолжается складывание деятельностной (прометеевской) культуры, при этом ей соответствует деятельностная парадигма образования, назначение которой – формирование человека-деятеля, которому подвластен мир. Для этой парадигмы характерна ориентация на высокий интеллект (не случайно лейтмотивом эпохи можно считать афоризм Ф. Бэкона «Знание – сила»), умение ставить цели, выбирать методы и добиваться результата. Все это сопровождалось стремительным развитием наук, техники, технологии и конструирования, а также ориентацией проектирования на человека, почувствовавшего себя свободным.

Но формирование научной рациональности Нового времени приводит к тому, что Макс Вебер называет ценностным политеизмом, а Э. Маркарян – ведомственной оптимизацией: культурные сферы «разбегаются», становятся независимыми друг от друга. Наука получает приоритетное право отвечать за вопросы истины, вопросы морали входят в компетенцию правовой области, искусство получает власть над вопросами красоты и вкуса. Каждая из этих сфер получает в свое безраздельное распоряжение определенный круг вопросов, и между собой они никак не коррелируют, являются функционально автономными. Такая функциональная автономия означает, по сути, дезинтеграцию культуры и общества. Это неизбежно отражается на системе образования, вызывая изменения в его содержании. Формируется так называемая когитарно-предметная парадигма, упомянутая выше, в рамках которой целью образования является прирост научного знания и реализация его в предметно-практической деятельности. Обучаемые должны усвоить определенную совокупность сведений из конкретных предметных областей и выработать в себе навыки их применения. Можно говорить об однонаправленности «наука – образование – практика» и тем самым о закрытости данной образовательной модели, лишаящей обучаемых способности самостоятельно мыслить. Необходимая стандартизация результата влечет за собой стандартизацию форм обучения (что выражается в знаменитой классно-урочной системе Я.А. Коменского). При этом нет необходимости заботиться о целостном развитии личности, и обучение тем самым сводится к приобретению изолированных сведений из разных предметных областей, а также специальных профессиональных навыков.

Возвращаясь к функциональной автономии, следует отметить, что жить в подобном «расколоте» мире человеку неудобно, человеческое сознание стремится к изначальному единству целесообразного и осмысленного бытия в красоте. Это стремление реализуется в идее дизайна, проект создается по принципу единства и системной целостности всех его проекций. Итак, в культуре возникает ощущение неудовлетворительности ситуации, проблема, которая «запускает» механизм проектирования в качестве своего решения. Таким образом, в данном случае, поскольку функциональная автономия порождает кризис, в качестве способа преодоления кризиса возникает проективное образование. Кроме того, актуализируется проблема, уже не раз появлявшаяся в системе образования: рост научного знания и дифференциация наук приводит к «разбуханию» учебных планов, и проблема тем самым обретает еще и медицинский аспект (перегруженность детей в школе подрывает их физическое и психическое здоровье), а также психологические аспекты, с которыми столкнулся Д. Дьюи [Dewey, 1897], родоначальник обучения по методу проекта, и многие другие педагоги: отсутствие у детей мотивации к усиленному «разгрызанию гранита науки», требуемому школой. Так появляется инновационная педагогика, одним из выражений которой стало обучение по методу проекта в школе.

Из сказанного выше ясно, что проективное образование возникает не на пустом месте, а также обусловлено трансформацией социальной онтологии в коммуникативную. Общество из индустриального переходит в постиндустриальное (информационное), теряя по пути жесткую функциональную иерархичность и становясь способом взаимодействия индивидов и социальных групп. Это незамедлительно отражается на системе образования: происходит децентрализация, изменение содержания образования с предметного на коммуникативное (не усвоение основ наук, а освоение способов работы сознания). Если традиционное образование ориентировано на достижение определенного готового результата, то инновационное – на технологическую сторону конструирования знания (т.е. способы, приемы и формы его добывания), что вовсе не исключает его фундаментальности [Петрова, 2024]. Здесь речь идет не о «натаскивании» личности на выполнение стандартных операций, а о воспитании определенных качеств личности: умения ставить проблему и генерировать новые, неожиданные способы ее решения, рефлексировать, критически осмысливать собственные действия и результаты, взаимодействовать с другими людьми («творчество в команде») и т. д.

Эти особенности инновационного образования находят свое адекватное выражение в проективном образовании. С.И. Гессен называет его трудовой школой, противопоставляя ее профессиональной: в центре внимания образования – не интересы самой профессии, а интересы личности образовывающегося. При трудовом образовании узкая практическая деятельность приобретает всеобъемлющее значение, понимается как органическая часть всей целокупной жизни природы и человечества и потому служит источником общего образования личности. Смысл труда – в развитии творческих способностей личности [Гессен, 1995]. Проектное образование исходит из принципа целостности (выражением которого является, например, такая совместная работа, когда учитель только ставит задачу, но не дает образца, который все должны за ним повторять), тогда как традиционная школа – из принципа одинаковости. Метод проекта позволяет решить проблему «разбухания» учебных планов: знать предмет не обязательно означает ознакомиться с ним во всем его объеме (что представляется уже невозможным физически), это означает овладеть методом его познания. Кроме того, проблема отсутствия мотивации у детей также находит свое решение в методе проекта: ребенку интересно решать проблемы, возникшие в его собственной деятельности. Цель проектирования – не столько реализовать конкретный проект, сколько на практике показать, что существует множество способов осуществить ту или иную задачу [Боно, 1997], избавиться от клишированных способов, научиться находить альтернативные решения, тем самым выработать в себе элементы рефлексии, критичности, столь важные для коммуникативной рациональности.

Образовательными эффектами и результатами проектирования являются: появление интереса ребенка, обучение рефлексии, обучение культуре построения деятельности, обучение культуре взаимодействия (взаимопониманию), а также культуре самопрезентации, что в современных условиях также немаловажно. Эти эффекты по отдельности могут давать и другие педагогические технологии, но в комплексе – только проектная технология. Тем самым можно говорить о том, что проективность весьма удачно вписывается в современную коммуникативную социальность и культуру.

Таким образом, коммуникативная по своей природе социальность порождает коммуникативное образование. Оно требует компетентного подхода, подразумевая широкий спектр образовательных технологий для выработки различных компетенций: коммуникативной, информационной и др. Проектное обучение – одна из образовательных технологий в русле компетентного подхода, которая позволяет сформировать, помимо жестких навыков, также различные надпредметные и надпрофессиональные (мягкие) навыки и компетенции, такие как умение работать в команде, устанавливать междисциплинарные связи, искать и критически осмысливать найденную информацию и т.д. Соответственно, проектное обучение можно считать релевантным коммуникативной парадигме образования.

Список литературы

- Аргунова П.Г. 2013. Коммуникативная компетентность в образовательном процессе. *Теория и практика общественного развития*, 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-v-obrazovatelnom-protseesse/viewer> (дата обращения 03.07.25)
- Балакина Л.Л. 2004. Коммуникативная онтология образования. *Вестник Томского государственного университета*, 282: 123–125
- Балыкина Г.А. 2008. Единство ценностного и компетентного подходов в коммуникативных практиках современного образования. *Вестник Поволжского института управления*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-tsennostnogo-i-kompetentnogo-podhodov-v-kommunikativnyh-praktikah-sovremennogo-obrazovaniya> (дата обращения 03.07.25)
- Боно Э. де. 1997. Латеральное мышление. Пер. с англ. СПб, Питер Паблишинг, 320 с.
- Гессен С.И. 1995. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., Школа-пресс, 448 с.

- Захарова Т.В., Басалаева Н.В., Казакова Т.В. и др. 2015. Коммуникативная компетентность: понятие, характеристики. *Современные проблемы науки и образования*, 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20413> (дата обращения 03.07.25)
- Лиотар Ж.-Ф. 1998. Состояние постмодерна. Пер. с фр. М., Институт экспериментальной социологии, Спб., «Алетейя», 160 с.
- Малахова Ю.Н. 2013. Функционирование компетентностного подхода к образованию в рамках коммуникативной онтологии. *Вестник Томского государственного университета*, 375: 51–54.
- Мендыбаева Г.Т. 2023. Коммуникативные компетенции в образовательном процессе. *Современное педагогическое образование*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-kompetentsii-v-obrazovatelnom-protseesse> (дата обращения 03.07.25)
- Михайлова Т.Л. 2016. Инструментальный потенциал курса «Основы теории коммуникации» в контексте компетентностного подхода. *Вестник НГТУ им. П.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии»*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentalnyi-potentsial-kursa-osnovy-teorii-kommunikatsii-v-kontekste-kompetentnostnogo-podhoda> (дата обращения 03.07.25)
- Петрова Г.И. 2024. Философское обоснование специфики фундаментального содержания современного образования. *Философия образования*, 24, 3: 5–24.
- Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер с нем. СПб, «Наука», 380 с. (Habermas J. 1983. *Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln*. Fr./M.)
- Яценко В.В. 2020. Коммуникативная компетенция и компетентность: ретроспективный анализ и современные реалии. *Компетентность*, 1: 9–17. DOI: 10.24411/1993-8780-2020-10103.
- Dewey J. 1897. My Pedagogic Creed. *School Journal*, 54: 77-80.
- Greene J.O. 2016. Communication skill and competence. *Oxford Res Encyclop Comm*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.158.
- Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Fr./M., 1981.
- Hargie O. 2006. Skill in theory: Communication as skilled performance. In: Hargie O, editor. *The handbook of communication skills*. London: Routledge. 600 p. DOI: 10.4324/9780203007037.
- Hymes D.H. 1972. On communicative competence. In Pride, J.B.; Holmes, J. *Sociolinguistics: selected readings*. Harmondsworth. Penguin: 269–293.

References

- Argunova P.G. 2013. Kommunikativnaya kompetentnost' v obrazovatel'nom protseesse. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-v-obrazovatelnom-protseesse/viewer> (accessed: 03 July 2025).
- Balakina L.L. 2004. Kommunikativnaya ontologiya obrazovaniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 282: 123–125.
- Balykina G.A. 2008. Edinstvo tsennostnogo i kompetentnostnogo podkhodov v kommunikativnykh praktikakh sovremennogo obrazovaniya. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvo-tsenostnogo-i-kompetentnostnogo-podkhodov-v-kommunikativnykh-praktikah-sovremennogo-obrazovaniya> (accessed: 03 July 2025).
- de Bono, E. 1971. Lateral'noe myshlenie. [Lateral Thinking]. Translated from the English. Saint Petersburg, Publ. “Piter Pablising”, 320 p.
- Gessen S.I. 1995. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow, Shkola-press, 448 p.
- Zakharova T.V., Basalaeva N.V., Kazakova T.V. i dr. 2015. Kommunikativnaya kompetentnost': ponyatie, kharakteristiki. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20413> (accessed: 03 July 2025).
- Liotar Zh.-F. 1998. Sostoyanie postmoderna [Postmodern Condition]. Translated from the French. Moscow, Publ. “Institut eksperimental'noi sotsiologii”, Saint Petersburg, “Aleteiya”, 160 p. (Lyotard J.F. 1979. *La condition postmoderne*. Les Editions de Minuit). (In Russian).
- Malakhova Yu.N. 2013. Funktsionirovanie kompetentnostnogo podkhoda k obrazovaniyu v ramkakh kommunikativnoi ontologii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 375: 51–54.
- Mendybaeva G.T. 2023. Kommunikativnye kompetentsii v obrazovatel'nom protseesse. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-kompetentsii-v-obrazovatelnom-protseesse> (accessed: 03 July 2025).

- Mikhailova T.L. 2016. Instrumental'nyi potentsial kursa “Osnovy teorii kommunikatsii” v kontekste kompetentnostnogo podkhoda. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya “Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii”*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentalnyy-potentsial-kursa-osnovy-teorii-kommunikatsii-v-kontekste-kompetentnostnogo-podkhoda> (accessed: 03 July 2025).
- Petrova G.I. 2024. Filosofskoe obosnovanie spetsifiki fundamental'nogo sodержaniya sovremennogo obrazovaniya. *Filosofiya obrazovaniya*, 3(24): 5–24. DOI: 10.15372/PHE20240301.
- Khabermas Yu. 2000. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral consciousness and communicative action]. Translated from the German. Saint Petersburg, Publ. “Nauka”, 380 p. (Habermas J. 1983. *Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln*. Fr./M.).
- Yatsenko V.V. 2020. Kommunikativnaya kompetentsiya i kompetentnost': retrospektivnyi analiz i sovremennye realii. *Kompetentnost'*, 1: 9–17. DOI: 10.24411/1993-8780-2020-10103.
- Dewey J. 1897. My Pedagogic Creed. *School Journal*, 54: 77-80.
- Greene J.O. 2016. Communication skill and competence. *Oxford Res Encyclop Comm*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.158.
- Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Fr./M., 1981.
- Hargie O. 2006. Skill in theory: Communication as skilled performance. In: Hargie O, editor. *The handbook of communication skills*. London: Routledge. 600 p. DOI: 10.4324/9780203007037.
- Hymes, D.H. 1972. On communicative competence. In Pride, J.B.; Holmes, J. *Sociolinguistics: selected readings*. Harmondsworth. Penguin: 269–293.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.07.2025

Received July 03, 2025

Поступила после рецензирования 03.10.2025

Revised October 03, 2025

Принята к публикации 28.02.2026

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пустоварова Анна Олеговна, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Россия.

Anna O. Pustovarova, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia.

УДК 141.72

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-168-173

EDN MQXRJF

Трансформация образов человека в философии Джорджо Агамбена

¹ Посохова Я.В., ^{1,2} Борисов С.Н., ^{1,2} Римский В.П.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королёва, д. 7

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Rimskiy@bsu.edu.ru, Borisov_SN@bsuedu.ru, yana-posohova@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрена эволюция представлений о человеке в философии Джорджо Агамбена. Отталкиваясь от классических антропологических моделей, Агамбен предлагает радикальный проект «негативной антропологии», в рамках которого человеческое существо определяется не через деятельные или сущностные характеристики, а через способность к бездействию (*inoperosità*) и удержанию потенциальности. В центре внимания – ключевые фигуры его мысли: «голая жизнь» (*homo sacer*), «мусульманин» как свидетель предела человеческого, а также концепция «человека без содержания». Анализ этих образов позволяет проследить, как философ переосмысливает границы между человеческим и нечеловеческим, жизнью и смертью, политикой и биологией.

Ключевые слова: Джорджо Агамбен, образ человека, негативная антропология, голая жизнь, *homo sacer*, потенциальность, праздность (*inoperosità*), свидетельство, биополитика

Для цитирования: Посохова Я.В., Борисов С.Н., Римский В.П. 2026. Трансформация образов человека в философии Джорджо Агамбена. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 168–173. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-168-173 EDN: MQXRJF

The Transformation of Human Images in Giorgio Agamben's Philosophy

¹ Yana V. Posokhova, ^{1,2} Sergey N. Borisov, ^{1,2} Victor P. Rimskiy

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St., Belgorod 308033, Russian Federation
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

Borisov_SN@bsuedu.ru, Rimskiy@bsu.edu.ruru, yana-posohova@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution of ideas about the human being in Giorgio Agamben's philosophy. Drawing on classical anthropological models, Agamben proposes a radical project of "negative anthropology," in which the human being is defined not through active or essential characteristics, but rather through the ability to remain inactive (*inoperosità*) and retain potentiality. The article focuses on key figures in Agamben's thought, such as the "naked life" (*homo sacer*), the "Muslim" as a witness to the limits of the human, and the concept of the "man without content." Analyzing these images allows us to see how the philosopher redefines the boundaries between human and non-human, life and death, and politics and biology.

Keywords: Giorgio Agamben, the image of man, negative anthropology, bare life, homo sacer, potentiality, idleness (inoperosità), testimony, biopolitics

For citation: Posokhova Ya.V., Borisov S.N., Rimskiy V.P. 2026. The Transformation of Human Images in Giorgio Agamben's Philosophy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 168–173 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-168-173 EDN: MQXRJF

Труды итальянского философа Джорджо Агамбена приобрели огромное значение для понимания ключевых процессов современного мира, предлагая уникальный инструментарий для критического анализа политических, правовых и социальных феноменов. Особенно наглядно актуальность агамбеновского анализа проявилась в контексте миграционного кризиса XXI века. Тысячи беженцев и мигрантов, пересекающих границы благополучных государств, оказываются в своеобразном правовом вакууме — они включены в политический порядок исключительно через свое исключение из него. Лагеря для беженцев, центры временного содержания становятся теми самыми «пространствами исключения», которые Агамбен называет парадигмой современного биополитического тела. В этих зонах человеческая жизнь редуцируется к чистому биологическому существованию, теряя свои политические и социальные качества, что делает концепцию «голой жизни» незаменимым инструментом для описания положения тех, кто оказался на обочине глобализации.

Джорджо Агамбен – один из немногих современных мыслителей, призывающих в очередной раз обратиться к онтологической проблематике – к «самим вещам», к тому, что есть, вернее, к такому, как есть [Евстропов М, 2014]. Джорджо Агамбен часто обращается к биографиям, но, казалось бы, не особо рефлексировывает над тем, как их стоит разбирать, как к ним стоит подходить. Наиболее яркий пример работы с биографией можно обнаружить внутри многотомного проекта *Homo sacer* — в нём Агамбен касается жизни Примо Леви в отношении проблемы свидетельствования. В остальном кажется, он просто упоминает тех или иных личностей в качестве объектов цитирования. При этом всё же мы можем найти как минимум одно более-менее обстоятельное размышление над биографическим вопросом, которое Агамбен позволяет себе в рамках описания своего философского метода [Яценко Н, 2024].

Философское творчество Джорджо Агамбена представляет собой одну из наиболее последовательных попыток пересмотра оснований западной метафизики и политической традиции. В центре его многолетнего исследовательского проекта находится цикл «*Homo Sacer*». Главной дискуссионной фигурой становится образ священного человека из древнего римского права. Философско-правовая концепция Джорджо Агамбена представляет собой системное исследование, основанное на синтезе классической философской традиции с современной политической теорией. Ее центральными конструктами выступают «а-законность» (или «состояние исключения»), «голая жизнь» (*nuda vita*) и «гомо сакер» (*homo sacer*), которые раскрывают фундаментальные отношения между жизнью и властью [Савенков А.А., 2025].

Поиск «образа жизни» становится неотделимым от человека. Изменение представлений о человеке в его трудах движется от критики самодостаточной личности к вечному исследованию себя и самого существования. Цель данной статьи – проследить этот путь, выделив ключевые человеческие образы, которые Агамбен вводит в философское обращение, и показать, как они связаны с его способом «отрицательного учения о человеке». Истоки этой проблематики Агамбен обнаруживает в аристотелевской дихотомии между природной жизнью (*zoe*) и политическим существованием (*bios politikos*), которую он интерпретирует как исходный момент биополитики. В «Политике»

Аристотеля *bios politikos* предполагает исключение *зоэ* из пространства полиса, что создает фундаментальный парадокс: биологическое существование становится необходимым основанием, но одновременно исключенным условием политического субъекта [Савенков, 2025].

Агамбен начинал с понятия «обнажённой жизни», взятое из работ Вальтера Беньямина и развитое в беседе с учением о власти над жизнью Мишеля Фуко. Если Фуко полагал, что власть над жизнью (включение живого в механизмы управления) возникает лишь в Новое время, то Агамбен настаивает на гораздо более глубоких корнях этого явления. «Обнажённая жизнь» – это жизнь, исключённая из политического сообщества, сведённая к чистому биологическому существованию. Её архетипическим воплощением становится фигура *homo sacer* («священный человек») из архаического римского права. Это тот, кого можно безнаказанно убить, но нельзя принести в жертву. Парадокс *homo sacer* заключается в том, что он включён в правопорядок через своё исключение из него. Этот механизм «включающего исключения» Агамбен считает фундаментальной структурой западной политики с самых её истоков [Агамбен, 2011]. В этой перспективе человек предстаёт не как политическое животное (*zōon politikon*) Аристотеля, а как существо, чья жизнь постоянно находится под угрозой суверенного решения, объявляющего её «голой». Образ человека расщепляется: с одной стороны, это носитель прав и гражданин (*bios*), с другой – уязвимое тело (*zoē*), всегда могущее быть редуцированным до чистого биологического субстрата.

Наиболее радикальную трансформацию образ человека претерпевает в третьей части проекта «*Homo Sacer*» – книге «Что остаётся после Освенцима: Архив и свидетель». Здесь Агамбен обращается к фигуре «мусульманина» (*der Muselmann*) – лагерного жаргонного обозначения узника, дошедшего до крайней степени истощения, утратившего волю к жизни и сознание, «живого мертвеца». «Мусульманин» – это пороговая фигура, в которой стирается различие между человеком и не-человеком, жизнью и смертью. Как пишет Агамбен, это существо, у которого отнята душа, но биологическая жизнь еще теплится. Охранники и другие заключённые избегали их взгляда, ибо они являли собой чистый ужас абсолютной десубъективации. Для Агамбена «мусульманин» – это не исключение из человечности, а её скрытая, предельная истина, обнажённая нацистскими лагерями. Это полное и окончательное производство «голой жизни». Но именно здесь философ ставит ключевой этический вопрос: кто может свидетельствовать о лагере? Тот, кто выжил, не видел самой бездны; тот, кто стал «мусульманином», утратил речь. Свидетельство поэтому всегда есть «невозможность свидетельства», говорение от имени тех, кто не может говорить. «Мусульманин» становится «полным свидетелем», за которого и ради которого говорят выжившие.

Параллельно анализу предельных форм исключения Агамбен развивает позитивную (хотя и негативно определяемую) концепцию человеческого бытия. В ряде работ, включая «Грядущее сообщество» и «Человек без содержания», он формулирует основы того, что исследователи называют «негативной антропологией» [Евстропов, 2014]. Ключевым понятием здесь выступает «потенциальность» (*potentia*) в её аристотелевском понимании. Однако Агамбена интересует не просто способность (*dynamis*) быть или делать что-то, а «потенция-не» (*potenza-di-non*) – способность не осуществлять свою потенцию, не переходить к акту. Именно эта возможность удерживать себя в состоянии чистой возможности, не реализуясь принудительно, составляет, по Агамбену, подлинную природу человеческой свободы.

Отсюда проистекает концепция «праздности» или «бездействия» (*inoperosità*). Вопреки идеологии продуктивности, пронизывающей капиталистический Запад, Агамбен видит в бездействии не пассивность, а высшую форму человеческого существования. Праздность выводит человека из-под диктата социальных функций и экономической необходимости, открывая пространство для чисто человеческого, не отчуждённого бытия.

Человек обретает себя не в труде и не в исполнении предписанных ролей, а в способности приостановить их, оставаясь в модусе «чистой потенции». В работе «Человек без содержания» эта идея проецируется на сферу искусства и творчества (*poiesis*). Агамбен показывает, как в эстетическую эпоху художник утрачивает связь с традицией и божественным, становясь «человеком без содержания».

Философское наследие Джорджо Агамбена предлагает радикальный пересмотр того, что принято считать «человеческим». В отличие от ренессансного гуманизма, абсолютизовавшего рациональность и помещавшего человека в центр мироздания, а также в противоположность постструктуралистскому антигуманизму, склонному растворять субъекта в бессознательных языковых структурах и доводить критику разума до отрицания устойчивых ценностей, Джорджо Агамбен предлагает иную линию философского размышления. Его подход можно интерпретировать как попытку преодоления этого давнего концептуального разрыва. В центре его работ находится критика исторически сложившегося механизма, посредством которого человеческая субъективность конструировалась через подавление и исключение собственной телесно-витаальной составляющей.

Агамбен показывает, что западная культура функционировала как своеобразная «антропологическая машина» – структура, систематически производящая внутреннее разделение в человеке, проводя границу между «человеческим» и «животным», рациональным и инстинктивным. Именно этот механизм исключения «иного» внутри самого субъекта лежит в основании классической модели субъективности. При этом, по мысли философа, освобождение не сводится ни к утверждению господства разума над природой, ни к редукции человека к уровню бессознательной животности. Напротив, оно предполагает способность к внимательному и непредвзятому осмыслению собственной животной природы как неотъемлемого измерения человеческого существования. Такое отношение открывает возможность иного способа бытия — неиерархического и не основанного на жестких дихотомиях. Данный модус существования у Агамбена тесно связан с разработкой понятий «чистой потенциальности» и *inoperosità* (бездействия). В контексте современной биополитики, где власть смещается от запрета к управлению самой жизнью и редукции ее к «голой жизни», описываемой через фигуру *homo sacer*, проблема свободы приобретает особую остроту. В этой перспективе пространство свободы обнаруживается не в расширении прав или конструировании новых идентичностей, а в обращении к пределу, на котором человек предстает как принципиально неопределимая и ускользающая от фиксации сущность, не сводимая ни к одной устойчивой социальной или политической роли.

В этом контексте состояние обнаженности, или «обнаженная жизнь», обретает двойственную природу. С одной стороны, это продукт властного воздействия, объект манипуляции и контроля. Но с другой стороны, будучи вырванной из плотной сети предустановленных культурных кодов и значений, эта жизнь парадоксальным образом содержит в себе мощнейший освободительный потенциал, открывая индивиду возможность для подлинного, непосредственного опыта бытия, не опосредованного идеологическими конструктами [Агамбен, 2014].

Актуальность агамбеновского диагноза современности получила яркое подтверждение в череде событий последних лет, наиболее рельефно – в период пандемии коронавирусной инфекции. Именно тогда механизмы, которые философ описывал на материале античного права и концентрационных лагерей, переместились в центр повседневной жизни западных демократий. Беспрецедентное по своим масштабам введение режимов чрезвычайного положения и тотальный цифровой контроль над перемещениями и телесным здоровьем граждан наглядно продемонстрировали правоту его тезиса о том, что исключение постепенно становится доминирующей парадигмой управления. Чрезвычайное положение из временной меры превратилось в устойчивую

технологии власти. Однако Агамбен никогда не был пессимистом, довольствующимся лишь констатацией кризиса. Выход из данной ситуации Агамбен связывает со стратегией десубъективации – сознательным отказом человека от той роли и той идентичности, которые навязываются ему властными диспозитивами, будь то государство, экономика или общественное мнение. Именно этот неподконтрольный остаток, эта зона «неуправляемого» становится для философа единственно возможной отправной точкой для подлинного политического действия – действия, понимаемого как освобождение, а не как простое перераспределение власти внутри уже существующей системы.

Наиболее полно и в то же время наиболее оптимистично идея новой социальности раскрывается в небольшой, но чрезвычайно насыщенной работе «Грядущее сообщество».

В противоположность классическим представлениям о коллективе, основанном на каком-либо общем признаке или единой субстанции – будь то национальная идея, классовая солидарность или религиозный догмат, – Агамбен предлагает образ сообщества, основанного на принципе единичности как таковой. Такое сообщество не стирает индивидуальные особенности своих членов ради абстрактного единства, а, напротив, утверждает каждого именно в его неповторимости. Принадлежность к нему обеспечивается не вопреки уникальности, а исключительно благодаря ей. Данный проект не следует рассматривать как утопию в расхожем значении этого слова, то есть как недостижимый идеал. Речь идет о внутренней потенции, имманентно присутствующей в любом акте человеческого общежития и общения. Реализовать эту потенцию возможно через кардинальное изменение отношения к языку [Агамбен, 2018]. Когда наше внимание смещается с содержания высказывания, с того, что именно мы говорим, на сам факт речи, на событие языка как таковое, мы вступаем в иную размерность. Переживание языка в модусе чистой потенциальности, как способности говорить, а не как системы готовых означающих, позволяет выйти за пределы рыночной логики обмена и системы жестких правовых запретов. Это открывает путь к той форме жизни, где само бытие и его проявление, его выражение в слове, совпадают, не оставляя места для отчуждения.

Подводя итог, можно утверждать, что философское наследие Агамбена представляет собой не просто академическую теорию, но действенный инструмент интеллектуального сопротивления тем процессам, которые ведут к эрозии демократических институтов и девальвации концепции прав человека. Однако его мысль не замыкается в рамках критики. По сути, это развернутое и глубокое приглашение к повторному открытию повседневности, к поиску истины в тех сферах опыта, которые обычно остаются на периферии философского внимания. От практик монашеской бедности и францисканского отказа от собственности до феномена детской игры и эстетического жеста — во всех этих маргинальных, на первый взгляд, феноменах Агамбен прозорливо разглядывает контуры грядущего. Грядущего, в котором человек утрачивает свое гордое звание венца творения или безропотного объекта управления, но обретает нечто большее — способность быть существом, свободно и ответственно пользующимся миром, не присваивая его и не подчиняясь ему.

Список литературы

- Агамбен, Дж. *Homo Sacer*. 2011. Суверенная власть и голая жизнь. Пер. с ит. И. Левиной и др.; под науч. ред. Д. Новикова. М.: Европа, 256 с.
- Агамбен Дж. 2018. Человек без содержания. Пер. с ит. М.: Новое литературное обозрение, 160 с.
- Агамбен Дж. 2014. Нагота. Пер. с ит. и примеч. М. Лепиловой. М.: Grundrisse, 224 с.
- Евстропов М.Н. 2014. «Любое»: онтологический маньеризм Джорджо Агамбена. *Вестник КрасГАУ*, 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyuboe-ontologicheskii-manierizm-dzhordzho-agambena> (дата обращения: 11.01.2026).
- Костомаров А.С. 2025. Проект негативной антропологии в философии Дж. Агамбена. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2(83): 178–187. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.018.

- Савенков А.А. 2025. Парадокс исключения в философско-правовой концепции Джорджо Агамбена. *Актуальные исследования*, 41(276): 31–34.
- Яценко Н. 2024. Биографическое воображаемое: Джорджо Агамбен и спасение реального *Пути России*. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biograficheskoe-voobrazhaemoe-dzhordzho-agamben-i-spasenie-realnogo> (дата обращения: 19.02.2026).

References

- Agamben G. 2011. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Translated from Italian by I. Levina et al.; edited by D. Novikov. Moscow: Europe, 256 p.
- Agamben G. 2018. *Man without Content*. Translated from Italian. Moscow: New Literary Review, 160 p.
- Agamben J. *Nudity*. 2014. Translated from Italian and annotated by M. Lepilova. Moscow: Grundrisse, 224 p.
- Evstropov M.N. 2014. "Any": Giorgio Agamben's Ontological Mannerism. *Vestnik KrasGAU*, 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyuboe-ontologicheskij-manierizm-dzhordzho-agambena> (accessed: 11.01.2026).
- Kostomarov A.S. 2025. The Project of Negative Anthropology in the Philosophy of Giorgio Agamben. *The Caspian Region: Politics, Economics, and Culture*, 2(83): 178–187. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.018.
- Savenkov A.A. 2025. The Paradox of Exclusion in Giorgio Agamben's Philosophical and Legal Concept. *Current Research*, 41(276): 31–34.
- Yatsenko N. 2024. Biographical Imaginary: Giorgio Agamben and the Rescue of the Real. *Russia's Paths*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biograficheskoe-voobrazhaemoe-dzhordzho-agamben-i-spasenie-realnogo> (accessed: 19.02.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 28, 2025

Revised May 28, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Посохова Яна Витальевна аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Posokhova, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Victor P. Rimskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.72.4

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-174-183

EDN NJYDGA

Специфика формирования субъекта в сетевом дискурсе

Тихонова И.Ю.

Воронежский государственный университет
Россия, 394018, Воронеж, Университетская площадь, д. 1
tikhonovaiu@yandex.ru

Аннотация. Феномен сетевого дискурса все чаще оказывается объектом современных научных исследований, однако для социальной философии данная тема до сих пор не стала предметом полноценного анализа. Это приводит к обособленности исследований виртуальной реальности и нового жизненного пространства человека и дискурсивных практик в коммуникативной среде сетевого общества. Целью данного исследования является анализ реализующихся в локальных и глобальной сетях коммуникативных актов, а также определение особенностей субъектов сетевого пространства. В результате изучения сетевого дискурса были выявлены его существенные характеристики: опосредованность техническими средствами, асинхронность, удаленный характер и асимметричность ролей взаимодействующих субъектов. Автор обращает внимание на проблематичность диалога в сетевом взаимодействии и на тенденции его трансформации в полилог. Полилогичность интеракции в контексте удаленного и опосредованного сетями взаимодействия усиливает анонимность и рассеянность образа Другого, что позволяет обратить внимание на модель поведения субъекта сетевого дискурса как высказывающегося и центрированного на себе. Это дает возможность исследовать проблему взаимодействия Я и Другого в новом формате дискурсивных практик.

Ключевые слова: сетевой дискурс, виртуальная социальность, Другой, полилог, парасоциальные отношения, постправда

Для цитирования: Тихонова И.Ю. 2026. Специфика формирования субъекта в сетевом дискурсе. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 174–183. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-174-183 EDN: NJYDGA

Specificity of the Subject Formation in Network Discourse

Irina Yu. Tikhonova

Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
tikhonovaiu@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of network discourse is increasingly becoming an object of modern scientific research and discussion. Indeed, the communicative act realized in local and global networks differs from other discursive practices since it is mediated by technical means and is asynchronous and remote in its nature. However, these specific features also give rise to other properties of network interaction that are of great interest to social philosophy, namely, changes in the image and role of subjects of network discourse. In addition, this transformation of the relationship between the addresser and the addressee, between the Self and the Other becomes decisive for the formation of virtual sociality, which has become widespread in modern society. Although the specificity of network discourse has been sufficiently studied by linguists today, this topic has not yet become the subject of a full-fledged analysis for social philosophy. This leads to the isolation of studies of virtual reality and the new living space of man, on the one hand, and discursive practices in the communicative environment of the network society, on the other. In this regard, the article is focused on studying the characteristics of subjects implementing communicative acts in the network space. As a result of the analysis of network discourse, the author identifies its essential characteristics, addresses the asymmetry of the roles of interacting subjects, reveals

the problematic nature of the transformation of dialogue into a polylogue and identifies the negative characteristics of the latter. The polylogic nature of interaction in the context of remote and network-mediated interaction enhances the anonymity and scatteredness of the image of the Other, which does not allow to overcome the model of behavior of the network discourse subjects as speaking and centered on themselves.

Keywords: network discourse, virtual sociality, the Other, polylogue, parasocial relations, post-truth

For citation: Tikhonova I.Yu. 2026. Specificity of the Subject Formation in Network Discourse. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 174–183 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-174-183 EDN: NJYDGA

Введение

Чем большее распространение получает в современном обществе взаимодействие людей в медиа пространстве, тем внимательнее мы начинаем относиться к особенностям коммуникативных практик, осуществляемых в глобальных и локальных сетях. Исследование данного типа взаимодействия необходимо не только в связи с расширением и интенсификацией опосредованной интеракции в информационной среде, но и вследствие влияния сетевого дискурса (коммуникации людей посредством глобальной сети Интернет и локальных сетей) на характер существования человека в новом пространстве виртуальной социальности и на офлайн коммуникации.

Сегодня в научной среде феномен сетевого дискурса привлекает пристальное внимание лингвистов, среди работ которых хотелось бы отметить исследования И.С. Алексеенко и О.Ю. Гукосьянц [2014], Н.Д. Голевой [2021], Е.П. Ильина [2014], С.В. Ионовой [2016], Е.С. Кубряковой [2003], О.В. Соколовой [2014]. Но данный феномен требует и социально-философского анализа, который позволит понять, каковы особенности взаимодействия между Я и Другим в информационном пространстве, как строится виртуальная коммуникация с точки зрения самопрезентации субъектов в виртуальной социальности, какое значение имеет Другой для участника виртуального взаимодействия и насколько его роль является конституирующей образ этого участника.

Специфика сетевого дискурса

Сетевой дискурс осуществляется в интерактивной среде, формируемой чаще всего посредством сети Интернет. Он обладает отличительными особенностями, а именно: стандартизацией (сетевой дискурс ориентирован, прежде всего, на информационно-значимые, понятные и актуальные данные, которые будут приняты аудиторией в качестве интересных событий реальности), анонимностью, предполагающей снижение личной ответственности за результат влияния сообщения на Другого, заражаемостью, эмоциональностью восприятия реальности, асинхронностью, свободой самовыражения, связанной с неинституциональностью общения и неперсонифицированным характером собеседника. Последнее особенно ярко проявляется в установке на восприятие собеседника как равного по статусу именно в связи с его анонимностью, а скорее с необязательностью придания ему определенных характеристик. Сеть не иерархична, не требует прояснения образа обезличенного оппонента, что обуславливает снятие коммуникативных барьеров, нивелирование социальных норм и свободное самопредставление, демонстрирующее только желательное для самовыражающегося субъекта поведение и ориентацию на признание со стороны других участников коммуникации. Сетевое взаимодействие не определяется правилами первичного онтологического пространства, а новая этика виртуального ситуативна. Она позволяет руководствоваться субъективными предпочтениями индивидов, ценностями сетевого сообщества либо поставленной субъектом задачей и соответствующих потребностям адресатов требований, приемлемых в созданной медиа картине мира. В конечном счете, личная ответственность за высказывания и понимание границ Другого в сетевом дискурсе

дополняются практикой канселинга, связанного с исключением оппонента из акта коммуникации в случае невозможности дальнейшего взаимодействия на выбранных субъектом условиях.

В сетевом дискурсе увеличивается степень свободы участников в возможности выбирать точку зрения, защищать свои интересы, ориентируясь в большей степени на интерессубъективные нормы того сообщества, в рамках которого складывается взаимодействие, а не на нормы социальной реальности. Нам представляется уместным говорить о постепенном конструировании социального в виртуальном пространстве в качестве особого фрагмента, соответствующего потребностям и желаниям определенных субъектов. Сам субъект во многом определяется тем контентом, который он создает в цифровом пространстве.

Важное значение в создании непротиворечивой картины мира, соответствующей потребностям адресатов, играет мультимодальность сетевого дискурса, в котором коммуникативный акт реализуется не только через печатный текст, но может быть дополнен воздействием на различные органы чувств человека. Вспомним высказывание Ролана Барта: «Фотография же безразлична по отношению к любым посредствующим звеньям, она ничего не изобретает, она — это само утверждение подлинности... Любая фотография — это сертификат присутствия» [Барт, 2011, с. 153].

Мультимодальный способ представления информации позволяет принять описываемые события в качестве подлинных. А. Н. Фортунатов так характеризует роль визуального в виртуальном конструировании жизненного пространства: «Визуальность — это способ формирования мифа, который, в свою очередь, не может не быть визуализированным образом, внятной картинкой, подразумевающей однозначность встречных эмоциональных реакций» [Фортунатов, 2022, с. 46].

Подобное представление реальности в сетевом взаимодействии меняет не только восприятие мира, но и Других. С одной стороны, цифровое пространство плюрально, мышление человека многомерно, а потому возрастает возможность критически оценивать поступающие данные. С другой стороны, наблюдается все большая персонализация контента, который формируется с учетом личных предпочтений индивида, его запросов, комментариев, что снижает критичность восприятия информации, поскольку, чем более она согласуется с картиной мира человека, тем более подлинной представляется. Немаловажными для создания уверенности в действительности становятся дипфейки, видеоизменяющие данные в зависимости от целей воздействия на аудиторию и визуализирующие смысл. Однако широко распространенным становится феномен, демонстрирующий притягательность дипфейков для человека. Даниэль Цитрон и Роберт Чесни описывают парадокс «дивиденды лжецов» [Chesney, Citron, 2018], суть которого заключается в том, что реальные факты в наполненном симулякрами пространстве зачастую квалифицируются субъектом как фейковые, если противоречат убеждениям этого субъекта. Действительно, люди склонны верить фактам, которые соответствуют их убеждениям, и зачастую игнорируют информацию, которая им противоречит. Этот феномен лишний раз иллюстрирует ситуацию, в которой многие пользователи не готовы критически анализировать разнородную информацию, отбрасывая все то, что вступает в противоречие с теми знаниями, которые значимы для них. Аналогично, и Другой в своей инаковости может быть воспринят угрожающе: «всякая инаковость возмущает», — пишет М. Эпштейн [Эпштейн, 2023, с. 247]. В виртуальном взаимодействии субъект создает нарратив, являющийся отражением его концептуального представления о мире, в этом смысле любой текст рассматривается в контексте значимых для субъекта смыслов. И здесь, на наш взгляд, цифровое пространство является в большей степени отвечающим субъективным предпочтениям акторов, нежели социальная реальность. Общение в социальных сетях позволяет индивиду найти пространство для самоопределения, отвечающее его запросам, и через принятие правил и моделей взаимодействия,

характерных для сообщества, обрести виртуальную солидарность взамен утраченной или несформированной реальной. Особое значение в сетевом взаимодействии приобретает фреймирование, позволяющее ограничить коммуникацию через установление смысловых рамок. Именно фреймирование помогает представить одни и те же факты в аспекте их видения автором текста, придавая им необходимый смысл для правильного (с точки зрения субъекта коммуникации) понимания ситуации и ее принятия. Заменяя текстовые данные короткими видеосообщениями (примером могут выступать круглые видео в Telegram, WhatsApp или голосовые сообщения в мессенджерах), субъект создает событие, а не информацию о нем, что позволяет принять его в качестве очевидного и непротиворечивого. «Картинка становится формой необеспеченного аргументами императива в отношении социума. Императива, который самим фактом своего появления уже является незыблемым аргументом, не требующим, как прежде, идентификации, вопрошания, осмысления», - пишет А. Н. Фортунатов [Фортунатов, 2022, с. 45].

В сетевом дискурсе достоверность факта обусловлена его видимостью и включенностью в медиа пространство. Соответствие объективной реальности более не является значимым для потребителя информационного контента. Объективность трудноуловима в условиях все нарастающего информационного массива и способов его технологической обработки. Гораздо важнее оказывается выбор канализирующего информацию субъекта, функциями которого являются формирование настолько реального события, которое бы не предполагало возможность недоверия, создание эффекта непосредственного присутствия в предлагаемом событии через эмоциональную вовлеченность. Визуализация смысла через видеосообщение или его представление в имеющем непосредственный характер аудиосообщении, описывающем мир «здесь и сейчас», позволяет создать такой сюжет, который вызовет предсказуемую реакцию. Именно в данной связи актуальным становится феномен постправды, в соответствии с которым субъект не стремится найти соответствие между собственными знаниями или предлагаемой ему информацией и реальным положением дел, а довольствуется ощущением реальности события, за счет его значимости для собственной субъективности. Интересны в данной связи слова Сэма Брауза: «Я знаю, какого придерживаюсь мнения, и не надо сбивать меня с толку фактами» [Брауз, 2020, с. 386]. Распространение постправды связано с особенностями аргументации в социальных сетях: увеличением фейков, использованием образов для передачи информации и коротких текстов, ориентацией на популярные мнения: эмоциональной вовлеченностью коммуникантов. Информация должна включаться в имеющиеся смысловые основания реципиентов, быть приемлемой для них и адекватной их запросу, быть социально и ценностно значимой и не расшатывать сформированную у них ранее картину мира.

Формирование субъекта в сетевом дискурсе

Одним из способов формирования субъекта в информационном пространстве являются парасоциальные отношения. Они основаны на восприятии поведения инфлюенсера как образца для подражания. В этой «фиктивной коммуникации для воспринимающего информацию человека, мнение которого не представляет интереса для персоны» [Тихонова, Кравец, 2022, с. 42], персоной становится создатель текста, на основе которого реализуется дискурсивная практика. Однако она достаточно ограничена ввиду того, что развивается в желательном для автора направлении. Парасоциальность устраняет необходимость в понимании и принятии чужой позиции, выводя на первый план собственные притязания персоны. Псевдосоциальный характер такого взаимодействия обусловлен тем, что целью сетевой коммуникации становится управляемое самопредставление. Субъект взаимодействия главным образом ориентируется на себя, а не на Другого, а потому исключает этого Другого при малейшем противостоянии последнего. Такой тип взаимодействия популяризируется в информационном пространстве и закрепляет модель ограничения себя рамками своей

реальности, в которой Другой становится пассивным и анонимным слушателем. Асимметричность парасоциальных отношений делает субъекта фиксированным на себе, не заинтересованным в полноценном диалоге с Другим.

Асимметрия в сетевом взаимодействии во многом связана с природой виртуального пространства. Оно иммерсивно, позволяет субъекту погрузиться в искусственно созданную среду, перейти от пассивного участия к активному, стать автором истории, подстроить ее под свои характеристики, а, следовательно, редактировать реальность, трансформируя пространство коммуникации в соответствии со своим опытом. Такая архитектура виртуальности приучает человека к выстраиванию своего взаимодействия аналогичным образом. Однако необходимо понимать, что полноценное общение, как в реальном социальном пространстве, так и в цифровом, должно обладать значимостью для всех участников, а потому человек должен стремиться не только к высказыванию своей позиции, но и к принятию позиции Другого, иначе интеракция утрачивает цель. Здесь необходимо отметить особенность сетевой коммуникации, цели которой неоднозначны. Она может претендовать на достижение истины, как это было в классической логике («Дело же знающего — каждый раз, сопоставляя одно с другим, говорить правду относительно того, что он знает, и уметь уличать лжеца. А это означает, с одной стороны, уметь высказывать свои доводы, а с другой — выслушивать другие» [Аристотель, 1978, с. 1]), либо следовать целям прагматической диалектики с ее ориентацией на согласие как цель взаимодействия между участниками аргументативного процесса («Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]).

Важную роль сетевое взаимодействие играет в делиберативных практиках, предоставляя индивидам возможность непосредственно участвовать в обсуждении проблем и принятии решений. Цифровое пространство снимает характерные для реального пространства ограничения, позволяя из любой точки мира в режиме реального времени включаться в коммуникацию. Более того, сетевая структура позволяет общаться на равных, минуя иерархии, характерные для офлайн коммуникаций, не допускать принуждения к взаимодействию, нивелировать различия, очевидные для социальной реальности. На наш взгляд, на консенсус в большей степени ориентированы те участники сетевого дискурса, которые заинтересованы в публичном обсуждении проблемы с целью принятия решения и для которых характерен общий взгляд на проблему. Дополнительными факторами является наличие общих целей, единых профессиональных ориентаций, фундаментальных ценностных установок и сходных взглядов на мир. Это позволяет им учесть позицию других участников коммуникации, согласовать поля аргументации, снизить субъективные притязания на преимущество своей точки зрения и минимизировать эмоциональный фактор. При данных обстоятельствах взаимодействие в цифровом пространстве упрощает коммуникацию и способствует установлению взаимопонимания.

Если взять за основу спонтанно образующиеся в цифровом пространстве группы, то они не имеют оснований для консенсуса на основе солидарности, поскольку не институциональны и не обладают общими характеристиками. А потому достижение согласия возможно через подражание и идентификации на основе сходства внешних характеристик, поведенческих паттернов, общественного мнения. Кроме того, в определении позиций таких участников важную роль играет конфликт, позволяющий через столкновение точек зрения выявить те стереотипы, которые оказывают влияние на мнения индивидов, и продемонстрировать действительные отличия и основания, на которых они выстраиваются. Здесь достижение согласия не является самоцелью, однако, возможно после формулировки своей позиции и согласования ее с позицией Другого. В данном случае, оправдание своих взглядов через конфликт сторон является способом легитимации субъектности. Так, Ю. Хабермас рассуждает о том, что коммуникативное овладение конфликтами является единственным источником солидарности среди

незнакомых друг другу людей, а потому отсутствие ориентации на достижение согласия не отменяет важность установления контакта, определения проблемы и обмена эмоциями в процессе общения [Хабермас, 1996, с. 308].

Горизонтальное взаимодействие в сети, свободное от влияния властных субъектов, также способствует актуализации субъекта как высказывающейся фигуры. Ориентируясь на свои собственные интересы и ценностные ориентации, опираясь лишь на личное мнение, субъект превращает диалог, который чреват несогласием и представлением оппонентом иной точки зрения, в монолог и демонстрацию своего Я. Когда роль субъекта сетевого взаимодействия сводится в большей степени к самовыражению, ни Другой, ни его позиция не являются ключевыми и осмысленными. Другой поэтому представлен исключительно с позиции воспринимающего, нежели истинного и полноправного участника коммуникации. В такой ситуации мы говорим об аудитории как о реципиенте, позиция которого представлена в качестве фактически воспринимающего объекта, вне контекста его социально-психологических, интеллектуальных и иных характеристик. Более того, для субъекта сетевого дискурса нет необходимости в выстраивании образа воспринимающей его аудитории и стремлении этому образу соответствовать для более эффективного воздействия, если речь идет о том, чтобы заявить о себе и своей позиции окружающим. М. Эпштейн очень метко характеризует такого виртуального субъекта: «Люди окукливаются в своих электронных оболочках» [Эпштейн, 2023, с. 247].

Важным вопросом в анализе сетевого дискурса является выявление высокой степени его деструктивности, также являющейся следствием нивелирования фигуры Другого. Отсутствие стремления к пониманию, к установлению компромисса и достижению согласия (как уже было сказано выше) детерминируют агрессию как способ манипуляции и демонстрации субъектом своей позиции. Уклонение от стремления к конформному взаимодействию, от толерантности и выраженного стремления к эскалации конфликта выражается в последовательности действий, повышающих конфликтность взаимодействия.

Использование в речи конфликтогенов позволяет усилить уровень агрессии между участниками коммуникации, что является видимым свидетельством несогласия с позицией Другого. Анонимность сторон и отказ от попытки понять точку зрения Другого инициирует процедуру «домысливания» за оппонента и приписывания ему тех идей и позиций, которые он не разделяет. Навязывание готовых ответов, негативной оценки ситуации, неуместность и некорректность задаваемых вопросов, лексическая стигматизация свидетельствует о нивелировании оппонента как субъекта коммуникации и придании ему статуса объекта. Важно иметь в виду тот факт, что агрессивный характер взаимодействия ориентирован на усиление разделения позиций участников на Своих и Чужих. Стигматизация иного как механизм любой культуры усиливается в современном обществе нетерпимостью к чужому мнению. Это является следствием присущей информационному пространству тактики отбора информации, о которой было упомянуто выше. Большое количество информации и скорость ее устаревания обуславливают необходимость адекватного поиска значимой для субъекта информации, что фактически является способом его адаптации к информационной среде. Это позволяет в ситуации дефицита времени и рассеянных данных ориентироваться только на необходимое и бесспорное с точки зрения субъекта. Именно это толкает субъекта к исключению из поля своего восприятия точек зрения, противоречащих его собственной. Использование дезинтегретов, отрицательно маркированных слов, позволяет выделить круг Чужих из собственного пространства существования и усилить собственное доминирование в своем пространстве. Важно отметить тот факт, что в сетевом дискурсе взаимодействие опосредовано техническими средствами, а потому чаще всего асинхронно. Даже при условии непосредственной включенности во взаимодействие и максимально быстром реагировании на сообщения других пользователей, сетевой дискурс оказывается в меньшей степени аффективно определен, нежели реальное общение, в котором

непосредственная связь с адресатом не позволяет тщательно обдумывать реакции. Это дает возможность считать агрессию в сетевом взаимодействии рационально выбранной и преднамеренной стратегией, поскольку человек обладает ресурсами для отложенной и осмысленной реакции. В связи с этим, агрессия нами рассматривается как стремление к доминированию, провокации ответной агрессии со стороны адресата и инициирование негативного характера взаимодействия, благодаря которому становится легче манипулировать эмоционально нестабильным субъектом.

Далее, нельзя забывать, что современное общество чрезмерно индивидуалистично, и сетевое взаимодействие усиливает этот индивидуализм многократно, нивелируя в виртуальном пространстве те нормы и ценности, которые закреплены и легитимированы в реальности социумом. Фрагментация общества, его аксиологическая мозаичность способствуют изоляции индивидов в границах личной позиции. Сетевой дискурс позволяет идентифицировать схожие модели мировосприятия и сформировать сообщество, в независимости от удаленности субъектов пространстве и времени. Именно поэтому коммуникация в цифровом пространстве предоставляет индивиду неограниченные возможности для самоидентификации. Реализуя себя в демонстрации своей позиции, человек не опирается на те значимые институты и их предписания, которые его ограничивают в реальной коммуникации. Таким образом, реализация себя в сетевом взаимодействии становится аналогом социального действия, демонстрирующего образ Я, его позицию и интегрирующего повседневность с точки зрения выбранной позиции. Возможность выбирать информацию, действовать в соответствии с ней персонифицирует позицию субъекта и позволяет достичь равноправия участниками коммуникации. Но, в то же время, это стимулирует человека к замыканию на самом себе. Другой при этом либо соответствует моему взгляду, либо удаляется из моего пространства. Виртуальность становится не столько новой реальностью, сколько выражением моего видения этой реальности. Поскольку мы выбираем только тот фрагмент, который соответствует нашим желаниям и представлениям. Так В. В. Миронов писал об этой избирательности сетевого субъекта: «он как бы локализует свое индивидуальное коммуникационное пространство и благодаря новейшим технологиям может его конструировать, самостоятельно решая, кого он хочет, а кого не хочет туда допускать» [Миронов, 2019, с. 10]. Аналогичное понимание современного коммуникативного процесса в информационном пространстве мы находим у Б. Гройса. Он пишет: «люди все сильнее обособляются, создавая свои интернет-комьюнити... каждый хочет написать — никто не хочет ничего прочесть, каждый хочет выставить — никто не хочет ничего смотреть. Есть продуцирование — но нет ни зрителя, ни читателя» [Гройс, 2018].

Особенности взаимодействия субъектов в полилоге

Важной особенностью сетевого дискурса является его полилогичность — возможность одновременного взаимодействия между несколькими участниками коммуникативного процесса. В полилоге субъект попадает в коммуникативную среду, представленную многообразными точками зрения. С одной стороны, это стимулирует к выработке конвенций для успешного общения и устранения конфликта. Так, Е.М. Иванова связывает переход к полилогичному общению с необходимостью погружения в мир Другого, отличного от субъекта: «Становление полилога как социально-философского явления подкрепляется тем обстоятельством, что существующие социальные миры в процессе коммуникации значительно расходятся друг с другом, и перед субъектами встает проблема неконфликтного, толерантного сосуществования» [Иванова, 2009, с. 40].

С другой стороны, полилог увеличивает опосредованность между собеседниками, а асинхронность коммуникативных реакций приводит зачастую к путанице в тексте, к ответам на те аргументы и доводы, которые уже не являются актуальными. Более того, рассеивание образа оппонента ведет к тому, что высказывающийся чувствует себя

защищенным от реакции Другого не только во времени и пространстве, но и возможной поддержкой анонимных собеседников. Увеличение числа субъектов, участвующих в создании и развитии текста часто ставит каждого участника в эгоцентрическую позицию, в которой реализуется собственная представленность Другим.

Анализ сетевого дискурса позволяет говорить об изменении привычных способов взаимодействия субъектов. Цифровое пространство предоставляет широкие возможности для коммуникации и для формирования собственного образа, дает возможность субъектам перейти от пассивного потребления информации к ее активному производству и увеличивает степень ответственности субъектов за создание информационного продукта. Высокая активность субъектов взаимодействия и их ответственность за качество производимого контента позволяет создавать коллективный интеллектуальный продукт. В данном случае субъекта цифрового пространства характеризует не только вклад в творческий процесс, но и степень соучастия в формировании виртуальных сообществ. На наш взгляд, установление консенсуса и принятие Другого в сетевом дискурсе возможно только тогда, когда сообщество ориентировано на сохранение отношений, необходимых для образования прочной основы для дальнейших социальных действий и формирования социальной солидарности. Имеет значение то, пытается ли субъект изменить и деформировать пространство Другого или, стремится к созданию общего коммуникативного пространства с Другим, воспринимая его возможный активный вклад в социальное действие. Только в последнем случае возможно установление конвенций и придание Другому статуса действительного участника коммуникации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет нам сделать ряд выводов. Для формирования субъекта важнейшими являются следующие особенности сетевого дискурса: ориентация на принятые в значимом сетевом сообществе позиции относительно реальности, анонимность, позволяющая акцентировать внимание только на необходимых в конкретных коммуникативных практиках характеристиках субъекта, свобода самовыражения, возможность самоидентификации через нарратив, равноправие участников. Мультиmodalность, фреймирование и персонализация сетевого дискурса позволяют субъекту конструировать свой образ и модель реальности на основе значимых для него событий и смыслов, приписывая статус подлинности тем фактам, которые не противоречат его картине мира. Цели сетевой коммуникации обусловлены характером взаимодействующих субъектов. В делиберативных практиках участники ориентируются на достижение согласия в ходе обсуждения проблем и принятия решений. В спонтанно формирующихся сообществах консенсус не всегда является целью взаимодействия, в таком случае субъект стремится выразить свое Я через нарративные практики, исключая всякую возможность инаковости о стороны Другого. Важной целью сетевого дискурса является формирование собственной позиции индивида, что может быть реализовано через конфликт, как способ субъекта заявить о своих взглядах и осмыслить их в ходе отстаивания. Роль Другого представляется конституирующей образ субъекта сетевого дискурса. В ситуации отсутствия внешних авторитетов, имевших важное значение в социальной реальности, и разрушения образа значимого Другого в плюральном цифровом пространстве даже анонимный Другой в сетевом дискурсе оказывается значимой фигурой, в отношении которой выражает себя и стремится к признанию субъект. Несмотря на то, что в отношении Другого могут быть использованы деструктивные методы, в частности, агрессия, позволяющая манипулировать Другим и демонстрировать свою позицию, тем не менее, самопрезентация всегда ориентирована на возможность Я быть услышанным. В сетевом дискурсе важное значение приобретает полилог, в котором субъект вынужден взаимодействовать с различными индивидами, что требует рационализации своей позиции, необходимости осмысления возможных стратегий взаимодействия в отношении

занимающих плюральные позиции субъектов. Именно полилог способствует формированию общего смыслового пространства между Я и Другими, а установление отличий между коммуникантами позволяет легитимировать их позиции и признать их право на инаковость.

Список литературы

- Алексеев И.С., Гукосьянц О.Ю. 2014. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности. *Политическая лингвистика*, 4(50): 193–202.
- Барт Р. 2011. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. М., Ад Маргинем Пресс, 272 с.
- Брауз С. 2020. Между правдой, искренностью и сатирой. В кн.: Ванн ден Аккер Р. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и глубина после постмодернизма*. М., РИПОЛ классик: 386–418.
- Грайс Г.П. 1985. Логика и речевое общение. В кн.: Городецкий Б.Ю. (ред.). *Новое в зарубежной лингвистике*. 16. М., Прогресс: 217–238.
- Гройс Б. 2018. Текущее искусство, ответственные люди и камеры в унитазе: интервью с философом и искусствоведом Борисом Гройсом. URL: <https://knife.media/groys-interview/> (дата обращения: 20.03.2025).
- Иванова Е.М. 2009. Полилог как тип диалога в современном обществе: интервальный подход. *Вестник Томского государственного университета*, 327: 40–41.
- Ильин Е.П. 2014. Психология агрессивного поведения. СПб., Питер, 368 с.
- Ионова С.В. 2016. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание*, 15(3): 6–16.
- Кубрякова Е.С. 2003. О типах дискурсивной деятельности. *Вестник МГЛУ*, 478: 5–10.
- Мионов В.В. 2019. Платон и современная пещера big-data. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 35(1): 4–24.
- Соколова О.В. 2014. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М., Гнозис, 304 с.
- Тихонова И.Ю., Кравец А.С. 2022. Парасоциальные отношения в современном мире. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 1: 41–49.
- Фортунов А.Н. 2022. О границах современного кибергуманизма. *Вопросы журналистики*, 11: 42–53.
- Эпштейн М. 2023. От Библии до пандемии: Поиск ценностей в мире катастроф. М., Пальмира, 376 с.
- Chesney R., Citron D. 2018. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security. URL: <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J> (дата обращения: 20.03.2025).
- Habermas J. 1996. *Between Facts and Norms*. Cambridge, MA, The MIT Press, 674 p.

References

- Alekseenko I.S., Gukos'yants O.Yu. 2014. Spetsifika internet-oposredovannoi kommunikatsii i fenomen virtual'noi yazykovoii lichnosti [Specifics of Internet-Mediated Communication and the Phenomenon of Virtual Linguistic Personality]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(50): 193–202.
- Bart R. 2011. *Camera lucida*. Kommentarii k fotografii [Camera Lucida. Comment on Photography]. Moscow, Ad Marginem Press, 272 p.
- Brauz S. 2020. Mezhdou pravdoy, iskrennost'yu i satiroy [Between Truth, Sincerity and Satire]. In: *Van den Akker R. Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik: 386–418.
- Grajs G.P. 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Speech Communication]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue 16. Moscow, Progress: 217–238.
- Groys B. 2018. Tekuchee iskusstvo, otvetstvennyye lyudi i kamery v unitaze: interv'yu s filosofom i iskusstvedom Borisom Groysom [Fluid Art, Responsible People and Cameras in the Toilet: Interview with Philosopher and Art Critic Boris Groys]. URL: <https://knife.media/groys-interview/> (accessed: 20.03.2025).
- Ivanova E.M. 2009. Polilog kak tip dialoga v sovremennom obshchestve: interval'nyi podkhod [Polylogue as a Type of Dialogue in Modern Society: An Interval Approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (327): 40–41.

- И'ин Е.П. 2014. Psikhologiya agressivnogo povedeniya [The Psychology of Aggressive Behavior]. St. Petersburg, Piter, 368 p.
- Ionova S.V. 2016. Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informatsionnykh tekhnologii [Linguistics of New Linguistic Consciousness and Information Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazykoznanie*, 15(3): 6–16.
- Kubryakova E.S. 2003. O tipakh diskursivnoi deyatelnosti [On the Types of Discursive Activity]. *Vestnik MGLU*, 478: 5–10.
- Mironov V.V. 2019. Platon i sovremennaya peshchera big-data [Plato and the Modern Big Data Cave]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 35(1): 4–24.
- Sokolova O.V. 2014. Tipologiya diskursov aktivnogo vozdeistviya: poeticheskii avangard, reklama i PR [Typology of Discourses of Active Influence: Poetic Avant-Garde, Advertising and PR]. Moscow, Gnozis, 304 p.
- Tikhonova I.Yu., Kravets A.S. 2022. Parasotsial'nye otnosheniya v sovremennom mire [Parasocial Relationships in the Modern World]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 1: 41–49.
- Fortunatov A.N. 2022. O granitsakh sovremennogo kibergumanizma [On the Boundaries of Modern Cyberhumanism]. *Voprosy zhurnalistiki*, 11: 42–53.
- Epshtein M. 2023. Ot Biblii do pandemii: Poisk tsennostei v mire katastrof [From the Bible to the Pandemic: The Search for Values in a World of Disasters]. Moscow, Pal'mira, 376 p.
- Chesney R., Citron D. 2018. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security. URL: <https://doi.org/10.15779/Z38RV0D15J> (accessed: 20.03.2025).
- Habermas J. 1996. *Between Facts and Norms*. Cambridge, MA, The MIT Press, 674 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.03.2025

Received March 28, 2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Revised May 28, 2025

Принята к публикации 28.02.2026

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихонова Ирина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия.

Irina Yu. Tikhonova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-184-191

EDN NOXZKX

Антропология праведности в китайской мифологии

Кондратьев А.Я., Звонок Н.С.

Луганский государственный университет им. В. Даля
Россия, 291034, Луганская Народная Республика, г. Луганск, кв. Молодежный, д. 20а
sashulya-kondratiev@mail.ru, zvonok1962@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают праведность в китайской традиционной мифологической системе. Основной акцент сделан на понимание добродетелей, качеств, сущности и внутреннего мира праведников, их отличие от обычных людей. Рассмотрена эволюция понимания критериев праведности, начиная с периода генезиса китайской мифологии и до ее популяризации среди народных масс в эпоху империи Хань. Данная эпоха выделена в качестве завершающей части исследования, так как последующие династии вплоть до империи Цин значительно разбавлялись влиянием культуры кочевых соседних народов, что не позволит провести объективную оценку праведности в естественной китайской культурной среде.

Ключевые слова: китайская цивилизация, мифология, предания, легенды, благодетельность, праведность, метафизика, сверхъестественное, синтез, влияние

Для цитирования: Кондратьев А.Я., Звонок Н.С. 2026. Антропология праведности в китайской мифологии. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 184–191. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-184-191 EDN: NOXZKX

The Anthropology of Righteousness in Chinese Mythology

Alexander Ya. Kondratyev, Natalia S. Zvonok

V. Dahl Lugansk State University
20a Molodeshnyi Qtr., Lugansk 291034, LPR, Russian Federation
sashulya-kondratiev@mail.ru, zvonok1962@mail.ru

Abstract. The article examines righteousness in the Chinese traditional mythological system. The main emphasis is placed on understanding the virtues, qualities, essence and inner world of the righteous, their difference from ordinary people. The evolution of understanding the criteria of righteousness is also considered, starting from the period of the genesis of Chinese mythology and up to its popularization among the masses during the Han Empire. This era is highlighted as the final part of the study, since subsequent dynasties up to the Qing Empire were significantly diluted by the influence of the culture of neighboring nomadic peoples, which will not allow an objective assessment of righteousness in the natural Chinese cultural environment. Despite the transformations and influence of various religious systems, the Chinese value system retained common features of continuity in the aspects of righteous and virtuous individuals. In the course of transformation, they acquired a more mundane role, and historical figures who influenced the evolution of the Han civilization became a model of righteousness and an example for all social strata.

Keywords: Chinese civilization, mythology, traditions, legends, beneficence, righteousness, metaphysics, supernatural, synthesis, influence

For citation: Kondratyev A.Ya., Zvonok N.S. 2026. The Anthropology of Righteousness in Chinese Mythology. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 184–191 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-184-191 EDN: NOXZKX

Введение

Китайская мифология является одной из самых интересных и необычных среди бесконечного разнообразия мифов, преданий, легенд, сказок других народов и цивилизаций. Ее самобытность, символизм, исторические параллели позволяют лучше определить особенности менталитета и внутреннего мира жителей Поднебесной. При этом китайские мифы в большей части являются практически неизвестными широким слоям населения среди других стран и народов, и только некоторые предания (о происхождении животных–символов года, мифы о сотворении мира, легенды о правителях, философах Древнего Китая) известны в культуре различных цивилизаций. Однако, если рассматривать феномены китайского традиционного фольклора, можно обнаружить и выделить огромную исследовательскую нишу, которая была мало изучена в научной среде. Среди таких тем и направлений, которые могут связать христианскую и китайскую культуру, является проблематика видения праведных людей и их особенностей в культурной сфере. В мифологии Поднебесной достаточно часто встречаются сюжеты и мотивы, где фигурируют добродетельные люди, праведники, которые своими действиями напрямую меняют существующий порядок. При этом в разные исторические периоды они обладали определёнными отличиями, особенностями и набором личных качеств, а также сверхъестественных способностей. В статье проведен анализ развития понимания праведности в китайской мифологии от мифов о сотворении мира в эпоху генезиса цивилизации Поднебесной и до эпохи Тан, так как именно в эту эпоху завершилось образование мифологии Китая. Таким образом, тема исследования является актуальной и ее изучение позволит создать и провести параллели с другими мифами, а также улучшить понимание китайского традиционного фольклора.

Первые упоминания о праведниках и добродетельных персонажах

Первые упоминания о праведниках и добродетельных персонажах начинаются с мифов из цикла о сотворении мира и появлении у людей различных сфер деятельности (культура, письменность, медицина, земледелие и т.д.) [Ван Ган, Сюй Хунлян, 2021]. Праведники обладали различными сверхъестественными силами, были непосредственно связаны с божествами, но в отличии от богов, более активно взаимодействовали с материальным миром. Их возникновение описывается в легенде «Об эпохе людского благоденствия»: «И вдруг среди людей объявился мудрец – наполовину человек, наполовину божество. То был счастливчик, созданный из комка глины самой Нюйвой и случайно впитавший в себя божественный дух. Такие люди умели летать и, конечно, унаследовали от Нюйвы любящее сердце и добропорядочность. Они странствовали по миру и, как герои, которые явились на землю после них, искали возможность помочь другим» [Ма Чжэнь, 2020, с.32]. Анализируя данный фрагмент и, непосредственно, сам миф, следует определить, что праведники происходили из божественного мира, впитавшие часть добродетели от Нюйвы – богини-прародительницы человечества, которая, согласно легендам, вылепила людей из глины. Именно они стали ключевыми фигурами, которые научили людей земледелию, строительству домов, поддержанию огня, медицине. В благодарность многих из этих мудрецов-праведников люди возвысили до

статуса божеств и также начали им поклоняться, приносить ценные предметы, почитать в качестве покровителей. В качестве символа покровительства мудрецам давались новые имена, которые соответствовали дару, который они дали людям и укрепляли связь с миром богов.

В последующих мифах эпохи Чжоу, однако, произошли значительные изменения и смены парадигм. Прежде всего, мифология Китая – набор преданий и легенд, которые во многом передавали ключевые исторические события путем иносказательных и символических сцен, сражений, участия богов и людей, метафизических и природных сил. Одной из ярких трансформаций являются рассказы о противостояниях императоров с божественной мощью в борьбе за власть в Поднебесной, с использованием ими сверхъестественных явлений. Таким является миф о борьбе «Желтого владыки» – Хуан-ди с великаном Чию, который также претендовал на власть в Поднебесной. В ходе противостояния Хуан-ди обращается за помощью к различным магическим силам, борется с духами засухи, дождя и по итогу одерживает победу [Юань Кэ, 1987]. В сути самого мифа заложены сразу несколько мотивов: трудность борьбы за власть, через которую проходил император, централизация системы управления (символичность в качестве привлечения различных животных и мифических существ) и самое главное – обращение к духовным силам для установления порядка. Именно это предание положило начало формирования образа императора как праведника на уровне национального государства, который использует силы природы для установления своей власти и общего блага в масштабах единого народа. Тем самым, его добродетель и могущество, опираясь на божественную помощь, легитимизируют систему правления императора и возносят его до статуса праведника не только по праву владения силой, недоступной простым людям. Ее фактическое применение становится по итогу в качестве центра гармонии всех народов и племен, проживающих в Поднебесной. В ходе эволюции эта сила в дальнейшем оформилась как концепция «дэ» – верховная власть императора, подвластная только ему и непосредственно связанная с концепцией «небесного мандата». «Дэ» на начальных этапах ее формирования и в дальнейшем была реализацией воли земного правителя, который применял силу Неба [Ежов, 2004]. Она же, в свою очередь, давалась ему для поддержания порядка и гармоничности правления сразу после восхождения на престол.

Ярким примером героев чжоуской эпохи и правителей, воплощавших все положительные качества и сущность «небесного мандата», стала легенда о «Трех мудрых государях» [Лю Тао Тао, 2023]. К ним относят правителей Яо, Шуня и Юя, чья жизнь и поступки стали образцом и связующей нитью между генезисом конфуцианства и преемственностью прошлой эпохи. Их правление относится к одному из лучших периодов, согласно китайской традиции историописания. При этом, каждый из правителей стал примером для развития дальнейшей системы административного порядка и управления династий Цинь и Хань. Яо считался основателем китайского календаря, воплощением всех добродетелей и ритуала. Конфуцианство в дальнейшем определило именно этого императора, как человека, который создал систему «ли», которую сам Конфуций связал с почитанием законов древности [Переломов, 1993, с. 7]. Император Юй считался легендарным основателем одного из первых централизованных княжеств Поднебесной – мифологического царства Ся. Ему также приписывалось обладание сверхъестественными силами, огромной выносливостью, и в качестве одной из заслуг – спасение человечества от потопа с помощью богов. Юй при этом был и образцом конфуцианства – он считался создателем системы административного правления и равновесия в государстве. Кроме того, его личность в легендах была достаточно сильно очеловечена, и он показывался как император, который всем своим поведением стремился помогать простым людям даже во вред себе. В эпоху деятельности Конфуция именно Юй стал одним из примеров, которые приводил учитель в своих изречениях в качестве образца, как должен себя вести император в сложных ситуациях. Важно отметить, что в

период империй Цинь и Хань император стал дуалистичной фигурой: с одной стороны, был земной император, олицетворяющий волю Неба в Китае. С другой – появление мифов о едином правителе Небес – Нефритовом императоре также стало отражением процесса централизации власти и утверждением именно правителя в качестве центра, поддерживающего целостность государства и гармонию [Георгиевский, 2021].

Даосские и конфуцианские мифы

Даосские мифы, получившие распространение в эпохи «Весен и Осени» и «Сражающихся царств» продолжили смещать акцент на понимании праведности. Легендарный основатель данной религиозной системы – философ Лао-цзы считал, что стремление к гармонии с естественным (природой) – основной ключ к добродетели и ее пониманию [Лао-цзы, 2023]. Герои даосских легенд – монахи, отшельники, мудрецы, которые через притчи и легенды обучают людей пониманию сущности естественной системы, достижению просветления путем обретения бессмертия. Тема вечной жизни – одна из центральных сил, которые определяли особенность даосизма и его феномен в китайских традиционных верованиях. Для даосов бессмертие было воплощением достижения гармонии и высшей точки человеческого существования. Чтобы достичь бессмертия, человеку необходимо, прежде всего, понять закономерности и взаимосвязи, управляющие множеством духов, связанных с различными частями человеческого тела. Воздействуя на духов различными способами и методами, направляя их энергию и не позволяя покинуть тело, можно постепенно увеличить их силу внутри. Это, в свою очередь, приведет к изменению самой материи и сущности человеческой природы. В конечном итоге, духи станут преобладающим элементом, тело дематериализуется и финалом станет вознесение на Небо. Особо известной является народная легенда о Бо сянь – Восьми Бессмертных из даосских мудрецов и праведников. Каждый из них был человеком, но по итогу внутренней аскезы, помощи людям, участия в сражениях, добродетельности, открытиям и воплощении воли Неба обрели бессмертие и стали известными персонажами фольклора Китая [Lucas Russo, 2023]. В народе пользовались большой любовью легенды и предания о бессмертных братьях Мао. Старший из них – Ин, в восемнадцать лет покинул родительский дом и стал учеником даосского святого Ван-цзюня в горах. Год за годом Мао Ин укреплял свой дух, постепенно отказываясь от пищи и обретая легкость. В сорок девять лет, постигнув законы Дао и путь самосовершенствования, он вернулся домой. Отец в гневе попытался ударить сына палкой за своевольный уход, но она внезапно разлетелась в щепки. Мао Ин вернулся в горы, где продолжил совершенствоваться в даосской магии, и в конце концов вознесся на небо на облаке. Эти предания и легенды стали частью верований в то, что даже обычные люди, не связанные с царством богов и императорами путем постижения сущности Дао способны обрести известность, почитание и бессмертие [Ежов, 2004]. Тем более, практически все даосские праведники, достигшие статуса бессмертных, почитались как боги в многочисленном пантеоне и стали частью общенационального культа верования в телесное вознесение. В дальнейших эпохах развития китайской мифологии даосские праведники также влияли на эволюцию аскетического характера, причем обычно в мифах они фигурировали по несколько человек. Особенность мифологического мировоззрения Китая проявлялось именно в этом, так как считали, что один человек не способен в полной мере воплотить все понимание сущности Дао и у каждой личности есть свой путь к его постижению, зависящий от природных талантов и способностей, которые он может реализовать.

Эпоха, в которую жил Конфуций и создал свое учение о порядке, характеризовалась политической нестабильностью [История китайской цивилизации..., 2020]. Династия Чжоу, некогда могущественная и правившая более шести веков, к тому времени потеряла реальную власть, и страна была разделена на враждующие княжества. Конфуций считал,

что вернуть порядок и процветание возможно только путем строгого соблюдения моральных принципов каждым членом общества, от императора до простого крестьянина. Стремясь распространить свои учения, он путешествовал по различным княжествам, предлагая правителям советы по мудрому управлению. Его идеи быстро завоевали популярность, особенно среди чиновников. Многие из них приходили к Конфуцию, чтобы участвовать в обсуждениях, направленных на нравственное совершенствование. Предания гласят, что у Конфуция было около трех тысяч учеников. Из них особо выделялись семьдесят два, а двенадцать наиболее преданных постоянно находились рядом с ним, перенимая его мудрость. Постепенно его деятельность дала плоды, и многие провинции в Китае искали мудрости у Учителя, а крестьяне и ремесленники просили его совета даже в повседневных делах. В Китае культ грамотности возник одновременно с распространением конфуцианства [Adler, 2020]. Фундаментальные принципы этого учения, равно как и даосизма, были заложены представителями сословия ши – образованных «служилых мужей», из рядов которых вышли многие китайские философы и духовные наставники. Их система управления привела к процветанию и развитию искусств и культуры китайской цивилизации, а их деятельность обрастала легендами и мифами. В том числе, жизнь Учителя Поднебесной также не стала исключением. Например, говорили, что необычная форма головы новорожденного Конфуция предвещала ему великое будущее: на голове младенца были бугорки и вмятина, как у легендарного Фуси, изобретателя иероглифов, грамоты, счета и кулинарии. Слова и действия Учителя стали считаться божественными заповедями, образцом для подражания. Со временем почитание Конфуция разделилось: его стали ассоциировать с богом долголетия Шоусином, изображаемым в виде седовласого старца в окружении детей. Этот образ символизировал единение нации вокруг великого учителя и воплощение сыновней почтительности сяо. Следствием почитания знаний и культа Конфуция стало укрепление идеи о Поднебесной как центре мироздания. После смерти Учителя поклонение его мудрости и жизни постепенно стало общенациональной традицией. В период ханьской цивилизации, император Лю Бан совершил первое жертвоприношение у могилы Конфуция. Вследствии, эта практика стала обязательной частью ритуала, который вознесли до высшего уровня государства, и он олицетворял дань Чжоуским традициям, которые защищал непосредственно сам китайский философ в период своей жизни. Конфуций и его ближайшие ученики, будучи людьми, тем самым, получили статус праведников благодаря вкладу в развитие общественной системы Китая, системы ритуала, руководства постижения мудрости и учения, которое стало неотъемлемой частью ханьской бюрократической иерархии [Королев, 2007].

Отдельно следует определить, что бюрократия во многом повлияла на развитие системы верований китайцев. В эпоху империи Цинь аппарат чиновников и управленческая система достигла стадии процветания, а ее зарождение сопровождалось объединением Китая под единым правлением. Конфуцианская традиция и бюрократизм под влиянием буддистских верований создали специфический образ загробного мира – места искупления «Диюй». Согласно мифологии – это место из десяти судилищ, управляемое судьями и чиновниками из богов. Каждый из них определяет меру наказания, анализирует поступки попавших к ним людей и изучает имеющиеся записи об их жизни. Самое первое судилище является «зеркалом прегрешений» – местом, где человека проверяют на соответствие основным добродетелям конфуцианства [Дженнингс Кен, 2024]. Буддистское влияние проявилось в виде реализации темы перерождения на десятом уровне после некоторого время мучений. При этом человек перерождается в зависимости от кармического наполнения и наличия добрых дел. Наличие добродетелей и вклад в развитие общества давали возможность погибшему стать духом-покровителем своей семьи, что прослеживает влияние традиционного китайского культа предков-хранителей рода, который играл важную роль в традициях с периода зарождения цивилизации

Поднебесной. Впоследствии данная парадигма стала частью культурной политики, где все покоренные народы со временем ассимилировались в китайскую среду [Цю Ш, 2025].

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что праведники и добродетельные люди – одна из важнейших тем и мотивов китайской системы ценностей. Начиная от периода зарождения мифологической традиции, они так же проходили через этапы изменений и интерпретаций. Так, на этапе мифов о сотворении мира праведники обладали прямой связью с богами, носили титул мудрецов и получали имена от людей. Кроме того, они обладали частью божественной мудрости, возможностью летать и двигать человеческую цивилизацию через дары ремесел и медицины. В дальнейшем мудрецы перешли в мифах в статус советников императоров, полководцев и выдающихся личностей китайской истории [Китай и окрестности..., 2010]. Их советы носили ценность в качестве знания о древности. Божественное влияние также сохранялось, что позволяло мудрецам оказывать влияние своими словами на поддержание общественного порядка и разрешение кризисных ситуаций.

По итогу развития мифологии, акцент был смещен на историчность – рассказы и мифы о восхождении императоров к власти, противостоянии и борьбе за влияние между правителями. Они объясняли появление статуса «божественного мандата» и причины наличия в Китае центральной власти в лице Императора как единственного лидера Поднебесной. Императоры воплощали в себе идею праведности в виде управления силой «дэ» – особой силы, исходящей от Неба, и использовали ее для установления Единого порядка и гармонизации развития цивилизации. Параллельно с этим даосские мифы предлагали на роль праведников монахов и аскетов, которые отделились от мира, и своими добрыми делами и помощью ближним смогли достичь божественного просветления. Идеалы дао предложили концепции вознесения на небеса или достижения бессмертия добродетельных личностей, так как изначальная цель этого учения предполагала именно максимальное продление жизни человека, апогеем которой и стали мифы о появлении бессмертных людей.

Исходя из длительного процесса и множества религиозных систем, следует выделить пять ключевых особенностей праведников, которые были свойственны для китайской мифологии:

1. Взаимодействие праведных людей с божественным миром.
2. Наличие у праведников сверхъестественных сил и мудрости.
3. Влияние и применение сил на благо человечества и его развитие.
4. Личный пример другим людям, каким способом распорядиться и поддерживать гармонию в мире.
5. Выступление связующей силой в последовательной линии «природа – человек (праведники) – мир богов».

Китайская система ценностей, несмотря на преобразования и влияние различных религиозных систем, сохраняла общие черты преемственности в аспектах праведных и добродетельных личностей. В ходе трансформации они обрели более приземленную роль, а исторические личности, оказавшие влияние на эволюцию ханьской цивилизации, стали образцом праведности и примером для всех социальных слоев.

Список источников

- Дженнингс К. 2024. Загробное путешествие. Царство Аида, Средиземье и Вальхалла: 100 мест, которые нельзя пропустить после смерти. М., МИФ, 384 с.
- Георгиевский С.М. 2021. Мифы Древнего Китая. Санкт-Петербург, СЗКЭО, 336 с.
- Ежов В.В. 2004. Мифы древнего Китая. М., АСТ, 496 с.
- Королев К.В. 2007. Китайская мифология. Энциклопедия. М., Мидгард, 416 с.
- Лао-цзы. 2023. Дао дэ цзин. Канон о Дао и дэ. М., АСТ, 240 с.

- Лю Тао Тао. 2023. Китайские мифы. От царя обезьян и Нефритового императора до небесных драконов и духов стихий. М., Манн, Иванов и Фербер, 224 с.
- Ма Чжэнь. 2020. Мифы и легенды Китая. М., Шанс, 143 с.
- Переломов Л.С. 1993. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., Наука. 440 с.
- Юань Кэ. 1987. Мифы древнего Китая. М., Наука, 528 с.

Список литературы

- Ван Ган, Сюй Хунлян. 2021. Сопоставление космогонических мифов древнего Китая и древней Руси. *Культура и цивилизация*, 11(4А): 187-191. DOI: 10.34670/AR.2021.78.63.027.
- История китайской цивилизации: в 4 т. 2020. Т. 1: С древнейших времен до 221 г. до н. э. М., Шанс, 671 с.
- Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература. 2010. К 75-летию академика Б.Л. Рифтина. *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Вып. XXV. М. 640 с.
- Цю Ш. 2025. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики Китая. *Международные отношения*, 1: 36-44. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73240. EDN: BAYUSN.
- Adler J. 2020. Confucianism as a religious tradition: Linguistic and methodological problems. *Confucianism in dialogue with cultures and religions: A conference in honor of Professor Tu Weiming*. Kenyon College, Ohio, USA. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Adler%2C+J.+2020.+Confucianism+as+a+religious+tradition%3A+Linguistic+and+methodological+problems.+Confucianism+in+dialogue+with+cultures+and+religions%3A+A+conference+in+honor+of+Professor+Tu+Weiming,+Kenyon+College%2C+Ohio%2C+USA.+&lr=222> (дата обращения: 12.04.2025).
- Lucas Russo. 2023. *Uncovering Chinese Mythology: A Beginner's Guide Into the World of Chinese Myths, Enchanting Tales, Folklore, Legendary Heroes, Gods, Divine Beings, and Mythical Creatures*. 107 p.

References

- Van G., Syuj H.L. 2021. *Sopostavlenie kosmogonicheskikh mifov drevnego Kitaya i drevnei Rusi [Comparison of Cosmogonic Myths of Ancient China and Ancient Rus]*. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 11(4A): 187-191. DOI: 10.34670/AR.2021.78.63.027.
- Istoriya kitaiskoj tsivilizatsii [History of Chinese Civilization]*. In 4 vols. 2020. Vol. 1: *S drevneishikh vremen do 221 g. do n. e. [From Ancient Times to 221 BC]*. Moscow, Shans, 671 p.
- Kitai i okrestnosti: mifologiya, fol'klor, literatura [China and Its Surroundings: Mythology, Folklore, Literature]*. 2010. K 75-letiyu akademika B.L. Riftinga [To the 75th Anniversary of Academician B.L. Rifting]. (*Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti*. Issue XXV). Moscow. 640 p.
- Tsyu Sh. 2025. *Kul'turnaya diplomatiya kak instrument vneshnei politiki Kitaya [Cultural Diplomacy as an Instrument of China's Foreign Policy]*. *Mezhdunarodnye otmosheniya*, 1: 36-44. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73240. EDN: BAYUSN.
- Adler J. 2020. Confucianism as a religious tradition: Linguistic and methodological problems. *Confucianism in dialogue with cultures and religions: A conference in honor of Professor Tu Weiming*. Kenyon College, Ohio, USA. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Adler%2C+J.+2020.+Confucianism+as+a+religious+tradition%3A+Linguistic+and+methodological+problems.+Confucianism+in+dialogue+with+cultures+and+religions%3A+A+conference+in+honor+of+Professor+Tu+Weiming,+Kenyon+College%2C+Ohio%2C+USA.+&lr=222> (accessed: 12.04.2025).
- Lucas Russo. 2023. *Uncovering Chinese Mythology: A Beginner's Guide Into the World of Chinese Myths, Enchanting Tales, Folklore, Legendary Heroes, Gods, Divine Beings, and Mythical Creatures*. 107 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.04.2025

Received April 21, 2025

Поступила после рецензирования 21.07.2025
Принята к публикации 29.11.2025

Revised July 21, 2025
Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кондратьев Александр Яковлевич, аспирант кафедры философии, Луганский государственный университет имени В. Даля, г. Луганск, Россия.

Alexander Ya. Kondratyev, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, V. Dahl Lugansk State University, Lugansk, Russia.

Звонок Наталья Степановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Луганский государственный университет имени В. Даля, г. Луганск, Россия.

Natalia S. Zvonok, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, V. Dahl Lugansk State University Lugansk, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 130.2:173.5

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-192-202

EDN PNBXBA

Письма отцов и детей как опыт связи поколений в российской культурной традиции

Бакшутова Е.В.

Самарский государственный институт культуры
Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167
bakshutova.ev@samgik.ru

Аннотация. Более привычно в отношении отцов и детей говорить о конфликте и противостоянии. Да, и это тоже справедливо. Но, возможно, что в нашей культурной традиции мы можем обнаружить что-то помимо конфликтов – сближение, доверие, попытки донести свои мысли и чувства? Сегодня мы обнаруживаем себя в уникальной поколенческой системе отношений. У нас очень многофункциональная страта «старших» поколений, которая вмещает в себя одновременно и мам и бабушек (и чуть меньше пап, и еще меньше – дедушек). Именно им мы благодарны не только за жизнь, но и за культуру, технологии, материальные и духовные ценности, которые предлагаются в пользование «младшим». Именно предлагаются, а не осваиваются совместно в деятельности. Изобилие возможностей, не обусловленных потребностями, породило уникальный культурный кризис, разрыв поколений, причина которого многим видится в технологиях. Так ли это, и есть ли возможность преодоления ценностного разрыва? Есть ли опыт у старших, и тех поколений, которые еще старше и уже ушли, и стали историей? Преодоление кризиса требует в первую очередь не просто решений и действий, а осмысления, философской рефлексии того, что мы называем традиционными ценностями, и путей их подлинной передачи, осмысленного освоения и актуализации в повседневных практиках. Один из способов сохранения межпоколенческих связей мы увидели в переписке родителей (преимущественно отцов) со своими детьми. Знаменитых отцов, имена которых сохранила история, но подобная переписка столетиями была именно обычным делом, подлинно культурной практикой передачи житейской мудрости.

Ключевые слова: человек, отец, семья, сын, дочь, письма, переписка, ценности

Для цитирования: Бакшутова Е.В. 2026. Письма отцов и детей как опыт связи поколений в российской культурной традиции. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 192–202. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-192-202 EDN: PNBXBA

Father-Child Correspondence as an Experience of Connection between Generations in the Russian Cultural Tradition

Ekaterina V. Bakshutova

Samara State Institute of Culture
167 Frunze St., Samara 443010, Russian Federation
bakshutova.ev@samgik.ru

Abstract. The idea of confrontation between parents and children is embedded in myths. At present, though, the relationship between generations tend to acquire new features. Gerontocracy has become a

political and educational issue, while in everyday life we face a very powerful multifunctional stratum of older generations, which includes mothers and grandmothers, slightly fewer fathers, and even fewer grandfathers. The older generations gave life to the younger ones, created culture, technologies, material and spiritual values, which are offered for use to the young. They are offered, instead of being mastered in the course of joint activity. The abundance of opportunities not conditioned by needs has given rise to a unique cultural crisis, the generation gap, which is believed to result from technology. Is this true, and is it possible to overcome the value gap? In the author's opinion, the problem consists not only in broken communications, but also in questioned humanity, since technologies are beginning to replace people and the relationships between them. Do the elders and previous generations have any experience? Overcoming the crisis requires, first of all, not just decisions and actions, but comprehension, philosophical reflection on what we call traditional values and ways of their genuine transmission, meaningful assimilation and actualization in everyday practices. One of the ways of preserving/returning/cultivating intergenerational connections may be found in the correspondence between parents (mostly fathers) and their children. These are famous fathers, whose names have been preserved by history. For centuries, such correspondence has been a common thing, a truly cultural practice of sharing worldly wisdom.

Keywords: man, father, family, son, daughter, letters, correspondence, values

For citation: Bakshutova E.V. 2026. Father-Child Correspondence as an Experience of Connection between Generations in the Russian Cultural Tradition. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 192–202 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-192-202 EDN: PNBXBA

Актуальность проблематики данного исследования проявляется рядом обстоятельств.

Во-первых, это тема традиционных ценностей, которая не нова для общественного дискурса, она актуализировалась с самого начала текущего века, пока не закрепились нормативно. Но каждая из названных семнадцати традиционных ценностей требует обсуждения, поскольку Указ президента не дает пояснений, в каком историческом периоде, в каком контексте и специфическом проявлении укоренена та или иная ценность. Наиболее близка и понятна каждому ценность семьи, но именно семья, обеспечивающая устойчивость и личности и общества, в современном мире оказалась в наиболее турбулентном состоянии. Беспокойство за судьбу семьи как социального института делает ее важнейшим предметом философско-антропологического анализа, поскольку вызывает опасения, что поиск ответа на классический вопрос европейской культуры и философии «что есть человек?» вскоре некому будет задавать, так как перестает воспроизводиться не только семья, но и сам потенциальный вопрошающий. Тем самым под угрозой субъект познания, кодирования и декодирования знаков и символов.

Во-вторых, связанная с проблематикой семьи всеобщая растерянность по поводу «цветов жизни» – детей, которые ежедневно слышат, что с ними «что-то не так». Претензий к современным детям и молодежи много: они не собраны, безответственны, ничем не интересуются, не умеют общаться и тому подобное. Складывается впечатление, что дети эти появились как бы из ниоткуда, их не воспитывали их взрослые, которые так умны и исполнены благодати. Ответственность за «что-то не так» и «что есть человек» возложили на самих детей, что в корне противоречит идее сохранения и передачи традиционных ценностей, поскольку последнее предполагает преемственность, а на деле мы перескакиваем через несколько поколений, выхватывая из разных сегментов прошлое, не актуализированное непосредственно современными взрослыми. И в этом случае субъект бытия так же под угрозой, поскольку познание никак не связано с опытом, знаки не означивают ни воображаемое, ни символическое, ни тем более реальное. Меньше всего хотелось бы относить человека, семью, ценности к симулякрам, но согласимся с

Н.Н. Ростовой в том, что русле постгуманистической парадигмы мышления «сам вопрос о человеке обесмысливается и становится неправомерным, ибо предъявленная модель мира лишается онтологических границ, и человек оказывается меньшинством наряду с прочими меньшинствами в контексте общего целого» [Ростова, 2020, с. 93]. Как бы то ни было, кризис семьи сегодня в разных типах культур, а значит, противопоставление их ценностных систем уводит нас от целостного, философско-антропологического понимания проблемы.

Мы попробуем вернуться к опыту понятного – не в конкретный исторический период, а к конкретной человеческой практике – опыту диалога взрослого и ребенка, представленного в письмах отцов к своим детям. В отечественной культуре сложилась традиция рассматривать семью не только как социальный и репродуктивный институт (как в европейской культуре), сколько как условие и необходимость духовного совершенствования супругов [Дмитрийчук, 2018, с. 14]. Еще одна особенность русской философии в отношении гендерной маркировки культуры и истории – определение сущностных характеристик России как женских, женственных. В.В. Розанов, обосновывая свое понимание России как «женщины, вечно ищущей жениха, главу и мужа», отмечает в русских «свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям», «женственную уступчивость и мягкость» (цит. по: [Рябов, 2001, с. 223]). Так ли это? Мы обратимся именно к российской библиотеке наставлений, писем, посланий старших к младшим, поскольку наставления Конфуция или Вольтера весьма интересны, но они не проживаются в нашем культурном опыте как рассказы о наших собственных приключениях. И это будут именно письма отцов, написанные своим детям – сыновьям и дочерям. Не абстрактным потомкам, а конкретным, родным детям передается не просто вектор социализации, но и опыт проживания «здесь и теперь» в разнообразных материальных, бытовых, больших и малых делах, а также то, что служит собственно духовным наставлением, причастности к бесконечности, к целому.

Интересно, что в основном авторы педагогических сочинений, известных нам, обращаются к своему воображаемому читателю – воспитателю, педагогу, родителю. Но, начиная со слов в древнеегипетском папирусе: «Дитя несет ухо на своей спине, нужно бить его, чтобы он услышал» [Джуринский, 1999, с. 26], ребенок предстает в третьем лице как объект педагогического воздействия и никогда как субъект. Мы не встречаем текстов, которые обращались бы к самим детям, превращая их из объекта в субъект воспитательной и образовательной деятельности, как сейчас принято говорить.

Новорожденный не умеет читать, скажем мы, и для него сотни поколений придумывали и придумывают сказки, которые рассказывают (или читают) родители, бабушки и дедушки, няни. Воспитание, обучение и инкультурация реализовывались через быт, труд и нарратив. Так продолжалось до тех пор, пока человеческий ум работал в обыденном режиме, до появления письменной культуры, а далее – науки, в том числе и педагогической. В последних самих по себе нет ничего плохого, но научная деонтология всегда провоцирует разделение, поскольку проверяет реальность в дихотомиях «истинного – ложного, реального – нереального, существующего – несуществующего» [Шкурагов, 1997, с. 163]. А человеку, входящему в культуру, человеческое общество, в первую очередь необходимо нормативное согласование с культурой, изначальная целостность.

Сказки для детей создаются и сегодня, и они любимы детьми и взрослыми не менее, чем народные; вслед за Л.Н. Толстым написаны и специальные педагогические тексты для детей или, например, «байки для детских психологов». На наш взгляд, очень хорошим примером педагогических посланий, обращенных к детям, молодежи, к людям вообще – служат письма, написанные разными людьми своим детям. Для самих адресатов они бесценны, поскольку сохраняют для них частицу личности родителей, укореняют их вместе с ними в общем поле идентичности, даже если при жизни отношения эти не были

гладкими. Письмо формально не всегда нарратив как последовательное повествование, в письмо включаются и другие типы речи (описание, рассуждение), но письмо – это нарратив как рассказывание, представление момента жизненной истории такой, какой ее видит автор. Анализируя идею Дж. Брунера о нарративе, В.А. Шкуратов отмечает: «Европейская мысль последнего века по-разному сводила современное и архаичное, индивидуальное и коллективное, сознательное и бессознательное, рациональное и аффективное. У Брунера указан весьма точный адрес для исследователей указанных загадок. Это – нарративность, возведенная в трансвременной феномен. Нарратив расширяется до синонима всей символической культуры, по крайней мере, до мимезиса, равномошному логосу» [Шкуратов, 1997, с. 166]. Нарратологическая методология критикуется в первую очередь «за отсутствие связи между биографическим повествованием и социальным миром» [Тищенко, 2016], а Ф.Р. Анкерсмит приходит к выводу, что нарративный подход неприменим к историческому опыту, так как любой нарратив – это самодостаточная реальность, никак не связанная с исторической реальностью [Анкерсмит, 2009], однако социальный мир конструируется индивидами, присутствующими в истории, осуществляющими ее, и, в конечном итоге, конструирующими по своему усмотрению не только бессознательно, но и вполне осознанно в личных или государственных целях.

Нельзя обойти еще одну проблему, обуславливающую актуальность нашего исследования: для опосредования психических интенций мы сегодня используем другие технические средства. Переписка осталась, но из формы передачи, ориентированной на долгую длительность во всех аспектах этого не столько действия, сколько деятельности. Сам процесс письма мог быть долгим, не одномоментным, сопровождать и порождать раздумья, давало возможность взвешивать слова. Не случайно этот жанр использовали не только для личной переписки, но и с более глобальной перспективой и аудиториям – государственным мужам, потомкам («Письма спящему брату» А.С. Десницкого, в целом народу или народам (например, письма Вольтера и П.Я. Чаадаева), эти письма написаны амбициозными авторами для вечности. Зачастую пересылка и передача занимали время (как адресат, так и адресант могли даже умереть за это время, и авторы писем учитывали это, в частности, письма с фронта указывают на допущение авторами такого развития событий). Ну и чтение письма, если это не короткая записка – занимало время, сопровождалось раздумьями, и требовало времени для ответа.

Современная электронная переписка все так же используется для обмена информацией и эмоциональными оценками. Но если традиционный эпистолярный жанр, особенно личная переписка, содержит в себе элементы и устной и письменной речи, в том числе художественной, то электронные эпистолы (письменный текст) строятся по типу устной речи [Кронгауз, 2012], обмен ими осуществляется «здесь и теперь», не оставляя места для, на наш взгляд, главного – размышлений. Как будто бы скорость реакции в мессенджере – залог победы или выживания.

Письма, которые нам предстоит прочесть «разбросаны» чуть не на тысячу лет, но мы все еще их читаем, и может быть, «старая» этика не такая уж старая, просто мы с ней не справились?

Тексты писем, рассматриваемые в статье, можно разделить на две группы. Первая – собственно письма, личная переписка, авторы которой, возможно и рассчитывали на то, что написанное когда-либо будет прочитано не только адресатом, но и более широкой публикой (это Послание Владимира Мономаха, письмо С.С. Воронцова, письма Л.Н. Толстого и Г.С. Аксакова). Вторая – письма, нарочито написанные для публикации и обнародования (В.А. Сухомлинский, Е. Леонов). При анализе писем попробуем придерживаться того, что авторы пишут о себе; о контексте; о будущем; «полезные советы»; о долге – в отношении семьи, старших и младших, братьев и сестер, людей и

человечества в целом, в отношении родины, образования и своего дела. И с позиции современного родительства нас интересует проблематика сепарации, ответственности и т. п.

Самое старшее из писем – Поучение Владимира Мономаха (1053–1125) написано в конце жизни, «сидя на саях» (не ранее 1117 г.). О себе князь пишет – «худой», «грешный» [с. 33], «моего слабого ума представление» [Поучение, 1969, с. 35], о людях – «грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь» [Поучение, с. 34], о мире как о чуде, созданном Б-гом, в котором все прекрасно и ладно устроено [Поучение, с.34]. И в первую очередь завещает детям «страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра» [Поучение, с. 33]. Три добрых дела, которые обещают победу над врагами: покаяние, слезы и милостыня» [Поучение, с. 34]. «Ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божью» [Поучение, с. 34]. Послание отсылает нас к заключительной части книги Иова, где тот восхваляет чудеса Творения, а дальше «моего собственного ума наставления»: «убогих не забывают». «ни правого, ни виновного не убивайте» (хотя сам воевал и охотился изрядно, конечно, Владимир, о чем пишет он сам как о дозволенном богом, который уберет его от смерти, от страшных ран и болезней); «не клянитесь богом», а если пришлось – «не преступайте», «гордости не имейте, «не ленитесь» – «леность ведь всему мать». Нельзя лениться «ни на что хорошее», и для нас особенно ценно: «что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран» [Поучение, с. 36]. Наставление учиться (в числе прочего хорошего) дает своему девятнадцатилетнему сыну и граф С.Р. Воронцов (1744–1832) при отъезде последнего на службу в Россию (1801). Живя за границей, он «стремился вырастить сына “настоящим русским”», как пишет М.И. Микешин [2023, с. 165], и добавим – настоящим взрослым, – чтобы тот смог приносить пользу своей стране, и отправляет сына на историческую родину, несмотря на болезненность разлуки: «Ведь ваше благополучие мне дороже, чем мое собственное удовольствие, ради которого я никогда бы не расставался с вами» [Воронцов, 2015, с. 165].

Рассуждая о том, что «соотечественники... вышли из “наиболее зверского рабства”, но не понимают, что значит быть свободными» [Воронцов, 2015, с. 166], а «каждая страна имеет свои нравы и обычаи, зависящие от климата, управления и образованности» [Воронцов, 2015, с. 167], изменить которые мы не в силах. С.Р. Воронцов советует своему сыну быть добродетельным и осторожным, внимательным и скромным в знакомствах и разговорах, проявляя решительность только в двух случаях: «берясь за всякое честное, добродетельное и милосердное дело и отказываясь решительно от какого-либо участия в деле бесчестном, если бы его вам предложили или хотели в него вовлечь; ведь честь – хороший государь, и лучше пожертвовать всем, чем ее потерять» [Воронцов, 2015, с. 167]. Отец дает своему сыну обычные наставления – учиться, изучать страну, держаться подальше от современной молодежи, которая жаждет только удовольствий, помнить, что «с чистой совестью и достойными друзьями вы всегда будете утешены в любых возможных несчастьях» [Воронцов, 2015, с. 169]. Делать добро «тому, кто честен и несчастен, ведь это невыразимое удовлетворение – иметь возможность сделать счастливыми и довольными тех, кто этого достойны» [Воронцов, 2015, с. 167].

Но особого внимания заслуживают пожелания следовать советам старших (он рекомендует сыну своих друзей): «пользуйтесь счастьем иметь такого руководителя, который столь глубоко мудр в делах внешних и внутренних, который обладает таким общепризнанным благоразумием и таким просвещенным разумом...» [Воронцов, 2015, с. 167], «они будут счастливы провести вас самым верным путем через лабиринты царского дворца и двора...», «он очень надежный друг...» [Воронцов, 2015, с.168], а также заботиться о сестре: «любите свою сестру, которая столь заслуживает дружбы и предана вам и сердцем, и душой» [Воронцов, 2015, с. 168]. Такое наблюдение –

в основном все письма написаны отцами, и написаны они сыновьям. Только что процитированное письмо – свидетельство того, что о дочерях говорят в третьем лице, как о существах, требующих просто заботы и любви, от которых никаких проявлений субъектности не ожидается.

Но все же исключения из такого эпистолярного обихода были. Во-первых, это Л.Н. Толстой (1828–1910), авторству которого принадлежит известных пока 8000 писем; писал он много и охотно, в том числе и незнакомым людям, обращавшимся с разными вопросами и проблемами. Л.Н. Толстой писал письма своим детям – сыновьям и дочерям (из восьми достигших взрослого возраста детей было две дочери), а также и разной другой молодежи. И весьма важно, что это не был монолог, а всегда разговор, беседа, ответ на письма. Складывается впечатление, что с детьми он был близок, они доверяли ему в самых разных своих не только житейских делах, но и в душевных (духовных) движениях, которые вполне соизмеримы с нашими. Письма с сыновьями опустим, они и душевны, и поучительны, очень искренни. Коснемся писем к дочерям, которым так редко пишут другие авторы. Вот он пишет 18 октября 1885 г. 21-летней дочери Т.Л. Толстой: «Для меня, например, важнее гораздо встать рано и отвыкнуть от табаку, чем исполнение всех моих внешних желаний, для тети Тани, от которой я получил письмо, где она говорит, что ей нужно денег, денег, денег, гораздо важнее не то, что отвыкнуть браниться, а раз удержаться от брани, чем получить Ротшильдово состояние, и последний пример на закуску, тебе важнее убрать свою комнату и сварить свой суп (хорошо бы коли бы ты это устроила – протискалась бы сквозь все, что мешает этому, особенно, мнение), чем хорошо или дурно выйти замуж. Мне очень страшно за тебя, за твою не слабость, а восприимчивость к зевоте и желал бы помочь тебе» [Толстой, 1934, с. 292]. На что дочь ответила, что суп сварить попробует. Послание как будто просто бытовое, но в нем ответ и на многие запросы сегодняшнего дня, когда рефреном из разных источников информации звучит призыв к саморазвитию и самосовершенствованию, и «кривая» обратная связь, которую получают уже педагоги и родители от подростков и молодежи, настаивающих на том, что цель их жизни – это саморазвитие. Хотя и современные родители тоже мечтают о саморазвитии, представляя его чем-то очень воздушным и очень далеким от того, чтобы «сварить свой суп».

И вот еще письмо заботливого отца очень сильно влюбленной дочери М.Л. Толстой (4 августа 1893 г.), письмо, продиктованное желанием уберечь близкую ему по духу дочку от обычных для юности ошибок: «Я между двух опасностей: повлиять на тебя так, чтобы произвести насилие над тобой, и – другое – не сказать то, что чувствую, не сказать вовремя нужное слово. Главное, что я так люблю тебя и так мне жалко тебя, особенно когда я вижу тебя, что не хочется, не могу огорчить тебя, стараюсь говорить по тебе, а ты иначе толкуешь мои слова и совсем иначе представляешь себе мое чувство. Я, не переставая, думаю и болею о тебе. Многое хотелось бы сказать, скажу одно: не верь себе. Я знаю, как это бывает при частом свидании: вдруг западет – не мысль, а соблазн – присосется и начнет расти, расти – особенно при нашей роскошной, праздной жизни, да еще кумыс – и если не дойдет ни до чего, то так и пройдет без следа, но если выскажется, то все эти обрывки мыслей и чувств, соберутся в одно и составит что-то как будто целое, длинное. “Я давно уже любила, или любил”. Сколько раз приходилось это слышать» [Толстой, 1953, с. 377]. Лев Николаевич прав во всем, имея громадный жизненный опыт. Но очень настораживает часто и настойчиво повторяющееся здесь «я», и не очень ясно – о чем печется отец – о грядущих любовных страданиях дочери, или им управляет желание выговориться, проявиться в качестве достойного родителя. Вот из письма, написанного днем ранее: «Прости меня, если я огорчил тебя тем, что я пишу о твоём чувстве. Если ты меня не простишь, то Бог простит меня, потому что я перед ним употреблял все силы, чтобы поступить не для себя, а для него, как нужно и как он хочет. И думаю, что правда не может быть грехом» – и тогда, возможно, письмо не к дочери из заботы о ней, а к богу

из желания показать, что сделано все, что можно. Но, откровенно говоря, наставлений в письмах писателя много, но все дети поступали по своему разумению, чему отец частенько огорчался, но не препятствовал.

Примечательны письма Л.Н. Толстого молодым девушкам и юношам, которые писали ему, видимо, «алчущие и жаждущие» правды, и отчаявшиеся найти ее в книгах или в Церкви. А может быть, и не искавших, не читавших всех тех книг учителей человечества, которые к концу XIX в. уже в изобилии были написаны. Написаны, но не прочитаны, на что и сердится писатель, отвечая на письмо ученицы 6-го класса женской гимназии г. Сарапула М. Донях, которая после прочтения «Крейцеровой сонаты» спрашивает, в чем смысл жизни женщины: «Если хотите что-нибудь знать и не быть такой душой, как весь легион таких же, как вы, самоуверенных и развязных барышень, то прежде всего научитесь понимать свое невежество и стыдиться его, а не задавать, воображая, что это очень мило, вопросы о том, что такое жизнь, а зачем жить мне, такой возвышенной среди всех таких ничтожных людей, окружающих меня» [Толстой, 1956, с. 173]. Письмо не было отправлено, Л.Н. Толстой вместо себя (чувствуя, видимо, свое избыточное раздражение) попросил В.Ф. Булгакова ответить девушке и выслать ей книжки «На каждый день».

И вот одно из последних писем писателя, написанное Неизвестной «Х» 21 октября 1910 г. в ответ на письмо гимназистки 6-го класса Саранской женской гимназии (без подписи), в котором она раздраженно и едко описывала окружение – порядки в гимназии, своих педагогов и соучениц: «Вы осуждаете всех окружающих вас, бессознательно высказывая этим уверенность в вашем превосходстве над всеми и полное самодовольство. Вы желаете быть полезной людям. Но тот, кто желает быть полезным людям, должен прежде всего постараться быть не вредным им. А если вы хорошенько взглянете в себя, то легко увидите, что вам в этом отношении предстоит очень много работы над собой, хотя бы той, чтобы научиться не осуждать людей и любить их» [Толстой, 1958, с. 197]. Л.Н. Толстой как будто бы подытоживает жизненный путь серебряным правилом этики «Не поступайте с другими так, как не хотите, чтобы поступали с вами», которое на деле более надежно, чем золотое. И хотя писатель пишет детям о своей любви к ним, в главном он не видит различий между детьми своими и вообще детьми человеческими – отсылая всех своих адресатов к любви Христа, он отмечает, «чтобы любить людей и быть любимым ими, надо выучиться кротости, смирению и искусству переносить неприятных людей и неприятности, а в случае невозможности не оскорбить никого, уметь выбирать наименьшее огорчение» [Толстой, 1953, с. 118].

Старший современник Л.Н. Толстого Г.С. Аксаков (1820–1891), государственный и общественный деятель, губернатор в Оренбургской, Уфимской и Самарской губерниях, тайный советник, почетный гражданин городов Уфы и Самары, сын писателя С.Т. Аксакова, также радуется нас эпистолярным наследием, и более всего – письмами супруге Софье Александровне. Писал он и детям, всего двое из которых достигли взрослости, Ольга и Сергей. С Сергеем отношения были очень непростыми, тот рано захотел жениться, и, к огорчению семьи, видимо, очень подпал под влияние супруги и тещи.

После смерти жены главным делом Григория Сергеевича было поддержка не просто памяти о супруге, но даже ее присутствия в повседневной жизни, ее нравственного влияния на детей, а также сохранения добрых отношений между братом и сестрой: «Доверяйтесь друг другу; будьте между собою откровенны и, несмотря на разность характеров, впечатлений, взглядов, будьте верны и неизменны любви и долгу, налагаемым на вас еще в сильнейшей степени по близости вашего родства. Вот вам мой завет» (29 февраля 1884 г.) [Аксаков, 2023, с. 9].

Удивительно, но первое же из опубликованных писем – это письмо отца 11-летней девочке, где он просит дать отчет: об оранжерее, о грунтовых сараях, о парниках, о цветниках и розанах, о спарже, о мельнице, о пашне, о церкви (нанят ли каменщик), «тешит ли маму птичий двор», «начали ли делать в огороде насос» и «как ведут себя коровушки» [Аксаков, 2022, с. 30]. Большинство последующих писем также будут посвящены хозяйству – сапогам, маслу, скирдам и т.п.: «Душа моя Оля, спасибо за письма, в них послышалась мне мама.... Таким образом, друг мой, ускорится и твой приезд... Форму на винтах, пергаментную бумагу, а также и то, чем делаются бока куса гладкими, ты, конечно, привезешь или пришлешь товары поездом малой скорости.... Собаки Сережи пали от чумы. Целую тебя, друг мой дочка. Масла твоего недостает для продажи. Сережу моего крепко обнимаю» [Аксаков, 2023, с.67–68]. Часто письма адресованы обоим детям (пока они жили в одном доме), но текст Г.С. Аксаков адресует в основном дочери, а Сережу, в основном, обнимает.

Выше мы отмечали, что Л.Н. Толстой очень много советов дает своим детям, хлопоча, в первую очередь об их душевном и духовном росте, но в целом не препятствует их жизненным решениям; сокрушается, где-то не примиряется, но принимает. Про Г.С. Аксакова такого не получается сказать. Для него, кажется, наивысшей ценностью, была привязанность к семье, не только его собственная, но и детей. В день 28-летия он пишет Ольге: «Поздравляю тебя и себя с мамой со днем твоего рождения, наш милый, любимый друг дочурка, друг уже испытанный, несомненный, но которому еще нужно с своей стороны относительно нас достигать тех же свойств дружбы, которыми отличается наша: полной откровенности и безобидчивости» [Аксаков, 2023, с. 33]. Вправе ли родители требовать от взрослой дочери полной откровенности? Отец в основном ласков с дочерью: «обнимаю и благословляю», «моя Олюся», «милый мой дружок, дочурка моя Олюся», «благословляю дочь, единственное дитя, оставленное мне матерью». Но он никогда не интересуется ее делами, здоровьем, увлечениями, а все только воспитывает и дает наставления.

Следующий наш герой, В.А. Сухомлинский (1918–1970) родился не просто в другом веке (Л.Н. Толстой успел пожить в веке XX), но и совершенно в другой России – в советской. Мы не знаем, смог ли бы крестьянский сын и сельский учитель В.А. Сухомлинский стать прославленным педагогом и писателем в предыдущую эпоху, но судя по четырехмиллионным тиражам его книг на разных языках, его гуманизм и идеи «воспитания красотой» находили отклик у множества людей. В трилогии «Сердце отдаю детям», «Рождение гражданина» и «Письма к сыну» он раскрывает главные принципы своей образовательной концепции, которую его критик, профессор Вологодского пединститута Б.Т. Лихачев клеймит за проповедничество: «вместо конкретной и четкой программы, изложенной в Моральном кодексе строителя коммунизма вводится туманное понятие, именуемое человечностью» [Ячменникова, 2023].

«Письма к сыну» – это 22 письма В.А. Сухомлинского сыну-студенту, человеку, оторвавшемуся от дома и вставшему на путь самостоятельной жизни, и отец не просто надеялся, а был уверен, что письма сыну пригодятся не только в момент прочтения, но и в будущем. Он трогательно пишет о том, что и сам хранит первое письмо своего отца со словами: «Не забывай о том, что пока ты учишься – кто-то трудится, добывая тебе хлеб насущный» [Сухомлинский, 1980, с.632]. И он своему сыну пишет далее: «Сотни тысяч слов в нашем языке, но на первое место я бы поставил три слова: хлеб, труд, народ... Кто не знает, что такое хлеб и труд, перестает быть сыном своего народа. Тот теряет лучшие духовные качества народные, становится отщепенцем, безликим существом, недостойным уважения. Кто забывает, что такое труд, пот и усталость, тот перестает дорожить хлебом. Какой бы из этих трех могучих корней ни был поврежден у человека, он перестает быть настоящим человеком, у него появляется внутри гниль, червоточинка» [Сухомлинский, 1980, с. 632–633]. Интересно, что авторы, которых мы цитировали выше – Владимир Мономах, С.Р. Воронцов, Л.Н. Толстой, Г.С. Аксаков – были знатного происхождения,

и они все, несомненно, были тружениками, каждый на своем поприще, но пропагандируют они, в первую очередь, ценности образования, чести, духовной чистоты, служения другим людям, государству, богу. В.А. Сухомлинский в своих письмах как бриллиант, ограняет ценность труда: «Лишь тем человек будет дорожить всю свою жизнь, что дорого ему досталось ... К сожалению, кое-кто верит, что радость нашей жизни, счастье бытия в социалистическом обществе можно открыть перед сознанием и сердцем юношества, только давая как можно больше материальных благ.... У юношей и девушек воспитываются многие потребности, но, к сожалению, очень плохо воспитывается важнейшая из них – коммунистическая потребность в труде. Да, именно коммунистическая потребность. Я думаю, что это – глубоко личное, душевное тяготение к труду для людей. Такое состояние души, когда человек не смог бы жить без труда для общества, народа. Труд станет потребностью лишь тогда, когда перед человеком откроется радость труда...» [Сухомлинский, 1980, с. 653]. Отец пишет сыну о дружбе и любви, о красоте, о комсомольской жизни, о правильном распределении времени – как он сам отмечает «целые трактаты», которые сыном обсуждаются с ребятами в общепитии. Советы, полезные и сегодня. Не соглашусь с В.А. Сухомлинским в одном – он пишет о том, что ненависти нужно учить, как и добру. Ненависть неутолима, она легко перебрасывается с объекта на объект, недаром есть поговорка «От любви до ненависти – один шаг», а вот в обратную сторону нет поговорки... Не нужно этому учить. А вот что поддержать можно с особой силой – мысль педагога о том, что «наиболее серьезный недостаток, который допускается в воспитании молодого поколения, это ... забвение того, что сегодняшней ребенок завтра станет взрослым человеком. У многих родителей, да и у педагогов такой подход к детям, как будто они вечно останутся детьми» [Сухомлинский, 1980, с. 672]. Через метафору сына-студента В.А. Сухомлинский обращается ко всем молодым людям, но и к взрослым тоже – тем, кто воспитывает детей и подростков, а возможно, готов провести работу над ошибками в сопровождении такой вот антропологической навигации.

Письма всем известного отца Евгения Леонова адресованы всем известному сыну Андрею Леонову – сначала школьнику, затем студенту, артисту, солдату; его же введением, полным нежности и любви они и предваряются. Актер рассказывает о своих актерских буднях, происшествиях, разговорах с коллегами, о маме, о недополученной (как казалось) любви, спектаклях и режиссерах, эстетической ценности и популярности, обидах и жестокости – обо всем том, о чем можно было бы и поговорить, не будь так много разъездов: «был бы Андрей со мной, спустились бы мы к воде, сели рядом и так помолчали бы вместе» [Леонов, 2021, с. 23]. Хочется заметить, что это единственный из всех наших авторов, у кого есть чувство юмора, как будто бы для всех дело воспитания детей уж очень серьезное, не сказать – суровое, он пишет, например: «Я сам тоже люблю побеситься, как тебе известно, ведь на даче мальчишки и теперь еще принимают меня в футбол, на воротах постоять...» [Леонов, 2021, с. 22], но в целом все вопросы серьезные: «Как видишь, дружочек, у нас с тобой проблемы общие: как быть? кем быть? быть или не быть? Никуда от них не скроешься, для людей искусства они неизбывны, в любом возрасте, каждый час жизни» [Леонов, 2021, с. 21]. И здесь то, что перекликается с идеей В.А. Сухомлинского о том, что в каждом ребенке нужно видеть будущего взрослого, уже школьнику Леонов пишет: «Если решил работать в искусстве, думай о себе строже – всегда ли ты щедр душой, отважен, бескорыстен. И эта работа над собой пусть всегда идет впереди мастерства. Актерскую методологию, опыт можно постичь, а делать из себя человека – это работа не на годы учебы в училище, это на всю твою жизнь» [Леонов, 2021, с. 24]. А вот здесь, то, что ближе мне, но немного дальше от Сухомлинского: «Говорят, что в детях надо воспитывать доверие к жизни. А к встрече со злом, если ты уверен, что в жизни ему это придется испытать, тоже надо готовить? Вот чего не знаю, того не знаю. И все же специально готовиться к встрече со злом, по-моему, неверно. Я так никогда не делал, никого к этому не готовил, тем более тебя» [Леонов, 2021, с. 45].

В XXI веке человек вновь занят поисками своего места в мироздании, а значит – выживанием в условиях конкуренции. И «зеркалами» самоопределения поочередно выбираются или машинные характеристики – (сегодня очень распространены, например, дискуссии о преимуществах, недостатках и угрозах искусственного интеллекта). Другой «камертон» в дискурсе о человеческом – мир животных, частью которого человек, действительно, является, но как будто даже проигрывает. В частности, типичные реактивные паттерны «бей, беги, замри» охотно используются для объяснения именно человеческого поведения. Несомненно, что Другой необходим для самоопределения, обретения точки опоры в самом себе. Но не случились ли в нашем веке деантропологизация Другого? Вы скажете, может быть: «что за странный переход от переписки, писем, поучений давно ушедших отцов своим детям?». Каждое из этих писем – уже произведение искусства, они самодостаточны и приятны для чтения любым человеком. Они написаны не просто для своих детей, а словно в вечность, воплощая кантовский категорический императив. Даже Владимиром Мономахом, еще не представлявшим технологических возможностей тиражирования текстов и вряд ли предполагавшим такое распространение своего послания в века. Но оно состоялось – сохранение и продолжение собственного Я в Другом, который не просто человек, а человек юный, сын, дочь, другие дети и молодые люди. На наш взгляд сегодня произошла подмена цели (человек) средством (технологией). Мы не можем гарантировать, что именно эпистолярные жанры служат сохранению духовного родства поколений. Но попробовать-то мы можем.

Список источников

- Почтение Владимира Мономаха. 1969. В кн.: Хрестоматия по древнерусской литературе. М.: Высшая школа: 33–38.
- Аксаков Г.С. 2023. Переписка с родными. Часть III. Переписка Г.А. Аксакова с дочерью, сыном и родственниками (1859–1891). Биограф. материалы о Г.С. Аксакове. Уфа: Инеш: 380 с.
- Десницкий А.С. 2013. Письма спящему брату. URL: <https://azbyka.ru/fiction/pisma-spyashhemu-bratu/> (дата обращения: 29.07.2025).
- Джурицкий А.Н. 1999. История педагогики. Учеб. пособие для студ. педвузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: 432 с.
- Кронгауз М.А. 2012. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель: CORPUS: 512 с
- Леонов Е.П. 2021. Письма сыну. М.: «Издательство АСТ»: 142 с. (Зеркало памяти).
- Напутственное письмо С.Р. Воронцова при отъезде его сына Михаила в Россию 3 мая (21 апреля) 1801 г. 2015. В кн.: Микешин М. И. Дворянство: от истории к метафизике. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; ИПЦ «Политехника сервис»: 165–169.
- Толстой Л.Н. 1934. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 63. Серия 3. Письма. М.: Издательство «Художественная литература»: 524 с.
- Толстой Л.Н. 1953. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 64. Серия 3. Письма. М.: Издательство «Художественная литература»: 398 с.
- Толстой Л.Н. 1956. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 82. Серия 3. Письма. М.: Издательство «Художественная литература»: 338 с.
- Толстой Л.Н. 1958. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 90. Серия 3. Письма. Москва: Издательство «Художественная литература»: 478 с.
- Сухомлинский В.А. 1980. Письма к сыну. В кн.: Избранные произведения в 5 т. Т. 3. Киев: «Родяньска школа»: 631–708.
- Ячменникова П. 2023. «Если учат добру, в результате будет добро». Как Василий Сухомлинский определил и опередил советскую педагогику. Коммерсантъ. 30.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6239871> (дата обращения: 26.07.2025).

Список литературы

- Анкерсмит Ф.Р. 2009. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация»: 400 с. (Ankersmit F.R. 1994. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. University of Kalifornia Press. 256 p.).

- Дмитрийчук А.Ю. 2018. Образ семьи в европейской и российской культурной традиции: философско-антропологический анализ. Автореф. дисс... канд. филос. наук. Белгород: 24 с.
- Микешин М.И. 2023. Как быть в России «человеком чести». *Философические письма. Русско-европейский диалог*, 6 (3): 159–170. DOI:10.17323/2658-5413-2023-6-3-159-170.
- Ростова Н.Н. 2020. Антропологический поворот в философии: антропология vs онтологию *Вестник Томского государственного университета*. 456: 93–98.
- Рябов О.В. 2001. Идея женственности России в сочинениях В. С. Соловьева и поиски национальной идентичности в отечественной историософии. *Соловьевские исследования*. 2 (2): 216–229.
- Тищенко Н.В. 2016. Применение нарративного анализа в исследованиях культуры: Pro et contra. *Общество: философия, история, культура*. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-narrativnogo-analiza-v-issledovaniyah-kultury-pro-et-contra> (дата обращения: 25.07.2025).
- Шкуратов В.А. 1997. Историческая психология. М.: Смысл: 502 с.

References

- Ankersmit F.R. 2009. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Publ. «Kanon +» ROOI «Reabilitatsiya»: 400 p. (Ankersmit F.R. 1994. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. University of Kalifornia Press. 256 p.).
- Dmitriichuk A.Yu. 2018. Obraz sem'i v evropeiskoi i rossiiskoi kul'turnoi traditsii: filosofsko-anthropologicheskii analiz [The Image of the Family in the European and Russian Cultural Tradition: A Philosophical and Anthropological Analysis]. Abstract. diss... cand. filos. sciences. Belgorod. 24 p.
- Mikeshin M.I. 2023. Kak byt' v Rossii «chelovekom chesti» [How to be a «man of honor» in Russia]. In: *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog [Philosophical letters. Russian-European dialogue]*, 6 (3): 159–170. DOI:10.17323/2658-5413-2023-6-3-159-170/
- Rostova N.N. 2020. Antropologicheskii povorot v filosofii: antropologiya vs ontologiya [The Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs. Ontology]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 456: 93–98. DOI: 10.17223/15617793/456/10
- Ryabov O. V.2001. Ideya zhenstvennosti Rossii v sochineniyakh V. S. Solov'eva i poiski natsional'noi identichnosti v otechestvennoi istoriosofii [The idea of femininity of Russia in the works of V. S. Solovyov and the search for national identity in Russian historiosophy]. In: *Solov'evskie issledovaniya*. 2 (2): 216–229.
- Tishchenko N.V. 2016. Primenenie narrativnogo analiza v issledovaniyakh kul'tury: Pro et contra. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-narrativnogo-analiza-v-issledovaniyah-kultury-pro-et-contra> (accessed: 25.07.2025).
- Shkuratov V.A. 1997. Istoricheskaya psikhologiya [Historical Psychology]. Moscow, Publ. Smysl: 502 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.03.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 04, 2025

Revised June 04, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии, музеологии и искусствоведения, Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Bakshutova, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Cultural, Museum and Art Studies, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia.

УДК 130.2; УДК 808.1
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-203-208
EDN PVANRV

Парадокс авторской смерти: постмортальное бытие автора

¹ Горбачев С.В., ² Егоров Н.С.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
jivaturik@yandex.ru

Аннотация. С 60-х годов прошлого века авторская смерть вошла в обиход гуманитарной мысли на правах ключевой философской метафоры, оправдывающей методологические принципы постмодернистской текстологии. Смерть в этой метафоре обозначает избыточность автора как источника текстуального смыслообразования. Настоящая статья предлагает иной путь постижения авторской смерти – через биографические и экзистенциальные контексты. При этом смерть рассматривается в перспективе ее отрицания. Целью исследования является установление концептуальных оснований парадокса авторской смерти. В ходе исследования были выявлены четыре стороны парадокса: интерпретативно-пролептическая значимость факта физической смерти автора; постбиографическая подвижность признания; посмертное авторское бытие в Другом; «для-вечности» как экзистенциальная доминанта творческой авторефлексии. Четыре грани парадокса авторской смерти указывают на принципиальную незавершенность («вечно» развертываемую процессуальность) авторского присутствия.

Ключевые слова: автор, смерть автора, парадокс авторской смерти, метафора смерти, жизнь автора, жизнетворчество автора, посмертное признание, бытие в Другом

Для цитирования: Горбачев С.В., Егоров Н.С. 2026. Парадокс авторской смерти: постмортальное бытие автора. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 203–208. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-203-208 EDN: PVANRV

The Paradox of the Author's Death: The Author's Postmortem Existence

Sergey V. Gorbachev, Nikita S. Egorov

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308007, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russian Federation

jivaturik@yandex.ru

Abstract. Since the 1960s of the author's death has entered the everyday life of humanitarian thought as a key philosophical metaphor justifying the methodological principles of postmodern textual criticism. Death in this metaphor denotes the redundancy of the author as a source of textual meaning-making. This article suggests a different way of understanding the author's death – through biographical and existential contexts. In this case, death is viewed in the perspective of its denial. The purpose of the article is to establish the conceptual foundations of the author's death paradox. The study has revealed four sides of the paradox: the interpretative-proleptic significance of the fact of the author's physical death; the postbiographical mobility of recognition; the posthumous author's

existence in the Other; "For eternity" as the existential dominant of creative self-reflection. The four facets of the paradox of the author's death indicate the fundamental incompleteness (the "eternally" unfolding processuality) of the author's presence.

Keywords: author, author's death, paradox of the author's death, metaphor of death, author's life, author's life creation, posthumous recognition, being in the Other

For citation: Gorbachev S.V., Egorov N.S. 2026. The Paradox of the Author's Death: The Author's Postmortem Existence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law*, 51(1): 203–208 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-203-208 EDN: PVANRV

Введение

«Смерть автора» – это не только наименование программного эссе Р. Барта, но и фундаментальная философская метафора, вставшая в один ряд с сопутствующей смертью субъекта и предшествующей смертью Бога. Подобные метафорические образы прочно вошли в обиход философского и гуманитарного мышления – вспомним такие заглавия, как «Закат Европы» О. Шпенгера или «Умирание искусства» В.В. Вейдле. Бренная органика абстрактного, вневременного и трансцендентного хаотизирует устоявшиеся, «удобные» умозрения. Провокация, заложенная в метафорах, тестирует на прочность прежние теоретические конструкции и ценностные константы. Смерть входит в число основных табу европейской культуры. Она же как явление анатомо-физиологического порядка заведомо несовместима с бестелесными, абстрактными, вечными идеями. Тем ярче смерть выражает масштаб катастрофы, предлагаемой для обсуждения создателями провокативных мортальных метафор. «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» [Достоевский, 2008, с. 194] – вскричал князь Мышкин, глядя на копию картины Г. Гольбейна «Тело мертвого Христа в гробу». Изображение, поражавшее не только героя, но и самого Ф.М. Достоевского, демонстрирует мертвого богочеловека в материальной достоверности. У Ф. Ницше находим еще более натуралистичное описание физической смерти Бога: «То самое светлое, самое могущественное, что было в мире, истекло кровью под нашими ножами» [Ницше, 2023, с. 158].

Обращаясь к идеи авторской смерти, можем ли мы вообразить ее с той же смелостью, с какой Г. Гольбейн и Ф. Ницше интерпретировали смерть божественную? Это возможно в рамках антропологического и конкретно-биографического измерения, присущего фигуре автора. Безусловно, такое представление о смерти уже не будет отсылать к содержанию бартовского эссе, утверждающего избыточность автора как источника текстуального смыслообразования. Р. Барт оспорил верховную власть автора, выражаемую через единство авторского намерения, служащего ключом интерпретации. Смерть как метафорическое условие освобождение текста определило параметры его суверенитета [Барт, 1994]. М. Фуко вслед за Р. Бартом фиксировал смерть автора, объясняя ее стиранием индивидуальных характеристик пишущего субъекта [Фуко, 1996]. Концепт молчания автора, задающий оптику исследования авторского самоограничения, остановки творчества и разрыва дискурсного континуума [Римская, Римский, 2023], также может быть метафорически соотнесен со смертью (и воскресением) автора.

Имея в виду метафорический капитал, закрепленный за смертью автора, мы выходим за его рамки, акцентируя внимание на диалектической напряженности физического и духовного, явленной в жизни и смерти автора-человека. Итак, авторская смерть, популяризированная Р. Бартом, в бартовском же духе будет отчуждена от заданных им смыслов.

Наша цель состоит в анализе, выявлении сторон и черт, парадокса авторской смерти, берущего начало в полисемантике понятий «автор» и «смерть». В первую очередь мы будем опираться на семантическое богатство «автора» – именно оно дает повод увидеть творца как узел витального и мортального, конечного и бесконечного.

Творческое наследие в тени фатума

Смерть автора-человека как уникальное биографическое и культурное событие вызывает колоссальный общественный, читательский, исследовательский интерес, не угасающий веками. Великие авторские смерти побуждают мыслить об оконченной или прерванной миссии; внимать «лебединой песни» – последнему творческому высказыванию; наблюдать или исследовать реакцию современников. Смерть Пушкина – это и тайны дуэли, и «Смерть поэта» М.Ю. Лермонтова, и мнимое перевоплощение в А. Дюма. Не менее интересна смерть и предсмертный уход Л.Н. Толстого. Остались в истории скандальные обстоятельства смерти А.С. Грибоедова и С.А. Есенина. Не забыты прощания с Ф.М. Достоевским, М. Горьким и В.С. Высоцким. Можно утверждать, что в России существует целый мортальный нарратив, посвященный кончине великих авторов. К нему можно отнести «Смерть Вазир-Мухтара» Ю.Н. Тынянова, «Лев Толстой: Бегство из рая» П.В. Басинского (произведение, удостоенное премии «Большая книга» в 2010 г.), сюда же стоит добавить многочисленные статьи, лекции и документальные фильмы.

Мортальный контекст разговора об авторе нередко накладывает отпечаток на восприятие творческого наследия, жизни и жизнотворчества. Преждевременная смерть актуализирует драматические контексты жизни, вписывающиеся в интерпретативные шаблоны страдающей исключительности, непонятого гения, художника мучника или пророка. Фатальные дуэли, описанные в произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, рифмуются с их собственными, а строки, сочиненные в последние месяцы жизни приобретают пророческие тона. Приведем в пример фрагменты из стихотворений М.Ю. Лермонтова 1841 года:

На свете мало, говорят,
Мне остаётся жить! [Лермонтов, 2014, с. 327].

Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя... [Лермонтов, 2014, с. 349].

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть! [Лермонтов, 2014, с. 357].

Таким образом, авторская смерть как конечный факт биографии имеет ретроспективный потенциал, обновляющий и оправдывающий прижизненные творческие потенции в читательских рецепциях. В этом можно усмотреть первую грань мортального парадокса. Назовем ее интерпретативно-пролептической, имея в виду пролепсис (от греч. «предположение, предчувствие, предвидение») смерти как интерпретативный ресурс.

Асинхронность признания: ирония посмертного триумфа

Как известно из истории литературы, «вдохновенные труды» нередко выходят в печать посмертно. В этом можно усмотреть еще один аспект парадокса авторской смерти. Автор не только не исчезает, но и возрождается в новом качестве. Самые значительные творения Ф. Кафки («Замок» и «Процесс») опубликованы посмертно. Ф. Кафка-романист был узан, прочитан, осмыслен и канонизирован в качестве классика модернизма благодаря душеприказчику М. Броду. Этот пример (один из неисчислимого количества подобных) напоминает о необходимости многомерного восприятия авторства: это не только фактическая сторона созидательной деятельности, но и социокультурное признание творца. Последнее не ограничивается рамками человеческой жизни. Более того, признание творческой состоятельности нередко выпадает на долю потомков. В этом авторы-литераторы разделяют общую участь непонятых, непризнанных современниками, гениев искусства (В. Ван Гог, П. Гоген, А. Модильяни и др.). Признанные же гении могут быть забыты и вновь актуализированы путем повторных интерпретаций. «Интерпретация

есть радикальная стратегия сохранения старого текста» [Сонтаг, 2014, с. 16] – писала С. Сонтаг, говоря о встраивании произведения в новую, к примеру, христианскую, парадигму. Интерпретация хранит и автора, обеспечивая его обликом, соответствующим новым духовным или идеологическим реалиям.

Классифицирующие формулы советского литературоведения («прогрессивный писатель», «выразитель освободительных идей», «обличитель самодержавного гнета») не только очерчивают пантеон «правильных» авторов, но и указывают на привилегию каждого «прогрессивного» и «революционного» быть услышанным новыми поколениями советских людей. Безусловно, великий литератор способен пройти через мировой лабиринт посмертной памяти и без могущественных проводников в виде новообразованных властных инстанций литературного контроля. И тем не менее нельзя не отметить зависимость автора от руки властного (санкционирующего) интерпретатора, протянутой через десятки и сотни лет.

Грань парадокса, изложенную выше, можно представить как постбиографическую подвижность признания.

Голос из небытия? Феномен отсроченной коммуникации

Смерть автора-человека уничтожает дальнейшие возможности авторской речи, но сказанное (написанное) продолжает звучать в авторско-читательском диалоге. Сам автор существует в качестве субъекта этого диалога. «Жизнь» здесь – не временной отрезок, но совокупность диалогических событий.

Текст, понимаемый как знаковое выражение акта творческого сознания, есть вечное напоминание об этом акте. Более того, «напоминание» неизбежно актуализуется в ответном акте творческого сознания читателя. Читатель – не только сотворец инобытия произведения, но и гарант бытия собеседника. Безусловно, авторско-читательский диалог ассиметричен: автор после смерти не может добавить к сказанному, в то время как каждый новый читатель (шире – поколение читателей) примитивизирует, мифологизирует, архаизирует или модернизирует текст в своем сознании. В авторско-читательской диалогической ассиметрии заключена возможность развития. Акт творчества не заперт в тексте, но открыт для новой проблематизации. Согласно У. Эко, «любое произведение искусства <...> требует свободного и творческого ответа на него, по крайней мере, потому, что его нельзя по-настоящему понять, если истолкователь не открывает его заново в акте творческого единomyслия с самим автором» [Эко, 2004, с. 29]. Единomyслие и приращение смысла образует диалектическое единство. Едва ли можно можно помыслить полное единение сознаний автора и читателя (такое единение не достигается даже между «ранним» и «поздним» автором, читающим свое же произведение). В той же мере невозможно и абсолютное своеволие читателя, превышающее меру открытости текста. Только в балансе авторской активности и деятельного творческого понимания возможно то, что мы называем диалогической авторской «жизнью».

Описанную грань парадокса авторской смерти обозначим как посмертное диалогическое бытие в Другом. «Быть – значит общаться диалогически» [Бахтин, 2020, с. 426] – эта центральная идея диалогической концепции М.М. Бахтина несовместима со смертью. Читаемый автор, участник диалогического творческого события, обладает непоколебимым (независимым от физической смерти) онтологическим статусом.

Победа над смертью как часть творческого самосознания

Вечное признание – одна из возможных амбиций автора. Было бы неверно утверждать, что эта амбиция присуща любому автору, так же как неверно принципиально обособлять авторов от иных претендентов на вневременную славу. Афоризм Цицерона «Жизнь мертвых заключается (продолжается) в памяти живых» [Античные афоризмы, 1987, с. 59] был написан им в отношении юриста, политика, консула Сервия Сульпиция. Применим он и к выдающимся деятелям из любой сферы общественной и культурной жизни (от легендарных военачальников до почитаемых святых). Тем не менее «вечная»,

предвосхищаемая самим автором, слава обладает своеобразием. Если свершения политика, путешественника или спортсмена славны как часть недавнего или далекого прошлого, то авторские свершения славят творца здесь и сейчас. Это объясняет интенсивность переживания посмертного признания авторами, начиная с древних времен.

Мысль о постмортальном бытии творца была вполне доступна античному авторскому самосознанию (в доказательство можно привести «Памятник» Горация), тем более она была очевидна для творцов последующих веков. Сама природа самоцельного творчества заставляет нас мыслить акты производства текстов как долгосрочное инвестирование экзистенциальных ресурсов. Автор способен жертвовать участием в экономических цепочках товар-деньги, услуга-деньги ради созидания самодостаточного культурного (текстуального) продукта лишённого сиюминутной прагматической заданности. Цель авторской «инвестиции» – вечный символический капитал, нерукотворный памятник. Осознанность экзистенциального вложения иллюстрируется паттерном творческой авторефлексии, разграничивающим физическое и духовное существование:

Боюсь не смерти я. О нет!

Боюсь исчезнуть совершенно.

Хочу, чтоб труд мой вдохновенный

Когда-нибудь увидел свет... [Лермонтов, 2014, с. 106].

Традиционная приоритизация гипотетического «вечного» постмортального признания над гарантией физического бытия, звучащая в корпусе знаковых текстов европейской словесности, даёт нам право выделить следующую грань парадокса авторской смерти: «для-вечности» как экзистенциальная доминанта творческой авторефлексии.

Заключение

Перечислим грани парадокса авторской смерти.

1. Интерпретативно-пролептическая грань. Историко-литературная и биографическая рефлексия потомков вводит физическую кончину в круг смыслообразующих феноменов авторской деятельности – предшествующие смерти произведения заимствуют фатальные смыслы. Таким образом, смерть выступает не предельной грацией, но частью творческого и житнетворческого бытия.

2. Постбиографическая подвижность признания; посмертные публикации и посмертное «открытие» автора. Триумф не имеет устойчивой синхронизации с драматургией творческой биографии. Более того, процесс признания, «канонизации», автора интерпретативными инстанциями зачастую имеет темпоральный лаг.

3. Посмертное диалогическое бытие в Другом. После физической смерти автор продолжает выступать субъектом авторско-читательского диалога.

4. «Для-вечности» как экзистенциальная доминанта творческой авторефлексии. Автор («вечности заложник») предвосхищает и приоритизирует свое вневременное постмортальное бытие.

Итак, установленный нами мортальный парадокс автора – это четыре довода вопреки («парадокс» – др. греч. «вопреки мнению»). Смерть, понимаемая как прекращение, или завершение, находит во многомерной фигуре автора четыре «не». Смерть не завершает, но дополняет интерпретацию; не завершает, но катализирует процесс социокультурного признания; не завершает диалог; не завершает комплекс амбиций автора, расширяющих проект творческой экзистенции за пределы физического существования.

Список источников

Античные афоризмы. 1987. Темат. сб. Мн., Вышш. шк., 318 с.

Достоевский Ф.М. 2008. Идиот: Роман. В кн.: Собрание сочинений: Ч.1-3. М., Мир книги, 432 с.

- Лермонтов М.Ю. 2014. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения. СПб., Издательство Пушкинского Дома, 776 с.
Ницше Ф. 2023. Веселая наука («La gaya scienza»). СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 352 с.

Список литературы

- Барт Р. 1994. Смерть автора. В кн.: Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М., Прогресс: 384-391.
Бахтин М.М. 2020. Избранное. Т. 2. Поэтика Достоевского. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 512 с.
Римская О.Н., Римский В.П. 2023. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 3: 623-631.
Сонтаг С. 2014. Против интерпретации и другие эссе. М., АД Маргинем Пресс, 352 с.
Фуко М. 1996. Что такое автор? В кн.: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., Касталь: 8-48.
Эко У. 2004. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., Академический проект, 384 с.

References

- Bart R. 1994. Smert' avtora [The Death of the Author]. In: Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress: 384-391.
Bakhtin M.M. 2020. Izbrannoe. T. 2. Poetika Dostoevskogo [Selected works. Vol. 2. Dostoevsky's Poetics]. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 512 p.
Rimskaya O.N., Rimskii V.P. 2023. Molchanie avtora: avtor i tekst, rech' i pis'mo, diskurs i ponimanie [The Silence of the Author: the Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 3: 623-631.
Sontag S. 2014. Protiv interpretatsii i drugie esse [Against Interpretation and Other Essays]. Moscow, AD Marginem Press, 352 p.
Fuko M. 1996. Chto takoe avtor? [What is an Author?]. In: *Fuko M. Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Knowledge: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow, Kastal': 8-48.
Eko U. 2004. Otkrytoe proizvedenie. Forma i neopredelennost' v sovremennoi poetike [The Open Work. Form and Indeterminacy in Contemporary Poetics]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.04.2025
Поступила после рецензирования 22.07.2025
Принята к публикации 28.02.2026

Received April 22, 2025
Revised July 22, 2025
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горбачев Сергей Владимирович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Sergey V. Gorbachev, postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Егоров Никита Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nikita S. Egorov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 111.85
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-209-214
EDN QOBLKO

Русская вокальная школа: к определению понятия

¹ Лу Юань, ² Ху Лина

¹ Хунаньская технологическая компания с ограниченной ответственностью «Цзичэн»,
КНР, 410014, г. Чанша, ул. Чжун Иилу, д. 66

² Чанчуньский педагогический высший специальный колледж
КНР, 130000, г. Чанчунь, пр. Чанлун, д. 7
172141357@qq.com; 54727717@qq.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен русской вокальной школы. На основе анализа определений делается вывод об отсутствии четких характеристик вокальной школы как культурного явления. В решении выявленной проблемы предлагается отталкиваться от концепции наследования знания и деятельности М.К. Петрова, что дает основание понимать под школой сочетание универсального и специфического длящейся во времени последовательности передачи вокальных практик, где универсальное обусловлено анатомическими и физиологическими особенностями фонации, а специфическое проявляется на уровне формы музыкального произведения, получающего культурную специфику. Отмечается, что важную роль в возникновении вокальной школы играет фигура творца – новатора, который не только создает новацию, но также изменяет существующий интерьер деятельности.

Ключевые слова: культура, музыка, традиция, школа, деятельность, знание

Для цитирования: Лу Юань, Ху Лина, 2026. Русская вокальная школа: к определению понятия. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 209–214. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-209-214 EDN: QOBLKO

Russian Vocal School: Towards the Definition of the Concept

¹ Lu Yuan, ² Hu Lina

¹ Hunan Jicheng Technology Limited Liability Company,
66 Zhong Yilu St., Changsha 410014, China

² Changchun Pedagogical Higher Special College,
7 Changlong Ave., Changchun 130000, China
172141357@qq.com; 54727717@qq.com

Abstract. The article examines the phenomenon of the Russian vocal school. The authors undertake an analysis of definitions, concluding that there are no clear characteristics of vocal school as a cultural phenomenon. In solving the identified problem, it is proposed to build on the concept of inheritance of knowledge and activity by M.K. Petrov, which gives reason to understand the school as a combination of universal and private, a time-consuming sequence of transmission of vocal practices, where the particular is determined by the anatomical and physiological features of phonation, and the particular manifests itself at the level of the form of a musical composition that receives cultural specificity. It is noted that an important role in the emergence of the vocal school is played by the figure of the creator – innovator, who not only creates innovation, but also changes the existing interior of the activity.

Keywords: culture, music, tradition, school, activity, knowledge

For citation: Lu Yuan, Hu Lina. 2026. Russian Vocal School: Towards the Definition of the Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 209–214 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-209-214 EDN: QOBLKO

Введение

Русская вокальная школа является одной из общепризнанных и известных в мире школ вокала. Она имеет свою богатую историю и традиции, отражая уникальность и самобытность русской культуры. Имеющиеся публикации по отдельным аспектам ее развития, уделяют значительное внимание специфике, истории возникновения и развитию русской вокальной школы, не останавливаясь на самом понятии вокальной школы и роли в ее становлении национального компонента. Вместе с тем, нам представляется актуальным вопрос о школе как явлении культуры, достаточно устойчивом во времени и имеющем свою культурную и национальную определенность, при некоторой доли универсализма. Поскольку сам феномен вокальных школ имеет международный характер.

В этой связи Т.В. Шастина отмечает, что: «В историческом развитии русская вокальная школа сформировалась как культурный феномен и включает следующие взаимосвязанные и взаимозависимые составляющие: 1) произведения русского фольклора и русское народное пение; 2) церковная музыка и церковное пение; 3) русская композиторская школа, сочинения вокального искусства, оперное и академическое пение; 4) современное профессиональное исполнительство; 5) вокальная педагогика» [Шастина, 2020, с. 142]. То есть русская вокальная школа берет свое начало в народном творчестве и традиции церковного пения и музыки, на определенном этапе исторического развития трансформировавшихся под влиянием академического пения и итальянской оперы и при творческом участии русских исполнителей и музыкантов как носителей языка и культуры. А.С. Яковлева также отмечает, что русская вокальная школа является важной частью русской культуры, но также «достижением мирового музыкального искусства» [Яковлева, 1999, с. 3]. К.Ф. Никольская-Береговская во введении к работе «Русская вокально-хоровая школа IX – XX веков» отталкивается от исторического анализа в объяснении особенностей русской певческой школы.

Историческая общность как некоторая устойчивость пения, его форм, как традиция выступает основным определяющим критерием в перечисленных исследованиях русской вокальной школы и целом ряде других. Указанный аспект устойчивости и изменчивости во времени составляет первый проблемный момент, который мы предлагаем зафиксировать в определении вокальной школы. Вторым заключается в самом понятии школы, что также предполагает обучение, тогда как вокальная школа обязательно предполагает исполнение, а значит творчество и новацию. Обозначим это противоречие как второй проблемный аспект. Т.В. Шастина отмечает его в своем определении вокальной школы: «Понятие «русская вокальная школа» применяется в широком и узком значениях. В широком значении: во-первых, выделяется его тесная связь с педагогикой – образованием, обучением, воспитанием; во-вторых, как школа, имеющая национальную принадлежность, она обладает многовековой культурой, связанной с конкретным обществом, особенностями его языка, уклада жизни и окружающей природы; в-третьих, русская вокальная школа имеет собственную историю формирования и развития, преемственность. В узком смысле рассматриваемое понятие подразумевает формирование культуры пения, профессиональное развитие певческого голоса, голососбережение» [Шастина, 2020, с. 142]. Отталкиваясь от выделенных нами проблем, отметим их взаимосвязанность и попробуем дать свой ответ.

Школа и проблема наследования знания

Школа как явление в истории человечества неразрывно связана с передачей знания. В случае вокальной школы знание может быть конкретизировано. Т.В. Шастина, опираясь на идеи В.С. Степина предлагает рассматривать вокальную школу как «надбиологическую программу вокальной культуры, которая регулирует взаимоотношения и певческую деятельность в вокальном исполнительско-педагогическом сообществе» [Шастина, 2020, с. 142]. То есть речь идет о регулировании коммуникации и деятельности на основе

определенного знания или кода. Шастина пишет о «фонокоде», под которым понимается: «а) вокальные и педагогические традиции; б) певческая деятельность всех явлений, которые стали истоками русской вокальной школы» [Шастина, 2020, с. 142]. Речь идет о фольклорном пении, итальянской опере, которая уже упоминалась в качестве фактора, повлиявшего на изменение традиционного пения и возникновение русской певческой школы. Разделение на исконную традицию и внешнее в истории, но важное для возникновения нового явления здесь дается как факт, но отражает реальную логику трансляции коммуникации и деятельности.

Ее описал М.К. Петров в работе «Язык. Знак. Культура», также отмечая вне биологический характер кодирования информации в человеческом сообществе. Он отмечает, что передача информации вне биологического носителя, гена, может основываться только на знаке. Только знак является носителем смысла, а также тем основанием, на котором основано возможное изменение значения. Передача происходит посредством коммуникации с ее опосредованием знаком [Петров, 2004, с. 29]. И знак становится столь же важен, как и деятельность, без которой существование человека представить себе невозможно. Петров уравнивает значение знака и деятельности, понимая их как равнозначные «формы существования наличной суммы обстоятельств», с той большой разницей между ними, что деятельность всегда предполагает свой конечный характер, она ограничена конкретным человеком, субъектом деятельности. Знак же носит вне субъектный характер и не зависит от пространства и времени, что сообщает ему свою специфику: «... внебиологическое знаковое отчуждение деятельности в виде знания от конечных смертных индивидов, субъектов деятельности, и от столь же конечных единичных предметов их деятельности. отчуждение в знание делает знаковую форму существования суммы обстоятельств относительно автономной и независимой от перипетий жизни любого отдельно взятого индивида, транспортабельной по потоку входящих в жизнь индивидов, что и придает ей черты устойчивости и вечности, позволяющие использовать остановленную в знаке реальность знания для передачи социальности от поколения к поколению» [Петров, 2004, с. 30]. Второе следствие вневременности знака заключается в том, что знак всегда предшествует непосредственному опыту конкретного живого человека, который рождаясь уже оказывается погружен в социальность и формы деятельности. Поэтому структура трансляции знания предполагает вначале знание, потом индивида и после деятельность [Петров, 2004, с. 31]. Более того, сама стереотипность человеческой деятельности, стремление снизить энергетические издержки, приводит к «упаковке» способов действия в удобные формы для их актуализации и передачи, ту или иную практику [Борисов, 2024].

Важное уточнение состоит в том, что при всей универсальности сказанного о деятельности и коммуникации, они не носят абстрактный характер. Индивиды включены в цикл воспроизводства деятельности и практики коммуникации той или иной, но всегда совершенно конкретной культуры. А сама последовательность, тот факт, что субъект воспринимает всегда уже готовое, опосредованное кем-то знание, предопределяет возникновение школы как явления, связанного с целенаправленной передачей знания и определенных способов деятельности. К последнему можно отнести и то, что ранее упоминалось как «фонокод» – певческая деятельность в рамках той или иной традиции. И отметим, что он составляет только часть всего комплекса, образующего школу как процесс трансляции знания и деятельности.

Шастина выделяет три «слоя» в вокальной школе как системе: «Первый – традиции, отражающие вокальное прошлое, которые в XXI в. Утратили актуальность бытования, но являются важным предметом изучения, для сохранения этничности... Второй слой программ относится к настоящему: культурная традиция, обеспечивающая воспроизводство технологии пения и педагогической технологии, характеризующая современную певческую деятельность, обучение пению, вокальное воспитание,

формирование певческой культуры личности и общества в современных условиях характеризуется инновационностью... Третий слой образуют надбиологические программы, которые адресуются будущим поколениям профессиональных певцов» [Шастина, 2020, с. 142-143]. Деление на «слои» системы трансляции знания – деятельности в рамках вокальной школы осуществлено исходя из критерия времени, где прошлое представлено «культурным архивом» или традицией, настоящее актуальным процессом передачи певческой деятельности и будущее инновациями в транслируемой практике. Схема социокультурного наследования М.К. Петрова исходит из собственной логики деятельности и представляется более удачной для анализа феномена вокальной школы. Последовательность знание – индивид – деятельность опирается не на внешний атрибут, а на саму реальность культуры, в которой человек является носителем знания и субъектом деятельности, отчуждая ее в знаковые формы для передачи следующему поколению.

При этом сама передача как процесс нуждается в уточнении, так как сочетает в себе как процесс непосредственной передачи, у М.К. Петрова трансляции знания, так и трансмутации – изменения знания под влиянием изменившихся условий и деятельности, а также просто коммуникации. И школа как феномен не только включает все перечисленные варианты, но также и то, что Петров называет интерьером, понимая под ним «... вычлененное из социального окружения вообще и прихватывающее реалии самой социальности «рабочее место» данного смертного индивида, как оно определено фрагментом знания» [Петров, 2004, с. 33]. Интерьер таким образом непосредственно включен в процесс передачи знания и также составляет часть школы. Возникновение новой школы будет связано с появлением новой области знания, точнее фрагмента знания, как и нового интерьера. Взятая в таком ракурсе русская вокальная школа не просто возникает из соединения народной традиции и церковного пения под влиянием оперного заимствования, а являет собой новацию, связанную с появлением нового знания и способов деятельности. М.К. Петров пишет об индивиде-новаторе, который не только делает некоторое открытие, но также решает задачи признания значимости новой деятельности. в этой связи целый ряд исследователей отмечает, что решающую роль в возникновении русской вокальной школы сыграл Глинка, создавший оригинальную систему упражнений от примарных тонов среднего регистра [Никольская-Береговская, 1998, с. 41]. Такой метод обучения с одной стороны продолжал традиции народного и церковного пения, что укладывается в логику трансляции уже известного знания, но также представлял собой оригинальное авторское новшество. Более того, Глинка обладал возможностью изменения интерьера этого фрагмента знания. К.Ф. Никольская-Береговская отмечает: «Работая в придворной певческой капелле капельмейстером и учителем пения, Глинка, несомненно, усвоил сущность и особенности вокально-хоровой методики обучения певчих в хоре» [Никольская-Береговская, 1998, с. 42]. Сама же причастность к придворной певческой капелле давала возможность изменения методик обучения и последующей передачи новации. Мы акцентируем внимание на такой возможности как основной для существования школы, для которой приоритетным видом деятельности является трансляционная, а уже после трансмутационная, связанная с изменением. И закрепление новаций хотя и лежит у истоков любой школы, одновременно является угрозой ее существованию. Это обозначенный выше аспект сочетания устойчивости и изменчивости школы, который решается в случае национальных вокальных школ причастностью к конкретной культуре и сохранением культурной самобытности.

С этим же связана дилемма сочетания в школе специфического и универсального. Шастина отмечает, что «современный подход к формированию этнопевческой культуры личности тесно связан с деятельностью певческой, которая, в свою очередь, зависит от голоса и всех его свойств. Голос человека как особая функция организма – уникальный

природный феномен, который постоянно научно изучается, появляется сразу после рождения как врожденный безусловный рефлекс и позволяет осуществить деятельность певческую – фонацию – процесс, имеющий важную психофизиологическую составляющую» [Шастина, 2020, с. 142–143]. То есть сам голос, как и фонация достаточно универсальны. Они связаны с анатомическими и физиологическими особенностями конкретного человека, что обуславливает общность правил вокальной педагогики. Однако, универсальность заканчивается уже в конкретных музыкальных формах, которые, как пишет Асафьев, может приниматься или не приниматься слушателями, усваиваться и запоминаться. И музыка одной культуры будет непривычной для представителя другой [Асафьев, 1971, с. 25]. И сам голос как феномен сталкивается здесь с различными способами его использования, на уровне философских категорий можно обратиться к понятию формы, которая в данном случае выступает как культурно обусловленная.

Заключение

Вокальная школа является объективной формой существования певческих практик, что, как показал наш анализ, опирается на базовый процесс передачи знания и деятельности. При этом она сочетает в себе противоречивые процессы трансляции, передачи традиции с трансмутационными процессами возникновения нового. Важную роль при этом играет личностный фактор и фигура творца – новатора, не только изменяющего традицию, но также находящего способ изменения самой нормы, интерьера деятельности. Феномен певческой школы также связан с сочетанием универсального и специфического, где универсальное проявляется в анатомо-физиологических основаниях фонации, а специфическое предстает как культурная обусловленность самой формы.

Список литературы

- Асафьев Б. 1971. Музыкальная форма как процесс. Л., Музыка, 376 с.
- Борисов С.Н., Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 49(1): 17–25. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25. EDN: ONGFSZ.
- Бондаренко Е.А., Борисов С.Н., Римская О.Н., Римский В.П. 2016. Интеллектуал и капитализация знания в европейских типах доиндустриального духовного производства. В кн.: *Культурный капитал. Инновации. Наука (от писцовых школ к "обществу знаний")*. Под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород, Белгородский государственный институт искусств и культуры. С. 106–126. EDN: ZXBBAT.
- Никольская-Береговская К.Ф. 1998. Русская вокально-хоровая школа IX–XX веков. М., Языки русской культуры, 192 с.
- Петров М.К. 2004. Язык. Знак. Культура. М., Едиториал УРСС, 328 с.
- Шастина Т.В. 2020. Русская вокальная школа: традиции и перспективы. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 4: 140–144.
- Яковлева А.С. 1999. Русская вокальная школа: Исторический очерк развития от истоков до середины XIX столетия, М., Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского, 96 с.

References

- Asaf'ev B. 1971. Muzykal'naya forma kak protsess [Musical Form as a Process]. Leningrad, Muzyka, 376 p.
- Borisov S.N., Drobotova N.A., Dmitrakov R.A. 2024. Kul'turno-istoricheskaya praktika: k istorii odnogo ponyatiya. Chast' 2 [Cultural-Historical Practice: On the History of a Concept. Part 2]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 49(1): 17–25. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-17-25. EDN: ONGFSZ.
- Bondarenko E.A., Borisov S.N., Rimskaya O.N., Rimskii V.P. 2016. Intellektual i kapitalizatsiya znaniya v evropeiskikh tipakh doindustrial'nogo dukhovnogo proizvodstva [Intellectual and Capitalization of Knowledge in European Types of Pre-Industrial Spiritual Production]. In: *Kul'turnyi kapital*.

- Innovatsii. Nauka (ot pistsovykh shkol k "obshchestvu znani")* [Cultural Capital. Innovation. Science (From Scribe Schools to "Knowledge Society")]. Ed. by I.B. Ignatova, O.N. Polukhin, V.P. Rimskii. Belgorod, Belgorodskii gosudarstvennyi institut iskusstv i kul'tury. pp. 106-126. EDN: ZXBBAT.
- Nikol'skaya-Beregovskaya K.F. 1998. Russkaya vokal'no-khorovaya shkola IX–XX vekov [Russian Vocal and Choral School of the 9th-20th Centuries]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 192 p.
- Petrov M.K. 2004. Yazyk. Znak. Kul'tura [Language. Sign. Culture]. Moscow, Editorial URSS, 328 p.
- Shastina T.V. 2020. Russkaya vokal'naya shkola: traditsii i perspektivy [Russian Vocal School: Traditions and Prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 4: 140–144.
- Yakovleva A.S. 1999. Russkaya vokal'naya shkola: Istoricheskii ocherk razvitiya ot istokov do serediny XIX stoletiya [Russian Vocal School: A Historical Sketch of Development from the Origins to the Mid-19th Century]. Moscow, Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky, 96 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.07.2025
Поступила после рецензирования 08.10.2025
Принята к публикации 28.02.2026

Received July 08, 2025
Revised October 08, 2025
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лу Юань, сотрудник Хунаньской технологической компании с ограниченной ответственностью «Цзичэн», г. Чанша, КНР.

Ху Лина, преподаватель, Чанчуньский педагогический высший специальный колледж, г. Чанчунь, КНР.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lu Yuan, employee of Hunan Jicheng Technology Limited Liability Company, Changsha, PRC.

Hu Lina, Lecturer at Changchun Pedagogical Higher Special College, Changchun, PRC.

УДК 141.319.8
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-215-223
EDN TBPYJZ

Переход к абстракционизму: Кандинский в контексте русского искусства начала XX века

Сацукевич А.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4

AU10029@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ абстрактного искусства в России на примере творчества его ведущего представителя В. Кандинского. Как культурное явление XX века абстракционизм вызвал неожиданные последствия как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Он трансформировался в новый концептуальный элемент художественной культуры, выступая не только в качестве средства самовыражения, но и как инструмент для переосмысления традиционных представлений о реальности. В статье обзревается зарождение абстрактного искусства в России в его взаимосвязи с художественными и антропологическими идеями В. Кандинского. Проводится анализ теоретических положений, изложенных в его работе «О духовном в искусстве», а также их воплощение в художественной практике. Рассматривается, как идеи о духовной сущности искусства, роли цвета и формы как самостоятельных выразительных средств, повлияли на отход от предметности и появление нового художественного языка. Работа демонстрирует, что философско-эстетические идеи Кандинского стали не только основой его творчества, но и мощным импульсом для развития абстрактного искусства в XX веке.

Ключевые слова: философская антропология, абстрактное искусство, абстрактное искусство в России, В. Кандинский, авангард, современная живопись

Для цитирования: Сацукевич А.И. 2026. Переход к абстракционизму: Кандинский в контексте русского искусства начала XX века. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 215–223. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-215-223 EDN: TBPYJZ

The Transition to Abstractionism: Kandinsky in the Context of Early Twentieth-Century Russian Art

Anna I. Satsukevich

Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosovsky Ave., building 4, Moscow 119234, Russian Federation

AU10029@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze abstract art in Russia exemplified by the works of its leading representative, V. Kandinsky. As a cultural phenomenon of the 20th century, abstractionism caused unexpected consequences in both theoretical and practical aspects. It has transformed into a new conceptual element of artistic culture, acting not only as a means of self-expression, but also as a tool for rethinking traditional ideas about reality. The article examines the emergence of abstract art in Russia in its relationship with the artistic and anthropological ideas of V. Kandinsky. The analysis of the theoretical propositions set forth in his work "On the spiritual in Art", as well as their implementation in artistic

practice, is carried out. It examines how ideas about the spiritual essence of art, the role of color and form as independent means of expression influenced the departure from subjectivity and the emergence of a new artistic language. The work demonstrates that Kandinsky's philosophical and aesthetic ideas became not only the basis of his work, but also a powerful impulse for the development of abstract art in the 20th century.

Keywords: philosophical anthropology, abstract art, abstract art in Russia, V. Kandinsky, avant-garde, modern painting

For citation: Satsukevich A.I. 2026. The Transition to Abstractionism: Kandinsky in the Context of Early Twentieth-Century Russian Art. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 215–223 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-215-223 EDN: ТВРУЙЗ

Введение

Абстракционизм как культурное явление, являющееся одним из центральных художественных направлений в XX веке, может привлекать нас не только с позиции стиля в искусстве, но и феномена, у которого есть свой путь развития, поскольку он отражает динамику изменений в обществе, философии и эстетике. Долгое время данное течение оставалось в тени, воспринимаемое как ненужный или нереальный феномен, что, в свою очередь, подчеркивало его маргинальность в контексте доминирующих художественных направлений.

В данном контексте классическое искусство сосредоточено на изображении человеческой фигуры, природных мотивов и мифологических сюжетов, отражающих идеалы гармонии, красоты и порядка. В противоположность ему, абстракционизм отказывается от реалистичной репрезентации, стремясь выразить эмоциональные состояния и идеи посредством формы, цвета и линии, зачастую не связанных напрямую с объективной реальностью. Основное внимание переносится на внутреннее восприятие и субъективный опыт, предоставляя зрителю свободу в интерпретации произведения сквозь призму личных ощущений и ассоциативных откликов. Абстрактное искусство способно побуждать к более глубокому осмыслению природы искусства и самой реальности, открывая пространство для творческого эксперимента и внедрения новаторских идей. В этом свете абстракция предстает как форма деконструкции устоявшихся эстетических норм, тогда как классическое искусство ориентировано на сохранение канонических форм и поддержание концептуального единства.

Абстракционизм как художественное течение

Авангардизм стал символом поиска новых значений, акцентируя внимание на процессе творчества и диалоге между художником и зрителем, что в свою очередь подчеркивало важность контекста и интерпретации в восприятии искусства. Согласно же авангардистам, искусство должно изъясняться для всех, а не только для маленькой привилегированной группы, а также форма должна заменить сюжет.

Абстракционизм представляет собой не только практический пласт искусства, но и теоретический – интересный для искусствоведческих и философских исследований. Также следует сказать, что отношение к абстракционизму сильно менялось от негативных критик до возведения абстракции к высшей точке в развитии искусства. Турчин В.С. в своей книге «По лабиринтам авангарда» пишет: «Никто точно не знает, когда авангард родился. Однако известно, что сам термин "авангард" (фр. "avant-garde") был перенесен из сферы политики в область художественной критики в 1885 г. Т. Дюре в Париже. С тех пор он широко распространился, имеет привкус борьбы за все новое, нетрадиционное в искусстве. Конечно, 1885 г. – вовсе не тот год, когда родилось само явление. Хотя, отметим, время было бурным; формировался "авангард до авангарда", отшумели

декаденты, через год будет издан первый манифест символистов, в Париж приедет В. Ван Гог, П. Гоген отправится в Бретань, состоится последняя выставка импрессионистов, на которой будет господствовать Ж. Сера со своей свитой. Все эти события, не столь уж значительные для истории формирования художественного авангарда, тем не менее являлись важными для создания новой культуры. Это, в сущности, конец позитивизма в эстетике и реализма в искусстве» [Турчин, 1993, с. 3].

Возникновение авангардного искусства в начале XX века стало следствием глубоких трансформаций, охвативших европейское общество. Это явление не возникло внезапно – оно стало логическим итогом кризиса традиционного искусства, неспособного адекватно отражать быстро меняющуюся реальность нового времени. Абстрактное искусство, в отличие от классического, представляет собой парадигматический сдвиг в понимании художественного выражения, где основное внимание уделяется не репрезентации реальности, а чистым визуальным элементам и их внутренней логике. В классическом искусстве доминирует фигуративность и натурализм, что предполагает имитацию внешнего мира и передачу объективной истины через детализированные образы. Технологический прогресс, развитие фотографии и кино также подорвали прежнюю функцию живописи как способа документирования реальности. Изображать мир так, как он выглядит, больше не имело смысла – реализм утратил свою монополию, и художники начали искать новые формы, чтобы выразить свои идеи. Согласно интерпретации К. Гринберга [Гринберг, 2005], возникновение авангардного искусства следует рассматривать как реакцию на кризисные явления, охватившие классическое искусство. Суть кризиса заключалась в утрате устойчивой связи между духовной и материальной составляющими художественного высказывания. Его высказывание развивает Гиренок Ф.И.: «...художники пытались найти эстетическую форму, которая бы выдерживала обе эти субстанции в некотором равновесии. Но после Ренессанса началась десакрализация искусства, и художнику нужно было либо остановиться, либо прыгать далее на одной ноге, придерживаясь материализма и психологизма. Искусство попыталось найти свою жизнь. Вот эту-то новую форму и нашел авангард» [Гиренок, 2008; с. 65]

По мнению исследователей авангардизма [Пронькин, 2013; Попова, 2011; Long, 1980], искусство перешло грань традиционных представлений о фигуративности и реалистичности, открыв новые горизонты для самовыражения и эксперимента. Таким образом, абстракционизм можно рассматривать как критическую практику, стремящуюся к освобождению искусства от ограничений реализма и поиску новых способов выражения экзистенциальных вопросов, что делает его важным этапом в эволюции художественного мышления.

Политическая и социальная нестабильность рубежа XIX–XX веков – революции, мировые войны, индустриализация – способствовали протестному духу авангарда. Художники стремились не только изображать действительность, но и изменять её, предлагая альтернативные взгляды на человека, общество, искусство. Внутри самого художественного процесса нарастало стремление к эксперименту и свободе. Классическое искусство опирается на реалистичное воспроизведение объектов и фигур, стремясь к точности и гармонии. Оно акцентирует внимание на пропорциях, перспективе и детализации, что обеспечивает зрителю легкость в распознавании и интерпретации представленных сцен.

Абстрактное искусство можно воспринимать как разрушение традиционных эстетических стандартов, в то время как классическое искусство нацелено на сохранение канонических форм и концептуальной целостности [Стойков, 1964]. Это различие также подразумевает разные подходы к онтологии и эпистемологии в искусстве: классическое искусство опирается на объективные истины, в то время как абстрактное искусство исследует субъективные интерпретации и многозначность художественного опыта.

Кандинский и формирование абстрактного искусства в России

История русского нефигуративного искусства в мире начинается с В. Кандинского. 1910 год – время первого абстрактного произведения. Картину Василия Кандинского "Первая абстрактная акварель" можно охарактеризовать как начало чего-то нового. Работа иллюстрирует онтологическую редукцию: формы и линии упрощены до абстрактных элементов, что демонстрирует отказ от репрезентации действительности. Это создает пространство для субъективного восприятия, и субъект восприятия становится активным участником в интерпретации произведения.

Кандинский родился 16 (4) декабря 1866 года в Москве. В 1871 его семья переезжает в Одессу, где он получает художественное и музыкальное образование. С 1900 года Кандинский много обучается и путешествует. Будучи уже взрослым тридцатилетним человеком, после окончания юридического факультета МГУ Кандинский приближается к художественному пространству. В 1911 г. рождается его первая выставка, а также известный нам трактат «О духовном искусстве». В нем он пишет манифест для абстракционизма и всего авангарда, создавая свою абстрактно-эстетическую модель духовной жизни культуры [Минуллин, 2018]. Художественный путь Кандинского проходит от предметности до абстракции: от картины «1898, Одесса, Порт» до «1944, Маленький красный круг» [Стрейн, 2021].

После революции 1917 года он начинает активно заниматься общественной деятельностью и преподавать, но его работы не принимают в России. В 1921 г. уезжает в Берлин, преподает живопись в Баухаусе, участвует в выставках, получает всемирное признание. А также издается новый труд, созданный из лекций – «Точка и линии на плоскости», 1926 г. Василий Кандинский полагал, что разработка теории о духовном искусстве сопряжена с онтологическими и эпистемологическими трудностями, поскольку искусство, по его мнению, является выражением внутреннего мира и духовных переживаний, которые трудно поддаются объективной интерпретации [Henry, 1991].

Думая о новой художественной науке, Кандинский придерживается мнения о том, что необходимо провести анализ истории искусства, художественных элементов, а также создать теорию общей композиции для композиционного учения в целом. Он пишет: «Одной из важнейших задач зарождающейся сейчас науки об искусстве должен стать детальный анализ всей истории искусства на предмет художественных элементов, конструкции и композиции в разные времена у разных народов, с одной стороны, а с другой – выявление роста в этих трех сферах: пути, темпа, потребности в обогащении в процессе скачкообразного, вероятно, развития, которое протекает, следуя неким эволюционным линиям, быть может – волнообразным. Первая часть этой задачи – анализ – граничит с задачами "позитивных" наук. Вторая часть – характер развития – граничит с задачами философии. Здесь завязывается узел общих закономерностей человеческой эволюции» [Кандинский, 2023; стр. 5].

Построение теории искусства тесно связано с философией и антропологией, поскольку они стремятся понять не только эстетические формы, но и глубинные смыслы, культурные контексты и человеческие переживания, лежащие в основе художественного творчества [Кравец, Туранов, 2016]. С развитием философии субъективного опыта, особенно в XIX–XX веках, искусство стало пониматься как форма познания, где важна не только форма, но и внутреннее содержание. Всякое явление, пишет Кандинский, сопряжено с двумя принципами: внешнее и внутреннее. Искусство отражается на поверхности сознания, а художественная наука обязана иметь интернациональный характер, кроме того формируя всеобщий закон мировой композиции [Кандинский, 2023]. С развитием сознания меняется восприятие реальности, и, соответственно, формы искусства.

Кандинский, как один из основоположников абстрактного искусства, глубоко связывал абстракцию с внутренним миром человека и его сознанием. По его мнению,

художник должен быть не копиистом реальности, а проводником невидимого, он должен создавать формы, в которых выражается внутренний мир [Соколов, 2012]. В своей книге «О духовном в искусстве» Кандинский писал: «Периоды, когда искусство не имеет ни одного крупного представителя, когда отсутствует преображенный хлеб, являются периодами упадка в духовном мире» [Кандинский, 2023; с.17]. Для него абстрактное искусство было не просто отказом от изображения реальности, а стремлением выразить глубинные аспекты человеческого духа.

Мысль о том, что искусство имеет духовную природу и не должно подражать природе находит себя в положении: «Он (зритель) хочет найти в художественном произведении или чистое подражание природе, которое могло бы служить практическим целям (портрет в обычном смысле и т. п.), или подражание природе, содержащее известную интерпретацию: «импрессионистская» живопись, или же, наконец, облечённые в формы природы душевные состояния (то, что называют настроением)» [Кандинский, 2023; с. 9] Здесь Кандинский говорит о утилитарной установке на реализм, когда искусство ценится за его способность копировать реальность. Он критикует это как ограничение. Зритель привык искать опору во внешнем и с трудом принимает абстракцию, где этой опоры нет.

Также негативной критике подвергается тезис "L'art pour l'art" («искусство ради искусства»), и Кандинский пишет: «В такие времена искусство ведет унижительное существование, оно используется исключительно для материальных целей. Оно ищет материал для своего содержания в грубо материальном, так как более возвышенное ему неизвестно. Оно считает своей единственной целью отражать предметы...» [Кандинский, 2023; с.28]. Кандинский настаивает, что искусство должно освободиться от имитации. Он выступает за новый путь: беспредметное искусство, в котором цвет, форма и композиция имеют внутреннюю ценность, не зависящую от узнаваемости.

Искусство вне предмета: философия цвета и формы В. Кандинского

Кандинский ясно и критически высказывается о соотношении искусства и природы: он выступает против принципа мимесиса (подражания природе), который лежал в основе классического искусства, начиная с античности. Он не призывает полностью отвергнуть природу, но говорит, что художник должен видеть в ней толчок к внутренним переживаниям, а не образец для копирования [Vargo, 1994]. Именно в отходе от мимесиса и в развитии абстрактной формы Кандинский видел путь к возрождению искусства, способного говорить языком духа, цвета и формы. Использование абстрактных форм, которые не причастны к внешним природным явлениям, приводит к тому, что происходит разделение между царством природы и царством искусства. Но и между художественными и природными законами существует «идентичность» [Кандинский, 2023]. Также это означает, что различие есть лишь в композиционном учении, в основании различия смысла, который для природы и искусства должен быть один. В целом, Кандинский видел в абстракции путь к более глубокому пониманию человеческого сознания, где форма и цвет служат средствами выражения внутреннего мира и духовных переживаний: «Строгой реалистике противостоит великая абстракция, которая сводится к стремлению полностью исключить предметное и к попытке воплотить содержание в “нематериальных” формах» [Кандинский, 1912].

В качестве необходимого шага при создании теории Кандинский выделяет рассмотрение точки и линии как первоэлементов на основной плоскости (ОП). Основная плоскость выступает не просто как физическая поверхность холста, но как концептуальное пространство, в котором взаимодействуют ключевые элементы художественного языка — линии, формы и цвета. Точка, являясь первичной единицей, олицетворяет намерение и скрытую возможность, тогда как линия представляет собой выражение движения, связывающее точки и формирующее структурные отношения

между ними. Кандинский развивает размышления о различных типах линий (прямых, кривых, горизонтальных и вертикальных) акцентируя внимание на их эмоциональной выразительности и символическом значении. По его убеждению, каждая линия обладает способностью пробуждать определённые аффекты и ассоциативные отклики, что указывает на тесную взаимосвязь между визуальной формой и эмоциональным восприятием.

Цвет, являясь ключевым элементом художественного языка, рассматривается сквозь призму его психологического воздействия и символической нагрузки, оказывая влияние на восприятие зрителя и вызывая определённые эмоциональные реакции. В идеале цвет и форма должны находиться во взаимодополняющем взаимодействии, формируя целостное духовное содержание произведения искусства. Касательно формы, Кандинский утверждает: «Форма остается абстрактной, то есть она не обозначает никакого реального предмета, а является совершенно абстрактным существом. Подобными, чисто абстрактными существами – которые, как таковые, имеют свою жизнь, свое влияние и свое действие – являются квадрат, круг, треугольник, ромб, трапеция и бесчисленные другие формы, которые становятся все более сложными и не имеют математических обозначений» [Кандинский, 2023; с. 54]. Усложнение форм и их выход за пределы фиксируемых очертаний свидетельствуют о подвижной, открытой природе абстракции. Это указывает на то, что в процессе эволюции идей и концептуальных структур происходит преодоление традиционных категорий и понятийных рамок, что, в свою очередь, порождает новые способы осмысления и интерпретации. В этом контексте абстракция не столько отражает реальность, сколько активно участвует в её формировании, открывая пространство для иного восприятия и конституирования действительности.

Главный принцип, который выводит Кандинский искусства – принцип внутренней необходимости. «Так как количество красок и форм бесконечно, то бесконечно и число комбинаций и в то же время действий. Это материал неистощим. Во всяком случае форма в более узком смысле есть не что иное, как отграничение одной плоскости от другой. Такова ее внешняя характеристика. А так как во всем внешнем обязательно скрыто и внутреннее (обнаруживающееся сильнее или слабее), то каждая форма имеет внутреннее содержание. *Итак, форма есть выражение внутреннего содержания. (...) Ясно, что гармония форм должна основываться только на принципе целесообразного прикосновения к человеческой душе.*» [Кандинский, 2023; с. 52] Так он приходит к формулировке принципа внутренней необходимости, по которому искусство должно происходить из духовности, а не только из внешних форм. Определение композиции, цветовой гаммы, концепции изображаемого должно исходить из внутреннего опыта, что может создавать связь между художником и зрителем за счет призмы собственных чувств и ассоциаций. Это согласуется с антропологическим подходом, который исследует, как индивидуальные переживания и внутренние состояния формируют культурные и художественные практики. Искусство, как средство самовыражения, становится способом самоидентификации и установления собственного места человека в мире. «Когда потрясены религия, наука и нравственность, и внешние устои угрожают падением, человек обращает свой взор от внешнего внутрь самого себя» [Кандинский, 2023; с. 41].

Он считал, обычное искусство есть лишь дитя своего времени, и оно кратковременно. Но есть и другое искусство, «способное к дальнейшему развитию, также имеет корни в своей духовной эпохе, но оно является не только отзвуком и зеркалом последней, а обладает пробуждающей, пророческой силой, способной действовать глубоко и на большом притяжении» [Кандинский, 2023; с. 22] В этой цитате он говорит о двойственной природе искусства — как о зеркале эпохи и как о пророческой, трансцендентной силе, которая выходит за рамки своего времени. Это искусство, идущее от внутренней необходимости и проникающее в суть человеческого духа. Оно не является

продуктом своей эпохи, потому что обращено к вечному в человеке — к его душе, к духовному поиску, к метафизике. Для Кандинского форма — это не просто внешняя оболочка или контур предмета. В своей работе «К вопросу о форме» [Кандинский, 2006], он раскрывает понятие формы как сложной и духовной категории. Форма, по Кандинскому, не самостоятельна, она возникает из необходимости выразить состояние художника, поэтому должна быть адекватной тому, что происходит в душе — это и есть «внутренняя необходимость». Он отвергает миметическую роль формы, ее не следует понимать, как контур конкретного предмета из реального мира [Ирдиненко, Мизина, 2023]. В абстрактном искусстве форма теряет привязку к предмету, но обретает свободу быть чистым духовным символом. Например, в его картине «Композиция VII», 1913 г., нет узнаваемых предметов — это чистая энергия, выражающая себя через взаимодействие линий, цветовых пятен, направлений. «Форма — это не что-то застывшее. Форма — это движение, ритм, пульс» [Кандинский, 2006, с.271]. Для Кандинского форма и душа неразрывно связаны. В его художественной и философской системе форма выступает средством выражения души — её отклик, отражение на холсте.

Кандинский пишет о том, что в современном мире абстрактное выходит на первый план, закрывая элементы материального. Всё должно работать соотносимо внутреннему звучанию абстрактного, а именно через форму воздействия самого предмета, через влияние цвета и его формы. Безусловно, автор задается вопросом, каков будет результат, если оставить только абстрактное в композиции. На что дает ответ: в искусстве не должно быть «обязательного», «должного». Все должно подчиняться принципу внутренней необходимости, внутреннего звучания и вибраций изображаемого.

Заклучение

Таким образом, развитие абстракционизма невозможно понять вне контекста философских и художественных идей своего времени. Философские течения конца XIX — начала XX века, такие как спиритуализм, теософия, феноменология и экзистенциализм, оказали значительное влияние на формирование мировоззрения художников-абстракционистов. Эти идеи побуждали их отказаться от внешнего подражания реальности в пользу выражения внутренних состояний, универсальных духовных начал и субъективного восприятия мира. Художники стремились к трансцендентному, к передаче того, что невозможно выразить с помощью традиционной формы. Такое стремление находило своё выражение в отказе от фигуративности, в использовании цвета, линии и формы как самостоятельных выразительных средств.

В. Кандинский сыграл ключевую роль в становлении и развитии абстракционизма как самостоятельного художественного направления, и именно его философские и эстетические взгляды во многом определили его теоретическую и практическую основу. Под влиянием философии искусства и идей о духовной сущности творчества, Кандинский рассматривал живопись как средство выражения внутреннего мира, освобожденного от натуралистических форм и внешней реальности. В его работах и теоретических текстах, таких как "О духовном в искусстве", отразилась убежденность в том, что искусство должно не столько изображать, сколько воздействовать с помощью цвета, линии и форму на душу зрителя. Эти идеи не только определили индивидуальный путь Кандинского, но и заложили философскую основу для всего направления абстрактного искусства. Благодаря Кандинскому абстракционизм превратился из формального эксперимента в полноценную эстетическую систему, способную выражать глубинные смыслы и эмоции.

Список литературы

- Бобринская Е.А. 2006. Русский авангард: границы искусства. М., Новое литературное обозрение, 304 с.
Гиренок Ф.И. 2008. О современном искусстве. В кн.: Удовольствие мыслить иначе. М., Академический проект, С. 135-150.
Гринберг К. 2005. Авангард и китч. Художественный журнал, 60: 49-58.

- Ирдиненко Е.А., Мизина Л.Б. 2023. Экспрессия формы в эстетической реминисценции Василия Кандинского. *Terra культура*, 17: 17-29.
- Кандинский В. 2006. К вопросу о форме. В кн.: *Семиотика авангарда*. М., Культура, Академический проект: 264-276.
- Кандинский В. 2023. Точка и линия на плоскости. О духовном в искусстве. М., АСТ, 352 с.
- Кравец В.С., Туранов Д.А. 2016. Философия духовной беспредметности В. Кандинского. *Теория и практика современной науки*, 1(12): 626-631.
- Малевич К. 1916. От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм. Петроград, Секачев В.Ю., 36.
- Миннуллин О.Р. 2018. Об одном истоке теории художественной целостности: «О духовном искусстве» Василия Кандинского. *Литературоведческий сборник*, 59: 71-74.
- Попова И. 2011. Формула абстракции: философия и искусство Кандинского. СПб., Алетейя, 304 с.
- Пронькин В.И. 2013. Общее и особенное в феномене авангардизма и абстракционизма в искусстве. *Социально-гуманитарные знания*, 12.
- Соколов Б.М. 2012. Теория беспредметного искусства у В.В. Кандинского в 1920-30-х годах. *Искусствознание*, 3: 171-191.
- Стойков А. 1964. Критика абстрактного искусства и его теории. М., Искусство, 247 с.
- Стрейн С. 2021. Абстрактное искусство. М., Ад Маргинем Пресс, ABCdesign, 176 с.
- Турчин В.С. 1993. По лабиринтам авангарда. М., Изд-во МГУ, 248 с.
- Философия русского авангарда: коллективная монография. 2018. Под ред. Н.Н. Ростовской. М., РГ-Пресс, 128 с.
- Henry M. 1991. *Kandinsky: A Biography*. Chicago, University of Chicago Press, 140 p.
- Vergo P. 1994. *Kandinsky: Complete Writings on Art*. New York, Da Capo Press, 620 p.
- Washton Long R.-C. 1980. *Kandinsky: The Development of an Abstract Style*. Oxford, Clarendon Press. 226 p.

References

- Bobrinskaya E.A. 2006. *Russkii avangard: granitsy iskusstva* [Russian Avant-Garde: The Boundaries of Art]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 304 p.
- Girenok F.I. 2008. O sovremennom iskusstve [On Contemporary Art]. In: *Udovol'stvie myslit' inache* [The Pleasure of Thinking Differently]. Moscow, Akademicheskii proekt: 135-150.
- Grinberg K. 2005. Avangard i kitch [Avant-Garde and Kitsch]. *Khudozhestvennyi zhurnal*, 60: 49-58.
- Irdinenko E.A., Mizina L.B. 2023. Ekspressiya formy v esteticheskoi reministsentsii Vasiliya Kandinskogo [Expression of Form in the Aesthetic Reminiscence of Vasily Kandinsky]. *Terra kul'tura*, 17: 17-29.
- Kandinsky V. 2006. K voprosu o forme [On the Question of Form]. In: *Semiotika avangarda* [Semiotics of the Avant-Garde]. Moscow, Kul'tura, Akademicheskii proekt: 264-276.
- Kandinsky V. 2023. Tochka i liniya na ploskosti. O dukhovnom v iskusstve [Point and Line to Plane. On the Spiritual in Art]. Moscow, AST, 352 p.
- Kravets V.S., Turanov D.A. 2016. Filosofiya dukhovnoi bespredmetnosti V. Kandinskogo [Philosophy of Spiritual Non-Objectivity of V. Kandinsky]. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*, 12: 626-631.
- Malevich K. 1916. Ot kubizma k suprematizmu. Novyi zhivopisnyi realizm [From Cubism to Suprematism. The New Painterly Realism]. Petrograd, Sekachev V.Yu., 36 p.
- Minnullin O.R. 2018. Ob odnom istoke teorii khudozhestvennoi tselostnosti: "O dukhovnom iskusstve" Vasiliya Kandinskogo [On One Origin of the Theory of Artistic Wholeness: "On the Spiritual in Art" by Vasily Kandinsky]. *Literaturovedcheskii sbornik*, 59: 71-74.
- Popova I. 2011. Formula abstraktsii: filosofiya i iskusstvo Kandinskogo [Formula of Abstraction: Philosophy and Art of Kandinsky]. St. Petersburg, Aleteiya, 304 p.
- Pron'kin V.I. 2013. Obshchee i osobennoe v fenomene avangardizma i abstraktsionizma v iskusstve [Common and Specific in the Phenomenon of Avant-Gardism and Abstractionism in Art]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 12.
- Sokolov B.M. 2012. Teoriya bespredmetnogo iskusstva u V.V. Kandinskogo v 1920–30-kh godakh [Theory of Abstract Art in Kandinsky's Work of the 1920s–30s]. *Iskusstvoznanie*, 3: 171-191.
- Stoikov A. 1964. Kritika abstraktnogo iskusstva i ego teorii [Critique of Abstract Art and Its Theory]. Moscow, Iskusstvo, 247 p.
- Strein S. 2021. *Abstraktnoe iskusstvo* [Abstract Art]. Moscow, Ad Marginem Press, ABCdesign, 176 p.

- Turchin V.S. 1993. *Po labirintam avangarda* [Through the Labyrinths of the Avant-Garde]. Moscow, Izd-vo MGU, 248 p.
- Filosofiya russkogo avangarda: kolektivnaya monografiya [Philosophy of the Russian Avant-Garde: A Collective Monograph]. 2018. Ed. by N.N. Rostova. Moscow, RG-Press, 128 p.
- Henry M. 1991. *Kandinsky: A Biography*. Chicago, University of Chicago Press, 140 p.
- Vergo P. 1994. *Kandinsky: Complete Writings on Art*. New York, Da Capo Press, 620 p.
- Washton Long R.-C. 1980. *Kandinsky: The Development of an Abstract Style*, Oxford, Clarendon Press, 226 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.05.2025

Received May 16, 2025

Поступила после рецензирования 16.08.2025

Revised August 16, 2025

Принята к публикации 28.02.2026

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сацукевич Анна Игоревна, аспирант кафедры философской антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Anna I. Satsukevich, Postgraduate Student at the Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

УДК 101.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-224-233

EDN TDMJJS

Феноменология объекта в дизайн-мышлении

Шаткин М.А.

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83
maximshatkin@gmail.com

Аннотация. Сегодня дизайн-мышление понимается как метод создания поддерживающих социальные взаимодействия объектов, учитывающих ценности, идентичность и благополучие пользователей и всего общества. Фокусируясь на вопросах организации дизайн-мышления и проектирования объектов, современные исследования уделяют мало внимания особенностям уже созданных объектов в социальном контексте. Целью исследования является раскрытие основных свойств объекта дизайн-мышления вне зависимости от его онтологического статуса. В качестве метода используется синтез концепций: четырех порядков дизайна, трансформационного дизайна и социоматериального дизайна. Выделены четыре уровня социоматериального контекста дизайна: создание объекта в соответствии с актуальными требованиями; оформление опыта взаимодействия пользователя и объекта; участие объекта в поддержании социальных взаимодействий; совокупность уже созданных объектов дизайна, формирующих канон, определяющий требования к новым объектам. В зависимости от уровня объект может играть роль актора, реквизита или декорации. Ключевыми характеристиками, отличающими объект дизайн-мышления от повседневных предметов и произведений искусства, является актуальность, нарративность и наследуемость. Исследование вносит вклад в понимание специфики дизайн-мышления как социально-культурного явления, а также расширяет методологический инструментарий социальной философии в раскрытии элементов социоматериального контекста социальных явлений и процессов.

Ключевые слова: социальная философия, культура, ценности, социоматериальный контекст, канон, нарратив

Для цитирования: Шаткин М.А. 2026. Феноменология объекта в дизайн-мышлении. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 224–233. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-224-233 EDN: TDMJJS

Phenomenology of the Object in Design Thinking

Maxim A. Shatkin

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky
83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russian Federation
maximshatkin@gmail.com

Abstract. Contemporary academic literature defines design thinking as the innovative activity of creating products that are designed to enhance the experience and empowerment of the user, as well as contribute to the affirmation of values and identity. While European research addresses the creative and value potential of design thinking, researchers from the Far East focus on the using design thinking to add value to cultural heritage objects in contemporary contexts. The question of the socio-cultural status of an already created design object remains under-researched. The article aims to fill this theoretical gap and to identify the characteristics of the design object that distinguish it from everyday objects and cultural

artifacts. The method used is a synthesis of the concepts of Buchanan's four orders of design, Beucker's transformational design, and Bjørn and Østerlund's sociomaterial design. At different levels of the socio-material context – the creation of an object according to current needs, the experience of user-object interaction, the participation of the object in the maintenance of social interactions, and the totality of created design objects that form the canon – the object can play the role of an actor, a prop, or a setting. The key features the object of design thinking are relevance, narrativity, and heritability. Relevance refers to the purpose of the design object to provide the "best experience," that is, to meet the user's needs in a way that is valuable within the existing design canon. Narrativity of a design object is a consequence of the unstable boundaries of the canon and the need to explain the meaning and value of a newly created object. Heritability means that the object should explicitly reflect its adherence to the canon without exact replication, so that the inclusion of the object in the canon transforms the latter. The study contributes to the understanding of the specifics of design thinking as a socio-cultural phenomenon.

Keywords: social philosophy, culture, values, sociomaterial context, canon, narrative

For citation: Shatkin M.A. 2026. Phenomenology of the Object in Design Thinking. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 224–233 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-224-233 EDN: TDMJJS

Введение

Дизайн-мышление (далее – ДМ) является одним из инновационных методов проектирования продуктов, пользовательского опыта, виртуальных миров, ландшафтов и социальных взаимодействий, который, наряду с систематическим подходом к творческому выявлению и решению проблем, отличается от других методов ориентированностью на благополучие человека и общество [Zhao et al., 2025; Szostak, 2021]. ДМ может быть описано на трех уровнях: как применение специфического набора инструментов «дизайнерского мышления», носителями которого являются специалисты по графическому и промышленному дизайну, к решению управленческих задач [Bongiovanni, Louis, 2021]; как итеративный процесс выявления скрытых потребностей для созданий инновационных продуктов; как связанный с ценностями, образами будущего, нормами и убеждениями образ мышления внутри организационной культуры [Hanifah et al., 2023]. В целом, ДМ опирается не на «вещи», а на «людей», акцентируя внимание на таких процессах, как практики, опыт и услуги [Beucker, 2015]. Эта ориентация позволяет провести демаркацию между дизайном и такими формами сознательной творческой активности, как «проектирование», «конструирование», «моделирование», которые, особенно в английском языке, также могут называться «дизайном». Проектирование продукта посредством ДМ будет отличаться от традиционного моделирования (и, соответственно, ДМ от «дизайнерского мышления») тем, что в центре внимания дизайнера помимо технических задач функциональности и элегантности оформления материала будут находиться потребности, ценности, идентичность потребителя и самого дизайнера, а также социального окружения. Ограничение потребностями изолированного пользователя, без учета более широкого социально-культурного и экологического контекста отвергается как устаревшее выражение «потребительства», в то время как целями ДМ провозглашаются, во-первых, основанные на наборе общих ценностей стратегические и тактические решения сложных и «угрожающих» (wicked) социальных проблем [van Uffelen et al., 2024], и во-вторых, создание «новых смыслов и возможностей», помогающих людям и обществу достичь их наивысшего потенциала [Christoforetti, Verganti, 2025].

Акцент на социальные и гуманистические цели и аспекты дизайна стал возможным во многом благодаря развитию широкого спектра технологий. В первую очередь это относится к цифровым технологиям, для которых часто единственным непреодолимым ограничением в создании разнообразных интерфейсов и целых виртуальных миров

являются физические возможности пользователя. Те же цифровые технологии позволяют строить сложные модели «коллективных экосистем» в качестве объектов ДМ и размышлять над их ценностным содержанием [Cooper, 2024]. Кроме того, возможности оформления физических объектов в соответствии с желаемыми параметрами также увеличились благодаря аддитивному производству (также известному как 3D-печать), позволяющему создавать объекты с новыми геометрическими формами, а также автоматизировать сам творческий процесс [Simian, 2025]. Технологические возможности делают материю податливой, в то время как ценности и идентичности демонстрируют большее сопротивление. Это обуславливает заметный уклон современных исследований ДМ на данные факторы, в том числе в педагогике (например, на психологии творчества [Auernhammer, Roth, 2021], совместном дизайне (co-design), а также социальных процессах, взаимодействиях и институтах [Lee, 2024]. Крайним проявлением данной тенденции стало возникновение в ДМ «спекулятивного», «критического» и «рефлексивного» дизайнов, призванных стать вызовом для существующих социальных норм и институтов, «спровоцировать мысли и дискуссии», «вдохновить изменения» и даже преодолеть сопротивление западной молодежи к усвоению либеральных (лукаво именуемых «социологическими») подходов к вопросам гендера и сексуальности [Isaksson, 2024]. Следствием подобной увлеченности ДМ «сочувствием превыше экспертности» и «идеями превыше реализации» стала критика ДМ как наивных и необоснованных обещаний [Ackermann 2023].

Если западные исследователи преимущественно заинтересованы ценностным, педагогическим и экологическими аспектами ДМ, то восточные авторы фокусируются на использовании ДМ в качестве инструмента воспроизводства традиционных ремесел и культурного наследия в целом, обеспечивающего сохранение их культурной значимости и роста социально-экономической ценности в современных контекстах [Huang et al., 2024; Zhao et al., 2025;]. В центре внимания ученых из стран с богатым историко-культурным наследием – нетривиальные, но тем не менее прагматические задачи, например, как алгоритмизация процесса создания ремесленных изделий на базе ассоциируемых с конкретной местностью нарративов [Li et al. 2024]. Таким образом, в поле зрения восточных исследователей также находится ДМ как творческий процесс, с акцентом на его экономические аспекты в контексте культурного наследия. Кроме того, часто исследования ДМ создают слишком благостную картину направленного на решение злободневных проблем дизайна, игнорируя связанные с различными брендами «отмены» и культурные войны между потребителями [Hashmi et al., 2024].

То обстоятельство, что исследования ДМ осуществляются преимущественно авторами, интересующимися прежде всего процессом дизайнерской деятельности, влияет на заметный недостаток работ, исследующих объекты ДМ не с точки зрения их создания, а в их присутствии в социальном пространстве, наполненном пользователями, заинтересованными сторонами, институтами, а также другими объектами. Перечисленные моменты обуславливают необходимость осмысления объекта ДМ как специфического феномена, обладающего уникальными свойствами вне зависимости от своего реального онтологического статуса как нарративного описания замысла, материального объекта, машинного кода или сценария политической кампании. Соответственно, целью предлагаемой статьи является анализ специфики объекта ДМ как элемента социальной реальности в его отличии от других созданных человеком объектов повседневного мира или искусства.

Методология исследования

Сегодня в исследованиях дизайна можно встретить работы, раскрывающие разные онтологические аспекты объекта дизайна [Forsey, 2013; Galdon, Hall, 2019], но данные тексты также фокусируются на творческом процессе внутри ДМ. Наиболее релевантными для задач данного исследования являются концепции, которые сегодня незаслуженно

оказались на периферии академического дискурса. Это работы Р. Бьюкенена и его единомышленников, в которых выделяется четыре порядка дизайна, – от материальных объектов до социальных систем [Buchanan, 2019; Lee, 2024], – теория трансформационного дизайна и концепция социоматериального дизайна. Обсуждая стратегии дизайна поэтапной трансформации социальных контекстов, Beucker [2015] проводит различие между контекстом и ситуацией, определяя первый через декорации (the set), акторов (the actors) и реквизит, а вторую – через конкретное взаимодействие актеров друг с другом, а также реквизитом и декорациями.

Несмотря на всю элегантность предложенного подхода, автор вместо его развития сфокусировался на декларациях о том, какой вклад должны вносить дизайнеры в благополучие общества. Поэтому в качестве дополнения к этому подходу целесообразно использовать идею социоматериального дизайна, подчеркивающую роль оформляемых объектов в структурировании социальных практик [Bjørn, Østerlund, 2014].

На примере здравоохранения, используя игру слов, авторы показали, как спроектированные объекты связывают (bound) участников взаимодействий между собой, с материальными объектами и социальными организациями, а также устанавливают границу (boundary), оформляющую конкретную социоматериальную ситуацию. Стоит заметить, что характерная для ДМ гуманистическая ориентация предохранила авторов от погружения в глубины акторно-сетевой теории, сфокусировав их внимание на этнографических исследованиях. Однако это же обстоятельство не позволило выйти за пределы анализа материальных объектов, их размещении в пространстве, связи артефактов и (пере)движений людей, и, соответственно, раскрыть социоматериальный статус и специфику объектов ДМ.

Мы предлагаем преодолеть ограничения перечисленных подходов посредством их синтеза, а именно, через рассмотрение социоматериального статуса объектов дизайна внутри гетерогенных контекстов, распределенных по нескольким уровням. В следующих частях работы будет концептуализирован социоматериальный контекст, в котором присутствует объект ДМ, а затем описаны ключевые характеристики объекта ДМ. Полученные результаты мы будем обсуждать в диалоге с представляющими большой интерес идеями философа и политолога Оливье Руа относительно современной культуры и общества [Roy, 2024].

Социоматериальный контекст в дизайн-мышлении

Переосмысляя перечисленные ранее концепции, мы выделяем четыре уровня социоматериального контекста в ДМ. Первый уровень относится к ситуации создания объекта, где дизайнер выступает в роли актора, в то время как объект и инструменты его создания формируют набор реквизитов, дающих ответ на вопрос об осуществимости замысла. Представления об эстетичности и новизне создаваемого продукта, с которыми объект не может вступать в противоречия, могут быть названы декорациями этого уровня дизайна. Фактически декорации представляют собой обобщенное мнение об «эстетичном» и «новом», которое возникает через восприятие неопределенного множества уже существующих объектов дизайна. В ряде случаев, когда объект ДМ является предельно не-визуальным (например, парфюмерия), соответствие объекта контексту может передаваться через сопровождающий нарратив, например, историю о вымышленных персонажах, мнимой декорацией для которых является парфюмерный объект ¹.

Второй уровень контекста включает в себя формы взаимодействия пользователя и объекта, включая воображаемые дизайнером, пробные (например, при тестировании компьютерных игр или при проведении фокус-групп) и практические, т.е. направленные на удовлетворение потребностей конечного пользователя. Здесь объект является актором,

¹ В наиболее яркой степени это выражено у такого парфюмерного бренда, как Penhaligon's.

вливающим на играющий роль реквизита опыт пользователя, в то время как совокупность других объектов, – как конкурирующих с актором, так и нейтральных, выполняющих другие функции, но также способных повлиять на опыт пользователя, – создает не имеющие четкие границы декорации. В этом пункте (равно как и в отношении декораций на первом уровне) наша концепция расходится с идеями Bjørn и Østerlund [2014] о том, что социоматериальный дизайн всегда подразумевает наличие границ между конкретной ситуацией и остальным миром.

Третий уровень охватывает ситуации социальных (межличностных и групповых) взаимодействий, где диапазон ролей объектов наиболее широк: они могут быть актерами, непосредственно влияющими на взаимодействие людей (светофор, алгоритмы социальных сетей), реквизитом, поддерживающим эти взаимодействия (цифровые технологии), а также декорацией, которая служит распознаванию социального статуса незнакомца. На данном уровне наиболее насущной является проблема демаркации объектов дизайна и предметов повседневного обихода (включая религиозный и профессиональный), а также объектов, конвенционально относимых к искусству.

Содержание четвертого уровня дизайна Р. Бьюкенен описывал общими фразами «социальные организации» и «системы», в то время как К. Lee [2024] рассматривает его с точки зрения набора социальных институтов, которые принуждают, поддерживают, задают нормы и формируют нарративы. В таком случае ДМ теряет свою специфику и становится неотличимым от тех немногочисленных течений в социальной и политической философии, которые полагают возможными сознательные и обеспечивающие гарантированный результат создание, управление и трансформацию социальных институтов. Поэтому социоматериальная перспектива служит средством «заземления» ДМ и профилактики безудержного социального реформаторства под властью неинформированного творческого мышления. В то же время отрицать наличие этого уровня дизайна нельзя, поскольку он присутствовал в явном виде на первом и втором уровнях как не имеющая четких границ совокупность уже существующих объектов дизайна, обобщение которых в субъективном опыте дизайнера и пользователя формируют представление о том, что сегодня является эстетичным, новым и соответствующим ценностям. Вновь созданные объекты, содержащие элементы новизны, дополняют эту совокупность и, соответственно, трансформируют представления о ней, влияющие на создание новых объектов. Объекты дизайна включаются на этом уровне в цикл ролей актора-реквизита-декорации, служа образцом для подражания или источником вдохновения, предметом подделки или оммажа, устаревая и возвращаясь в моду, задавая границы и призывая их преодолеть. Поэтому можно говорить о четвертом уровне дизайна как о самотрансформирующемся каноне, являющемся совокупностью созданных объектов, выступающей в роли системы координат для нового творчества.

Обращаясь к идеям О. Руа о кризисе современной культуры как распаде единого культурного и социального воображаемого и замене единого канона на совокупность разнородных маркеров идентичности [Roy, 2024, p. 49-55, 71-80], можно реинтерпретировать значение и истоки данного кризиса. Традиционная культура представляла канон, который со временем дополнялся, но не мог принципиально измениться, сохраняя свое классическое «ядро» в качестве трансцендентного по отношению к текущей популярной культуре. В ДМ канон не имеет неизменной части и вбирает в себя всё вновь созданное, постоянно обновляя критерии актуальности. Всё присутствующее видимым образом в широком контексте современного общества претендует на включение в канон и, соответственно, его трансформацию в том или ином направлении. Поскольку больше нет классического «ядра», и всякий объект может частью задающей смысл контексту декорацией, всякий объект, противоречащий контексту, приобретает статус «угрожающего» (wicked) и требующего радикального изгнания из контекста. Это объясняет «культуру отмены», которая не предполагает возможности

подвергнуть соперника критике (как это было в идеологических противостояниях XX века и даже в более ранней инквизиции), но требует полного исчезновения с запретом всякого диалога. Так, интенсивно обсуждающийся сегодня «совместный дизайн» в его радикальной форме выступает как преодоление сопротивления среды навязываемым ей произвольным нарративам [Korsmeyer et al., 2022].

Специфика объекта дизайн-мышления

Анализ уровней социоматериального контекста в ДМ позволяет выделить несколько характеристик объекта. Данные характеристики не совпадают с внешними требованиями к объекту ДМ (направленность на нужды потребителя, способность поддерживать социальные взаимодействия и расширять потенциал, эстетичность и новизна), а описывают конститутивные элементы феномена внутри ДМ. Мы выделяем следующие характеристики объекта: актуальность (relevance), нарративность и наследуемость.

Объект ДМ создается для того, чтобы обеспечить пользователям «наилучший опыт», что означает не просто удовлетворение потребностей, а такое их удовлетворение, которое соответствует (является релевантным) возможностям, предоставляемым текущим состоянием канона дизайна. Это обуславливает требование к объекту быть актуальным (relevant), то есть быть таким реквизитом, который, во-первых, наследует от канона свои черты, гармонично вписывающие его в текущие декорации и, во-вторых, быть для пользователя декорацией, подтверждающей его осведомленность о сегодняшнем состоянии канона и тем самым его статус как «актуального». С учетом высоких темпов трансформации канона, поддержание актуальности объекта требует соответствия не только уже проявленным тенденциям, но и вероятным, которым объект будет соответствовать в условном завтра. Это объясняет акцент в исследованиях ДМ на абдуктивный, т.е. направленный на выявление наиболее вероятного решения стиль рассуждений [Galdon, Hall, 2019; Mayer, Schwemmler, 2024], а также нацеленность на проектирование будущего [Galdon, 2025].

Нарративность объекта ДМ отражает способность объекта выполнять функцию носителя и материального воплощения нарративов как воплощенных в дискурсивных или визуальных историях человеческого опыта и интерпретаций реальности [Shaw, Nickpour, 2024, p. 37]. Потребность в нарративе возникает вследствие неустойчивости границ канона, что выводит каждый новый оригинальный объект за эти границы и поэтому требует объяснения и оправдания его значения как соответствующего канону, а цены – как соответствующей здравому смыслу, когда речь заходит о премиальном сегменте [Artusi et al, 2024]. Нарративность объекта может быть прослежена по уровням социоматериального контекста. Пользователь не просто перечисляет требования к желаемым характеристикам проектируемого объекта, а рассказывает свою «историю», «ответом» на которую становится дизайн объекта, подтверждающий, что дизайнер «услышал» и понял историю и идентичность пользователя [Shaw, Nickpour, 2024]. Объект ДМ призван содействовать человеку в превращении собственной жизни в уникальное повествование посредством окружения человека декорациями со следами настоящего или мнимого опыта (классический пример выпуска рваных джинсов, симулирующий бурный жизненный опыт их носителя), либо восполнения абстрактности и безжизненности личной истории (например, финансовых трейдеров) декорациями, имеющими собственные истории, которые человек может предложить окружающим и самому себе взамен собственной. В социальных взаимодействиях наличие нарратива стало важной отличительной характеристикой (feature), подтверждающей оригинальность и актуальность реквизита взаимодействия, что в наши дни порой достигает гротескной формы. Так, фактически обязательным элементом выпускаемой сегодня научно-популярной книги, даже если она про вымерших млекопитающих, является наличие в её начале рассказа о произошедшей с автором истории.

Свойство наследуемости имеет несколько уровней значений. Во-первых, оно относится к погруженности объекта ДМ в канон: объект наследует, – но не воспроизводит полностью, давая место новизне, – обобщенные характеристики уже созданных и ставших известными объектами, и в свою очередь сам становится наследием, от которого будут отталкиваться (в обоих значениях данного слова) последующие поколения объектов. Во-вторых, наследуемость отражает рекурсивную структуру объекта ДМ, воспроизводящую в себе собственный контекст через интеграцию декорации в реквизит. Другими словами, следование канону должно присутствовать в объекте явным образом в форме наглядного маркера идентичности, который делает объект дизайна узнаваемым как представителя известного канона. В качестве примера можно привести анализ О. Руа значения «расы» как культурно-политического конструкта в современном обществе на примере истории Рэйчел Долежал, которая «присвоила» себе негритянское происхождение [Roy, 2024, p. 126-130]. Это происхождение предполагает наследуемый «опыт травмы и страданий», рассказ о котором поддерживает достоинство и идентичность черных американцев, и данный опыт в совокупности с рассказом формируют актуальность претензий на бесконечную компенсацию за прошлые страдания. В данном примере видно, как чернокожесть является явным и однозначным маркером идентичности, которая наследует самой себе опыт травмы, который её определяет в качестве канона и расширяется по мере смены поколений за счет накопления новых следов и нарративных интерпретаций травматического опыта. Примечательно, что успешные попытки создания дизайна коллективной травмы стали возможны только при наличии визуально однозначных маркеров идентичности, которые позволили бы интегрировать в себя декорацию «наследников травматического опыта», в то время как попытки создания аналогичных нарративов для групп и наций, внешне мало отличающихся от своих соседей, терпели фиаско. Приведенные примеры показали, что указанные характеристики объекта ДМ могут быть одинаково применены к объектам с разным онтологическим статусом, а также могут использоваться в качестве критерия отличия объекта ДМ от других искусственных объектов.

Заключение

Дизайн-мышление сегодня предстает как сложный социально-культурный феномен, отражающий возросшие возможности общества по формированию новых объектов не только для удовлетворения текущих потребностей, но и для поддержания ценностей, идентичности и благоприятного опыта пользователя и всего общества. Акцент на творческий потенциал дизайнера часто затеняет вопрос о том, как созданный им объект функционирует в обществе. Для ответа на этот вопрос в статье был проведен анализ социоматериального контекста функционирования объекта ДМ, а также выделены те его черты, которые позволяют провести демаркацию между ним и другими созданными человеком объектами. Вклад статьи в углубление знаний о ДМ включает в себя два аспекта: оригинальный метод анализа роли объекта ДМ в социоматериальном контексте, а также более систематический взгляд на уникальные качества данного объекта.

Сформированная теоретическая и методологическая база может быть использована для более детальных исследований таких тем, как механизмы поддержания объектами ДМ социальных взаимодействий, а также воплощения в нем ценностей и идентичности. В более широком плане настоящее исследование содействует расширению методологического аппарата социальной философии, предлагая концептуальные инструменты для последовательного и многомерного анализа сложных социальных и социоматериальных феноменов.

Список литературы

Ackermann R. 2023. Design Thinking Was Supposed to Fix the World. Where Did It Go Wrong? *MIT Technology Review*. URL: <https://www.technologyreview.com/2023/02/09/1067821>

- Artusi F., Bellis P., Verganti R. 2024. When Products Speak Differently: Designing New Languages for Established Products. *Creativity and Innovation Management*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/caim.12637> (accessed: 17.02.2025).
- Auernhammer J., Roth B. 2021. The Origin and Evolution of Stanford University's Design Thinking: From Product Design to Design Thinking in Innovation Management. *Journal of Product Innovation Management*, 38(6): 623-644.
- Beucker N. 2015. Transformation Design: A Piecemeal Situational Change. In: Jonas W. et al. (eds.). *Transformation Design: Perspectives on a New Design Attitude*. Basel, Birkhäuser. pp. 33-42.
- Bjørn P., Østerlund C. 2014. Sociomaterial-Design: Bounding Technologies in Practice. Cham, Springer. 106 p.
- Bongiovanni I., Louis C.P. 2021. Theory and Practice of Design Thinking: Perspectives of Designers and Business Consultants. *International Journal of Design Creativity and Innovation*, 9(3): 174-191.
- Buchanan R. 2019. Surroundings and Environments in Fourth Order Design. *Design Issues*, 35(1): 4-22.
- Christoforetti E.B., Verganti R. 2025. Designing for Our Better Selves – a Call for Design in the 21st Century to Move beyond a User-Centered Approach. *The Design Journal*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14606925.2025.2455638> (accessed: 17.02.2025).
- Cooper L. 2024. Reconceptualizing the Notion of Values in Design Talk. *She Ji*, 10(3): 265-285.
- Forsey J. 2013. The Ontology of Design. In: The Aesthetics of Design. New York, Oxford University Press. pp. 9-71.
- Galdon F., Hall A. 2019. The ontological nature of design: Prospecting new futures through probabilistic knowledge. In: Rodgers P. (ed.). *Design for Change*. Lancaster, Lancaster University. pp. 111-128.
- Galdon F. 2025. RCA/Futuring; A decade of future(s) research at the Royal College of Art. *The Design Journal*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14606925.2025.2454838> (accessed: 17.02.2025).
- Hanifah A.P., Sukoco N.I., Muftiadi N.A. 2023. Mapping Study of Design Thinking on Product Development in the Last 10 Years. *Reviu Akuntansi Manajemen Dan Bisnis*, 3(2): 93-109.
- Hashmi N., Worthington C.S., Bal A.S., Weidner K., Ottley G. 2024. Too Woke or Not Too Woke, That Is the Question: Brand Responses to Culture Wars. *Business Horizons*, 68(2): 153-164.
- Huang W., Rahman A.R.A., Gill S.S., Ahmad Effendi R.A.A.R. 2024. Furniture Development Framework for Cultural Conservation: A Case Study of Peranakan Chinese in Singapore. *Sustainability*, 16(24). URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/16/24/10818> (accessed: 17.02.2025).
- Isaksson A. 2024. The Potential of Incorporating Norm-Critical Design Objects as a Pedagogical Tool in Sociology Courses. *Frontiers in Sociology*, 9: 1405374.
- Korsmeyer H., Light A., Grocott L. 2022. Understanding Feminist Anticipation through 'Back-Talk': 3 Narratives of Willful, Deviant, and Care-Full Co-Design Practices. *Futures*, 136: 102874.
- Lee K. 2024. Institutions as Objects in Fourth Order Design. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*, 10(2): 169-191.
- Li M., Wang L., Li L. 2024. Research on Narrative Design of Handicraft Intangible Cultural Heritage Creative Products Based on AHP-TOPSIS Method. *Heliyon*, 10(12): e33027.
- Mayer S., Schwemmler M. 2024. The Impact of Design Thinking and Its Underlying Theoretical Mechanisms: A Review of the Literature. *Creativity and Innovation Management*, 34(1): 78-110.
- Roy O. 2024. The Crisis of Culture: Identity Politics and the Empire of Norms. Oxford, Oxford University Press. 210 p.
- Shaw C., Nickpour F. 2024. Design as an agent of narratives: A matrix and framework for incorporating narratives into design processes. *Advanced Design Research*, 2(1): 37-44.
- Simian R. 2025. Integrating Randomness in Parametric Design: A Tool for Developing Crafty Additive Manufactured Designs. *The Design Journal*, 28(1): 1-20.
- Szostak B.L. 2021. Design Thinking – Design Thinking and Strategic Management of Innovation. In: Uzunidis D. et al. (eds.). *Innovation Economics, Engineering and Management Handbook 2: Special Themes*. London, Wiley. pp. 115-120.
- van Uffelen N., Vermaas P., Pesch U. 2024. Dealing with Wicked Problems: Normative Paradigms for Design Thinking. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*, 10(4): 441-455.
- Zhao Y., Zhou L., Wenliang L., Zirui H. 2025. Developing an Innovative Design Model for Xinjiang Brocades Based on Design Thinking. *Thinking Skills and Creativity*, 55: 101780.

References

- Ackermann R. 2023. Design Thinking Was Supposed to Fix the World. Where Did It Go Wrong? *MIT Technology Review*. URL: <https://www.technologyreview.com/2023/02/09/1067821> (accessed: 17.02.2025).
- Artusi F., Bellis P., Verganti R. 2024. When Products Speak Differently: Designing New Languages for Established Products. *Creativity and Innovation Management*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/caim.12637> (accessed: 17.02.2025).
- Auernhammer J., Roth B. 2021. The Origin and Evolution of Stanford University's Design Thinking: From Product Design to Design Thinking in Innovation Management. *Journal of Product Innovation Management*, 38(6): 623-644.
- Beucker N. 2015. Transformation Design: A Piecemeal Situational Change. In: Jonas W. et al. (eds.). *Transformation Design: Perspectives on a New Design Attitude*. Basel, Birkhäuser. pp. 33-42.
- Bjørn P., Østerlund C. 2014. *Sociomaterial-Design: Bounding Technologies in Practice*. Cham, Springer. 106 p.
- Bongiovanni I., Louis C.P. 2021. Theory and Practice of Design Thinking: Perspectives of Designers and Business Consultants. *International Journal of Design Creativity and Innovation*, 9(3): 174-191.
- Buchanan R. 2019. Surroundings and Environments in Fourth Order Design. *Design Issues*, 35(1): 4-22.
- Christoforetti E.B., Verganti R. 2025. Designing for Our Better Selves – a Call for Design in the 21st Century to Move beyond a User-Centered Approach. *The Design Journal*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14606925.2025.2455638> (accessed: 17.02.2025).
- Cooper L. 2024. Reconceptualizing the Notion of Values in Design Talk. *She Ji*, 10(3): 265-285.
- Forsey J. 2013. The Ontology of Design. In: *The Aesthetics of Design*. New York, Oxford University Press. pp. 9-71.
- Galdon F., Hall A. 2019. The ontological nature of design: Prospecting new futures through probabilistic knowledge. In: Rodgers P. (ed.). *Design for Change*. Lancaster, Lancaster University. pp. 111-128.
- Galdon F. 2025. RCA/Futuring; A decade of future(s) research at the Royal College of Art. *The Design Journal*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14606925.2025.2454838> (accessed: 17.02.2025).
- Hanifah A.P., Sukoco N.I., Muftiadi N.A. 2023. Mapping Study of Design Thinking on Product Development in the Last 10 Years. *Reviu Akuntansi Manajemen Dan Bisnis*, 3(2): 93-109.
- Hashmi N., Worthington C.S., Bal A.S., Weidner K., Ottley G. 2024. Too Woke or Not Too Woke, That Is the Question: Brand Responses to Culture Wars. *Business Horizons*, 68(2): 153-164.
- Huang W., Rahman A.R.A., Gill S.S., Ahmad Effendi R.A.A.R. 2024. Furniture Development Framework for Cultural Conservation: A Case Study of Peranakan Chinese in Singapore. *Sustainability*, 16(24). URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/16/24/10818> (accessed: 17.02.2025).
- Isaksson A. 2024. The Potential of Incorporating Norm-Critical Design Objects as a Pedagogical Tool in Sociology Courses. *Frontiers in Sociology*, 9. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2024.1405374/full> (accessed: 17.02.2025). DOI: 1405374.10.3389/fsoc.2024.1405374
- Korsmeyer H., Light A., Grocott L. 2022. Understanding Feminist Anticipation through 'Back-Talk': 3 Narratives of Willful, Deviant, and Care-Full Co-Design Practices. *Futures*, 136: 102874.
- Lee K. 2024. Institutions as Objects in Fourth Order Design. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*, 10(2): 169-191.
- Li M., Wang L., Li L. 2024. Research on Narrative Design of Handicraft Intangible Cultural Heritage Creative Products Based on AHP-TOPSIS Method. *Heliyon*, 10(12): e33027.
- Mayer S., Schwemmler M. 2024. The Impact of Design Thinking and Its Underlying Theoretical Mechanisms: A Review of the Literature. *Creativity and Innovation Management*, 34(1): 78-110.
- Roy O. 2024. *The Crisis of Culture: Identity Politics and the Empire of Norms*. Oxford, Oxford University Press. 210 p.
- Shaw C., Nickpour F. 2024. Design as an agent of narratives: A matrix and framework for incorporating narratives into design processes. *Advanced Design Research*, 2(1): 37-44.
- Simian R. 2025. Integrating Randomness in Parametric Design: A Tool for Developing Crafty Additive Manufactured Designs. *The Design Journal*, 28(1): 1-20.

- Szostak B.L. 2021. Design Thinking – Design Thinking and Strategic Management of Innovation. In: Uzunidis D. et al. (eds.). *Innovation Economics, Engineering and Management Handbook 2: Special Themes*. London, Wiley. pp. 115-120.
- van Uffelen N., Vermaas P., Pesch U. 2024. Dealing with Wicked Problems: Normative Paradigms for Design Thinking. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*, 10(4): 441-455.
- Zhao Y., Zhou L., Wenliang L., Zirui H. 2025. Developing an Innovative Design Model for Xinjiang Brocades Based on Design Thinking. *Thinking Skills and Creativity*, 55: 101780.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2025

Поступила после рецензирования 18.09.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received June 18, 2025

Revised September 18, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim A. Shatkin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESES

УДК 379.823 + 070

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-234-238

EDN THGTQO

Конфессиональное телевидение в современном медиапространстве Русской Православной Церкви

Ткаченко С.А.

Московская экономическая школа

Россия, 123376, г. Москва, ул. Заморенова, д. 29

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

magaz.ryadom@yandex.ru

Аннотация. Современное российское телевидение представлено широким спектром телеканалов, способным заинтересовать и удовлетворить любую аудиторию. Классификация телеканалов может быть выстроена по тому, на какую аудиторию большей степени направлены основные телепередачи эфира. В этой связи не остаются в стороне и религиозные организации. Современные религиозные институты активно используют телевидение для удовлетворения потребностей своей религиозной группы. В данной статье речь идет о православных телеканалах, рассчитанных не только на православную аудиторию, но и на тех, кто интересуется православной традицией, верой, культурой, искусством. В процессе анализа телевизионных эфиров, а также работ исследователей, рассматривающих православное телевидение в контексте современных массмедиа, нами было определено, что православное телевидение имеет не только миссионерское и просветительское значение, но и способствует воцерковлению и социализации тех телезрителей, которые по разным причинам не могут самостоятельно посетить храм, обратиться с вопросами к священнослужителю, непосредственно общаться с представителями общины.

Ключевые слова: телевидение, конфессия, Русская Православная Церковь, просвещение, миссия, социализация

Для цитирования: Ткаченко С.А. 2026. Конфессиональное телевидение в современном медиапространстве Русской Православной Церкви. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 234–238 (in Russian) DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-234-238 EDN: THGTQO

Confessional Television in the Modern Media Space of the Russian Orthodox Church

Sergey A. Tkachenko

Moscow School of Economics

29 Zamorenov St., Moscow 123376, Russian Federation

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

magaz.ryadom@yandex.ru

Abstract. Modern Russian television runs a wide range of channels capable of engaging and satisfying any audience. In pursuit of audience appeal and ratings, each channel offers a variety of programs in its broadcast schedule, thereby attracting the attention of different viewers. The classification of channels may be based on the target audience. Religious organizations also take this factor into consideration. Modern religious institutions actively use television to meet the needs of their religious groups. This article focuses on Orthodox

television channels, designed not only for Orthodox audiences but also for anyone interested in Orthodox tradition, faith, culture, and art. Analyzing television broadcasts, as well as the work of researchers examining Orthodox television in the context of modern mass media, we have determined that Orthodox television not only has a missionary and educational value, but also contributes to the churching and socialization of those viewers who, for various reasons, cannot personally attend church, address their questions to clergymen, or directly communicate with representatives of the community.

Keywords: television, confession, Russian Orthodox Church, education, mission, socialization

For citation: Tkachenko S.A. 2026. Confessional Television in the Modern Media Space of the Russian Orthodox Church. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 234–238 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-234-238 EDN: THGTQO

Введение

Значимую роль в медиа коммуникации продолжает играть телевидение. Несмотря на бурное развитие интернет пространства, телевидение остается одним из важнейших источников информации для большого количества жителей нашей страны, особенно если речь идет о старшем поколении. Переход с аналогового на цифровой формат телевидения позволил не только улучшить качество телевизионного изображения, но и сделал доступным просмотр телевизионных трансляций в отдаленные уголки нашей страны. В этих условиях в сетке телевидения появились федеральные православные телеканалы, которые осуществляют свою деятельность наравне с другими телевизионными информационными ресурсами. Конфессиональное телевидение – это сегмент медиа, включающий телеканалы и программы, которые создаются религиозными организациями или околоцерковными структурами. Их основной целью является трансляция вероучения, богослужений, духовное просвещение и формирование мировоззрения аудитории в соответствии с вероучением конкретной религии. В российском сегменте телевидения к основным конфессиональным телеканалам относятся каналы, созданные при участии Русской Православной Церкви.

Православные телеканалы составляют «конфессиональное телевидение» [Романова, 2020], чья основная задача заключается в просветительской и миссионерской деятельности по средствам телевидения. Ведущими на сегодняшний день православными телеканалами являются: «Спас», «Союз», «Радость моя». Появление православных телепередач в эфире телевидения относится к началу 90-х годов XX столетия, почти на два десятилетия раньше, как начали свое вещание указанные телеканалы. Как отмечают В.А. Антропова и И.В. Зиновьев: «Развитию религиозного телевидения в России способствовали прямые трансляции патриарших пасхальных и рождественских богослужений, первая была проведена на праздник Рождества Христова в 1991 г. из Богоявленского кафедрального собора в Елохове» [Антропова, 2017, с. 25]. Праздничные богослужения транслировались по федеральным каналам и были первыми шагами на пути вхождения церкви в телеэфир. Также с этого времени в сетке телевидения появляются православные передачи, такие как «Слово пастыря», на тот момент ее вел митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, и программа «Канон», транслируемая телеканалом «ТВ-6». Телепередача «Канон» освещала не только важные события церковной жизни, но и затрагивала насущные общественные проблемы через призму православной традиции и вероучения.

Помимо вышеуказанных передач были и другие, которые знакомили телезрителей с историей, культурой, традициями, догматами и обрядами Православной Церкви. Сегодня многочисленные телепередачи православного содержания сохраняются в сетке телевидения на федеральных телеканалах, а трансляции богослужений на православное Рождество Христово и Пасху стали уже неотъемлемой традицией.

Православное телевидение на современном этапе: содержание и проблематика

Сегодня наряду с информационными и развлекательными телеканалами, полноценно осуществляют свою деятельность и православные телеканалы. Одним из ведущих православных телеканалов сегодня является телеканал «СПАС». Как указано на сайте телеканала: «СПАС» – «самый крупный миссионерский проект Русской Православной Церкви, единственный в мире православный телеканал в каждом доме страны и крупнейший христианский канал в мире. «СПАС» создал и продолжает создавать крупнейшую в мире библиотеку проектов о Боге, о жизни Церкви, и о человеке перед Богом». Исходя из приведенной цитаты можно сделать вывод что данный телеканал является, прежде всего миссионерским, обращенным к людям, ищущим путь к Богу, и тем, кто следует этим путем.

Телепередачи канала СПАС охватывают собою широкий спектр вопросов, как православной тематики, так и общекультурных и научных проектов. Перечень передач телеканала сегодня столь велик, что рассмотреть подробно каждую из них не представляется возможным, поэтому мы обратимся к ключевым направлениям. К ним относятся: писание – проект, в который включены передачи, посвященные чтению и изучению Священного Писания Православной Церкви; патриарх – проект, посвященный жизни и служению Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу; человек – телепередачи, посвященные вопросам христианской антропологии и сотереологии; церковь – проекты о Русской православной церкви и иных православных церквях, их истории, культуре, традициях и современном положении; история – цикл проектов посвященных истории РПЦ, различным этапам ее становления, роли церкви для русского общества и государства. Здесь же передачи о святых и подвижниках Православной церкви, их жизни и учении, истории православных святынь и людях, благодаря которым мы можем соприкоснуться с разными эпохами и культурами православного христианства; семья – цикл проектов, посвященных семье как таковой и православной семье как образцу брачных отношений. Сюда относятся и передачи о воспитании детей и научению их основам православной культуры и нравственности; паломничество – телепередача о православных святынях, их истории и роли на разных исторических этапах. Данные передачи носят и практико-ориентированный характер, поскольку рассказывают о том, как правильно готовиться к паломнической поездке, как организовать паломническую поездку и чего следует избегать в таких поездках. Наши фильмы – демонстрация художественных и документальных отечественных кинолент. Кинофильмы подобраны таким образом, чтобы телезритель мог не только провести свободное время за просмотром фильма, но мог научиться чему-то полезному, приобщиться к образам доброты и сострадания, узнать об исторических фактах по документальным источникам.

Перечисленные циклы программ показывают, что телеканал осуществляет свою деятельность для разных групп населения, а тематика его телепрограмм разнообразна и общедоступна. Аудитория телеканала постоянно растет, о чем свидетельствуют следующие данные, озвученные Патриархом Кириллом: «Важным достижением в информационной сфере стало развитие в самое последнее время работы телеканала «Спас». За последние 10 месяцев рост телеаудитории составил 52%, рост подписчиков в социальных сетях — 336 %. Также существенно выросло среднее время просмотра телеканал среди его зрителей».

Телеканал «СПАС» имеет свою страницу в интернете, что позволяет смотреть передачи в интернет пространстве, а также смотреть передачи в архиве. На странице телеканала отмечается, что количество интернет аудитории также увеличивается: «Сайт spastv.ru входит ТОП-10 самых посещаемых религиозных ресурсов в России; в соцсетях «СПАСа» сегодня почти 800 000 подписчиков и их число постоянно растет».

Другим широко известным православным телеканалом является телеканал «Союз». Он начал свое вещание в начале 2005 года. «Телекомпания «Союз» была учреждена

Екатеринбургской епархией Русской Православной Церкви на базе собственной телестудии и приобретенного светского телеканала» [Антропова, 2017, с. 26]. Несмотря на то, что телеканал является православным и его учредителем выступает Екатеринбургская епархия, задачи телеканала не ограничиваются исключительно православной миссией, а включают в себя просветительскую деятельность, направленную на формирование гармонично развитой личности [Романовская, 2012].

Как отмечают исследователи православного телевидения: «Свою миссию телеканал видит в формировании цельного мировоззрения аудитории на базе православных ценностей, в укреплении духовных основ России. 60 % эфирного времени отведено общественному вещанию (документалистика, просветительские и образовательные программы), 40 % - православным темам. Большинство программ производится в собственной полиформатной студии, часть из них выходит в прямом эфире» [Антропова, 2017, с. 27]. Такой подход, на наш взгляд, наиболее приемлем для широкой аудитории, поскольку включает в себя не только исключительно православную тематику, но и актуализирует общественно значимые вопросы, а также осуществляет просветительскую деятельность в области культуры, науки и искусства.

Постоянные телепередачи эфира составляют программы религиозного и культурно-просветительского характера. Среди них можно выделить: «Читаем Евангелие вместе с Церковью» – программа, посвященная ежедневному прочтению отрывка из Евангелия и толкование его в соответствии с канонами православной церкви. «Первосвятитель» – программа, посвященная служению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В этой программе освещаются многочисленные труды патриарха, приводятся фрагменты его проповедей, участие в различных мероприятиях церковного и государственного уровней. «Вторая половина» – программа, в которой рассказывается о жизни жен священнослужителей. В формате интервью мамы рассказывают о своих семьях, своем церковном послушании, воспитании детей. «Этот день в истории» – программа, посвященная памятным и знаменательным датам в истории России, православной церкви, многочисленным святым и подвижникам на ниве христианского служения. «Обзор прессы» – программа, посвященная обзору православных периодических изданий и наиболее интересным публикациям церковной периодики. «Слушаем святых отцов» – чтение поучительных отрывков и кратких поучений из святоотеческого наследия церкви. «Союз онлайн» – программа, посвященная интернет вещанию телеканала Союз, по средствам которого для ряда категорий граждан (дети в детских домах или осужденные, находящиеся в исправительных учреждениях) могут по средствам интернет и телевидения смотреть совершаемые богослужения, виртуально побывать на православных выставках, смотреть передачи религиозного и культурно-просветительского содержания. «Беседы с батюшкой» – священники отвечают на различные вопросы церковного и нецерковного характера. Кроме того, в сетке вещания телеканала регулярно транслируются богослужения из разных храмов нашей страны, а также читаются утренние и вечерние правила, что очень помогает людям по тем или иным причинам не имеющим возможность вычитывать данные правила дома или в храме. Помимо страницы в интернете свои ресурсы телеканал Союз имеет в социальных сетях: Одноклассники, Вконтакте и проч. Также телеканал имеет свою площадку на YouTube.

Заключение

Телевизионное вещание в современном медиапространстве церкви играет важную роль. Именно телевидение остается весьма важным информационным ресурсом, который привычен и доступен старшему поколению. Наличие православных телеканалов в сетке эфирного вещания позволяет всем интересующимся православной тематикой восполнять свои духовные и культурные потребности. Наряду с общекультурной и просветительской задачами православное телевидение выполняет еще одну важную функцию, а именно – позволяет людям, не имеющим возможности лично присутствовать на богослужение,

приобщиться к нему по средствам телеэфира. Такое виртуальное приобщение к богослужению способствует не только духовному прикосновению к литургической жизни Церкви, но и позволяет почувствовать себя частью литургической общины – единого тела Христова.

Список литературы

- Аглей Е.А. 2018. Православие на российском телевидении: разнообразие телевизионного контента. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* № 5-2: 73-76.
- Антропова В.А. 2017. Христианское телевидение в России: опыт православного канала «Союз». *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры.* Т. 23, № 1 (159): 24-33.
- Доброхотова М.А. Роль СМИ в позиционировании Русской православной церкви в российском обществе 2000-х гг. *Вестник Пермского университета. История.* 2012. № 1 (18): 289-297.
- Кривеньков И.В. 2024. Православный контент в медиапространстве как важный инструмент присутствия в миссионерском поле. *Межрегиональные Пименовские чтения.* № 21: 288-293.
- Романова А.В. 2020. Конфессиональное телевидение в России: опыт православного телеканала «Спас». *МЕДИАТОЛЕРАНТНОСТЬ – 2020. Материалы II Региональной (Поволжской) научно-практической конференции.* Казань, : 198-300.
- Романовская Н.В. 2012. «Когда телевизор во благо»: опыт формирования общественного православного телевидения в России. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение:* 243-250.

References

- Agley Ye.A. 2018. Orthodoxy on Russian Television: Diversity of Television Content. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki.* № 5-2: 73-76.
- Antropova V.A. 2017. Christian Television in Russia: The Experience of the Orthodox Channel "Soyuz". *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury,* 23, № 1 (159): 24-33.
- Dobrokhotova M.A. 2012. The Role of the Media in Positioning the Russian Orthodox Church in Russian Society in the 2000s. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya.* 1 (18): 289-297.
- Kriven'kov I.V. 2024. Orthodox Content in the Media Space as an Important Tool for Missionary Presence. *Mezhregional'nyye Pimenovskiyе chteniya.* № 21: 288-293.
- Romanova A.V. Confessional Television in Russia: The Experience of the Orthodox TV Channel "Spas". *MEDIATOLERANTNOST' – 2020. Materialy II Regional'noy (Povolzhskoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Kazan', 2020: 198-300.
- Romanovskaya N. V. "When Television is for the Good": The Experience of Forming Public Orthodox Television in Russia. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye.* 2012: 243-250.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 09.07.2025

Поступила после рецензирования 09.10.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received July 09, 2025

Revised October 09, 2025

Accepted February 28, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткаченко Сергей Андреевич, учитель истории и обществознания, Московская экономическая школа, г. Москва, Россия; аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Tkachenko, Teacher of History and Social Studies, Moscow School of Economics, Moscow, Russia; Postgraduate student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-239-246
EDN VAGWEW

Роль брачных отношений в религиозной практике и духовной жизни верующих

Черепанина Н.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
cherepanina@bsuedu.ru

Аннотация. Брак в православии рассматривается не только как социальный союз мужчины и женщины, а прежде всего как Таинство, связанное с богоустановленным замыслом о человеке. Изучение сакрального смысла брака имеет огромное значение для понимания механизмов формирования религиозной идентичности и нравственных ориентиров личности. Несмотря на многочисленность научных работ в области традиционных семейно-брачных отношений, наблюдается недостаточность богословско-философских исследований о браке от раннехристианского периода до религиозно-философских концепций XIX–XX веков. Целью данного исследования является попытка раскрыть религиозное и философское значение брака и выявить противоречие между его традиционным и современным образом. В результате исследования были выявлены современные вызовы, влияющие на брачные отношения верующих, и рассмотрен комплекс мер, направленных на преодоление этого кризиса. Полученные результаты открывают новые возможности в систематизации богословских и философских представлений о браке в их исторической динамике, могут применяться на практике в церковной и социальной среде.

Ключевые слова: брак, семейно-брачные отношения, религиозная практика, таинство венчания, малая Церковь

Для цитирования: Черепанина Н.Н. 2026. Роль брачных отношений в религиозной практике и духовной жизни верующих. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 239–246. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-239-246 EDN: VAGWEW

The Role of Marriage in Religious Practice and the Spiritual Life of Believers

Nadezhda N. Cherepanina

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
cherepanina@bsuedu.ru

Abstract. In Orthodoxy, marriage is viewed not only as a social union between a man and a woman, but primarily as a Sacrament associated with God's established plan for humanity. Studying the sacred meaning of marriage is crucial for understanding the mechanisms of religious identity formation and moral guidance. Despite the abundance of scholarly works on traditional family and marriage relations, there is a lack of systematic theological and philosophical research on marriage from the early Christian period to the religious and philosophical concepts of the 19th and 20th centuries. The purpose of this study is to explore the religious and philosophical significance of marriage and to identify the contradiction between its traditional and modern forms. The study identifies contemporary challenges that affect marriage in the spiritual lives of believers and examines a range of measures aimed at overcoming this crisis. The results obtained open up new opportunities for systematizing theological and philosophical ideas about marriage in their historical dynamics, and can be applied in practice in the church and social environment.

Keywords: marriage, family and marital relations, religious practice, the Sacrament of Marriage, the small Church

For citation: Cherepanina N. N. 2026. The Role of Marriage in Religious Practice and the Spiritual Life of Believers. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 239–246. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-239-246 EDN: VAGWEW

Введение

Брак – одна из опор христианства. Можно смело сказать, что брачные отношения занимают центральное положение во всех религиозных практиках. Роль брачных отношений в религиозной практике и духовной жизни верующих на протяжении многих столетий занимало умы выдающихся философов и богословов. Служители Церкви спорили о том, что предпочтительнее для христианина – служение Богу в монашестве или в браке. Одним из первых, кого интересовал этот вопрос, являлся Апостол Павел, далее в трудах Святых Отцов, Иоанна Златоуста, Священномученика Мефодия Патарского прослеживается интерес к этой проблеме.

Брак в православии определяется как Таинство или «тайна», именно так его впервые назвал Апостол Павел. Брак становился не только удовлетворением земных потребностей, но и способом вступить в вечность с Христом. Апостол Павел говорил о том, что брак в земной жизни не закончится с телесной смертью, а продолжится в вечности, то есть в Царствии Божиим. Историк и богослов Петр Малков в работе «Введение в литургическое Предание. Таинства Православной Церкви» приводит определение брака, которое сформулировал святитель Московский Филарет: «Брак есть Таинство, в котором при свободном перед священником и Церковью обещании женихом и невестой взаимной их супружеской верности благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия для благословенного рождения и христианского воспитания детей» [Малков, 2016].

В нашем исследовании попытаемся рассмотреть значимость брачных отношений в православии, опираясь на символическое и сакральное значение, а также роль, которую играет семья в формировании личности верующего и духовной жизни.

Религиозное осмысление брака и духовная жизнь верующих

Брак является Таинством наряду с Евхаристией, Миропомазанием, Крещением, Покаянием, Елеосвящением и Священством. Особое место брака в православной традиции поддерживает супругов в непростых ситуациях. Господь, благословляя супругов, присутствует в их жизни, даруя свою Благодать. Для христиан Таинство брака несет в себе божественную природу. В послании к Ефессянам Апостола Павла прослеживается сравнение брака с сакральным союзом Христа и Церкви: «Мужья, любите ваших жен, как Христос возлюбил Церковь и отдал Себя за нее» [Еф. 5:25].

Учение о браке берет начало в книге Бытия Ветхого Завета. Глава о сотворении человека (мужчины и женщины) и есть первый образ брачного союза. Иоанн Мейендорф в книге «Брак в православии» отмечал: «Будучи тайной, таинством, христианский брак неизбежно противоречит практической, эмпирической реальности падшего человечества. Поэтому он, как и само Евангелие, является недостижимым идеалом. Но существует огромная разница между «таинством» и «идеалом». Таинство – не абстракция, а опыт, в котором человек общается с Богом. В таинстве человеческая природа, не теряя полноты человеческого естества, участвует в более высокой реальности Духа... Таинство – путь к истинной жизни, к человеческому спасению. Оно открывает дверь к истинному, неискаженному человечеству... Святой Дух не подавляет человеческой свободы, а освобождает человека от уз греха» [Мейендорф, с. 12].

Блаженный Августин Аврелий, выдающийся богослов, философ, живший в IV веке нашей эры, рассматривал брак как естественное благо, присущее человеческой природе и соответствующее воле Бога. Для Августина богоустановленность брака была очевидна, так как людям было дано благословление: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» [Быт. 1:28]. Также он говорил о том, что брак должен быть нерасторжим до самой смерти супругов. Он отмечал, что девство и безбрачие выше брака, а брак выше внебрачных связей. Блаженный Августин рождение детей называл естественным благом в труде «О супружестве и похоти»: «Соединение мужчины и женщины для рождения детей – это естественное благо супружества... только приверженцы Христовой веры имеют изначальное намерение таким образом воспроизвести себя в потомстве, дабы рождающиеся в их роду сыновья возродились бы сыновьями Бога» [Августин, с. 10].

Иоанн Златоуст, проповедник раннего христианства, считал, что брак занимает одно из самых важных мест в духовной жизни христианина. Размышления о христианском браке идут рядом с размышлениями о девстве, которое по мнению самого богослова предпочтительнее для христианина. Он говорил, что христианский брак есть преодоления страстей: «Брак дан для деторождения, а еще более для погашения естественного пламени» [Иоанн Златоуст, с.321]. Иоанн Златоуст был убежден, что брачные отношения учат христианина смирению, терпению, прощению, любви, но также являются и «рабством» для обоих супругов. Вращивая в себе добродетели в браке, христианин очистит душу и укрепится в вере. Проповедник писал: «В начале брак имел, как я сказал, две вышеупомянутые цели, но впоследствии, когда наполнились и земля, и море, и вся вселенная, осталось одно только его назначение – искоренение невоздержания и распутства; ибо для людей, которые и теперь еще предаются этим страстям, хотят вести жизнь свиней и растлеваться в непотребных убежищах, брак немало полезен, освобождая их от нечистоты и такой потребности и сохраняя их в святости и честности» [Иоанн Златоуст, с. 321]. Подобно Блаженному Августину Аврелию, Иоанн Златоуст отстаивал принцип нерасторжимости брака. Основанием для прекращения брачного союза могло стать прелюбодеяние, право на вступление в новый брачный союз возникало лишь в случае кончины одного из супругов. Важным элементом брака богослов видел единомыслие супругов. Единомыслие в браке – это залог крепкой семьи, правильного воспитания детей, строится на любви, взаимном уважении и послушании жены.

Роль брачных отношений невозможно переоценить, так как они влияют не только на духовную жизнь, но и на социальную, культурную, историческую и правовую сферы жизни общества. С юридической точки зрения вопросу семейно-брачных отношений уделяли внимание Г.Ф. Шершеневич, который анализировал брак через призму гражданского права, но в его трудах можно проследить связь с духовной основой брака. По его мнению, брак не должен влиять на положение супругов, ограничивать свободу личности, во всех отношениях супруги должны быть равноправны. В учебнике русского гражданского права Шершеневич писал: «Цель брака – постоянное сожителство, не только в смысле физическом, но и нравственном, – сочетание, сбытие во всей жизни, божественные же и человеческие правды общение». С этой стороны обнаруживается различие между браком и обязательством, которые оба могут быть основаны на договоре» [Шершеневич, 2017, с. 606]. М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривал брак как социально-правовой институт, подверженный историческим изменениям под влиянием обычаев, церковного права и византийского законодательства. В книге «Обзор русского права» он сформулировал определение супружеского союза: «Супружеский союз возникает из брака и предполагает затем определенные юридические – личные и имущественные – отношения между мужем и женой» [Владимирский – Буданов, 2005, с. 480].

А.Г. Вишневский занимался исследованием демографии и социологии семьи, а также трансформации семейно-брачных отношений. Вишневский подчеркивал, что брак представляет собой динамическую систему, находящуюся в состоянии постоянной

эвалюцыі. В результате этого процесса возникают и закрепляются новые модели семейно-брачных отношений, отражающие трансформации социально-культурных и демографических условий современного общества: «Собственные внутренние связи и отношения супружеской семьи, не имевшей достаточной самостоятельности, оставались неразвитыми, не играли в жизни людей той особой роли, какую они приобрели в наше время. А потому и каждый отдельный человек ощущал себя прежде всего колесиком сложного механизма большой семьи, обязанным исправно исполнять свой долг по отношению к ней, и лишь в очень малой мере видел в семье среду для раскрытия и реализации своей индивидуальности» [Вишневский, 2008, с. 9].

Священный характер православного брака влияет на религиозную практику верующих, это проявляется в соблюдении церковных обрядов, одним из наиболее показательных является венчание. Обряд венчания или «браковенчания» происходит в храме в присутствии священников и свидетелей. Иоанн Мейендорф в работе «Брак в православии» писал: «До IX столетия Церковь не знала обряда бракосочетания, независимого от Евхаристии на литургии. Обычно христианская пара после регистрации гражданского брака принимала участие в Евхаристии, и приобщение Святых Тайн, согласно Тертуллиану, было печатью брака, которая включала в себя всю меру христианской ответственности, о которой мы говорили выше» [Мейендорф, с. 16].

В X веке венчание отделяется от Евхаристии и становится самостоятельным обрядом. Несмотря на самостоятельность обряда венчания, Евхаристия присутствует в нем (причащение брачующихся). Евхаристию брачующихся можно назвать символом заключения брака или как говорил Иоанн Мейендорф «истинной печатью брака». Заключение брака через венчание будет действительно только в случае, если жених и невеста крещены в православии, отсутствуют какие-либо канонические препятствия, например, кровное родство и есть добровольное согласие. В наше время к этим требованиям добавилось предоставление свидетельства о заключении брака в государственных органах.

Православный богослов А.Л. Катанский рассматривал Таинство Венчания с литургической точки зрения, анализируя его историческое развитие, связь с Божественной литургией и эволюцию чинопоследования. Перед венчанием жених и невеста исповедуются и причащаются. Сам обряд включает обручение, само венчание (надеваются венцы на голову) и получение благословения. В совершении обряда присутствуют обязательные предметы: иконы с изображением Спасителя и Божией Матери – этими иконами священник благословляет жениха и невесту; обручальные кольца – символ неразрывности союза супругов; венчальные свечи – олицетворяют чистоту и благодать, на протяжении всего обряда жених и невеста держат их в руках [Катанский, 1880].

Венчание совершается при соблюдении обязательных требований, но существуют условия, при которых невозможно или нежелательно проводить обряд. Доктор богословия, профессор протоиерей Владислав Ципин в книге «Каноническое право» касается символического значения брака как Таинства, в том числе рассматривает Таинство венчания и перечисляет, когда обряд не совершается: «Венчание брака не может совершаться в любое время года и суток. Запрещается совершать браковенчание ночью. Существуют также календарные ограничения на сей счет. Браковенчание не совершается по причине поста накануне среды и пятницы (во вторник и четверг), в продолжение постов: Великого, Петрова, Рождественского и Успенского, в течение Сырной седмицы, а также в Мясопустное и Сыропустное воскресенья, накануне и в самые дни Усекновения главы Иоанна Предтечи 28 и 29 августа (10 и 11 сентября) и Воздвижения Креста Господня 13 и 14 (26 и 27) сентября, – и ради святости праздников: накануне воскресных дней (в субботу), двенадцатых, великих и храмовых праздников, в продолжение Святков от 25 декабря (7 января) до 7 (20) января и в течение Пасхальной (Светлой) седмицы» [Ципин, 2009, с. 670].

В более поздний период XIX–XX века роль брачных отношений в духовной жизни верующих интересовала не только богословов, но и философов. Религиозный философ, богослов, православный священник Сергей Булгаков отмечал тесную взаимосвязь брачных отношений и духовной жизни верующих. Булгаков выделял любовь и жертвенность как опыт боговдохновения. Этот опыт должен присутствовать в браке, чтобы построить крепкую, благочестивую семью. Он обращал внимание, что в браке проявляется принцип соборности, присущей всей полноте Церковной жизни [Булгаков, 2023].

Современник Булгакова русский философ Николай Бердяев рассматривал брак как проявление истинной любви, он размышлял о природе человеческой сексуальности. Важно отметить, что для Бердяева истинная любовь в браке характеризуется единением душ мужа и жены и превосходит похоть. Он считал, что христианство в своём историческом развитии не раскрыло полностью религиозный смысл любви и брака, ограничившись освящением брака как послушания – последствия греха. Для Бердяева подлинный брак – это не просто союз для деторождения, а мистическое соединение в любви, выходящее за рамки родовой необходимости. Бердяев писал: «Семья есть послушание последствиям греха, приспособление к родовой необходимости. Семья всегда есть принятие неизбежности рождающего сексуального акта, приспособление к проистекающим из него потребностям, моральное искупление греха сексуального акта через послушание бремени пола» [Бердяев, 2007, с. 102].

Лев Карсавин, российский религиозный философ, разработал концепцию всеединства, которая подразумевала под собой формирование определенной иерархии бытия. Основа концепции – отдельное «единство», которое воспринимается, как элемент другого, более высшего «единства», или так называемого всеединства. Брак он рассматривал через призму концепции всеединства, поэтому одна из ключевых идей Карсавина заключается в том, что семья является тварным образом Божьего Троиства. Он проводил аналогию между отношениями в семье и лицами Святой Троицы. Карсавин настаивал на том, что внутренний рост возможен только в процессе взаимодействия с внешним миром и что полноценная личность формируется именно в обществе и семье. Таким образом, брак становился необходимым условием духовного восхождения и полноты бытия [Карсавин, 1923, с.49-50].

В современном обществе отношение к семье и браку изменилось, прослеживается явное различие с традиционным, христианским образом семейно-брачных отношений. Эпоха секуляризации и потребительства привела к переоценке сущности брака. Исследователи Невеличко Л.Г. и Воротилкина И.М. отмечают, что семья подвергается воздействию внешних дестабилизирующих социальных факторов, присущих как российскому обществу, так и глобальной социокультурной среде в современную эпоху. Они приводят результаты социологического исследования за 2023 год: «Согласно последним данным Росстата, число разводов в России достигло максимального уровня за последние 8 лет. В 2022 году было зарегистрировано 682 850 разводов, что на 6 % больше, чем в 2021 году... Уровень неполных семей в России составляет 30 %» [Невеличко, Воротилкина, 2023, с. 8].

В современном обществе молодые люди заиклены на себе и собственной самореализации в профессиональной сфере, социальной и личной жизни. Эгоизм возводится на высокий уровень, а семья становится средством достижения собственного счастья и получения благ прежде всего для себя. С философско-культурологической позиции в современном обществе институт молодой семьи анализируют Т.И. Липич и Мироненко Д.Ю. Они подчеркивают, что «семья, как основной элемент социальной структуры общества наиболее чутко реагирует на все социально-экономические, политические, духовные изменения в обществе. Особенно на брачно-семейные отношения оказывают влияние такие существенные сдвиги, как, например,

демографические изменения, являющиеся следствием тех самых трансформационных процессов в обществе в различных его сферах. Эти демографические сдвиги разрушают институциональность семьи и усиливают негативные процессы внутри самой семьи» [Липич, Мироненко, 2023, с. 14]

Семейно-брачные отношения переживают духовный кризис, как отмечают Невеличко Л.Г. Воротилкина И.М., для современной молодежи традиционные духовно-нравственные ценности не являются приоритетом. Эта проблема лишает семью образа «малой Церкви», а брак не воспринимается как Таинство, как символ жертвенной и бескорыстной любви, духовного роста и достижения совместного спасения. Все чаще наблюдается отказ от вступления в брак или откладывание брака на долгий срок. Появляются новые формы брака: сожительство, гостевой брак, в ряде случаев наблюдается полигамия.

Современная мировая культура и искусство через кино, музыку, книги искажает модель любви, брака, семьи. В основу закладывается чувственная любовь, эмоциональность, стирание границ. Е.В. Золотухина-Аболина и К.А. Тюрин отмечают: «Сегодня очевидной является проблема снижения культурного статуса и «ранга» семьи в массовом сознании, ориентированном на критерии личного жизненного успеха, карьерного или творческого роста, благополучия, гедонизма и комфорта» [Золотухина-Аболина, Тюрин, 2024, с. 330]. Потеря духовности и традиционности приводит к утрате сакрального смысла семейно-брачных отношений, что делает их уязвимыми к появлению внутренних конфликтов не только в семье, но и в обществе.

Русская Православная Церковь не оставляет без внимания современное состояние семейно-брачных отношений и предпринимает попытки изменить ситуацию. Основные предписания для православных христиан, касающиеся брака и семьи, изложены в десятой главе документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Именно в семье, как в школе благочестия, формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит, и к своему народу, к обществу в целом. Живая преемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории» [Основы социальной концепции, с. 69].

Церковь поддерживает беседы о браке, таким образом подталкивая к осознанному подходу и подготовке к браку. Предлагается не только личное общение со священником о браке и подготовке к нему, но и определенный молитвенный опыт, изучение вспомогательной учебной и духовной литературы, приобщение к церковной жизни и Святым Таинствам [Основы социальной концепции, с. 68]. Русская Православная Церковь проводит собеседования для вступающих в брак. Выпускается медиаконтент о традициях православного воспитания, семейной жизни, бесплатно оказывается психологическая помощь людям. Социальная поддержка – еще один элемент стратегии РПЦ по сохранению ценности брака, которая включает благотворительные программы для многодетных семей, приюты для беременных женщин, оказавшихся в трудной ситуации. Для молодых людей создаются форумы для знакомств с акцентом на христианские ценности. Все вышеперечисленное способствует формированию ответственного отношения к браку и получению духовного опыта.

Заключение

Брак в православном вероучении и религиозной практике представляет собой сложный, многогранный и сакральный феномен, значение которого выходит далеко за рамки простого социального или биологического союза. На основе анализа богословских и философских источников было установлено, что православный брак, утвержденный как Таинство, является Богоустановленным союзом мужчины и женщины, путем к спасению и обожению, священным образом «малой Церкви» и важной обрядовой религиозной практикой. Философско-богословский обзор показал преемственность в понимании брака:

от апостола Павла и святых отцов (Блаженного Августина Аврелия, Иоанна Златоуста) до русских религиозных философов XIX–XX вв. (С. Булгаков, Н. Бердяев, Л. Карсавин), которые подчеркивали его мистическую, сотериологическую и личностно-формирующую роль. Вместе с тем исследование выявило острое противоречие между этим высоким идеалом брачных отношений и современной социокультурной реальностью. Основным вызов сегодня заключается в глубокой секуляризации восприятия брака, который утрачивает свой сакральный статус, сводясь к форме легализованных отношений для удовлетворения эмоциональных и физических потребностей. Такие тенденции, как индивидуализм, страх перед ответственностью, искажение понятия любви в массовой культуре, ведут к девальвации брака, росту разводов, распространению альтернативных форм сожительства и в конечном счете к духовному обеднению личности и общества.

В ответ на эти вызовы Русская Православная Церковь развивает целостную пастырскую и социальную стратегию, направленную на возрождение и укрепление семьи как «малой Церкви». Эта стратегия включает катехизацию и подготовку к браку, психолого-педагогическую поддержку, создание положительных примеров через общинную жизнь и широкую социальную работу.

Таким образом, значимость брачных отношений в православии определяется их центральной ролью в духовной жизни верующего. Брак предстает не просто частным выбором, а важнейшим аскетическим призванием и совместным путем к спасению, в котором реализуется замысел Бога о человеке, а личность находит полноту бытия в любви, жертвенности и единении с другими людьми. Сохранение и передача этого понимания в условиях современного мира является одной из ключевых задач как для богословия, так и для религиозной практики.

Список литературы

- Августин Аврелий. 1990. О супружестве и похоти. В кн.: Философия любви: В 2-х. Ч. Под ред. Д. П. Горского. М., Политиздат: 9-20.
- Бердяев Н.А. 2007. Смысл творчества. М., АСТ Москва Хранитель, 164 с.
- Булгаков С.Н. 2023. Невеста Агнца. В кн.: III часть О Богочеловечестве. М., Издательство В. Секачѣва, 624 с.
- Вишневский А. Г. 2008. Эволюция российской семьи. *Экология и жизнь*, 8: 8–13.
- Владимирский-Буданов М. Ф. 2005. Обзор истории русского права. М., Издательский дом «Территория будущего», 800 с.
- Золотухина-Аболина Е.В., Тюрин К.А. 2024. Супружеские отношения современной культуре: ценностный и правовой аспекты. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(2): 329–338. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338
- Иоанн Златоуст. 1895. О девстве. В кн.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Санкт-Петербург, С.-Петербург. духов. акад.: 291-368.
- Карсавин Л.П. 1923. Путь православия. В кн.: *София Проблемы духовной культуры и религиозной философии*. Под ред. Н.А. Бердяева. Берлин, Обелиск: 47-62.
- Катанский А.Л. 1880. К истории литургической стороны таинства брака. *Христианское чтение*, 1(2): 98-127.
- Липич Т.И. Мироненко Д.Ю. 2023. Молодая семья: вызовы современности. В сб.: *Евангелие в контексте современной культуры: Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека сб. материалов XI международной научно-практической конференции*, 12 мая 2023, Белгород, НИУ «БелГУ»: 12-18.
- Малков П.Ю. 2016. Введение в литургическое Предание. Таинства Православной Церкви. Электронная книга. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Malkov/vvedenie-v-liturgicheskoe-predanie-tainstva-pravoslavnoj-tserkvi/4_1 (дата обращения: 29.01.2026).
- Мейендорф И. 2004. Брак в православии. Клин: Христианская жизнь, 70 с.
- Невеличко Л.Г. Воротилкина И.М. 2023. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 14(2): 1-12. DOI: 10.15862/43SCSK223

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2000. М., Изд-во Московской Патриархии, 118 с.
Цыпин В.А. 2009. Каноническое право. М., Изд-во Сретенского монастыря, 864 с.

References

- Augustine Aurelius. 1990. O supruzhestve i pokhoti [About marriage and lust]. In: Philosophy of Love: In 2 Volumes Edited by D. P. Gorsky, M., Politizdat: 9-20.
- Berdyayev N.A. 2007. Smysl tvorchestva [The meaning of creativity]. Moscow, AST Moscow Guardian, 164 p.
- Bulgakov S.N. 2023. Nevesta Agntsa [The bride of the Lamb]. In book: Part III On God-manhood. Moscow, V. Sekachev's publishing house, 624 p.
- Vishnevsky A. G. 2008. Evolyutsiya russkoy sem'i [The evolution of the Russian family]. Ecology and Life, 8: 8-13.
- Vladimirsky-Budanov M. F. 2005. Review of the history of Russian law [Review of the history of Russian law]. Moscow, Publishing House "Territory of the Future", 800 p.
- Zolotukhina-Abolina E.V., Tyurin K.A. 2024. Brachnyye otnosheniya v sovremennoy kul'ture: tsennostnyye i pravovyye aspekty [Marital Relations in Modern Culture: Value and Legal Aspects]. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 329–338. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338
- John Chrysostom. 1895. O devstve [About virginity]. In: The Works of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople. St. Petersburg, St. Petersburg. spirits. akad.: 291-368.
- Karsavin, L.P. 1923. Put' Pravoslaviya [The Way of Orthodoxy]. In: *Sophia: Problems of Spiritual Culture and Religious Philosophy*. Edited by N.A. Berdyayev. Berlin, Obelisk: 47-62.
- Katansky, A.L. 1880. K istorii liturgicheskogo aspekta tainstva braka [On the History of the Liturgical Aspect of the Sacrament of Marriage]. *Christian Reading*, 1: 98-127.
- Lipich T.I. Mironenko D.Y. 2023. Molodaya sem'ya: vyzovy sovremennosti [A young family: challenges of modernity]. In collection: The Gospel in the context of modern culture: Global Challenges of Modernity and a person's spiritual choice collection of materials of the XI International Scientific and practical Conference, May 12, 2023, Belgorod, NRU "BelSU": 12-18.
- Malkov P.Y. 2016. Vvedeniye v liturgicheskuyu traditsiyu. Tainstva Pravoslavnoy Tserkvi [An introduction to the Liturgical Tradition. The Sacraments of the Orthodox Church]. Electronic book. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Malkov/vvedenie-v-liturgicheskoe-predanie-tainstva-pravoslavnoj-tserkvi/4_1 (accessed: 29.01.2026).
- Meyendorff I. 2004. Brak v pravoslavii [Marriage in Orthodoxy]. Klin: Christian Life, 70 p.
- Nevichko L.G. Vorotilkina I.M. 2023. Problemy transformatsii instituta sem'i i braka na sovremennom etape [Problems of the transformation of the institution of family and marriage at the present stage]. *The World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 14 (2): 1-12.
- Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. 2000. Moscow, 118 p.
- Tsy-pin V. prot. 2009. Kanonicheskoye pravo [Canon Law]. Moscow, Sretensky Monastery Publishing House, 864 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 23.07.2025
Поступила после рецензирования 23.10.2025
Принята к публикации 28.02.2026

Received July 23, 2025
Revised October 23, 2025
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черепанина Надежда Николаевна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda N. Cherepanina, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 23/28+801.73
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-247-252
EDN VPOBZM

От свободы к любви: герменевтика послания к Галатам в трудах Н.Н. Глубоковского

Чуева Ю.А., Мотовникова Е.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
yulya.varavina.97@mail.ru; motovnikova@bsuedu.ru

Аннотация. Одним из важнейших современных интеллектуальных трендов является поиск путей преодоления просвещенческого конфликта между научной и религиозной рациональностью. Пока эта проблема не получила универсального эпистемологического разрешения, накапливается опыт взаимообогащения философско-научного и философско-религиозного категориального мышления в решения частных вопросов, таких как диалектика любви и свободы. В отличие от светских философских традиций, христианство рассматривает категории свободы и любви не как противоположно направленные ценности, а как взаимодополняющие жизненные силы, где любовь выступает способом бытия, а свобода – путем к обожению. В статье проводится анализ понятий «любовь» и «свобода» в послании апостола Павла к Галатам в интерпретации выдающегося русского библеиста Н.Н. Глубоковского. Через экзегетический анализ Глубоковский раскрывает любовь как средство богопознания, а свободу – как божественный дар, реализующийся в служении ближнему. Сделан вывод, что христианская философичность герменевтики Н.Н. Глубоковского позволила ему показать послание к Галатам как ключевой текст, демонстрирующий категориальный синтез, в котором отражается неразрывное жизненное единство любви и свободы, направляющее христиан к евангельскому призванию.

Ключевые слова: любовь, свобода, герменевтика, апостол Павел, Н.Н. Глубоковский, послание к Галатам

Для цитирования: Чуева Ю.А., Мотовникова Е.Н. 2026. От свободы к любви: герменевтика послания к Галатам в трудах Н.Н. Глубоковского. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 51(1): 247–252. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-247-252 EDN: VPOBZM

From Freedom to Love: Hermeneutics of the Epistle to the Galatians in the Works by N.N. Glubokovsky

Yulia A. Chueva, Elena N. Motovnikova

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
yulya.varavina.97@mail.ru; motovnikova@bsuedu.ru

Abstract. One of the most important modern intellectual trends is the search for ways to overcome the enlightenment conflict between scientific and religious rationality. This problem has not yet received a universal epistemological resolution. However, experience is already being accumulated in the mutual enrichment of philosophical-scientific and philosophical-religious categorical thinking in solving specific

issues, such as the dialectic of love and freedom. Christianity, unlike secular philosophical traditions, does not consider the categories of freedom and love as opposing values. It sees them as complementary life forces, where love is a way of being, and freedom is the path to deification. The authors analyze the concepts of "love" and "freedom" in the Epistle of the Apostle Paul to the Galatians as interpreted by the outstanding Russian biblical scholar Nikolai Glubokovsky. Through exegesis, Glubokovsky reveals love as a means of knowing God, and freedom as a divine gift realized in serving one's neighbor. The analysis led to the conclusion that the Christian philosophical nature of Glubokovsky's hermeneutics allowed him to show the Epistle to the Galatians as a key text demonstrating a categorical synthesis that reflects the inseparable vital unity of love and freedom, and this unity leads Christians to the evangelical calling.

Keywords: love, freedom, hermeneutics, Apostle Paul, Nikolai N. Glubokovsky, Epistle to the Galatians

For citation: Chueva Yu.A., Motovnikova E.N. 2026. From Freedom to Love: Hermeneutics of the Epistle to the Galatians in the Works by N.N. Glubokovsky. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 247–252 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-247-252 EDN: VPOBZM

Понятия «любовь» и «свобода» занимают центральное место в философском и богословском дискурсе, выступая фундаментальными категориями, определяющими основу человеческого бытия и его понимание как специфически человеческого. Важность и сложность категории любви в общефилософском дискурсе определяется ее положением как некоего фокуса: в ней пересекаются противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого. Схожей диалектикой обладает общефилософская проблематика свободы, которая должна разрешить противоречия автономии воли с детерминизмом, необходимостью и ответственностью, проявляющиеся в онтологических, этических и социальных вызовах. Но как связаны эти идеи между собой в едином смысловом поле?

В отличие от светских философских традиций, где категории любви и свободы часто анализируются как автономные или даже конфликтующие, а то и объявляются фикциями, философскими мифами (см., например: [Страхов, 2006; Отраднова, 2010; Конашкова, Мосиенко, 2016]), христианское учение предлагает их интегративное понимание, подчеркивая их взаимозависимость. В богословии эти термины раскрывают сущность Божества и человека в его сотериологическом призвании и во внутреннем единстве обретают полноту: любовь становится способом бытия, а свобода – путем к обожению.

В русском языке словопонятие «любовь» многозначно, в древних языках его оттенки смыслов передавались в отдельных терминах (эрос, филия и агапэ в древнегреческом). Но только в христианстве любовь понимается как свойство Бога и Его самооткровения, как аспект Его отношения к человеку и как отношение между самими людьми [Шаблевский, Артёмкин, 2016, с. 59]. Любовь в христианском понимании является высшей добродетелью, одним из имен Божиих, с точки зрения христианской философии, она – единение во благо с чем-то безусловно ценным. Любовь, являясь центральным понятием и основным вероучительным мотивом христианства, позволяет характеризовать его как «религию любви».

В богословии апостола Павла любовь превосходит веру и надежду (1 Кор 13:13), не делает ближнему зла (Рим 13:10), противопоставляется знанию (1 Кор 8:1). В первом послании к Коринфянам благовестник дает ей пространное определение, которое в православной традиции именуется «гимном любви» (1 Кор 13:4-8). В понимании апостола без любви любые христианские подвиги теряют всякий смысл (1 Кор 13:1-3). При этом любовь Бога к человеку настолько сильна, что ничто не может отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе (Рим 8:38-39).

Понятие «свободы» в христианском богословии сопряжено с понятием «воли» – неотъемлемым свойством разумного существа, позволяющим ему достигать желаемого. В Священном Писании воля раскрывается двояко: как божественная, промышленная

о всем творении и его спасении, и как свойство человеческой души к самоопределению. При этом свобода воли Бога и человека взаимосвязаны. Будучи свободным и создав человека по Своему образу и подобию, Бог наделил человека драгоценным даром – свободной волей. Свободой характеризуются акт творения мира и человеческое грехопадение: первая мифологема представляет собой ничем не детерминированный акт личной воли и мысли Творца, вторая – свободное решение сотворенных Богом людей. В связи с этим свобода – краеугольный камень богословской идеи спасения, которая понимается как богочеловеческий процесс. [Бурлака, 2006, с. 223].

В Новом Завете божественная свобода предстает как бесконечная любовь Бога, а боговоплощение Иисуса Христа дает новое прочтение опыту жизни человеческой свободы. Как подчеркивает Д.К. Бурлака, первый в истории опыт общения свободных существ сущностно-разнородных онтологических реальностей позволяют назвать христианство единственной религией свободы в полном смысле этого слова [Бурлака, 2006, с. 224].

Исследования Д.К. Бурлаки и других современных богословов продолжают традицию библейской интерпретации Н.Н. Глубоковского – выдающегося русского библеиста, богослова, экзегета и герменевта, центральное место в творческом наследии которого занимало изучение творений апостола Павла.

Глубоковский последовательно доказывал в современных ему дискуссиях, что учение апостола Павла целостно по существу и восходит к Иисусу Христу, а не компилирует религиозные и философские идеи.

Наиболее подробно тема христианской свободы раскрывается Н.Н. Глубоковским в толковании послания апостола Павла к Галатам. Этот текст ученый-библеист делит на три смысловых блока: индивидуально-апологетический (1–2 главы), догматико-полемический (3–4 главы) и морально-увещательный (5–6 главы)¹. В первом разделе Глубоковский рассматривает происхождение и достоинство апостольского служения Павла и приходит к выводу, что его благовестие «абсолютно нечеловеческое, а непосредственно идет от первоисточника в Боге Отце и Его Сыне» [Глубоковский, 1935, с. 78]. Апостольство Павла не является производным от церковной иерархии или от человеческой традиции, оно уникально по происхождению и неоспоримо по авторитету. В качестве методологической основы Глубоковский использует историко-контекстуальный подход, реконструируя духовную и полемическую атмосферу в Галатийских общинах. Благовестие апостола он рассматривает сквозь призму напряжённого противостояния с иудействующими проповедниками, ставившими закон в основу христианского спасения. Библеист обращается к тщательному экзегетическому анализу терминов, к другим библейским переводам (например, в вопросе интерпретации имен братьев Господних). Филологическая точность выступает инструментом герменевтического проникновения в глубинный смысл слов апостола.

В следующей части своего исследования Глубоковский продолжает раскрывать понятие христианской свободы, применяя комплексный методологический подход. Центральной темой третьей и четвертой главы его экзегетического сочинения является проблема противопоставления оправдания верой через благодать Иисуса Христа и оправдания делами Моисеева закона. Библеист анализирует богословский аргумент Павла, который опирается на обетование, данное Аврааму, и исполняется через Христа, чья крестная смерть искупила человечество от проклятия закона. В толковании Глубоковского, закон направлял к вере, но «не был производителем самого обетованного спасения» [Глубоковский, 1935, с. 164]. Искупительный Голгофский подвиг уничтожает

¹ Богословский анализ труда проф. Н.Н. Глубоковского «Благовестие христианской свободы в послании св. Апостола Павла к Галатам» // Постмодернистская религиозно-философская библиотека. 07.11.2023. URL: <https://makekaresus.ru/publikaczii/evangelie-dnya/42311-glubokovskij-n-n-khristianskaya-svoboda-po-galatam> (дата обращения: 18.04.2025).

тяготение клятвы законной и миропорядок, построенный на периодической ответственности и возмездии. На смену его приходит новый – благодатно-обетованный, в котором «все чрез Христа, во Христе и от Христа» [Глубоковский, 1935, с. 164]. Особо выделяется аллегорическое толкование истории Агари и Сарры, где Агарь символизирует Ветхий Завет и рабство закона, а Сарра – Новый Завет и свободу благодати. Глубоковский в этом эпизоде обнаруживает не только риторический прием, но и богословское противопоставление рабства закона и свободы благодати. В словах апостола ветхозаветная история обретает новое прочтение, христоцентричное, где христиане становятся детьми обетования, свободными от уз закона.

Глубоковский подчеркивает: Павел не просто полемизирует, он выстраивает системное богословие, где оправдание верой становится основой христианской свободы. Закон, по Павлу, не отменяется, но исполняется через любовь и веру во Христа. Библиист раскрывает многозначность терминов «веры» и «закона», обращается к другим посланиям апостола, что позволяет многократно проиллюстрировать единство богословия эллинского благовестника [Глубоковский, 1935, с. 134-140, 170-172].

Морально-увещательный блок посвящен рассмотрению практического приложения догматической концепции христианской свободы, проявления ее в нравственной жизни христиан за рамками иудейского законничества и моральной распущенности. Глубоковский понимает христианскую свободу как усыновление Отцу через Сына, в котором «под водительством божественного Духа мы удерживаем органическую неразрывность с Господом Спасителем чрез воспроизведение Его в себе, или чрез возможно полное осуществление “закона Христова”». «Христианин живет свободно, но в строжайшем соответствии со всеми требованиями своего звания» [Глубоковский, 1935, с. 168], а его нравственность реализуется «при безусловном устранении всего, что где-нибудь носит хоть тень порабощающего стеснения» [Глубоковский, 1935, с. 167]. Отсюда и несостоятельность обрезания как элемента самостоятельной спасительности – оно «отторгает от Христа, не допускающего подобных пособников» [Глубоковский, 1935, с. 168] и посягает «на абсолютную единственность Господа в нашем искуплении и возрождении» [там же].

Инструментом реализации христианской свободы Глубоковский называет любовь, которая через служение друг другу призвана предостеречь от взаимного истребления и сохранить единство общины. Библиист детально анализирует термины «свобода», «дух» и «плоть», раскрывая их богословскую глубину [Глубоковский, 1935, с. 174, 177-184]. Противопоставление плоти и духа отражает внутреннюю борьбу христианина, где дух дает силу побеждать грех, а любовь как один из плодов духа интерпретируется как основа христианской этики, связанная с заповедью любви к ближнему.

Рассуждая о влиянии этого текста на раннюю Церковь и последующее богословское развитие, библиист рассматривает послание как ключевой текст, закрепивший принципы христианской свободы, и подчеркивает его роль в формировании церковной идентичности [Глубоковский, 1935, с. 211]. Послание стало ответом на кризис, вызванный идеями обязательного соблюдения Моисеева закона для спасения, и способствовало становлению христианства как универсальной религии, не требующей соблюдения ритуальных предписаний. С позиции Глубоковского, послание к Галатам – это целостный текст, где каждая его часть способствует общей цели – утверждению христианской свободы [Глубоковский, 1935, с. 211].

Рассматриваемый труд Н.Н. Глубоковского представляет собой образец герменевтической строгости, сочетающей академическую точность, богословскую глубину и верность православной традиции. Исследование не только раскрывает богословскую суть христианской свободы, но и подчеркивает ее непреходящую актуальность для Церкви, напоминая о необходимости гармоничного сочетания свободы и любящей ответственности в следовании за Христом.

Толкованию христианской любви в посланиях апостола Павла Глубоковский не посвящает отдельного сочинения. Полагаем, это связано с тем, что идея «любви» является неотъемлемой частью целостного павловского богословия, пронизывающей все аспекты его учения. В связи с этим библеист не проводит специального анализа этого термина, а интегрирует его в свои экзегетические труды.

Подробный экзегетический разбор Павлова гимна христианской любви составил современник Н.Н. Глубоковского М.Д. Муретов [Муретов, 1903]. Его труд представляет собой сравнительный анализ новозаветного учения о любви, выраженного в «гимне любви» апостола Павла (1 Кор. 13), с концепциями любви в диалоге Платона «Пир» и ветхозаветной Песнью Песней Соломона. Муретов показывает уникальность христианской любви на фоне античных и иудейских представлений, подчеркивая ее божественное происхождение и нравственную высоту. Экзегет сравнивает произведения в аспектах их авторства, текстовых форм, содержания и представленных идеалов любви. Для Муретова христианская любовь уникальна, так как сочетает духовную глубину Песни Песней и философскую возвышенность «Пира», но превосходит их благодаря своей божественной природе и нравственной универсальности. Если платоновская любовь ведет к абстрактному идеалу, а любовь Песни Песней – к земному союзу, то павловская «агапе» ведет к Богу через служение ближнему [Муретов, 1903, с. 593, 594].

Интерпретацию христианской любви Н.Н. Глубоковским можно встретить в толковании все того же послания апостола Павла к Галатам. В любви библеист распознает «первейшее обнаружение веры, корень и венец всех добродетелей», который возможен только «при сыновней неразлучности нашей с Богом» [Глубоковский, 1935, с. 181]. Любовь – это средство богопознания, вселяющее в нас искупляюще-спасающего Христа. Христианская вера невозможна без любви, в ней самой закрепляется благодатно-реальное единение с Богом чрез Искупителя и становится доступна близость сокровенных тайн божества. На любви держится искупление и мессианское дело на всех своих стадиях, без нее нельзя быть в единении с Богом [Глубоковский, 1935, с. 172]. Глубоковский обращает внимание на то, что в Павловом богословии любовь неотрывна от веры оправдания и вместе с ней находится в «гармоническом сочетании в христианской практике»: будучи следствием веры, любовь тождественна ей по достоинству [Глубоковский, 1935, с. 172]. Источник христианской деятельности – «во Христе, способ – в вере, руководство – в Духе Святом, увенчание – в любви» [там же].

Таким образом, исследование интерпретации Н.Н. Глубоковским послания к Галатам выявляет глубокую онтологическую и понятийно-концептуальную взаимосвязь между любовью и свободой как фундаментальными принципами христианской жизни. Любовь, понимаемая как средство богопознания, и свобода, дарованная верующим во Христе, не противостоят друг другу, а взаимно дополняют и усиливают одна другую. Свобода, дарованная верующим, суть не произвол или освобождение от ответственности, а возможность служения ближнему через любовь, которая, в свою очередь, выступает высшим выражением этой свободы. Как подчеркивает Глубоковский, в единстве любви и свободы раскрывается сущность христианского благовестия, где свобода становится путем к любви, а любовь – полнотой свободного бытия во Христе. Послание к Галатам остается ключевым текстом для богословской рефлексии, раскрывая любовь и свободу как неразрывное единство, направляющее верующих к исполнению евангельского призвания.

Список литературы

- Бурлака Д.К. 2006. Философское и христианско-богословское понимание свободы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Международные отношения*, 2: 221–233.
- Глубоковский Н.Н. 1935. Благовестие христианской свободы в послании св. апостола Павла к Галатам. София, 216 с.
- Конашкова А.М., Мосиенко А.Н. 2016. Парадоксы свободы и два пути философствования *Общество: философия, история, культура*, 5: 18–22.

- Муретов М.Д. 1903. Новозаветная песнь любви сравнительно с «Пиром» Платона и «Песнью Песней»: [Актовая речь]. *Богословский вестник*, 2(11): 461–499; 2(12): 559–612.
- Отраднова О.А. 2010. Антиномичность понимания любви в контексте западноевропейской и отечественной культуры. Дис. ... канд. филос. наук. Астрахань, 180 с.
- Страхов А.М. 2006. Философская антропология эволюции образов пола и любви в отечественной культуре последних столетий. Дис. ... доктора филос. наук. Белгород, 380 с.
- Шаблевский Н., Артёмкин Д. 2016. Любовь. В кн.: *Православная энциклопедия*. Том 42: Львовский собор – Максим, блж., Московский. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»: 58-64.

References

- Burlaka D.K. 2006. Filosofskoye i khristiansko-bogoslovskoye ponimaniye svobody [Philosophical and Christian-theological understanding of freedom]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2: 221-233.
- Glubokovsky N.N. 1935. Blagovestiye khristianskoy svobody v poslanii sv. apostola Pavla k Galatam. [The Good News of Christian Freedom in the Epistle of St. Apostle Paul to the Galatians]. Sofia, [n. p.], 216 p.
- Konashkova A.M., Mosienko A.N. 2016. Paradoxes of freedom and the two ways of philosophizing. *Society: Philosophy, History, Culture*, 5: 18-22. (in Russian).
- Muretov M.D. 1903. Novozavetnaya pesn' lyubvi sravnitel'no s «Pirom» Platona i «Pes-n'yu Pesney» [The New Testament Song of Love in Comparison with Plato's "Feast" and "Song of Songs"]. *Bogoslavskiy vestnik* [Theological Herald], 2(11): 461–499; 2(12): 559–612.
- Otradnova O.A. 2010. Antinomichnost' ponimaniya lyubvi v kontekste zapadnoyevropey-skoy i otechestvennoy kul'tury [Antinomy of understanding of love in the context of Western European and domestic culture]. Diss. ... Cand. Philosophical Sciences. Astrakhan, 180 p.
- Shablevsky N., Artemkin D. 2016. Lyubov' [Love]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 42. Ed. by Patriarch of Moscow and All Rus' Kirill. M., "Pravoslavnyaya entsiklopediya": 58-64.
- Strakhov A.M. 2006. Filosofskaya antropologiya evolyutsii obrazov pola i lyubvi v oteche-stvennoy kul'ture poslednikh stoletiy [Philosophical anthropology of the evolution of images of sex and love in the domestic culture of the last centuries]. Diss. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Belgorod, 380 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.05.2025

Поступила после рецензирования 19.08.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received May 21, 2025

Revised August 19, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чуева Юлия Александровна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Yuliya A. Chueva, Postgraduate student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Мотовникова Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 101; 130.2; 304.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-253-272

EDN ХВРХQA

Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2018 год

Римский В.П.

Белгородский государственный институт искусств и культуры

Россия, 308007, г. Белгород, ул. Королева, д. 7

rimskiy@bsuedu.ru

Аннотация. Представлено продолжение публикации архивной переписки автора с философом Николаем Петровичем Рагозиным (19.12.1953 – 24.10.2020), которая велась на протяжении пяти лет, с 2016 по 2020 год, и сохранилась в личном архиве. В переписке 2018 года большое внимание уделялось вопросам «управляемой демократии» в противовес прямому народовластию. В связи с этим также обсуждались философские проблемы свободы и прямой демократии, связанные с такими явлениями, как субкультурные и «цветные революции». Также обсуждалась бюрократизация высшего образования и науки, которая влияет не только на подготовку кадров, но и на кризис духовного производства и всю интеллектуально-нравственную атмосферу в стране. Это был период подготовки к международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, на которой были рассмотрены философские проблемы войны и мира, насилия и ненасилия. Этот вопрос также оказался связан с феноменом прямой демократии, что и отражено в переписке, где представлены оригинальные идеи о насилии и ненасилии в условиях войны.

Ключевые слова: управляемая демократия, прямое народовластие, субкультурные революции, «цветные» перевороты, война, мир, насилие, ненасилие, Л.Н. Толстой, М. Ганди

Для цитирования: Римский В.П. 2026. Избранные места из переписки с другом юности в смутные времена. 2018 год. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 253–272. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-253-272 EDN: ХВРХQA

Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The year 2018

Viktor P. Rimskiy

Belgorod State Institute of Arts and Culture,

7 Koroleva St, Belgorod 308007, Russian Federation

rimskiy@bsuedu.ru

Abstract. Text continues the publication of the author's archival correspondence with philosopher Nikolai Petrovich Ragozin (19.12.1953 – 24.10.2020), which was conducted for five years, from 2016 to 2020, and was preserved in his personal archive. In the 2018 correspondence, much attention was paid to the issues of "managed democracy" in contrast to direct democracy. In this regard, the philosophical problems of freedom and direct democracy related to such phenomena as subcultural and "color revolutions" were also discussed. The bureaucratization of higher education and science was also discussed, which affects not only the training of personnel, but also the crisis of spiritual production and the entire intellectual and moral atmosphere in the country. This was the period of preparation for the international conference dedicated to the 190th anniversary of Leo Tolstoy's birth, where the

philosophical problems of war and peace, violence, and non-violence were discussed. This issue is also related to the phenomenon of direct democracy, which is reflected in the correspondence with original ideas about violence and non-violence in a war situation.

Keywords: managed democracy, direct democracy, subcultural revolutions, "color" coups, war, peace, violence, non-violence, Leo Tolstoy, Mahatma Gandhi

For citation: Rimsky V.P. 2026. Selected Episodes from Correspondence with a Friend of Youth during Dark Times. The year 2018. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(1): 253–272 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-253-272 EDN: XBPXQA

Введение

Начинается переписка с Рождественских поздравлений друзей, и позже по тексту мы встречаем Пасхальные взаимные пожелания, поздравления со светскими праздниками и т. п. Празднованием церковных сакральных дат и хождением в храмы в соответствующие даты сегодня никого не удивит – это началось ещё в советские времена, когда маятник религиозности качнулся от атеизма и неверия в сторону традиционных ценностей и воцерковления (пусть порой и поверхностного) городской интеллигенции, преимущественно гуманитарной. Я в студенческие годы не исповедовал марксизм, даже не смог пройти выпускной экзамен к Ю.Р. Тищенко, сознание и бессознательное выстроили какой-то барьер, заблокировав интеллектуальное содержание, – предмет я выучил, даже девочек в коридоре консультировал. Это и стало одним из событий, толкнувших меня на уход из университета (мама спасала академическим отпуском). И мои тогдашние и более поздние религиозные искания здесь также играли свою роль, будучи укоренены в детском опыте церковной жизни, полученном от прабабушки, которая водила внучат к исповеди и причастию.

Н.П. Рагозин олицетворяет ту часть советской интеллигенции, которая не предавала своего марксистского «крёдо», но вполне искренне пришла и к принятию традиционного православия (ниже он пишет о посещении с женой храма и искренних молитвах за близких). И этот феномен не нов: такое уже было в марксизме в начале столетия, когда в революции достаточно органично сочетались и марксизм, и православие (очередное дежавю русской культуры). Если бы не победа радикально-левого атеистического крыла большевиков (троцкистского?), то и ход отечественной истории, возможно, пошёл бы по умеренному пути органичного сочетания социальной справедливости и традиционных ценностей, в том числе вероисповедных. Именно поэтому мне было совершенно непонятно то радикально-бюрократическое рвение, описанное Н.П. Рагозиным, лидером донецких коммунистов, с которым в ранней ДНР стали фактически запрещать коммунистическую партию. Это прямо-таки бюрократический троцкизм со стороны «партии власти», вернее, её федеральных кураторов – в нашей стране всегда процветали «перегибы на местах», хотя сомневаюсь, что это просто аппаратные игры и управленческие изъёмы: здесь попытки установить «управляемую демократию» в ДНР (вернее, её перенос в шахтёрский регион) в пику прямому народовластию. При этом федеральная и региональная бюрократия наступают на «политические грабли», однажды уже ударившие по лбу в подобной ситуации с «советской демократией». В том описании, которое содержится в переписке, это очень отчётливо отражает «накат» на «прямое народовластие», рождённое ещё в первобытном «коммунизме» и в античных полисах, сохранённое в европейских средневековых коммунах, в русских вечевых сходах и казачьих кругах, в первичных «советах» российских революций, производственных коммунах и даже колхозах на заре советской власти...

Как ни странно, но этот наш диалог о прямом народовластии совпал по времени с пятидесятилетием «студенческой весны» в Париже 1968 года, продолженной в студенческих выступлениях в Западной Европе и США, а также в Пражской весне 1968 г. – в борьбе за «социализм с человеческим лицом». Это были выступления не только против

бюрократизации университетской жизни, но и против позднего капитализма (скорее «позднего индустриализма», что типологически относится и к СССР с Восточной Европой того времени), который уже тогда пережил сам себя, а правящая буржуазная бюрократия (сейчас её называют «глубинным государством») пребывала в растерянности перед глобальным кризисом капиталистического индустриализма (хрущёвское правление также закончилось кризисом социалистического индустриализма и партийно-номенклатурного государства).

Я назвал эти выступления «субкультурными революциями»¹, продолжив свой дискурс о «русских революциях»², и вместе с моим аспирантом подготовил публикации по этому феномену, где обосновал, что перманентные субкультурные революции были характерны для всего периода капитализма (индустриализма). Субкультурные революции были продуктом столкновения государственной бюрократии с прямой демократией народных масс, прежде всего молодёжи (да, в этом плане не так уж неправ был Р. Гароди, отрицая догму марксизма о «пролетариате как двигателе революций»). Концепт и феномен «прямой демократии» с начала 1960-х годов (может с конца сороковых, критикуя представительную демократию и тоталитаризм, как её продукт?) анализировала Х. Арендт с позиций левого демократизма (кстати, в этом плане не надо путать «либерализм» и «демократию»), она же его отметила и при уяснении причин и форм «студенческих революций» шестидесятых-семидесятых годов.

На Западе в университетской жизни после этих событий реальная демократизация произошла, но уже в новом столетии под влиянием радикально-глобалистского либерализма была доведена до абсурда: жизнь там сейчас порой происходит в пространстве студенческой анархии и произвола, когда «студент выше профессора», а профессорская работа замыкается в интеллектуальных субкультурах, подстраивающихся под господствующий либеральный дискурс, надуманную тематику научных исследований и кулуарное, «клубное» присвоение степеней и званий (это относится прежде всего к среде гуманитарной науки). Результатом стала деградация и непрофессионализм, отчётливо проявившиеся в уровне уже политической элиты, которая ныне правит в западных регионах.

Оглядываясь в прошлое нашей страны, мы теперь с тоской понимаем, что в советское время у нас была реально свободная, демократическая жизнь в университетах. И как бы не ругать «перестройку», демократические университетские свободы особенно процветали на рубеже 80–90-х годов прошлого века. В СССР во многом были продолжены лучшие мировые и отечественные традиции отечественного университетского образования³. Но постепенно, по мере внедрения «болонской системы» происходила у нас бюрократизация университетов, выхолащивание сути высшего образования, его деградация по пути утраты выпускниками профессионализма, что и достигло ныне своего пика. Такого чиновничьего произвола и диктата университеты

¹ См.: Римский В.П., Аббасов Р.Г. 1968 год: первая субкультурная революция // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Том 43, № 3. Сентябрь. Белгород, 2018. С. 437-442; Римский В.П., Аббасов Р.Г. Субкультурные революции в культурно-исторической типологии // Наука. Искусство. Культура. №3 (19). Белгород, 2018. С. 5-23.

² Аббасов, Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. 2017. Великая Русская революция: модернизация Модерна? Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 42. № 24 (273). Белгород, 2017. С. 81-90.

³ Борисов С.Н., Игнатов М.А., Римский В.П. Университет как институт производства и капитализации научно-инновационного знания в современном образовании и культуре // Образование и общество. № 6 (95). Ноябрь – декабрь. 2015. Орёл, 2015. С. 17-21; Борисов С.Н., Игнатов М.А., Римский В.П. Интеллектуал и его собственность в эпоху современности // Образование и общество. № 6 (95). Ноябрь – декабрь. 2015. Орёл, 2015. С. 65-69; Рагозин Н.П. Рождение идеи университета в немецкой классической философии. Часть 1 // Наука. Искусство. Культура. Белгород, 2017. Вып. 3(15). С. 66-75; Рагозин Н.П. Обоснование идеи университета в немецкой классической философии. Часть 2 // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Том 43, № 2. Июнь 2018. Белгород, 2018. С. 215-220; и др.

страны никогда не знали¹. В ситуации СВО правительству вообще не до понимания трагедии отечественного высшего образования...

Прямая демократия проявилась также в анархической критике Л.Н. Толстого автократического режима царской монархии, политика которой и привела в конечном счёте к череде трагических революций, свергнувших как царизм, так и первую российскую «представительную демократию», неудачную и даже пародийную. Это и сподвигло В.И. Ленина назвать писателя «зеркалом русской революции». Учение Л.Н. Толстого о насилии и ненасилии нашло отклик в идеях и практиках Махатма Ганди, в народно-демократической и антиколониальной революции в Индии конца сороковых годов прошлого века. Лозунги «политического ненасилия» как одной из форм прямой демократии извратили западные политтехнологи типа Дж. Шарпа, используя в «цветных революциях».

Собственно, этой проблематике и была посвящена наша конференция (международная научно-теоретическая конференция «Война и мир, насилие и ненасилие в русской литературе и философии: К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого», 27–30 июня 2018 года, г. Белгород), подготовка и проведение которой, как и проблематика прямой демократии, насилия и ненасилия, нашли отражение в нашей диалогической переписке, в публикациях статей и коллективной монографии². В нашем диалоге некоторые идеи о насилии и ненасилии получили неожиданный ракурс. Поэтому мне непонятна критика студенческих субкультурных революций и рационального «духа модерна» со стороны А.Г. Дугина, последователя оккультного традиционализма в духе Генона под личиной квази-православия (он якобы открытый «старовер»), как и его информационные выступления в поддержку запретов социальных сетей и даже интернета, вообще всего и вся в угоду дурно истолкованной «традиционалистской» морали. Прекрасный пример, как человек, в прошлом будто бы «диссидент и борец с режимом», а ныне преуспевающий блогер, в борьбе с «духовными бесами» сам становится обскурантом (мракобесом) и начинает подыгрывать правящей бюрократии в борьбе против глубинного народа, прямой демократии, в том числе и в форме цифровых сетей.

Нет вины бунтарской молодёжи в том, что демократическую энергию субкультурных революций спустили в свисток контркультурных движений (хиппи и т. п.), а западные менеджеры от идеологии и политики использовали субкультурные революции в 80–90-е годы, породив изуверские технологии «цветных революций», которые под прикрытием лозунгов прямой демократии и критики «правящей бюрократии» стали криптократическим оружием в руках глобалистской верхушки против неугодных традиционалистских, национальных, социалистических и прочих политических режимов и систем.

Притязания «глубинных народов» на прямую демократию против бюрократических и олигархических режимов в два последних десятилетия нашли поддержку в цифровых технологиях социальных сетей, которые, как оказалось, можно использовать как в интересах правящих глобалистских или национальных «элит», так и в борьбе против них современного демоса или сражающихся против Запада государств (Россия, Иран и др.). Социальные сети в мире цифры моментально разносят глупость некоторых президентов и их подпевал по всему миру или новость о том, как чинуша в том или ином маленьком

¹ Культурный капитал. Инновации. Наука (От писцовых школ к «обществу знаний»): колл. моногр. / под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2016. – 252 с.

² См: Римский В.П., Римская О.Н., Мюльгаупт К.Е. Философско-богословские смыслы полемики И.А. Ильина и Л.Н. Толстого // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Том 43, № 4. Декабрь. Белгород, 2018. С. 782-787; Римский В.П., Римская О.Н., Мюльгаупт К.Е. Логические и философские смыслы полемики И.А. Ильина и Л.Н. Толстого // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 4. Тула, 2018. С. 112-123; Философия войны и мира, насилия и ненасилия. Под ред. В.П. Римского. Москва: Академический проект, 2019. 462 с. (Философские технологии).

городке покровительствует мигрантам, наносит корыстный ущерб одиноким многодетным матерям, пенсионерам и даже участникам СВО или губернатор-назначенец просто демонстрирует собственную глупость и ничтожность надуманного пиара в разговоре с каким-нибудь простым работягой... И вот, перевирая благие идеологические лозунги и политические программы, начинают бороться с прямым народовластием, блокируя и запрещая не только отдельные персоны (как сейчас Такера Карлсона в США), но и целые сети (как Телеграм в России), выдвигая глупые аргументы.

И здесь только одна основная причина – страх перед прямым народовластием, которое пробивает себе дорогу, начиная с Великих Русских революций вплоть до нашей цифровой эпохи с её изъянами, но и преимуществами. Страх перед идейным и политическим ненасилием, продвигаемым в цифровом пространстве «глубинным народом».

7 января 2018 г.

В.П. Римский: Дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна! Сердечно поздравляем вас с Рождеством Христовым! Здоровья и крепости духа желаем! Пусть скорее пройдет беда над вашим большим домом, Донбассом. <...>

23 февраля 2018 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Что-то я вышел в тираж – письма пишу лишь по праздникам. Тем не менее я тебя поздравляю с праздником. Ты находишься на передних рубежах защиты русской цивилизации. И (не дай БОГ!) в любой момент из идеологического бойца можешь стать вполне себе обычным воином... Оставайся таким же стойким. Здоровья тебе, любви вам в семье, уважения на работе. <...>

Принял к защите докторскую Виталия Даренского из Луганска (шлю для знакомства) плюс несколько кандидатских (и все редактировал). В Москве никак не выйдет проза – надеюсь на март¹. Поеду туда – там сейчас и моя сестра из Севастополя (прописка московская, как и пенсия – поехала менять карту, лечиться и пр.).

<...> Вот такие наши дела. Пиши. Крепко обнимаю – В.Р.

24 февраля 2018 г.

Н.П. Рагозин: Виктор Павлович! Спасибо за поздравления. В свою очередь и я тебя поздравляю с праздником. Извини, вчера не собрался написать, т.к. занимался ремонтом нашей машины и устал. <...> Тексты Даренского, которые ты прислал, я читаю. Он парень очень «писучий». Прислал к нам на конференцию по Марксу² интересный доклад. Ждем и твоего с Ольгой текста.

Крепко обнимаю. Берегите себя, не болейте. Твой Н.Р.

17 марта 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! Как твои дела, как здоровье твоей супруги? Надеюсь, она уже поправилась?

Я решил тебя побеспокоить напоминанием о том, что мы ждем твой текст к конференции, посвященной 200-летию К. Маркса³. Мы уже начали верстать сборник тезисов и докладов, который в ближайшие 7–10 дней должны сдать в типографию, чтобы

¹ Римский В.П. Дни печали и скорби: Повести, рассказы, эссе. М.: Летний сад, 2017. 512 с.: ил.

² Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года / Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018.

³ Римский В.П., Римская О.Н. Понимание интеллектуального труда у К. Маркса и П. Бурдьё. Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года / Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк: ГОУВПО «ДОННТУ», 2018. С. 36-44.

его успели напечатать к началу конференции. У тебя быстрое перо, и если внешние обстоятельства не помешают, то ты успеешь. Между прочим, твой докторант Даренский прислал доклад на конференцию на любопытную тему о своеобразии марксизма Лосева.

Наша жизнь на вулкане готовом к извержению приучает ценить время, поскольку не знаешь каким будет завтра и удастся ли осуществить то, что ты запланировал. Обстановка на фронтах напряженная несмотря на объявленное перемирие. Запад всячески старается нагадить России (и Путину лично), и одним из инструментов является Украина. Когда он решит усилить использование этого инструмента точно не известно, но этот момент приближается.

Крепко жму твою руку. Передай мой поклон и пожелания здоровья твоей супруге.

31 марта 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! Ты меня, грешного извини, что сразу не ответил. Выпустил ещё 3 диссертации в совет (всего до конца семестра планирую 7 защитить), потому пахал, как проклятый. И уже еле хватило сил что-то сделать вам на конференцию. Боюсь, что повторяюсь. И хотя есть и ещё кое-что по Марксу, но шлю вот этот текст от нас двоих <...> Собираюсь в апреле в Ростов на Петровские чтения, хотя скорее в Шахты – привести в порядок могилы родных. Вот пока всё. Крепко обнимаю. Напиши, как материал – проходит... Твой В.Р.

4 апреля 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый вечер, Виктор Павлович! Твой материал уже в работе (готовим макет сборника докладов и тезисов). <...> Я был 1-2 апреля в Ростове. С Таней ездили проведать ее родных. Заходил также к Ю.Р. Тищенко передать номер нашего журнала с публикацией его статьи. Ю.Р. в разговоре сообщил, что узнал (не знаю от кого) о публикации переписки Петрова с Потемкиным и Ильенковым и выразил сожаление о том, что к нему не обращались за комментариями. Насколько я его понял, при републикации переписки он был бы готов дать свои дополнительные пояснения к ней. Это я тебе просто сообщаю информацию к размышлению. Я не знаю будет ли Ю.Р. на Петровских чтениях, но, если вы встретитесь эта информация может тебе пригодиться.

Витя, как обстоят дела с подготовкой конференции по насилию? Всё остается в силе? Привет и пожелания здоровья твоей супруге. Береги себя. Обнимаю. Твой Н.Р.

5 апреля 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, доброе утро! Рад, что ты откликнулся. А то я последние дни что-то тоскую – весна, наверное. Дело в том, что у меня по диссерам как бы накопились «долги» – были некоторые обязательства перед ребятами, своими и чужими (например, отдал одну матушку из Липецка Ольхову, а за неё просит мой старый друг из Липецка, ныне священник). Заодно совпало, действительно, с неким планом по защитам, что в университете сочинили. Но со следующего года я от совета отделаюсь, по крайней мере, от формальных бумаготворческих дел, т. к. 1) совет станет от ВАК независимым, как и в ЮФУ; и они хотят, чтобы председатель был постоянно работающим в университете; но 2) таким будет Сергей Борисов, мой ученик, который ушёл из проректоров «кулька», но он переходит директором в БелГУ – вот пусть и рулит формально. А я буду заниматься лишь содержательной частью, надувая щёки в качестве заместителя.

С конференцией по насилию мы наконец определились почти полностью (ещё не знаем, как поучаствует в финансовой части университет, когда Сергей перейдёт туда – наверное, на следующей неделе). Но вас вдвоём мы ждём и всё оплатим, а тебя включили в оргкомитет. По конференции шлю информписьмо. Считайте его официальным приглашением. Ещё в сентябре будет конференция по Толстому в Туле. Вот там будет

сильнее толстовский дух. Проводят мои тульские друзья. Как вы насчёт Тулы? Или начало года?

Я после пасхи собираюсь в Ростов на Петровские чтения. У меня дела и в Шахтах – привести могилы в порядок. Поеду на неделю и к Юрию Романовичу – теперь обязательно. Не люблю планировать, но придётся расписать мой «визит» на родину по дням... <...> Вот такие наши дела грешные в страстную седмицу...

Мой поклон Татьяне Эдуардовне. Крепко обнимаю, твой В.Р.

8 апреля 2018 г.

В.П. Римский: Дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна, Христос Воскресе! С праздником Пасхи вас. Желаем здоровья, мира, благополучия, творческих успехов, счастья и любви в этот солнечный светлый день! Римские.

Р.С. Я через неделю поеду в Ростов.

Н.П. Рагозин: Дорогие Виктор Павлович и Ольга Николаевна, воистину Воскресе! С праздником Вас! Здоровья, благополучия, успехов в начинаниях. Рагозины.

21 апреля 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый вечер, дорогой Витя! Высылаю тебе программу нашей конференции к юбилею К. Маркса и сборник докладов (бумажный вариант сборника привезу в Белгород лично). <...> Как прошла твоя поездка в Ростов? Что нового у наших ростовских друзей? Мы заканчиваем подготовку к конференции. Укры стали регулярно стрелять по нашим позициям. Видимо все-таки готовятся начать военное наступление. Надеюсь, что Россия нас не бросит.

Наше дело правое, Бог нас не оставит. Будем бороться. Обнимаю, Н.Р.

1 мая 2018 г.

В.П. Римский: Дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна! Поздравляем вас с Первым мая и желаем достижений творческих, трудовых, счастья и здоровья, скорейшего окончания войны. Спасибо за сборник и публикацию, разумеется, мы готовы всегда сотрудничать. В Ростов я съездил неудачно, т.к. основной задачей ставил обустройство могилы дедушки и бабушки, а с первого раза не получилось найти устроителя (он ранее делал могилы отца, матери и деда), потому конференцию пропустил и никого не видел. Возможно, Даренский, посетивший ваше мероприятие, рассказал. <...> Мы ещё вам – и нам – желаем Победы, т.к. действительно: по всем прогнозам – быть войне. Они точно напакостят перед футболом.

Вы держитесь. С огромным дружеским приветом, Ваши В.Р. и О.Р.

8 мая 2018 г.

Н.П. Рагозин: Дорогие Виктор Павлович и Ольга Николаевна! Поздравляем с Днем Победы! Мира, добра, здоровья и успехов в Ваших начинаниях. Завтра с Татьяной мы идем на праздничную демонстрацию. А 11 мая у нас праздник – день Республики. В этот день 4 года тому у нас проходил референдум о суверенитете. Для бюллетеня я писал вопросы, а Таня работала в участковой избирательной комиссии, которая размещалась в школе по соседству с нашим домом. Никогда до этого я не видел такого количества людей, которые пришли голосовать. Ждем, когда российское руководство признает итоги этого референдума.

Укры ежедневно стреляют. В этой стрельбе у них есть экономический интерес. За это Киев платит боевые надбавки к жалованью, а Донбасс расплачивается жизнями и здоровьем своих людей. Конца этой истории пока не видно. Остается сжать зубы и продолжать работать. Что мы и делаем. Победили наши предки, даст Бог выстоим и мы.

Всего самого доброго. Н. и Т. Рагозины

9 мая 2018 г.

В.П. Римский: Дорогие и мужественные наши друзья! Спасибо за поздравления. Мы в свою очередь поздравляем вас с Днём Победы, желаем скорейшей и полной победы над бандеровской мразью. Здоровья и успехов во всех усилиях и начинаниях вам. Мы вами гордимся. <...> Помимо готовых диссертаций, надо теперь «выпускать» текущих аспирантов, как и прочих студентов, на ГАК. И это такая головная боль... Драч пригласил на Аристотелевские чтения в Москву, заявку я дал, текст есть, а сил нет ехать. Да и устал я и от этой «научной тусовки» – всё суета сует и игра в бисер. Никак не возьмусь за свою июньскую конференцию по Толстому, хотя все сроки уже поджимают. Надеюсь, что вы соберётесь на неё к нам приехать. <...> Вот такое наше житие... С огромным приветом – Римские.

12 мая 2018 г.

В.П. Римский: Добрый день, дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна! <...> Вроде бы всё и хорошо в личном обустройстве, но столько порой много суеты, что часто забываешь о главном. И решил: в этом году заканчиваю все «суетные проекты» и постараюсь реформировать экзистенциальный проект с учётом возраста...

И в этом ряду ставлю конференцию, которую мы в конце июня проводим вместе с Петаром Бояничем, учеником Дерриды. Можем ли поставим ваш вуз соучредителем, так как Н.П. Рагозин – член оргкомитета уже (см. файл)? И я лично приглашаю вас вдвоём приехать и принять участие – вы мои личные гости. Мы её и планируем в сугубо дружеском формате, без официоза и суеты. Наверное, скорее не «конференция», а именно «симпозиум» в античном смысле, как пир друзей и близких. Дорогу оплатим, жильё обеспечим также за наш счёт (или будете жить у нас с Ольгой, если это вас не смутит). Прочее – в рабочем порядке. Я и последние защиты в совете также делаю в формате «симпозиума» – приглашаю оппонентами исключительно друзей. <...>

Мы ждём, что Вы дадите положительный ответ на наше приглашение. С дружеским приветом и уважением, Ваш Римский Виктор (и примкнувшая Ольга).

12 мая 2018 г.

Н.П. Рагозин: Дорогие Виктор Павлович и Ольга Николаевна! Большое спасибо за приглашение на конференцию. Я с удовольствием приму участие в ее работе. <...> Жду вашего ответа. Крепко жму твою руку. Береги себя и Ольгу Николаевну. Твой Н.Р.

13 мая 2018 г.

В.П. Римский: Доброе утро, дорогой Николай Петрович! Я очень рад, что ты приедешь! Разумеется, будешь жить у меня. Жаль, что без Татьяны Эдуардовны... <...> Напиши мне, пожалуйста, тему своего доклада. Может типа «Ленин и Толстой»? Майданский, думаю, даст доклад по Марксу. <...> Пиши. Я очень рад. С огромным приветом В.Р.

27 мая 2018 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Надеюсь, ты немного отошел от той кучи дел, которые тебе предстояли. <...> В конце будущей недели я пришлю тебе тезисы своего выступления на конференции. Тему его я определил так: «Проблема насилия: социально-философские и морально-этические аспекты». <...> Крепко обнимаю тебя. Мой поклон Ольге Николаевне. Твой Н.Р.

3 июня 2018 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович, добрый день! Вся неделя была ещё более хлопотная – от моего дня рождения до бракосочетания Лёшки (вчера), – так что сел писать ответ только сейчас. Ещё перешёл на неделе в БелГУ Сергей Борисов, мой ученик (был в БГИИК проректором), теперь мне труднее будет здесь. <...> Хотя сотрудничать с

университетом станет легче (я ведь и там работаю). Хотел даже совет на Сергея сбросить, но ректор против. Мне интереснее было бы в университете, но там развели такую формалистику и бумаготворчество, что я не выдержу. <...> Наверное, в этом ряду можно рассматривать и конференцию. <...> Вот такие у меня новости. С нетерпением тебя жду. Передавай привет Татьяне Эдуардовне. И сожаление, что она не приедет. С огромным приветом В.Р.

11 июня 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, доброе утро! Извини, что молчал. В пятницу три защиты, готовлю их, да ещё читаю выпускных аспирантов. Хочется скорее в отпуск. Как у Вас дела на работе? А почему Татьяна Эдуардовна не дала свою тему? Будет участие заочное (апробация). Сейчас срочно напишите тему. Можно статью потом (опубликуем по итогам конференции в журнале ВАК). Главное, будем собирать материал на коллективную монографию в Москве – не менее 1 п.л. (деньги выделили). <...> Вот такие новости. Обнимаю, Ваш В.Р.

16 июня 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! Вчера наконец завершил эпопею с защитами – все три прошли нормально. <...> Мы ещё год будем работать этим советом, а потом перейдём на автономный статус, т. е. будем присваивать степени без ВАК. <...> А в ближайшее время подъедет Саша Дегтярёв – он вчера был оппонентом, сейчас бродит по Белгороду. Он ведь с 1988 по 1992-й здесь работал, а теперь Белгород и область не узнал, так всё преобразилось. Мы были немногими, кому «реформы» хоть что-то хорошее принесли. <...> Решил с завтрашнего дня свернуть все диссертационные заморочки, отложив на лето. И занимаюсь сам своим докладом на конференцию. Хоть и так у меня есть материал, но я хочу что-то новое помыслить. Пиши, как здоровье и настроение. Крепко обнимаю, желаю здоровья. В.Р.

7 июля 2018 г.

Н.П. Рагозин: Привет, Виктор Павлович! Действительно, неожиданно закончились деньги, разговор прервался, а потом другие хлопоты отвлекли. <...> Спасибо за присланную статью. Я подобрал материал и хотел бы написать её продолжение с освещением дальнейшего разворота дискуссии об университете в немецкой классической и современной философии. Эти сюжеты продолжают сохранять актуальность, поскольку вопрос о назначении университета в системе образования и в наши дни заслуживает самого тщательного обсуждения. Тем более, что в постсоветский период в подходе к образованию возобладал самый примитивный рыночный (а, пожалуй, и просто базарный) подход. <...> Поклон Ольге Николаевне. Будь здоров. Твой Н.Р.

10 июля 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, доброе утро! Шлю окончательный вариант статьи и журнала. У меня маразм продолжается – Петар Боянич выбросил посадочные талоны на самолёт, и теперь меня гнобят. Лучше бы и не связывался с конференцией этой... <...> Как вы? Пиши. Обнимаю, твой В.Р.

11 июля 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! Спасибо за опубликованную статью. Очень жаль, что конференция оставила после себя проблемы. Бюрократические процедуры, которыми обложена научная работа, отбивают желание заниматься наукой. Я как-то раз организовал семинар в Донецке, посвященный Петрову. Пригласил ростовчан – Тищенко, Дубровина, Ерыгина, Макаренко. Они пробыли в Донецке 3 дня, а после их отъезда я 10 дней собирал бумаги для отчета нашей бухгалтерии. Расходы были

копеечные, но на каждую копейку нужно было представить оправдательную бумажку. После таких мероприятий организовывать новые желание пропадает надолго. <...>

Обнимаю, твой Н.Р. Мой поклон твоей супруге.

5 августа 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! Извини, что сразу не ответил. <...> А так отредактировал несколько диссертаций для выставления на защиту (одна моего клиента). В институте провели набор в магистратуру и аспирантуру: я не принимал экзамены, но за процессом следил.

Не оставляю намерений съездить в Ростов – я ведь так и не побывал в родовой станции в прошлом году. Но привык свои планы доводить до конца. Да и могилки родных надо проверить, особенно те, что обустроили по весне. <...> Что-то творческое всё равно не могу писать до середины августа, до спада жары (это всегда так было, что от середины июля до середины августа у меня мёртвый сезон). Прикрепляю книгу, но я её хочу ещё отредактировать, усилить злободневный аспект, критику нынешнего режима.

Передавай привет Татьяне Эдуардовне. Крепко обнимаю, твой В.Р.

19 августа 2018 г.

В.П. Римский: Добрый день, Татьяна Эдуардовна и Николай Петрович! Статью, разумеется, опубликуем (желательно в 4 выпуске). Шлите ещё для тульского журнала ВАК (шлю журнал – образец оформления). <...> Мне снится работа, но почему-то университет, а не институт культуры. Что значит там почти всю жизнь проработал. Меня больше напрягает не начало работы, а как позиционировать кафедру – ведь нас объединили в другой факультет, а я там не хочу быть. У нас и в стране, и в вузах механически что-то меняют, не меня персоналии и стратегические цели, но при этом хотят получить какое-то «новое качество», а так не бывает: на старом пне вырастают старые грибы, и часто подпорченные плесенью. <...> Я почти четверть века заведую разными кафедрами и никогда не стоял на месте, всегда что-то менял, часто опережая время. Вот такие новости в нашей волости... Мы с Олей желаем вам провести остаток отпуска в здравии и бодром духе. Ваши Римские.

21 августа 2018 г.

В.П. Римский: Дорогие Татьяна Эдуардовна и Николай Петрович, доброе утро! <...> Я почти всю свою основную преподавательскую жизнь, что в основном прошла в Белгороде, только и делал, что переустраивал среду преподавания. То кафедры переименовывал и реформатировал (в 1990-м году по моему настоянию переименовали в тогда ещё пединституте кафедру «м.-л. философии» на кафедру «философии и культурологии»; бывшую с 1995 г. кафедру «культурологии и религиоведения» сделал, будучи зав. кафедрой, кафедрой культурологии и теологии), то факультеты создавал, то в другом вузе, БГИИК, занимался аналогичным через своего ученика... Вот и сейчас занялся переименованием кафедры «философии и истории науки» на «философии, культурологии, науковедения». Может, и шило на мыло, зато нигде такой и нет... Шучу, тут возникла необходимость выживания; заодно перехожу и на другой факультет, наш старый объединили с другим <...>. Я и планировал, что мы поедем 8 сентября в Тулу (в Ясную Поляну) на толстовские чтения, а потом у меня 12-го экзамен у аспирантов в Калуге, но теперь и не знаем... Вот такие у нас пока дела. Пишите. Мы рады весточкам из Донецка. С огромным приветом, ваши Римские.

26 августа 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! Извини, что не сразу тебе отвечаю. Возился с окончанием своего доклада о проблеме насилия, который обещал тебе прислать. Теперь в прикрепленном файле высылаю его. Я в своем тексте довольно жестко

прохожусь по российскому «философскому генералу» – академику А.А. Гусейнову. Это не смутит редакционную коллегию журнала? Какие ветры дуют из Москвы?

Мы пока свободны от тщательного пригляда российской столицы в идеологической сфере. Но в политической уже свободы нет. Сказали коммунистов не пушать в политику, и не пушают.

Я прочел цикл статей Ю. Полякова о русском вопросе. Во многом я с ним согласен, в особенности с тем, что он пишет о современном состоянии в России. Но поднимаемые им вопросы имеют и более глубокую подоплеку, которую в публицистике не осветить.

Речь идет о тенденциях и закономерностях этногенеза. Это касается не только понимания (примордиализм – конструктивизм) истоков образования наций, но и последующего их развития. В известной мне научной литературе эти проблемы слабо либо вообще не освещены. Какие проблемы я имею в виду? Все ли этносы в своем развитии непременно должны перейти от этногенеза к политогенезу, к образованию собственных государств? Почему некоторые даже многочисленные этносы не пытались создавать собственные государства? Есть ли резон в гегелевском делении народов на исторические и неисторические? Всегда ли политогенез должен завершаться либо образованием национального государства, либо образованием империи? (А у Полякова именно в этой «вилке» рассматривается политическое развитие этноса.) В чем причины сбоев национальной политики в СССР? При том, что его достижения огромны. Поляков прав, с тревогой ставя национальный вопрос в России в повестку общественного обсуждения. Но обсуждение этого вопроса исключительно в культурно-политической сфере не даст полной картины. Есть экономические основы существования этносов и наций, которые в условиях капитализма отнюдь не способствуют «расцвету и сближению наций». И если эти аспекты национального вопроса исключить из рассмотрения, то найти пути решения этих проблем, я думаю, не удастся.

Поле для обсуждения огромное. Но требуется время и серьезные люди, готовые всесторонне исследовать и обсуждать эти проблемы. Есть ли такие люди и есть ли платформа для обсуждения?

9 сентября 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна доброе утро! Понимаю, что обнаглел с задержкой ответа. Извините. Наконец запустил учебный процесс... и собрался почти на неделю в Калугу на госэкзамен – через Тулу (там заскачу на пару часов на Толстовские чтения). <...> В Калуге у меня аспирантский ГЭК у Лыткина Володи – но реально просто встреча друзей. У него есть дом в пойме Оки, недалеко от Оптиной: шикарный вид и тишина. Хоть чего-нибудь попьём под дружескую беседу...

Но мы очень были взволнованы гибелью Захарченко. А у меня лично потом вообще крыша поехала, когда после избрания Пушилина врио начали прессовать близкое окружение Захарченко типа «Ташкента» – ведь это чётко льёт на мельницу укропам с их версией «следа России» и «внутренних разборок». Что это было и есть? Будет ли война? Вы же более информированы... Николай Петрович, чем ты сейчас занят? Состоишь ли в республиканском совете? У нас сегодня «единый день голосования»... Ольга собирается портить бюллетень, а я проголосую за коммунистов – больше не за кого...

Сейчас буду доделывать журналы перед отъездом. Пишите. С дружеским огромным приветом Римские.

9 сентября 2018 г.

Н.П. Рагозин: Доброе утро, Виктор Павлович и Ольга Николаевна! Это хорошо, что есть возможность развеяться. У нас, к сожалению, сейчас такой возможности нет. Ситуация и на работе, и в республике сложная. На работе растёт нагрузка одновременно с сокращением штатов. Вуз не выполнил план набора и теперь министерство нас прессует.

Ну а в республике напряжение связано не только с гибелью Захарченко, но и с объявленными выборами Главы республики и Народного Совета, которые хотели отложить, но гибель заставляет теперь их проводить. Что касается Ташкента и Пушилина, то по отношению к ним в республике давно было недовольство. Ни один, ни другой не пользовались доверием и уважением граждан. Пушилин давно исподтишка конкурировал и подсиживал Захарченко. Теперь же он стал врио Главы республики, одновременно сохранив за собой пост председателя Народного Совета, который он давно подмял под себя и сделал из депутатов послушных «кнопкодавов».

В Народном Совете были два человека, которые высказывали свою точку зрения и голосовали так, как считали нужным – Борис Алексеевич Литвинов и я. Но нас ещё в мае 2016 года лишили депутатских мандатов. И все эти годы Компартию ДНР, которую мы представляем, не допускали к средствам массовой информации, пытались не пускать на демонстрации, а если пускали, то нашу колонна была для СМИ «невидимкой». И это несмотря на то, что наши друзья из КПРФ (единственная партия России!) регулярно присылали в ДНР колонны с гуманитарной помощью, вывозили наших детей на отдых в Россию и 5 или 6 раз ставили в Госдуме вопрос о признании РФ ДНР и ЛНР.

Сейчас нам предстоит борьба за то, чтобы нас допустили к участию в выборах. Надо сказать, что и покойный Захарченко, и Пушилин против участия нашей партии в выборах. Посмотрим, как Пушилин отредактирует избирательный закон и какие установки будут даны Центральной избирательной комиссии. Её, кстати, в новом составе назначили на том же заседании Народного Совета, на котором Пушилина сделали ио Главой республики. При этом половина состава ЦИК назначается Народным Советом, а вторая половина – Главой. Обе же эти должности совмещает Пушилин. Вот такая «картина маслом». В российских СМИ, к сожалению, эта картина сильно ретушируется.

Виктор Павлович, ты спрашиваешь «будет ли война?» Это уравнение с очень многими неизвестными. Известно одно – решение о войне будет приниматься в Вашингтоне. Что сподвигнет Вашингтон на такое решение сказать трудно. Возможна такая связка: Россия выдавит США из Сирии, и тогда ей начнут «поджаривать бока» в Донбассе. Могут быть и другие поводы для развязывания боевых действий.

Но России уже пора понять, что Украину нужно демонтировать, а не пытаться засунуть туда Донбасс. Пока существует Украина, у России будет враг.

Вот такие наши дела. С дружеским приветом Рагозины.

16 сентября 2018 г.

Н.П. Рагозин: Виктор Павлович! Таня мне сказала, что 18-го тебе предстоит операция. Вчера мы заказали в церкви молитвы о твоём здоровье и сами от всей души желаем тебе скорейшего выздоровления. Насколько я знаю (мне самому в скором времени придется делать такую) операция эта в медицине уже давно отработана и проходит успешно. Только после операции не спеши вскакивать и бегать. Отлежись, побереги себя, выполняй медицинские предписания.

Крепко обнимаю. Николай Рагозин

29 сентября 2018 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович! Полдня водил муму, собирался тебе написать, уже сел и в последний момент прочитал, что на съезде компартии в ДНР был теракт. Сразу обеспокоился о тебе: был там? Как ты? Я в принципе нормально. Вчера сняли швы, так я на радостях и накануне вынес тяжёлый мешок с мусором, и вчера по дороге из больницы схватил корзину, набросал товар... Так немного побаливает теперь. А вообще всё это лечение надоело. Но и работать не захотел... Тихонько выпускаю людей на защиту и взялся за монографию, в связи с этим вопрос: сможешь ли ты свою статью по насилию расширить? Или её включать в монографию в первом варианте (она напечатана в НИК, шлю)? <...> Поклон Татьяне Эдуардовне от нас. Твои В.Р. и О.Р.

29 сентября 2018 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Я был на съезде. Там принималось решение о нашем (партии) участии в выборах Народного Совета. Такое решение было принято вопреки рекомендациям наших кураторов. Был выдвинут список кандидатов в депутаты из 18 человек, в который вошел и я. Съезд уже завершил свою работу, и народ начал расходиться, но оставалось еще много людей. Кандидаты собрались в одной из комнат нашего здания для обсуждения вопроса о том, как и какие документы для регистрации нашего списка нам нужно будет собрать. В это время в холле нашего здания прогремел взрыв и загорелась мебель, входные двери вынесло ударной волной.

Во время взрыва в холле было довольно много людей, поскольку некоторые из них подписывали листы в поддержку одного из кандидатов на должность (Игорь Хакимзянов) Главы республики. Игорь самовыдвиженец, но поскольку он состоял в нашей партии, то ему разрешили собирать подписи среди делегатов съезда. Сам он тоже находился в холле и при взрыве пострадал (опалило лицо и загорелась одежда). Взорвалось безоболочное, т. е. не начиненное железками, взрывное устройство. Поэтому пострадавших немного, скорее это было акт запугивания. Но осколками мебели и стульев двоих женщин поранило. Устройство было в пакете, который кто-то оставил в холле возле стульев. Вероятно, взрыв был посланием Хакимзянову. Если бы желали сорвать проведение съезда, то взорвали бы эту штуку в зале во время съезда.

Избирательная кампания приобретает характер жесткой рубки. Сегодня же должен был проходить съезд другой организации («Свободный Донбасс»), которая собиралась выдвинуть свой список кандидатов на выборах парламента. У этой организации (она создана «народным губернатором» Павлом Губаревым) есть своя фракция в парламенте, которую возглавляет жена Губарева – Екатерина. Появилось заявление П. Губарева, что его жена Екатерина пропала, она не явилась на съезд «Свободного Донбасса», и этот съезд отложен. А сегодня последний день подачи заявок общественно-политических организаций на участие в выборах парламента ДНР. Не знаю, какое решение в связи с этим примут наши власти. Вот такая интрига событий.

Спасибо за публикацию статьи. Я ее перечитаю и подумаю над твоим предложением о расширении. Но какие параметры расширения? Напиши мне, и я сразу отвечу. В заключение опять повторю свой призыв: береги себя. Не таскай тяжести.

Поклон О.Н. Обнимаю, твой Н.Р.

30 сентября 2018 г.

В.П. Римский: Дорогой Николай Петрович, доброе утро! Вот видишь, я не зря волновался – ты там был... Ну, и дела у вас там! <...> Ведь манипулировать политикой можно и похитрее, но, если она, эта манипуляция, опирается на реальные программы, проекты и дела. Топорная работа... Мы и в РФ получаем только виртуальность: в экономике, политике, культуре... Я так понимаю, что дядя Зю вам тоже не помогает, т.к. он и здесь компартию виртуализировал? А у вас проводят эксперимент по уничтожению компартии как таковой. А почему вы не сделали какое-либо политическое образование с более широкой «левой» платформой? Одним воспоминанием об СССР (оно необходимо) людей не поведешь: надо ориентироваться и на молодёжь, и на средний возраст. Я выдвинул идею о «субкультурных революциях», начиная с 1968 года (и включая все «цветные»), которые имели под собой размытого «революционного субъекта», но так или иначе вдохновлялись идеей и практиками прямого народовластия, вполне заложенными в наших Советах, потом испоганенными, возрождёнными и вновь испоганенными Горбачёвым; вроде бы явленными в ваших «народных республиках»... Эту идею о «прямом народовластии» высказывала и Х. Арндт, человек вполне не «коммунистический». Оно и было самым «демократическим»: начиная с античного полиса и заканчивая Советами. <...> Огромный привет Татьяне Эдуардовне от Ольги и от меня.

Когда к нам приедете в гости? Обнимаю. Ваш В.Р.

22 октября 2018 г.

Н.П. Рагозин: Дорогой Виктор Павлович! Поражаюсь твоей работоспособности. В такой короткий срок сделать коллективную монографию мало кому дано. Когда выйдет из печати, сделаю рецензию на нее в наш журнал «Культура и цивилизация». Что касается личных данных, то в моих прошу указать просто г. Донецк, ДНР (или Донецкая Народная Республика) без упоминания Украины. Я так счастлив, что мы разорвали связи с этим безумным псевдо-государством и надеюсь, что никогда в него не вернемся. Спасибо за публикацию. Будь здоров и береги себя. Крепко обнимаю. Твой Н.Р.

28 октября 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, доброе утро! Сегодня потеплело с утра, и я, разумеется, на перепад погоды опять проснулся рано. Мне кажется, у нас в совместной главе даже хорошо получилось с моим дополнением из Энгельса и трактовкой Марксова «ненасилия». Сегодня пытаюсь дополнить свой текст о толстовском ненасилии ещё некоторыми соображениями в новой статье (болванка на конференцию была). Там были интересные контексты: реакция Толстого на «Вехи»; критика непротivления Розановым в 1896 г.; ненасилие в версии Дм. Хомякова в 1907 г.; хочу поставить вопрос: почему Ганди с его индуизмом удалось продвинуть практики ненасильственного действия в политику, а Толстому – нет? Идея такая: ментальные различия индуизма, соединённого с англо-либеральными «правами человека», от русского православия с его державностью (у Толстого поэтому анархизм взял верх над правозащитником – Розанов за это и критиковал Толстого с позиций ортодоксальности, заявляя – «суд дело святое»). Путаница насилия с силой у Толстого и других, хотя сопротивление ненасильственное – это не сопротивление насилием, что и проявилось у Ганди. Для развития последней темы надо, правда, писать отдельно. А ведь все те споры не потеряли актуальности до сих пор. <...> Мы вам шлём огромный привет и пожелание крепости телесной, душевной и духовной. Ваши Римские. Да, завтра сделаю согласие.

28 октября 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый день, Виктор Павлович! <...> Касательно твоих размышлений о Толстом я хотел бы высказать такие соображения. Мне кажется, что на Толстого, особенно его позднего периода творчество, следует смотреть, имея в виду меткое высказывание Ленина о том, что «до этого графа в русской литературе не было настоящего мужика» (цитата по памяти). А у мужика за столетия рабского существования накопилось столько ненависти к цивилизации, которая разрушала его простой патриархальный быт, тащила в чуждые ему войны, душила полицейским произволом, грабила ради барских забав, что он готов был бежать от этой цивилизации на край света, чтобы устроить свой собственный мир. У русского крестьянства были свои социальные утопии и попытки их практической реализации. Есть очень интересные монографии А.И. Клибанова, посвященные этим сюжетам. <...> Ненасилие Толстого – это сформулированная на языке европейской культуры крестьянская мечта о крестьянском мире (мире как общине, в которой не будет насилия и войны).

Но как крестьянину вырваться из мира насилия в мир без насилия? Мир насилия не отпускает, и крестьяне бунтуют против этого проклятого мира. А крестьянский бунт, как писал Пушкин, бессмысленный и беспощадный. Толстой пытался разрешить это противоречие в своей программе ненасильственных действий, но она, по моему мнению, столь же утопична, как и её конечная цель – крестьянский мир, сбежавший из цивилизации.

Замечу, что противоречивость и утопичность этой системы взглядов проявляется и в собственном творчестве Толстого. Когда он забывает о своих теориях, а выступает как гениальный художник, верный правде жизни, он с пониманием абсолютной справедливости пишет о дубине народного гнева, поднявшейся против наполеоновского

нашествия, которая гвоздила захватчиков до тех пор, пока не вышибла их из России. Получается, что дубина в иных случаях – замечательное средство против насилия. Poleмика дворянско-разночинской интеллигенции, которая накинута на теорию ненасилия Толстого, это полемика со своеобразной крестьянской идеологией – толстовством, которое было бледным отблеском глубоких противоречий его мировоззрения.

Отчего проповедь ненасилия Толстого получила отклик в Индии, у Ганди? Индия, как и Россия, крестьянская страна, с тем отличием, что индийский крестьянин, помимо гнёта своих господ, испытывал еще и гнёт господ заокеанских. Борьба с заокеанским гнётom на время отодвинула противоречия со своими угнетателями и позволила создать единый общенациональный освободительный блок + ослабление европейских колонизаторов, которых потрепала Вторая мировая война + высочайший нравственный авторитет самого Ганди = принесли успех ненасильственной борьбе. Но уже на следующий день после победы общенациональный освободительный блок раскололся и никакие призывы Ганди к сохранению единства страны не помогли. Более того, и самого отца освободительного движения, «душу Индии» убил фанатик. А потом убили его преемника – Д. Неру, и его дочь – Индиру Ганди.

Виктор Павлович! Ты понимаешь, что то, что я написал, не является апологией насилия и насмешкой над идеями ненасилия. Я бы очень хотел жить в мире, где нет насилия. Но к нему ведет очень непростой и долгий путь. И пройти его без борьбы не удастся. А в этой борьбе порой складываются такие ситуации, когда насильники (или их обслуга) медоточиво проповедуют ненасилие своим жертвам.

<...> Здравья тебе и Ольге Николаевне. Крепко обнимаю. Твой Н.Р.

18 ноября 2018 г.

Н.П. Рагозин: Доброе утро, Виктор Павлович! <...> Высшая школа, – если в ней работать, а не тянуть просто педагогическую лямку, – одна из самых интенсивных сфер деятельности. Понятие ненормированного рабочего времени для нас имеет самый наглядный вид. По сути, рабочий день у нас заканчивается только тогда, когда мозг отключается, а понятия отпуска и выходных имеют только тот смысл, что в эти дни ты можешь не ходить в присутственное место.

Я представляю, что означает аккредитация. Мы в прошлом учебном году проходили аккредитацию в нашем министерстве (МОН ДНР), а теперь перед нами ставят задачу пройти аккредитацию в России, чтобы иметь право выдавать дипломы российского образца. Понятно, что никто не считает сколько времени потребуется на составление всех этих бумаг, и как это скажется на учебном процессе и занятиях наукой. Чем выше аккредитационные требования, тем ниже качество образования. И похоже это не только устраивает образовательную бюрократию, но и входит в её тайные планы. Как только ученые начнут «качать права», им сразу же можно напомнить, что они не прошли аккредитацию или не соответствуют аккредитационным требованиям. Но никто не скажет, что не соответствуют, именно потому прошли аккредитацию. И обрати внимание – в аккредитационных требованиях ничего не написано об условиях труда и оплате работы преподавателя. <...> Успехов тебе в твоих хозяйственных делах. Наш с Т.Э. поклон Ольге Николаевне и пожелания выздоровления.

24 ноября 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! <...> Через неделю собираюсь в Москву на симпозиум в прямом смысле – будет в кафе. Ребята затеяли «русское философское движение» – это была ещё моя и Володи Варавы старая идея. Если что получится, то подтянем и «донецких русских философов». Я просто хочу развеяться. Потом напишу подробнее. Сегодня уже ничего не могу делать. Буду просто читать и спасать. Привет вам от Ольги. И я с огромным приветом и желанием увидиться-встретиться. Обнимаю, ваш В.Р.

5 декабря 2018 г.

В.П. Римский: Николай Петрович, добрый день! <...> Я в пятницу – воскресенье был в Москве на мероприятии «Русского философского движения»¹. Не знаю, что получится из «движения», но задумка нормальная. Я им предложил проект издания журнала «Русская философия» на русском и английском (учредители Москва, Белгород и Белград). Буду прорабатывать более основательно концепцию. А завтра надо участвовать в мосте по интернету с МГУ по теме «Русская герменевтика»². А тут ещё третий день стою на ушах из-за отзывов по диссертациям на 21 декабря – вывесить надо сегодня... <...> С сердечным большим приветом, ваш В.Р.

23 декабря 2018 г.

В.П. Римский: Добрый вечер, дорогой Николай Петрович! Уже вечер, так как около пяти – и уже почти стемнело. Хотя, к нашей радости, солнце уже повернуло там, далеко, на лето...

Я отстрелял две защиты и принял уже четыре на следующий год. Устал страшно. Немного снял стресс, а сегодня занимался трудотерапией – чистил талый снег на въезде во двор и дорожки в саду, так как впереди морозы. <...> На основной работе – одна головная боль, начали готовиться к аккредитации, которая ещё через два года. Философ каждый день готовится к смерти, а вузовские бюрократы – к аккредитации... Завтра последний в году учёный совет. Хочу сесть за свои тексты: один в Вопросы философии (по участию в круглом столе по русской герменевтике), а второй – в виде главы в коллективную монографию по русской философии (1 декабря был на симпозиуме «Русского философского движения»). Ещё сдал кучу статей впрок на следующий год, а то в этом году статей выпустил мало (они нужны для стимулов).

Вы собираетесь открыть совет – это громадная головная боль, потому держитесь. Даренского докторская пока только попала в экспертный совет на 26.12, а утвердят скорее всего уже в январе. Они там с рассмотрением тянут резину. Когда выпишут диплом доктора – непонятно... Поэтому вы его можете в совет включить, указав номер приказа (будет известен возможно в конце января). Вот такие наши дела.

Я с тревогой смотрю на телодвижения укро-уродов и волнуюсь за Донбасс. Держитесь. Крепко обнимаю. Привет вам от Ольги. Твой В.Р.

30 декабря 2018 г.

Н.П. Рагозин: Здравствуй, дорогой Витя! Извини, что не сразу пишу. Было много предпраздничной суеты и на работе и дома. Надеюсь, что рождественские каникулы дадут время немного позаниматься для себя. Пообщаться с друзьями, кое-что почитать, набросать заметки и т.п. У вас, кстати, тоже будут рождественские каникулы? <...> Я не понял историю с вашим Советом по защите. Это плановая перерегистрация в связи с истечением срока полномочий или изменение его статуса? <...> Вообще я опасаюсь, что переход к присуждению ученых степеней университетами, а не ВАКом, может ударить по учёным России. В рамках экономии средств на образовании, которую проводит правительство, это может привести к тому, что учёную степень, полученную в университете X, только в этом университете и будут признавать и оплачивать. Витя, тебе не кажется, что возможен такой сценарий дальнейших событий? Я думаю, что люди, которые спешат защититься в нереформированных Советах, поступают правильно. Инстинкт подсказывает, что после реформ редко бывает лучше.

Бюрократия и деньги правят образованием. Ты пишешь о подготовке к предстоящей аккредитации, а мы только что её прошли. Но прошли внутреннюю, в ДНР, но теперь

¹ См.: Русская философия в России и мире: колл. монография Науч. ред. В.В. Варава. М.: Объединённое движение «Русская философия», 2019. 196 с.

² См.: Римский В.П. Как возможна русская философская герменевтика? // Вопросы философии. № 10. Москва, 2019. С. 27-31.

наше министерство ставит перед нами задачу пройти аккредитацию в России. Мы стали наводить справки и пришли в ужас. Нужно заплатить громадные деньги в Агентство и подготовить тонны бумаг. <...>

Впрочем, хватит о делах. Все-таки завершается еще один год нашей жизни и приближается новый. Вопреки всему мы старались честно делать свое дело на пользу своей Родины. Можно подводить итоги и заглядывать в будущее. Виктор Павлович и Ольга Николаевна! С наступающим вас, Новым годом! Желаем хорошо его встретить у домашнего очага, в кругу семь и детей! Здоровья Вам, сил и творческой энергии для осуществления ваших планов. Здоровья и благополучия всем вашим родным и близким. Ваши Николай и Татьяна Рагозины.

30 декабря 2018 г.

В.П. Римский: Добрый день, дорогой Николай Петрович! Спасибо за письмо и поздравление. Вчера мы получили поздравление и от Татьяны Эдуардовны. Посмотрели её ролик. Она молодец, человек творческий, не потеряла, как и ваши коллеги, интереса к преподаванию. У вас есть подготовка философов или только философские курсы преподаёте? А я, честно говоря, устал от преподавания. Разочаровался и в подготовке философов, которую в своё время открыл в «НИУ БелГУ».

Я речь и веду о совете на базе «НИУ БелГУ», где я работаю на полставки и устал быть председателем – передаю руль своему ученику, Сергею Борисову. И этот совет, действительно, превращается во «внутренний», потому нас и завалили диссертациями. Хотя я постараюсь в первую очередь закончить дела с нашими диссертациями. Ты прав, что «внутренние советы» могут быть дискредитированы. <...> Планирую в течение года сделать и свою коллективную монографию по русской философии «Гетерогенный хронотоп русской философии»*. Есть ли у вас материал для неё (это могут быть и опубликованные статьи не менее 1 п.л.)? Кстати, шлю макет нашей монографии – и её надо редактировать на каникулах. Работы полно. <...> И в конце, дорогие Николай Петрович и Татьяна Эдуардовна, поздравляем вас с наступающим Новым годом и грядущим Рождеством! Желаем телесного здоровья, душевного равновесия перед лицом всех испытаний, творческих свершений и простого повседневного счастья. Ваши Римские, Ольга и Виктор.

30 декабря 2018 г.

Н.П. Рагозин: Добрый вечер, Виктор Павлович! На кафедре философии до войны (2014 г.) велась подготовка философов-религиоведов. Эта специальность к нам пришла после того, как в 2011 году закрыли Университет искусственного интеллекта и его преподавателей и студентов передали ДонНТУ. Этот университет был жутким гадюшником грантоедов и выполнял программу подготовки кадров для духовного возвращения народа через разнообразные сектантские организации, с которыми они тесно сотрудничали. Когда началась война, все преподаватели этой байды смотались в Киев и оттуда злобно поливают нас. Таня, когда она возглавила кафедру в 2014 году, получила в «подарок» 5 недоучившихся студентов, которые не поехали на украинскую сторону. Сейчас они доучиваются, и эта лавочка закрывается. На кафедре нет необходимого количества специалистов, а у студентов-абитуриентов нет желания учиться философии.

Должен сказать, что у молодежи я не вижу особого желания изучать социогуманитарные дисциплины. Я в этом учебном году согласился прочесть пару спецкурсов по политическим наукам в классическом университете (ДонНУ) и очень жалею о потерянном времени. Студенты ничего не хотят читать, мало чего знают и «расшевелить» их невозможно. Как ни странно, но со студентами, которым мы читаем общеобразовательные курсы иной раз легче и приятней работать, чем с теми, которые вроде как собрались становиться профессионалами. <...>

* Увы, только сейчас, весной 2026 года я заканчиваю подготовку этой монографии к печати.

Что касается совета, который организывают у нас в Донецке, то здесь дело обстоит таким образом. Совет создают сообща, на ДНР и ЛНР. Создают на базе нашего торгового университета, где ректором моя бывшая аспирантка. Она обратилась ко мне за помощью в привлечении рос. философов, в чем я ей и оказал содействие. Но сам я в состав совета не планирую входить, а потому все тяготы с его открытием и работой меня не касаются. Мне в этом совете нужно будет защитить двух моих аспирантов – вот это и есть моя «ноша». <...>

Ну, буду заканчивать. Еще раз поздравляю Вас с Ольгой Николаевной с наступающим праздником. Всего Вам самого доброго! Ваш, Н. Рагозин.

Post scriptum

Невысокосный 2018 год был полон важных и трагических событий в мире и России: от послания президента В.В. Путина Федеральному собранию 1 марта (с демонстрацией «мультиков», ставших до и в ходе СВО явью) и выборов Президента России 18 марта, открытия в мае Крымского моста и летнего чемпионата мира по футболу до отстранения России от официального участия в февральских XXIII Зимних Олимпийских играх (Республика Корея), трагедии в Керченской колледже (первая заявка о криминальной субкультуре колумбайн-сообществ) и ТГ «Зимняя вишня», катастрофе Ан-148 в Подмосковье, фарса с «делом Скрипалей» и украинским «прорывом» в Керченском проливе – странно, но почти ничего, не считая упоминания вскользь чемпионата по мира футболу, не отразилось в нашей переписке за тот прошедший год. Почему нас больше волновали региональная политика – военный конфликт на Донбассе (конечно, это то особенное, что отражает «всеобщее») и прежде всего чисто «корпоративные» академические проблемы в увязке с частной жизнью и воспоминаниями юности, нежели «большая политика», «достижения новой России» или «идеологическая борьба» в мире спорта? Даже непопулярная пенсионная реформа нас не волновала – понятно, что мы оба были уже на пенсии, но ведь это было такое нарушение «социальной справедливости», разрушение ещё одного из завоеваний советской власти...

Для меня всё это до сих пор остаётся загадкой. Возможно, это было какое-то вселенское предчувствие грядущего ухода в личную и частную жизнь в условиях «чрезвычайной ситуации» эпидемии ковида, а затем грянувшей СВО, когда и Белгород, как и Донецк, оказался в прифронтовой зоне? Такое дежавю, будто мы вновь погружаемся в частную жизнь, «разговоры на кухне» и творческие «игры в бисер», как когда-то в «годы застоя», под давлением бюрократического цензурирования политики и наступления на свободу мнения, которые никак не оправдываются военными событиями в СВО и становлением «многополярного мира» с соответствующей «идеологической борьбой».

Наверное, здесь сказалось и возрастная темпоральность, когда в «стоической решимости» живёшь прошлым и настоящим, а впереди непонятная экзистенция «бытия к смерти» (Хайдеггер).

Список литературы

- Аббасов Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. 2017. Великая Русская революция: модернизация Модерна? *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*, 42-24 (273): 81-90.
- Борисов С.Н., Игнатов М.А., Римский В.П. 2015. Университет как институт производства и капитализации научно-инновационного знания в современном образовании и культуре. *Образование и общество*, 6(95): 17-21.
- Борисов С.Н., Игнатов М.А., Римский В.П. 2015. Интеллектуал и его собственность в эпоху современности. *Образование и общество*, 6 (95): 65-69.
- Культурный капитал. 2016. Инновации. Наука (От писцовых школ к «обществу знаний»): колл. моногр. Под ред. И.Б. Игнатовой, О.Н. Полухина, В.П. Римского. Белгород, Эпицентр, 252 с.
- Марксизм и современность: альтернативы XXI века. 2018. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 года. Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк, ДОННТУ, 290 с.

- Рагозин Н.П. 2017а. Метаморфоз науки в эпоху капитала. *Культура и цивилизация (Донецк) Научный журнал*, 1(5): 7-22.
- Рагозин Н.П. 2017. Рождение идеи университета в немецкой классической философии. Ч. 1. *Наука. Искусство. Культура*, 3(15): 66-75.
- Рагозин Н.П. 2018. Обоснование идеи университета в немецкой классической философии. Ч. 2. *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*, 43(2): 215-220.
- Рагозин Н.П. 2018а. Проблема насилия: социально-философские и морально-этические аспекты. *Наука. Искусство. Культура*, 3(19): 49-57.
- Римский В.П. 2017. Дни печали и скорби: Повести, рассказы, эссе. М.: Летний сад, 512 с.
- Римский В.П. 2019. Как возможна русская философская герменевтика? *Вопросы философии*, 10: 27-31.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2018. Понимание интеллектуального труда у К. Маркса и П. Бурдьё. В кн.: *Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2018 г.* Отв. ред. Рагозина Т.Э. Донецк, ДОННТУ. С. 36-44.
- Римский В.П., Аббасов Р.Г. 2018. 1968 год: первая субкультурная революция. *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*, 43(3): 437-442.
- Римский В.П., Аббасов Р.Г. 2018а. Субкультурные революции в культурно-исторической типологии. *Наука. Искусство. Культура*, 3 (19): 5-23.
- Римский В.П., Римская О.Н., Мюльгаупт К.Е. 2018. Философско-богословские смыслы полемики И.А. Ильина и Л.Н. Толстого. *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*, 43(4): 782-787.
- Римский В.П., Римская О.Н., Мюльгаупт К.Е. 2018а. Логические и философские смыслы полемики И.А. Ильина и Л.Н. Толстого. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 4: 112-123.
- Русская философия в России и мире. 2019: колл. Монография. Науч. ред. В.В. Варава. М., Объединённое движение «Русская философия», 196 с.
- Философия войны и мира, насилия и ненасилия. 2019. Под ред. В.П. Римского. Москва, Академический проект, 462 с. (Философские технологии).

References

- Abbasov, R.G., Borisova O.S., Rimsky V.P. 2017. The Great Russian Revolution: Modernization of Modernity? *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series "Philosophy. Sociology. Law"*, 42-24 (273): 81-90.
- Borisov S.N., Ignatov M.A., Rimsky V.P. 2015. University as an Institute of Production and Capitalization of Scientific and Innovative Knowledge in Modern Education and Culture. *Education and Society*, 6(95): 17-21.
- Borisov S.N., Ignatov M.A., Rimsky V.P. 2015. The Intellectual and His Property in the Modern Era. *Education and Society*, 6 (95): 65-69.
- Cultural Capital. 2016. Cultural Capital. Innovations. Science (From Scribal Schools to the "Knowledge Society"): a collective monograph. Edited by I.B. Ignatova, O.N. Polukhin, and V.P. Rimsky. Belgorod: LLC "EPICENTRE", 252 p.
- Marxism and Modernity: Alternatives of the 21st Century. 2018. Materials of the International Scientific Conference. April 27, 2018. Edited by T. E. Ragozina. Donetsk: DONNTU, 290 p.
- Ragozin N.P. 2017. The Metamorphosis of Science in the Era of Capital. *Culture and Civilization (Donetsk) Scientific Journal*, 1(5): 7-22.
- Ragozin N.P. The Birth of the Idea of the University in German Classical Philosophy. Part 1. *Science. Art. Culture*, 3(15): 66-75.
- Ragozin N.P. 2018. Justification of the Idea of the University in German Classical Philosophy. Part 2. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Law"*, 43(2): 215-220.
- Ragozin N.P. 2018а. The Problem of Violence: Social and Philosophical and Moral and Ethical Aspects. *Science. Art. Culture*, 3(19): 49-57.
- Rimsky V.P. 2017. Days of sorrow and sorrow: Novels, short stories, essays. Moscow: Summer Garden, 512 p.
- Rimsky V.P. 2019. How is Russian philosophical hermeneutics possible? *Questions of philosophy*, 10: 27-31.

- Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2018. Understanding intellectual labor by K. Marx and P. Bourdieu. In: *Marxism and Modernity: Alternatives of the 21st Century. Materials of the international scientific conference. April 27, 2018.* Ed. Ragozina T.E. Donetsk: GOUVPO DONNTU. Pp. 36-44.
- Rimsky V.P., Abbasov R.G. 2018. 1968: The First Subcultural Revolution. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Law"*, 43(3): 437-442.
- Rimsky V.P., Abbasov R.G. 2018a. Subcultural Revolutions in Cultural and Historical Typology. *Science. Art. Culture*, 3 (19): 5-23.
- Rimsky V.P., Rimskaya O.N., Myulgaupt K.E. 2018. Philosophical and Theological Meanings of the Polemics between I.A. Ilyin and L.N. Tolstoy. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series "Philosophy. Sociology. Law"*, 43(4): 782-787.
- Rimsky V.P., Rimskaya O.N., Myulgaupt K.E. 2018a. Logical and Philosophical Meanings of the Polemics of I.A. Ilyin and L.N. Tolstoy. *Izvestiya of Tula State University. Humanities*, 4: 112-123.
- Russian Philosophy in Russia and the World. 2019: Coll. monograph. Sc. ed. V.V. Varava. – M.: United Movement “Russian Philosophy”, 196 p.
- Philosophy of War and Peace, Violence and Non-Violence. 2019. Ed. V.P. Rimsky. Moscow: Academic Project, 462 p. (Philosophical Technologies).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.03.2025

Поступила после рецензирования 12.06.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 12, 2025

Revised June 12, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor P. Rimskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 004.8:130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-273-277

EDN ZCMNIN

История искусственного интеллекта: нарратив на пересечении техники и философской рефлексии (рецензия на книгу: Masayuki Ida. A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology. Springer, 2024. 333 p.)

Беляев Д.А., Кошман Н.А.

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

dm.a.belyaev@gmail.com

Аннотация. В монографии японского программиста и исследователя компьютерных наук Масаюки Иды «Нарративная история искусственного интеллекта: вечный рубеж информационных технологий» происходит конвергенция технического и философского дискурсов в рассмотрении истории искусственного интеллекта. В рецензии артикулируется основная цель книги – нарративная экспликация технологической истории ИИ, сопровождающаяся актуализацией различных философских топик и проблем. Реконструируется основная предметно-тематическая направленность каждой главы книги, охватывающих основные вехи аппаратной и программной истории искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется авторским философским рефлексиям и вопросам, возникающим у М. Иды применительно к каждому этапу генезиса технологий ИИ. Подчеркивается важность книги для философского дискурса осмысления теоретического концепта и социокультурного феномена искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, философия техники, компьютерные технологии, философия искусственного интеллекта, системы искусственного интеллекта в культуре, философские проблемы искусственного интеллекта

Для цитирования: Беляев Д.А., Кошман Н.А. 2026. История искусственного интеллекта: нарратив на пересечении техники и философской рефлексии (рецензия на книгу: Masayuki Ida. A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology. Springer, 2024. 333 p.). *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 51(1): 273–277. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-273-277 EDN: ZCMNIN

The History of Artificial Intelligence: A Narrative at the Intersection of Technology and Philosophical Reflection (Review of the Book: Masayuki Ida. A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology. Springer, 2024. 333 p.)

Dmitriy A. Belyaev, Nikolay A. Koshman

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shansky

42 Lenina St., Lipetsk 398020, Russian Federation

dm.a.belyaev@gmail.com

Abstract. The monograph by Japanese programmer and computer science researcher Masayuki Ida's “A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology” converges

technical and philosophical discourses in considering the history of artificial intelligence. The review articulates the main aim of the book – a narrative explication of the technological history of AI, accompanied by the actualization of various philosophical topics and problems. The main subject-thematic orientation of each chapter of the book is reconstructed, covering the main milestones of hardware and software history of artificial intelligence. Special attention is paid to M. Ida's philosophical reflections and questions arising in relation to each stage of the genesis of AI technologies. The paper emphasizes the importance of the book for the philosophical discourse of comprehension of the theoretical concept and socio-cultural phenomenon of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, philosophy of technology, computer technology, philosophy of artificial intelligence, artificial intelligence systems in culture, philosophical problems of artificial intelligence

For citation: Belyaev D.A., Koshman N.A. 2026. The History of Artificial Intelligence: A Narrative at the Intersection of Technology and Philosophical Reflection (Review of the Book: Masayuki Ida. A Narrative History of Artificial Intelligence: The Perpetual Frontier of Information Technology. Springer, 2024. 333 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology, Law*, 51(1): 273–277 (in Russian) DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-273-277 EDN: ZCMNIN

Наша рецензия посвящена монографии японского исследователя Масаюки Иды «Нарративная история искусственного интеллекта: вечный рубеж информационных технологий», изданной в 2024 году. М. Ида имеет степень Ph.D в области технических наук, является почетным профессором университета Аояма Гакуин в г. Токио, специализируясь на компьютерных науках и информационных системах. Он имеет опыт практического программирования ранних систем искусственного интеллекта (ИИ), занимался прикладным внедрением в корпоративном сегменте программ на основе ИИ.

Основная цель исследования – нарративная экспликация технологической истории ИИ, сопровождаемая актуализацией различных философских тем и вопросов. Книга Иды представляет особый интерес в качестве взгляда технического специалиста и ученого-практика на генезис технологий ИИ с фиксацией и хронологически релевантной расстановкой вопросов философского порядка. Автор на конкретном примере истории ИИ демонстрирует неизбежность корреляции развития техники и возникновения на определенных рубежах философских рефлексий.

Методологически Ида опирается на разнообразные формы аналитических процедур. Идиостиль автора можно охарактеризовать как академический, информативный и повествовательный, базирующийся на многофакторном анализе и междисциплинарном подходе. Метаязык монографии отражает стремление Иды к ясности, точности и доступности, что позволяет, в целом, успешно балансировать между научной глубиной и популярным изложением.

Первая глава книги посвящена детальному рассмотрению начального этапа возникновения технологий ИИ и самых первых лет их развития в корреляции с динамикой электронных вычислительных машин. Важно, что Ида не ограничивается простой хронологической фактологией технических изобретений и разработок, а пытается философски осмыслить, как мечты о создании «искусственного разума» формировались параллельно с техническим прогрессом в области компьютерных технологий. При этом он показывает стыковку, диалоговую переключку технических инноваций и философских вопросов, центрирующихся вокруг тематики интеллекта. Более того, даже рассматривая ключевых исследователей в области ИИ этого периода – Дж. Неймана, М. Минского, Дж. Маккарти и Г. Саймона, японский мыслитель анализирует их работу в контексте актуальных для того времени философских идей (р. 18-30). Он постоянно подчеркивает, что даже в формально технических аспектах всегда, хотя бы имплицитно, присутствовал философский подтекст.

Основной авторский тезис этой части работы заключается в утверждении, что ИИ, помимо своего технического измерения, изначально воспринимался в качестве философского проекта, который создавал новую оптику рассмотрения и определения сущности, прежде всего, человеческого интеллекта. Кроме того, японский мыслитель предлагает взгляд на развитие ИИ через призму «вечных рубежей» информационных технологий, постоянной динамики от одного вызова к новому открытию (р. 40).

Далее, в содержательном плане, думается, будет уместно объединить рассмотрение второй и четвертой глав в единый исследовательский кластер. В них Ида сосредотачивает внимание на описании аппаратно-программного технологического прогресса компьютерных технологий в 60-90 гг. XX столетия. Здесь автор уже показывает прямой технологический диалог между разработками в области ИИ и информационными технологиями в целом. Специально подчеркивается, что ИИ, как технологическое направление, уже на начальном этапе своего развития выступало не только «потребителем», развивающемся на базе имеющихся компьютерных платформ, но и драйвером их развития (р. 46-47). Ида выстраивает концепцию технически-контекстуального понимания ИИ в качестве «пограничного авангарда» информационных технологий вообще (р. 82-83). Более того, он показывает, как в результате освоения того или иного метода ИИ, он становится общей частью компьютерных технологий, теряя прямую ассоциацию с областью ИИ (р. 152-153). Тем самым поднимается философский вопрос идентичности искусственного интеллекта в контексте IT-технологий в целом, отмечая размывание маркеров его определенности в истории науки и техники.

Предметное рассмотрение в третьей главе центрируется на языке программирования «Lisp», истории его возникновения, особенностях логики и последующей эволюции. «Lisp» действительно занимает особое место в истории ИИ, став первым языком программирования, ориентированным на символьные вычисления, позволившим работать с рекурсивными функциями и универсальными вычислениями [Russell, Norvig, 2021, р. 18-20]. Здесь важно напомнить, что именно символьная модальность интерпретации ИИ была парадигмальной вплоть до 90-х гг. XX столетия [McCorduck, 2004, р. 224-226]. Соответственно, понимание принципов организации «Lisp» позволяет изнутри взглянуть на первые эксперименты в области ИИ-технологий. По ходу главы Ида часто обращается к работам Дж. Маккарти – создателю «Lisp». Это позволяет узнать о тонкостях организации языка из его первоисточника. Японский автор подробно описывает различные форматы применения «Lisp», убедительно доказывая, что он стал программной платформой для создания широкого спектра специализированных систем – *Advice Taker*, *Symbolics* и *LMI*, которые использовались в различных областях, от графики до кредитных систем. Также Ида уделяет значительное внимание роли «Lisp» в развитии объектно-ориентированного программирования, которая им оценивается как «философский прорыв, который показал, каким образом объектно-ориентированные принципы могут быть интегрированы в функциональный язык» (р. 98). Однако наиболее оригинальной идеей в этой части исследования является рассмотрение «Lisp» не только в качестве языка программирования, но как философской и технологической платформы, которая сформировала мышление исследователей ИИ. Ида пишет: «Lisp был не просто инструментом для написания программ, но и средой, которая позволяла исследователям экспериментировать с идеями, которые ранее казались невозможными» (р. 102).

Пятая глава монографии японского автора посвящена на сегодня самой массово популярной форме реализации технологий ИИ – нейронным сетям. Для людей, специально не погруженных в контекст нейросетевого моделирования, эта технология представляется предельно новаторской, появившейся в широком доступе в 2022 году. Более того, сам ИИ сейчас в массовом сознании ассоциируется, прежде всего, с разнообразными генеративными языковыми моделями (например, ChatGPT), построенными на основе нейросетевой программной архитектуры [Roumeliotis, Tselikas,

2023]. Соответственно, ИИ, зачастую, отождествляется с компьютерными нейросетями и даже сводится исключительно к ним. В этой связи исследовательская оптика рассмотрения нейросетевой технологии ИИ в широкой и достаточно детализированной исторической перспективе представляется весьма эвристически полезной.

Ида показывает, что сама технология нейронных сетей в исследовательском дискурсе ИИ появляется уже в начале 80-х годов. В качестве примера он рассматривает разработанный К. Фукусимой неокогнитрон, ставший предшественником современных глубоких нейронных сетей. Его концептуальная технологическая новизна заключалась в том, что он «обладал функцией самоорганизации и способностью распознавания образов через самообучение» (р. 181), что, в свою очередь, потенциально позволяло преодолеть многие фундаментальные ограничители символично-логических систем ИИ. Далее Ида отмечает изобретение первой сверточной сети Я. Лекуном в 1989 г., которая была способна распознавать рукописные цифры, что уже открывало путь к распознаванию изображений (р. 183). Одновременно изобретаются рекуррентные нейронные сети, позволявшие программе запоминать долгосрочные зависимости. Это открытие стало важным шагом в качественном совершенствовании обработки естественного языка и исполнении других контекстуально зависимых задач. Наконец, завершается глава обсуждением уже современных нейросетевых платформ – генеративных предобученных трансформаторов, построенных на базе больших языковых моделей. Именно они и произвели современную революцию в области обработки естественного языка и получили сегодня широкую известность в формате различных чат-ботов.

Во всем этом рассмотрении особенно важно, что Ида не просто последовательно описывает технические достижения в области компьютерных нейросетей, он показывает когерентную связь между ними. Например, он подчеркивает, что «неокогнитрон стал источником вдохновения для последующих сверточных нейронных сетей» (р. 181), позволяя увидеть взаимосвязанность и преемственность между ранними и современными подходами. Также, с учетом того, что нейросетевые системы смогли значительно повысить свою степень автономности от оператора, Ида задается философским вопросом о понимании автономного существования для компьютерных систем (р. 221). И насколько оно будет (или нет) отличаться от, собственно, человеческого.

Следующая глава посвящена рассмотрению эволюции систем ИИ в обработке естественных языков и начинается с философского вопроса: «Понимают ли машины смысл предложений?» (р. 225). Ида на конкретных примерах развития систем машинного перевода и языковых моделей показывает колоссальный технологический прогресс в этой области. При этом современные системы демонстрируют принципиально иной качественный уровень работы с языком. Теперь генеративным моделям доступен сложный мультимодальный и семантический анализ текстов. Кроме того, Ида обращает внимание, что по мере совершенствования технологий работы с языком все большее значение начинают приобретать философские вопросы, связанные с сущностью понимания. И если на начальном этапе развития систем ИИ от этой проблемы (ее наиболее отчетливо артикулировал Д. Серл [Searle, 1980]) можно было сравнительно легко отмахнуться, т.к. она была весьма умозрительной и нерелевантной возможностям тогдашних возможностей «машинного разума», то теперь, когда языковое оперирование любой генеративной модели принципиально не отличается от человеческих, это вопрос предельно актуализировался. Возможно, отмечает японский автор, сейчас мы являемся свидетелями рождения принципиально новой, компьютерно-нейронной модальности понимания текстов.

Наконец, в последней главе книги Ида говорит об актуальных системах ИИ, как важной части современной технокультуры, и намечает перспективы их ближайшего развития. Здесь автор вновь возвращается к идее «вечных рубежей», указывая на постоянный диалог исследовательской программы ИИ и информационных технологий от

одного рубежной границы к другой. С учетом современного отраслевого и социокультурного масштабирования ИИ, в том числе в сферы, связанные с принятием социально значимых решений, актуализируется философская тема ответственности «машинного разума». Ида отмечает, что проблема ответственности ИИ в среднесрочной перспективе станет предметом широкой общественной дискуссии и потребует практического решения (р. 308-309).

В качестве частной критики следует отметить подчас чрезмерную акцентуацию автора на технических деталях истории ИИ (например, описание архитектуры *AlexNet* (р. 208)). Однако, эти отдельные технические «перегибы» кажутся вполне естественными, с учетом профессиональной специализации автора. К тому же, они не оказывают существенного влияния на восприятие общего замысла и философских интерпретаций японского мыслителя. Обозначенная нами диалоговая конвергенция технически-прикладного и философски-ценностного модусов рассмотрения ИИ в исследовании Масаюки Иды особенно ценна, представляя интерес как для социально-гуманитарного, так и технического дискурсов об искусственном интеллекте.

Список литературы

- McCorduck P. 2004. *Machines Who Think*. Natick, MA, A.K. Peters, Ltd, 554 p.
Roumeliotis K.I., Tselikas N.D. 2023. ChatGPT and Open-AI Models: A Preliminary Review. *Future Internet*, 15(6): 192. DOI: <https://doi.org/10.3390/fi15060192>
Russell S.J., Norvig P. 2021. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Hoboken, Pearson. 1115 p.
Searle J. 1980. Minds, Brains and Programs. *Behavioral and Brain Sciences*, 3(3): 417-457.

References

- McCorduck P. 2004. *Machines Who Think*. Natick, MA, A.K. Peters, Ltd, 554 p.
Roumeliotis K.I., Tselikas N.D. 2023. ChatGPT and Open-AI Models: A Preliminary Review. *Future Internet*, 15(6): 192. DOI: <https://doi.org/10.3390/fi15060192>
Russell S.J., Norvig P. 2021. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Hoboken, Pearson. 1115 p.
Searle J. 1980. Minds, Brains and Programs. *Behavioral and Brain Sciences*, 3(3): 417-457.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.03.2025

Поступила после рецензирования 12.06.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received March 12,2025

Revised June 12,2025

Accepted February 28,2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Кошман Николай Анатольевич, соискатель кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitriy A. Belyaev, Doctor in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Theology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia.

Nikolay A. Koshman, Applicant Department of Philosophy, Political Science and Theology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia.

УДК 111.85
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-278-280
EDN ZLKNSI

Собирая досье
(рецензия на книгу: Подорога В. Кинематограф. Сновидение.
Психоанализ. Москва : Des Esseintes Press, 2025. 336 с.)

Толстикова Е.В.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Королева, д. 7
sansadanya23@yandex.ru

Аннотация. Лекции, прочитанные в Московской школе нового кино в 2014–2015 годах охватывают темы искусства, кинематографа и литературы через призму психоанализа. Курс из восемнадцати лекций, связывает кинематограф со сновидением, что является основным объектом психоанализа. Подорога рассматривает кинематограф как способ работы с бессознательным. Также им вводится концепция экрана и рамки как организующих восприятие элементов. Экран рассматривается как информация, которую невозможно контролировать, а рамка как манипулятивное средство. Автор показывает, что эти элементы могут образовывать разные конфигурации, влияя на жанр и авторское прочтение фильма. В заключительных лекциях Подорога анализирует сновидения и экран сознания, который переводит «сновидческую энергию» в понятные формы. Психоанализ собирает образы сновидений, соединяя их в сознании человека. Такой подход демонстрирует изменение психоаналитического метода и его дополнение культурным и историческим контекстом.

Ключевые слова: философия, культура, кинематограф, психоанализ, сновидение, экран, камера, сцена, память

Для цитирования: Толстикова Е.В. 2026. Собирая досье (рецензия на книгу: Подорога В. Кинематограф. Сновидение. Психоанализ. Москва : Des Esseintes Press, 2025. 336 с.). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(1): 278–280. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-278-280 EDN: ZLKNSI

Collecting a Dossier
(Review of Book: Podorogi V. Cinema. A dream. Psychoanalysis.
Moscow : Des Esseintes Press, 2025. 336 p.)

Ekaterina V. Tolstikova,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Korolev St., Belgorod 308015, Russia
sansadanya23@yandex.ru

Abstract. The review is dedicated to the book by the famous Russian philosopher Valery Podoroga. The lectures delivered at the Moscow School of New Cinema in 2014–2015 cover the topics of art, cinema and literature through the prism of psychoanalysis. A course of eighteen lectures connects cinema with dreams, which is the main object of psychoanalysis. Podoroga sees cinema as a way of working with the unconscious. He also introduces the concept of a screen and a frame as elements that organize perception. The screen is considered as information that cannot be controlled, and the frame is perceived as a manipulative tool. The author shows that these elements can form different configurations, influencing the genre and the author's interpretation of the film. In the final lectures, Podoroga analyzes dreams and the screen of consciousness, which translates "dream energy" into understandable forms. Psychoanalysis

collects dream images, connecting them in the human mind. This approach demonstrates a change in the psychoanalytic method and its addition to the cultural and historical context.

Keywords: philosophy, culture, cinema, psychoanalysis, dreaming, screen, camera, scene, memory

For citation: Tolstikova E.V. 2026. Collecting a Dossier (Review of Book: Podorogi V. Cinema. A dream. Psychoanalysis. Moscow : Des Esseintes Press, 2025. 336 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 278–280 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-278-280 EDN: ZLKNSI

Валерий Подорога является автором, книги которого достаточно регулярно выходят в ведущих издательствах. Тем не менее прошло десять лет с момента прочтения им лекций в Московской школе нового кино в 2014–2015 годах, до опубликования их сокращенного варианта [Подорога, 2025]. Сразу отметим, что круг вопросов, поднимаемых в лекционном курсе, пересекается с другими работами автора. В широком смысле это рефлексия искусства, кинематографа и литературы прежде всего средствами психоанализа, затронутая в работах «Второй экран. Сергей Эйзенштейн и кинематограф насилия», а также «Литература как самосознание. Опыт Андрея Белого», «Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства» и других [Подорога, 2017; 2020; 2022]. Однако мы считаем правильным отдельно рассмотреть курс лекций, отличающийся от перечисленных книг как жанрово и структурно (лекции обладают собственно спецификой и обуславливают акценты и необходимый контекст), так и содержательно-методологически. Вопрос о том, как автор подходит к кинематографу, анализирует его в контексте «большой» культуры и искусства, будет слишком прост, если остановиться только на психоанализе. Тогда ответ дан уже в названии, прямо указывающем на психоанализ, в том числе концептами сновидения, желания и нехватки. Наша цель, помимо обзора, состоит в выявлении авторской методологической модели.

Весь лекционный курс состоит из 18 тем, от вводной до заключительной, названной «Градива» и посвященной фрагменту биографии З. Фрейда. Можно сказать, что логика повествования последовательно реализуется от установления связи между кинематографом и сновидением до ее продления к ключевым антропологическим феноменам, страху и боли. И это первая топка курса, объединяющая лекции с первой по шестую, – чрезвычайно важная, поскольку позволяет рассматривать кинематограф через сон, являющийся, в свою очередь, основным в психоанализе. Основной объект изучения и анализа – та материя, которая позволяет что-либо сказать о бессознательном, сделать его явным с одной стороны, а с другой психоаналитику «работать» с ним. Работа с бессознательным, в свою очередь, позволяет говорить о насилии, страхе и боли как базовых явлениях, преодолеваемых через символизацию бессознательного. И кинематограф, как техно-сон, также имеет к этому непосредственное отношение через собственные способы работы с воображаемым [Борисов, 2012]. И если связь между сном и кинематографом не является оригинальной [Мазин, 2012], то В.А. Подорога предлагает новый аспект такой связи. С седьмой по тринадцатую лекции он вводит и развивает множественное представление об экране и рамке, где экран – это «просто информация, зрительная информация, которая приходит к нам через экран и которую мы не можем контролировать», а рамка «манипулятивное средство, которое связано не только с экспозицией самого экрана, но и с работой камеры» [Подорога, 2025, с. 164]. Причем экран и рамка как организующие наше восприятие могут также образовывать разные конфигурации, при которых жанр (рамка) преобладает и поглощает экран или, наоборот, когда авторский кинематограф (и взгляд) отдает приоритет экрану и разрушает рамку, выходит за границы жанра. Возможны и другие вариации соотношения экрана и рамки, что позволяет сделать общий вывод о том, что кинематограф радикальным образом организует наше восприятие, в том числе формируя «общее чувство», осмысленное в философском дискурсе через категорию возвышенного. При этом возвышенное Подорога

понимает в духе философии Канта как «отношение человека к собственному страху» [Подорога, 2025, с. 189]. Кинематограф разыгрывает насилие и вызывает у зрителя страх, мотивируя его жанровой или авторской логикой, что позволяет выстроить параллели между экраном кинозала и экраном нашего сознания. Последний анализируется автором в заключительных лекциях, посвященных сновидениям. Экран сознания спящего человека также множественен и функционирует как «машина» перевода «сновидческой энергии» в понятные нам формы [Подорога, 2025, с. 309], но понятные потому, что психоанализ определенным образом выстраивает с ними «работу». Подорога пишет о ней как о сборе досье, фиксации отдельных «фактов» – образов сновидения, часто непонятных и неясных, но соединяемых в общее «дело» с сохранением своих локальных противоречий. Такой анализ кинематографа демонстрирует авторский подход, изменяющий психоаналитический метод, а также дополняющий его широким культурным и историческим контекстом, в котором фильмы С. Эйзенштейна или Д. Вертова имеют собственную структуру, резонирующую с общекультурными процессами и историческими событиями, как русский авангард и Октябрьская революция.

Список литературы

- Борисов С.Н. 2012. «Революция» после революции: символическое насилие в русском кинематографе 30-х гг. XX века. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 20(139): 136-143.
- Мазин В. 2012. Сновидения кино и психоанализа. СПб., Скифия-принт, 256 с.
- Подорога В.А. 2022. Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М., Новое Литературное Обозрение, 224 с.
- Подорога В.А. 2017. Второй экран. Сергей Эйзенштейн и кинематограф насилия. Том 1. Зеркальная подпорка. Материалы к психобиографии. М., Вреус, 352 с.
- Подорога В.А. 2020. Литература как самосознание. Опыт Андрея Белого. М., РИПОЛ классик, 342 с.

References

- Borisov S.N. 2012. "Revoljutsija" posle revoljutsii: simvolicheskoe nasilie v rusском kinematografe 30-kh gg. XX veka ["Revolution" after the Revolution: Symbolic Violence in Russian Cinema of the 1930s]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sotsiologija. Pravo*, 20(139): 136-143.
- Mazin V. 2012. Snovidenija kino i psikhoanaliza [Dreams of Cinema and Psychoanalysis]. St. Petersburg, Skifija-print, 256 p.
- Podoroga V.A. 2022. Vozvyshennoe. Posle padenija. Kratkaja istorija obshchego chuvstva [The Sublime. After the Fall. A Brief History of Common Sense]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obzrenie, 224 p.
- Podoroga V.A. 2017. Vtoroj ekran. Sergej Eizenshtein i kinematograf nasilija. Tom 1. Zerkal'naja podporka. Materialy k psikhobiografii [The Second Screen. Sergei Eisenstein and the Cinema of Violence. Vol. 1. The Mirror Prop. Materials for a Psychobiography]. Moscow, Breus, 352 p.
- Podoroga V.A. 2020. Literatura kak samosoznanie. Opyt Andreja Belogo [Literature as Self-Consciousness. The Experience of Andrei Bely]. Moscow, RIPOL klassik, 342 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.06.2025

Поступила после рецензирования 19.09.2025

Принята к публикации 28.02.2026

Received June 19, 2025

Revised September 19, 2025

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толстикова Екатерина Викторовна, преподаватель кафедры вокального искусства, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Tolstikova, Lecturer at the Department of Vocal Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.